Философия права

№ 2 (113) **2025**

Научно-теоретический журнал
Издается с апреля 2000 года
Выходит четыре раза в год
Журнал зарегистрирован в Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 17 октября 2017 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-71314

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Бредихин А.Л.
«ПРАВО СДЕЛАТЬ ЗАМЕЧАНИЕ» С ПОЗИЦИИ ЗАКОНА 7
Гищенко П.И.
ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 12
Гусарова М.А.
К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ОБРАЗОВ ПРАВА И ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ 17
Желдыбина Т.А.
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА 24
Игнатенко В.В.
ВНЕПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ 29
Карнаушенко Л.В.
РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ 39
Макаренко С.Н., Литвинова Ю.И., Курилкина О.А.
КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ 44
Хужина О.Н.
ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ПРАВОВОГО НАСЛЕДИЯ 51

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Афонин В.В., Понежина Л.Ю., Кучерова Е.П.
К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ КАК СРЕДСТВУ НАДЗОРА ЗА ДОРОЖНЫМ ДВИЖЕНИЕМ 56

Давыдов М.В., Лубский Р.А.
ДОСМОТР ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ 62
Давыдова С.А., Бабенко С.В., Позднышов А.Н.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЛИЧНОГО ДОСМОТРА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ 69
Днепровская Д.Н., Григорянц С.А., Соболевская Н.Ю.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ 75
Смоленский М.Б., Тишкин Д.Н., Кучерова Е.П.
ПРЕЗУМПЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ 81
Тамазова А.Д.
ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ 88

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Амелина Т.А.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 92
Негодаева Е.Г., Федоренко Н.В.
О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ 96
Рыбалка Е.А.
ИНСТИТУТ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ 102
Симагин А.С.
НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕССА 108

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Гайсин Н.И.
К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТНЫХ АКТИВОВ 113
Григорян Д.К., Иванов В.А.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ 119
Калиоропуло А.Е.
ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА 125
Кобец П.Н.
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ АКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРА В АВИАЦИОННОЙ ОТРАСЛИ 131
Кузнецов А.А.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 138
Максимов М.И.
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА 146
Россинский С.Б.
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ФИЛОСОФИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ 151
Тарасенко Е.Н.
АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ МИГРАНТАМИ 161

Тюнь А.А.
ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ 167
Хагур Ю.А.
ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ САМОУПРАВСТВА 173
Харисова З.И.
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ХРАНЕНИЯ, ОБРАБОТКИ ИЛИ ПЕРЕДАЧИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ 180
Чиненов Е.В.
РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА ВЕНИАМИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ГАВЛО И ПРОФЕССОРА ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА КОМАРОВА В РОДОВОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ 188

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ (ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Скороходова В.П.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ 194

5.7.7. СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Акиева П.Х.
«ФОРМУЛА РАДБРУХА», ИЛИ О КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ 202
Беспалова Т.В., Собакарева Е.В.
МИССИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРОЦЕССАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ 206
Контарев А.А.
КОДЕКС ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ 214
Крицкая А.А., Шумилина А.Б., Малявина А.Б.
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ 221
Плотников В.В., Тумин А.Ю.
СВОЕВРЕМЕННОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К ИДЕЕ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ 229

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Исмаилов А.Ю.
ОБРАЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО В КОНТЕКСТЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ 235

Главный редактор:
Д.В. Тишин, канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов, доктор юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

И.Е. Абрамова, д-р полит. наук, проф.;
П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
В.М. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданян, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, доц.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильяшенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р истор. наук, проф.;
А.А. Контарев, д-р филос. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Кузина, д-р полит. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, доц.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Е.Е. Несмеянов, д-р филос. наук, проф.;
Г.Г. Небратенко, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
Т.С. Оленич, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Паниотова, д-р филос. наук, проф.;
К.А. Плясов, д-р юрид наук, доц.;
А.В. Понеделков, д-р полит. наук, проф.;
В.Б.Рожковский, д-р филос. наук, доц.;
С.Б.Россинский, д-р юрид. наук, доц.;
Е.А. Рыбалка, д-р филос. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид.наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель – Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»
Адрес редакции, издателя: 344015, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83; тел.: 8 (863) 207-86-34
Электронная почта: vkovalchuk8@mvd.ru
Официальный сайт журнала: https://рюи.мвд.рф

Оформить подписку на журнал можно через интернет-каталоги www.akc.ru и www.pressa-rf.ru
Индекс – 79848.
Цена свободная.

Выпускающий редактор: В.А. Ковальчук
Корректор: Л.Н. Кожоридзе

Подписано в печать 26.06.2025. Выход в свет 30.06.2025.
Формат 60х84 1/8. Объем 30 п. л. Набор компьютерный.
Гарнитура Times New Roman. Печать лазерная. Бумага офисная. Усл.-печ. л. 27,9. Первый завод 106. Тираж 300 экз. Заказ № 111.

Отпечатано в ГПиОП НИиРИО ФГКОУ ВО РЮИ МВД России.
344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

16+

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bredikhin A.L. «RIGHT TO MAKE A REMARK» FROM THE LAW POSITION....7
Gishchenko P.I. POLITICO-IDEOLOGICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC....12
Gusarova M.A. ON THE ISSUE OF MYTHOLOGICAL SOURCES OF IMAGES OF LAW AND POWER IN THE RUSSIAN LEGAL CULTURE....17
Zheldybina T.A. THE SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN LAW-MAKING....24
Ignatenko V.V. EXTRALEGAL FEATURES OF EVALUATIVE CONCEPTS IN LAW: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT....29
Karnaushenko L.V. RUSSIAN STATEHOOD AS A SUBJECT OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING....39
Makarenko S.N., Litvinova Y.I., Kurilkina O.A. COLLECTIVE CONSCIOUSNESS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A LEGAL CULTURE OF PERSONALITY....44
Khuzhina O.N. TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CONTEXT OF THE SOVIET LEGAL HERITAGE....51

5.1.2. PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Afonin V.V., Ponezhina L.Yu., Kopyl D.V. ON THE ISSUE OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES AS A MEANS OF TRAFFIC SURVEILLANCE....56
Davydov M.V., Lubsky R.A. VEHICLE INSPECTION AS A MEASURE TO ENSURE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES USED IN POLICE ACTIVITIES: IMPLEMENTATION FEATURES AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE....62
Davydova S.A., Babenko S.V., Pozdnyshov A.N. CURRENT ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF THE PERSONAL SEARCH CARRIED OUT BY PATROL OFFICERS IN THE SUPPRESSION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES....69
Dneprovskaya D.N., Grigoryants S.A., Sobolevskaya N.Yu. LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN MODERN RUSSIA....75
Smolensky M.B., Tishkin D.N., Kucherova E.P. PRESUMPTIONS IN FAMILY LAW: HISTORICAL DEVELOPMENT, GOALS AND PROSPECTS OF APPLICATION....81
Tamazova A.D. ON CERTAIN ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE LEGISLATIVE ASSEMBLY OF THE KRASNODAR TERRITORY IN THE FIELD OF CHILD SAFETY....88

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Amelina T.A. CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE APPLICATION OF MITIGATING CIRCUMSTANCES WHEN BRINGING TO ADMINISTRATIVE LIABILITY....92
Negodaeva E.G., Fedorenko N.V. ON SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF HANDLING SOLID MUNICIPAL WASTE....96
Rybalka E.A. THE INSTITUTE OF ALIMONY OBLIGATIONS: FROM THE PAST TO THE PRESENT....102
Simagin A.S. APPOINTMENT OF A FORENSIC EXAMINATION IN THE COURT OF APPEAL IN CIVIL CASES IN THE CONTEXT OF AN ADVERSARIAL PROCESS....108

5.1.4. CRIMINAL LAW SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Gaisin N.I. ON THE ISSUE OF THE ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE THEFT OF CRYPTOCURRENCY ASSETS....113
Grigoryan D.K., Ivanov V.A. HIGH TREASON: ANALYSIS OF MODERN FEATURES DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION....119
Kalioropulo A.E. INTERROGATION OF A SUSPECT IN THE ABUSE OF POWER IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE DEFENSE ORDER....125
Kobets P.N. IMPROVING ACTIVITIES TO PREVENTE ACTS OF INTERNATIONAL TERROR IN THE AVIATION INDUSTRY....131
Kuznetsov A.A. TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS OF RESPONSIBILITY IN CRIMINAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE LAW AT THE PRESENT STAGE....138

Maximov M.I. THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION 146
Rossinsky S.B. CRIMINAL PROCEDURE: PHILOSOPHY OF PROOF 151
Tarasenko E.N. ACTUAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF MERCENARY VIOLENT CRIMES COMMITTED BY MIGRANTS 161
Tyun A.A. FEATURES OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY IN THE INVESTIGATION OF IATROGENIC CRIMES 167
Khagur Yu.A. FEATURES OF PREVENTION OF ARBITRARINESS 173
Kharisova Z.I. CRIMINALISTIC MODEL OF VIOLATIONS OF THE RULES FOR THE OPERATION OF STORAGE, PROCESSING, OR TRANSMISSION OF COMPUTER INFORMATION AND INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS 180
Chinenov E.V. IMPLEMENTATION OF THE IDEAS OF PROFESSOR VENIAMIN KONSTANTINOVICH GAVLO AND PROFESSOR IGOR MIKHAILOVICH KOMAROV IN THE GENERIC CRIMINALISTIC METHODOLOGY FOR INVESTIGATING ECONOMIC CRIMES COMMITTED IN RAILWAY TRANSPORT 188

5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES (POLITICAL SCIENCES)

Skorokhodova V.P. POLITICAL STABILITY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER WESTERN SANCTIONS 194

5.7.7. SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Akieva P.Kh. «THE RADBRUCH FORMULA» OR THE CONFLICT BETWEEN JUSTICE AND LEGAL CERTAINTY 202
Bespalova T.V., Sobakareva E.V. MISSION OF THE RUSSIAN COSSACKS IN THE PROCESSES OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF RUSSIA 206
Kontarev A.A. THE CODE OF POLICE ETHICS IN THE CONTEXT OF SOCIAL DUTY 214
Kritskaya A.A., Shumilina A.B., Malyavina A.B. STATE-LEGAL ASPECTS OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS 221
Plotnikov V.V., Tumin A.Y. TIMELINESS OF APPEALING TO THE IDEA OF SERVICE TO THE FATHERLAND IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE 229

5.7.8. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE (PHILOSOPHICAL SCIENCES)

Ismailov A.Yu. THE IMAGE OF A POLICE OFFICER IN THE CONTEXT OF GOOD FAITH: A PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL IDENTITY 235

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 7–11.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 7–11.

Научная статья
УДК 340.1

«ПРАВО СДЕЛАТЬ ЗАМЕЧАНИЕ» С ПОЗИЦИИ ЗАКОНА

Бредихин Алексей Леонидович
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, axel_b@mail.ru

Введение: *в настоящей статье исследуется «право на замечание» как мнимое право одного человека указывать другому на нарушение социальных и правовых норм. Такое условно обозначаемое «право сделать замечание» часто приводит к агрессивной реакции адресата реализации воображаемого права и влечет серьезные правовые последствия для обеих сторон взаимодействия.*

Материалы и методы: *методическую основу исследования составил формально-правовой метод с использованием общенаучных методов анализа, синтеза, индукции и дедукции.*

Результаты исследования: *автор анализирует правовую природу и оценивает правовые основания такого «права сделать замечание» и приходит к выводу, что граждане, не наделенные специальным статусом и полномочиями, не имеют права делать замечания другим людям. Наоборот, это является вторжением в личную неприкосновенность и часто наносит вред человеческому достоинству.*

Выводы и заключения: *в заключение предлагается авторское определение термина «замечание» как правового явления. Обращается внимание на то, что мнимое «право сделать замечание» стало социальной проблемой и требует соответствующей работы в рамках правового просвещения.*

Ключевые слова: *замечание, право сделать замечание, общественный порядок, общественные нормы, человеческое достоинство, неприкосновенность личности.*

Для цитирования: Бредихин А. Л. *«Право сделать замечание» с позиции закона / А. Л. Бредихин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 7–11.*

Original paper

«RIGHT TO MAKE A REMARK» FROM THE LAW POSITION

Bredikhin Alexey Leonidovich
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Introduction: *this article examines the «right to make a remark» as an imaginary right of one person to point out to another the violation of social and legal norms. Such a conventionally designated «right to make a remark» often leads to an aggressive reaction from the addressee of the implementation of the imaginary right and entails serious legal consequences for both parties to the interaction.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study was the formal legal method using general scientific methods of analysis, synthesis, induction and deduction.*

Results of the study: *the author analyzes the legal nature and evaluates the legal grounds for such a «right to make a remark» and comes to the conclusion that citizens who are not endowed with a special status and powers do not have the right to make comments to other people. On the contrary, this is an invasion of personal inviolability and often harms human dignity.*

Findings and conclusions: *in conclusion, the author offers his own definition of the term «remark» as a legal phenomenon. Attention is drawn to the fact that the imaginary «right to make a remark» has become a social problem and requires appropriate work within the framework of legal education.*

Keywords: *remark, right to make a remark, public order, social norms, human dignity, inviolability of the person.*

For citation: Bredikhin A. L. *«Right to make a remark» from the law position / A. L. Bredikhin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 7–11.*

В общественных местах и во взаимодействиях с посторонними людьми нередко возникают ситуации, когда поведение одного человека не соответствует, по мнению другого, общественным нормам или противоречит общественному порядку [1, с. 92–96]. В этом случае нередко делается так называемое замечание в сторону предполагаемого нарушителя.

С одной стороны, такое замечание вполне укладывается в концепцию общественного порядка, когда общество путем взаимодействия и коммуникации устанавливает определенную устраивающую всех систему норм поведения. По мнению Л. Л. Попова, порядок составляют не только правовые и иные социальные нормы с закрепленными в них правилами поведения, а фактически складывающиеся общественные отношения [2, с. 228]. Но, с другой стороны, опираясь на принцип неприкосновенности личности никто не вправе вторгаться в личную сферу человека, за исключением государства (и то лишь в случае нарушения закона или угрозы интересам личности и государства). К сожалению, частыми являются случаи, когда такое «замечание» приводит к трагическим последствиям для обеих сторон возникшего взаимодействия[1].

Если рассматривать данное взаимодействие, возникшее по факту «замечания», с позиции психологии, то его результат и последствия подчиняются определенным закономерностям, зависящим от особенностей личности обеих сторон. Важны интонации, слова, эмоциональный фон и т. д. Однако это не входит в предмет нашего исследования, т. к. нас интересует данное взаимодействие преимущественно с позиции права.

Согласно словарю, слово «замечание» имеет несколько значений: 1) краткое суждение, высказывание по поводу чего-либо; 2) легкий выговор, указание на ошибку[2]. Очевидно, что в рассматриваемом нами случае речь идет именно о втором значении, как указание на недостатки, когда один человек высказывает негативное суждение о поведении и личности другого человека с точки зрения несоответствия его каким-либо правилам или общественным стандартам.

Определим понятие «замечание» в формально-юридическом смысле следующим образом. «Замечание» – это форма указания одним человеком другому (другим) на несоответствие его действий (поведения) общепринятым нормам, общественному порядку или закону, часто сопровождаемое оценкой личности человека в целом. Типичные фразы могут выглядеть следующим образом: «Как вам не стыдно сидеть, когда старый человек стоит!»; «Подними окурок! Кто тебя воспитал таким?»; «Убери машину! Людям не пройти!» и т. п.

Далее по тексту обозначим «замечание» в кавычках, т. к. его значение мы употребляем в строго определенном смысле.

Замечание как юридический факт порождает общественное отношение, которое не всегда можно назвать правовым. Правовое отношение в определенной степени может возникнуть только, если субъект, делающий замечание, наделен соответствующим правом, а адресат наделен соответствующей обязанностью. Например, в форме замечания сотрудник органов внутренних дел вправе сделать замечание с целью предупреждения, пресечения правонарушений или их профилактики и предъявить соответствующие требования. Невыполнение этих законных требований влечет юридическую ответственность по ст. 19.3 Кодекса об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) [3, с. 13–20].

Однако в приведенном примере имеется специальный субъект, наделенный властными полномочиями, поэтому отношения носят властный характер. Сложнее определить правовую сторону, когда во взаимодействие вступают частные лица. Полагаем, что правовые отношения между частными лицами на основании «замечания» могут возникнуть, когда между ними существует правовая связь. Например, имеется заключенный договор и одна сторона в рамках обеспечения выполнения его условий делает соответствующие замечания другой стороне и предъявление законных требований. Такая же ситуация возникает, когда замечание делается с целью предупреждения нарушения со стороны адресата замечания прав личности самого делающего «замечание».

Рассмотренные выше случаи являются вариантами допустимого правомерного обращения с «замечанием». Право сделать «замечание», даже если оно не предусмотрено нормами закона или договора, может прямо проистекать из них, т. к. замечание направлено на обеспечение прав и закон-

[1] См.: Подозреваемого в убийстве из-за замечания о парковке в Москве задержали. URL: https://www.rbc.ru/society/19/04/2024/662250c19a7947479e8bd282?ysclid=m6nevu86kz729723298; Нож в спину: как просьба надеть маску обернулась трагедией; URL: https://www.gazeta.ru/social/2020/11/20/13368475.shtml?ysclid=m6nfkvczz2109602831 (дата обращения: 02.02.2025).

[2] URL: https://kartaslov.ru/значение-слова/замечание (дата обращения: 02.02.2025).

ных интересов непосредственных участников конкретного правового взаимодействия. Очевидно, что игнорирование «замечания» ведет к негативным правовым последствиям, в том числе к юридической ответственности. Допустимое правомерное обращение с «замечанием» чаще всего не порождает конфликтной ситуации.

Наиболее проблемной видится ситуация, когда «замечание» становится поводом к взаимодействию между лицами, которые не имеют правовой связи и их интересы не пересекаются. «Замечание», таким образом, не затрагивает их взаимные права, обязанности и интересы. То есть отношения, порождаемые таким «замечанием», не являются правовыми и не связаны с правовыми. Именно такие случаи становятся причиной возникновения опасных конфликтов и порождают серьезные последствия для обеих сторон спонтанно возникшего взаимодействия.

Действующее законодательство прямо не наделяет граждан правом выступать в роли «контролера» общественного порядка без установления определенного статуса. В России принят Федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка», который определяет две формы организации граждан в области охраны общественного порядка: а) общественное объединение правоохранительной направленности, т. е. не имеющее членства общественное объединение, сформированное по инициативе граждан для участия в охране общественного порядка; народная дружина – основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления. То есть граждане приобретают права и полномочия только в случае участия в таких организациях и действуют строго в рамках названного закона. Несмотря на то, что названный закон критикуется [4, с. 140–147], он позволяет активным гражданам приобрести особый статус и получить официальное дозволение действовать в правовых формах, в том числе получить правомерную возможность делать «замечания» правонарушителям.

В противном случае такого рода «замечания» не имеют правовой природы и правом не санкционированы. Тем не менее правовая оценка для таких случаев необходима.

Предполагаем, что возможны несколько типовых вариантов отношений, связанных со сделанным замечанием:

1. «Замечание» нарушителю общественного порядка. Раздел IX Уголовного кодекса РФ посвящен преступлениям против общественной безопасности и общественного порядка (среди которых наиболее типичным является хулиганство, т. е. грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу); гл. 20 КоАП РФ регулирует ответственности за административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность (здесь ст. 20.1. устанавливает такой состав правонарушения как «мелкое хулиганство», т. е. нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества).

Очевидным является то, что преступления или правонарушения, посягающие на общественный порядок, направлены как против всего общества, так и каждого его члена. Поэтому совершаемое, готовящееся или совершенное противоправное деяние затрагивает любого, кто это наблюдает. То есть несмотря на отсутствие прямого закрепления в законе права человека сделать замечание, такое право (дозволение) возникает из обстановки и естественного права человека на защиту и безопасность. Делая замечание, человек действует в своих интересах и интересах общества либо другого человека. Похожую позицию обозначил Председатель Верховного Суда РФ[3].

2. «Замечание» в сторону гражданина, нарушающего правовые нормы, не связанные с охраной общественного порядка. В данном случае преступления и правонарушения (на стадии приготовления, совершения и после таковых) не посягают на общественный порядок и несмотря на возможную правоту лица, делающего замечание, его интересы правонарушением или фактическими обстоятельствами, возникшими по факту данного правонарушения, непосредственно не затрагиваются. Например, человек делает замечание автомобилисту, неправильно припарковавшему транспортное средство, уповая на то, что, по его мнению, кому-то это помешает.

[3] Верховный суд признал: делать замечание дебоширам не является нарушением. URL: https://rg.ru/2023/02/19/raziasneniia-po-povodu-zamechaniia.html?ysclid=m6neqphhz8332657496 (дата обращения: 07.02.2025).

В рассматриваемом случае право на такого рода «замечание» не предусмотрено законом и не явствует из обстановки. «Замечание» в таком случае воспринимается окружающими как правомерное, и такое поведение будет социально одобряемым, однако это не делает человека защищенным от возможных негативных последствий. Учитывая, что делающий «замечание» в описанном случае не защищает свои личные интересы и не всегда может адекватно оценить ситуацию, существует высокая вероятность агрессивной реакции. Человек, делающий «замечание», вместо достижения социально полезной цели рискует спровоцировать новое правонарушение или преступление.

Надо полагать, что более полезным для общества и целесообразным стало бы сообщение о готовящемся, совершаемом или совершенном правонарушении в правоохранительные органы, нежели непосредственное взаимодействие с нарушителем в форме «замечания». Такое «замечание», как правило, не достигает социально-полезной цели, а, наоборот, провоцирует новое правонарушение с соответствующими правовыми последствиями (возбуждение административного или уголовного дела по факту конфликта). То есть вместо одного правонарушения становится два или несколько.

3. «Замечание» в адрес лица, в действиях которого заведомо отсутствуют нарушения правовых или иных норм, либо такие нарушения мнимые. Как и в ранее представленных случаях, замечание – это покушение на право личной неприкосновенности предполагаемого нарушителя, т. е. вмешательство в индивидуальную жизнедеятельность человека. Но если в вышеописанных вариантах такое вмешательство имеет определенные основания, а именно стремление защитить закон и законные интересы личности, то в данном варианте этот компонент отсутствует. То есть человек делает «замечание» другому, ошибочно полагая, что поведение того является противоправным. Например, определенному лицу не нравится поведение другого человека, и он сообщает это адресату в форме замечания, часто выраженного некорректно. В этом случае высказанное замечание является безосновательным нарушением личной неприкосновенности и в зависимости от степени выраженного неуважения может вызвать правомерную защитную реакцию с непредсказуемыми последствиями для делающего «замечание». В этом случае человек, делающий замечание, сам становится правонарушителем, а ответная реакция расценивается как правомерная.

Независимо от того, какой из предложенных вариантов был реализован, право делать «замечание» законодательством не оговаривается. Для реагирования на реальные или даже мнимые нарушения со стороны какого-либо человека имеются другие правовые инструменты (например, обращение с заявлением в правоохранительные органы или в суд).

«Замечание» часто, даже если оно правомерно, унижает достоинство человека [5, с. 27–29] и нередко граничит с оскорблением. Но если «замечание» сделано по факту реального нарушения общественных норм или закона, то действующее законодательство не содержит оснований для защиты чести и достоинства нарушителя. Например, довольно часто лицо, не уступившее место в общественном транспорте пожилому человеку (причины при этом не имеют значения), становится объектом нападок со стороны других пассажиров. Предполагаемый нарушитель может публично получить множество негативных оценок своей личности, что по форме является оскорблением, но защитить свои права в суде вряд ли получится, т. к. факт того, что человек «не уступил место», как бы подтверждает оценки окружающих.

В действующем конституционном порядке, где провозглашен приоритет прав и свобод человека, любое ущемление личности неправомерно, даже если к этому имеются определенные предпосылки. Поэтому «право сделать замечание» не может существовать в современных демократических государствах по определению. Следовательно, в текущих условиях складывается проблемная ситуация. Объективно существует неким образом материализовавшееся «право сделать замечание», субъективное по своей сути, и реализация данного права социально одобряема. Но действующее законодательство и концепция приоритета прав и свобод человека, закрепленная в действующей Конституции РФ, не приемлет наличия этого «права на замечание», т. к. неуполномоченные лица не вправе вторгаться в индивидуальную жизнь человека, делать оценки личности с точки зрения права, морали и других нормативных систем.

Судебная и административная практика, безусловно, даст оценку любому конкретному делу, усложненному дополнительным элементом – «замечанием», но на состоянии правопорядка это вряд ли скажется се-

рьезным образом. Лишь дополнительные негативные последствия наступят для нарушителя, а сделавший «замечание» получит официальное одобрение (что не улучшит его участь).

Таким образом, следует сделать следующие выводы:

а) под «замечанием» мы понимаем форму указания одним человеком другому (другим) на несоответствие его действий (поведения) общепринятым нормам, общественному порядку или закону, часто сопровождаемое оценкой личности человека в целом;

б) «право сделать замечание» в законе неразрывно связано с правовым статусом лица, который уполномочен делать в том числе замечания в рамках своих полномочий. За гражданами, не наделенными специальным статусом, такое право в законе не закреплено;

в) незаконное «замечание» с точки зрения действующего конституционного порядка – вторжение в личную жизнь человека, что порождает его субъективное право защиты от посягательства в форме «замечания»;

г) уже сегодня нужно констатировать, что мнимое «право сделать замечание» стало серьезной социальной проблемой, порождающей правовые последствия. Поэтому в рамках профилактики преступлений и правонарушений важно разъяснять пределы правомерного поведения граждан, ставших свидетелями нарушения общественного порядка или закона.

Список источников

1. Солдатов А.П. Ретроспектива понятия «общественный порядок» и ее значение в условиях современности // Академическая мысль. 2023. № 4(25).
2. Попов Л.Л. Некоторые вопросы содержания и форм административной деятельности советской милиции // Труды Высшей школы Министерства охраны общественного порядка РСФСР. М., 1962. Вып. 7.
3. Смоляков А.И., Строева О.А. Проблемные вопросы квалификации административных правонарушений, связанных с невыполнением законных требований сотрудника полиции // Научный портал МВД России. 2023. № 4.
4. Горбунов В.Ю. Дефекты механизма реализации гражданами полицейских полномочий в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4.
5. Власова О.В. Формально-правовое закрепление ценности «человеческое достоинство» // Вестник Югорского государственного университета. 2007. № 2.

References

1. Soldatov A.P. Retrospective of the concept of «public order» and its significance in modern conditions // Academic Thought. 2023. № 4 (25).
2. Popov L.L. Some issues of the content and forms of administrative activities of the Soviet militia // Works of the Higher School of the Ministry of Public Order of the RSFSR. Moscow, 1962. Issue 7.
3. Smolyakov A.I., Stroeva O.A. Problematic issues of qualification of administrative offenses related to failure to comply with the legal requirements of a police officer // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 4.
4. Gorbunov V.Yu. Defects in the mechanism for the implementation of police powers by citizens in the field of protecting public order and ensuring public safety // Legal science and law enforcement practice. 2015. № 4.
5. Vlasova O.V. Formal and legal consolidation of the value of «human dignity» // Bulletin of the Yugra State University. 2007. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бредихин Алексей Леонидович, *кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1.*
ORCID: 0000-0001-5906-5966

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bredikhin Alexey Leonidovich, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Letchika Pilyutova St., St. Petersburg 198206 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 12–16.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 12–16.

Научная статья
УДК 340.135

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Гищенко Павел Иванович
Министерство внутренних дел по Донецкой Народной Республике, Донецк, Российская Федерация, pgishenko2@mvd.ru

Введение: *формирование законодательной базы Донецкой Народной Республики (ДНР) представляет собой нетривиальный процесс, обусловленный совокупностью множества факторов. Игнорирование интересов русскоязычного населения, навязывание искусственной украинской идентичности, рост русофобии предопределили провозглашение независимости ДНР в 2014 г. Разработка законодательства ДНР стала частью ответа на сложный комплекс политических, идеологических и культурных вызовов, с которыми столкнулся регион.*

Материалы и методы: *исследование опирается на широкий круг источников, включающий историко-правовые документы, нормативные правовые акты Украины и ДНР. В качестве методологической основы исследования использованы сравнительно-правовой, историко-генетический, системный и другие методы.*

Результаты исследования: *автором установлено, что Донбасс на протяжении веков формировался как регион с уникальной этнокультурной идентичностью, имеющей тесные связи с российским государством. Провозглашение независимости ДНР в 2014 г. стало результатом накопления социального напряжения, вызванного антироссийской политикой украинских властей. В условиях военного конфликта республика сформировала собственную правовую систему. Законодательство ДНР на первых этапах развития базировалось на советском опыте, что во многом обусловило его специфику.*

Выводы и заключения: *формирование законодательной базы ДНР стало закономерным результатом исторического, культурного и политического развития региона. Оно отразило стремление жителей Донбасса к защите своих прав и сохранению культурной идентичности. После воссоединения с Российской Федерацией процесс интеграции ДНР в правовое поле России продолжается, что требует учета специфики региона.*

Ключевые слова: *Донецкая Народная Республика, законодательство, правовая система, суверенитет, русофобия, нормативно-правовая база.*

Для цитирования: Гищенко П. И. *Политико-идеологические предпосылки формирования законодательства Донецкой Народной Республики / П. И. Гищенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 12–16.*

Original paper

POLITICO-IDEOLOGICAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF THE LEGISLATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Gishchenko Pavel Ivanovich
Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic, Donetsk, Russian Federation

Introduction: *the formation of the legislative framework of the Donetsk People's Republic (DPR) is a non-trivial process caused by a combination of many factors. Ignoring the interests of the Russian-speaking population, imposing an artificial Ukrainian identity, and growing Russophobia predetermined the declaration of independence of the DPR in 2014. The development of the DPR legislation became part of the response to a complex set of political, ideological, and cultural challenges that the region faced.*

Materials and methods: *the study is based on a wide range of sources, including historical and legal documents, regulatory legal acts of Ukraine and the DPR. Comparative legal, historical and genetic, systemic, and other methods were used as the methodological basis for the study.*

Results of the study: *the author found that Donbass has been formed over the centuries as a region with a unique ethnocultural identity that has close ties with the Russian state. The declaration of independence of the DPR in 2014 was the result of the accumulation of social tension caused by the anti-Russian policy of the Ukrainian authorities. In the conditions of the military conflict, the republic formed its own legal system. The legislation of the DPR at the first stages of development was based on the Soviet experience, which largely determined its specificity.*

Findings and conclusions: *the formation of the legislative framework of the DPR was a natural result of the historical, cultural and political development of the region. It reflected the desire of the residents of Donbass to protect their rights and preserve their cultural identity. After reunification with the Russian Federation, the process of integrating the DPR into the legal field of Russia continues, which requires taking into account the specifics of the region.*

Keywords: *Donetsk People's Republic, legislation, legal system, sovereignty, Russophobia, legal framework.*

For citation: Gishchenko P. I. *Politico-ideological prerequisites for the formation of the legislation of the Donetsk People's Republic / P. I. Gishchenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 12–16.*

Формирование законодательной базы Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) представляет собой не просто юридический процесс, но в первую очередь совершенно нетривиальный идеологический и политический акт, корни которого уходят в тернистую историю борьбы народов Донбасса за свои права и свободы в условиях антиконституционного режима, установившегося в украинском государстве.

Принято считать, что данный процесс начался после распада Союза Советских Социалистических Республик и активно развивался в период нахождения территории Донбасса в составе государства Украина. Однако указанное утверждение верно лишь для политических предпосылок. Идеологические предпосылки закладывались в глубине веков и были тесно связны с историей освоения территории, в настоящее время являющейся Донецкой Народной Республикой.

В конце XVI в. территория государства Украина (в границах 1991 г.) входила в состав Речи Посполитой (возникшей в результате объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского на основе Люблинской унии в 1569 г.), государства Российского и Крымского Ханства.

Еще в период палеолита земли Донбасса начали заселяться людьми, но вплоть до средних веков народы, населявшие территорию современной ДНР, вели преимущественно кочевой образ жизни.

В 1703 г. создается Бахмутский уезд, в составе которого находились практически все существующие на тот момент поселения современного Донбасса. По состоянию на 1719 г., по результатам проведения первой ревизии, население уезда составляло 8 747 душ (6 994 русских и 1 753 украинца). С 1752 г. императрица Елизавета Петровна начинает переселять на территорию современного Донбасса сербов, прибывших из Османской империи, вслед за ними начали прибывать молдаване и болгары. Несмотря на то, что общее количество сербов на Донбассе было невелико (378 человека в 1762 г.), вскоре возникает Славяносербский уезд.

Систематическое заселение края (Дикого поля) иноземцами продолжалось. В 1771–1773 гг., в условиях продолжающейся войны с турками, здесь расселились 3 595 молдаван и валахов, сдавшихся в плен. В 1774 г. был подписан Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Российской и Османской империями, согласно которому Крымское ханство получало независимость. Этот договор заложил предпосылки вхождения Крымского полуострова и всего Приазовья в состав Российской империи. В 1778 г. по решению императрицы Екатерины II в Россию переселено 31 386 христиан, выведенных с Крымского полуострова. В числе переселенцев: греков – 18 408, армян – 12 598, грузин – 219, валахов – 161. Часть прибывших переселенцев поселилась в г. Мариуполе, часть – в селах вокруг Мариуполя. Основывали новые населенные пункты беглые крестьяне и запорожские казаки.

В первой половине XIX в. горный инженер Евграф Ковалевский провел геологические исследования территории, впервые ввел понятие «Донецкий бассейн» – сокращенно Донбасс. Это положило начало угольной и металлургической промышленности региона. В 70-х гг. XIX в. на строительство металлургических заводов устремилось русское мужское население. Точное число этих людей сегодня установить невозможно, но, по некоторым данным, за первые 50 лет в индустрии Донбасса было задействовано более двух миллионов рабочих рук. Наиболее часто упоминались выходцы из Тамбовской, Рязанской, Смоленской, Пензенской губерний и представители Поволжских татар. Вторая волна миграции пришлась на 20–30-е гг. XX в., когда массово прибывали крестьяне из Орловской, Курской, Брянской областей, а также белорусы. Третья – в 50–60-е гг., ког-

да по организованному набору приезжали рабочие и специалисты из Поволжья и Сибири. В 1989 г. по результатам всесоюзной переписи населения лишь 50,71 % жителей Донецкой области указали национальность «украинец»; при этом преобладание «украинцев» наблюдалось в сельскохозяйственных районах севера и запада области.

Таким образом, история заселения ДНР обусловила формирование территории с самобытной культурой, особым народным самосознанием, имеющей тесные связи с Российским государством и минимальной идентификацией себя как «регион Украины». Это привело к тому, что после распада СССР, в эпоху массовой остановки предприятий и тотальных невыплат зарплат, жители Донбасса, в отличие от жителей Западной Украины, направившихся на работу в страны Евросоюза, большей частью выехали на заработки в Россию.

Оформление украинской государственности в постсоветский период сопровождалось поступательным движением в сторону отрыва от исторической, культурной и экономической общности с Россией. С особой остротой это проявлялось в западных регионах Украины – Галиции, Буковине, Закарпатье, где на протяжении веков развивались националистические настроения, ставшие после распада Советского Союза благодатной почвой для взращивания идеологической повестки, провозглашающей отказ от общего с Россией исторического наследия. В целом «первые четыре президента Украины в силу формирующейся в стране внутриполитической ситуации внесли свой вклад в распространение русофобии и создание негативного образа России среди украинского населения» [1, с. 457].

Действия ряда украинских политиков способствовали постепенному внедрению антироссийской риторики в политическое и общественное пространство, а игнорирование прав и интересов русскоязычного населения и русофобия становились неотъемлемым элементом формирования национальной идентичности в рамках новой социально-политической реальности, приобретающей официальный статус.

«Этапы исторического развития Донецкой и Луганской народных республик как политико-правовых образований характеризуются их неразрывной связью с единым русским народом, частью которого они являлись при своем возникновении и продолжении развития» [2, с. 129]. Прочная взаимосвязь находила отражение в различных сферах жизни регионов. После распада Советского Союза, несмотря на попытки украинских властей переписать историю и навязать искусственную украинизированную идентичность, эта связь не прервалась. Вместе с тем широкое распространение русского языка в повседневной жизни, системе образования и средствах массовой информации воспринималось украинским государством как вызов, имеющий сепаратный подтекст. Это привело к усилению централизации власти со стороны представителей радикально настроенного политического сектора Украины, а также к ярко выраженному процессу украинизации, нередко насильственной.

После событий Евромайдана и государственного переворота на Украине антироссийская политика перешла в активную фазу. Новые ультраправые украинские власти взяли курс на построение моноэтнического государства, основанного на радикальном украинском национализме. Попытки построить такое государство стали активно сопровождаться дискриминацией русскоязычного населения, наложением запретов на употребление русского языка, переписыванием истории, содержащей упоминания об исторической правде о значении российского государства в украинской истории. В таких условиях Донбасс оказался на передовой линии борьбы за сохранение исторической справедливости и своей национально-культурной идентичности. Попытки Донбасса выразить свое несогласие с политическим курсом Украины, включая протесты против Евромайдана, игнорировались украинскими властями. Вместо диалога Киев выбрал политику подавления. «Если оранжевая революция 2004 г. заложила серьезное культурно-ментальное противостояние между (прозападными и пророссийскими) регионами, то государственный переворот 2014 г. окончательно развел регионы по разные стороны геополитических предпочтений. С этого момента начинается серьезная кампания, дискредитирующая население Луганской и Донецкой областей. По всей Украине начинается травля выходцев из Донбасса, даже если они придерживались проукраинских взглядов» [3, с. 77].

Возвращение Крыма в состав России и начало активного сопротивления Донбасса установившемуся неонацистскому режиму стали отправными началами нового витка развития отношений различных политических сил. Антироссийская риторика, в том числе обвинения России в «агрессии», активно использовалась как для консолидации националистических сил внутри Украины, так и для укрепления связей с Западом. Русофобия приобрела статус официальной государственной идеологии Украины, направленной не только против России, но и против собственных граждан, чьи взгляды расходились с официальной линией. Неотъемлемыми чертами этой идеологии стали «радикальный украинский национализм, укронацизм и его антироссийская направленность; аморальность и бесчеловечность; продажность и служение иностранным сюзеренам ради

шкурных выгод; циничная торговля интересами, судьбами и жизнями соотечественников, Украиной и ее народом; тяжкие преступления против него, носившие массовый и системный характер, неонацистский террор и геноцид против населения Донбасса, террор против жителей Одессы (одесская Хатынь), других городов и сел» [4, с. 17].

Все социально-политические процессы стали происходить на фоне агрессивной пропаганды, которой могла бы позавидовать даже фашистская Германия. Перевирались все факты, а там, где «повернуть» события в свою сторону не удавалось, все «кровавые подвиги» украинского режима приписывались русским. В 2022 г. в ходе специальной военной операции были взяты в плен военнослужащие Вооруженных сил Украины в районе острова Змеиный, недалеко от Одессы. В ходе бесед с представителями силовых структур нашей страны они убежденно говорили, что видео убийства людей в Доме профсоюзов в Одессе – это не что иное, как кино, специально снятое на киностудии в Москве.

На международной арене русофобская политика использовалась для повышения респектабельности в глазах западного сообщества, рассматривающего Украину как плацдарм в противостоянии с Россией. Внутри страны это привело к политической и социальной дестабилизации, расколу общества, маргинализации русскоязычных регионов.

Активизация ярко выраженной антироссийской политики после 2014 г. стала не просто ответом на конкретные события, но представляла собой очередной, последовательный шаг на пути формирования новой парадигмы украинского государства, основанного на националистических идеалах, стремлении к евроинтеграции и отрицании общей с Россией истории и культуры. Этот курс, сопровождаемый крайними силовыми мерами в отношении инакомыслящих, стал основой для идеологической самоидентификации жителей Донбасса, которые выбрали путь независимости в праве на национальное и культурное самоопределение.

Воля народов Донбасса, проявленная в критически сложные для региона времена, стала движущей силой в процессе оформления политического решения об утверждении независимости от центральной, антиконституционной украинской власти. «Из представителей административно-территориальных образований Донецкой области и общественных организаций, партий был сформирован Совет представителей территориальных громад (общин), политических партий и общественных организаций» [5, с. 136], предшественник будущих органов государственной власти Донецкой Народной Республики. В этот же период был разработан Акт о провозглашении государственной самостоятельности ДНР. Этот исторический документ, принятый 7 апреля 2014 г., стал итогом долгого периода накопления напряжения, вызванного антиконституционной и националистической политикой украинской власти. В ответ на провозглашение независимости жителями Донбасса руководство Украины развернуло против них силовую операцию, а президент страны П. Порошенко открыто призвал к геноциду жителей Донбасса.

Содержание первого в истории ДНР нормативного правового акта – о провозглашении государственной самостоятельности (наряду с Декларацией о суверенитете ДНР) – отразило не только политическое решение, но и идеологическую основу, на которой жители региона обосновали свое право на независимость. В тексте Акта подчеркивается, что на Украине произошел государственный переворот, поддержанный как институтами власти – законодательной, исполнительной и судебной, так и незаконными военизированными формированиями. Новый режим, по мнению составителей документа, утратил легитимность, начав ориентироваться на интересы в первую очередь внешних политических субъектов, таких как США и страны Европы, что привело к подписанию кабальных договоров с международными организациями и втягиванию страны в военный блок НАТО. Такие действия рассматривались как предательство национальных интересов и противоестественный отказ от «вековых братских отношений» со славянскими народами и другими странами СНГ.

Особое место в тексте документа занимает оценка политического характера нового киевского правительства, «зарекомендовавшего» себя как «националистическая профашистская диктатура при поддержке олигархического капитала». Подобное правительство не было способно обеспечить права и безопасность населения, что не могло не послужить мотивацией для заявления о своей независимости жителями Донбасса.

Введенная цензура, пропаганда антироссийских настроений и формирование образа врага из России – Донбасс, как подчеркивается в документе, не мог согласиться с таким курсом, противоречащим вековым традициям добрососедства и сотрудничества. В этих условиях жители Донецкой, а позже и Луганской Народных Республик заявили о своем решении выйти из состава Украины, основываясь на нормах международного права и волеизъявлении народа регионов.

Результаты организованного 11 мая 2014 г. референдума послужили подтверждением легитимности провозглашенной власти в Донецкой и Луганской Народных Республиках. В Донецкой области явка избирателей составила более 74 %. За самоопределение проголосовало 89,7 % избирателей, в Луганской области – 96,2 %.

В условиях начавшейся военной агрессии, а фактически войны против жителей Донбасса со стороны Украины ДНР не могла дальше жить по законам страны-агрессора, а идущий переговорный процесс с участием Российской Федерации не давал в тот момент возможность выхода с инициативой о вхождении в состав России. В этих условиях жизненно необходимым стало формирование на территории республики самостоятельных органов власти и правового поля. Наиболее приемлемым и понятным для жителей Донбасса было советское законодательство с жесткой вертикалью власти, возможностью установления особых правовых режимов, предусматривающих ряд ограничений прав и свобод, позволяющих наладить систему государственного управления в условиях политической изоляции и ведущихся боевых действий. Таким образом, законодательство ДНР периода независимости явилось примером переходной правовой системы военного времени.

На сегодняшний день, после воссоединения Донецкой и Луганской Народных Республик с Российской Федерацией, проделана колоссальная работа по интеграции новых субъектов в правовое поле России. Однако процесс разработки и совершенствования законодательства ДНР и ЛНР остается актуальной задачей, требующей учета специфики регионов, их исторического и культурного наследия, особой потребности в обеспечении эффективного управления и устойчивого развития в новых политико-правовых условиях.

Список источников

1. Братчик А. С., Курылев К. П. Процесс формирования антироссийской политики на Украине: история и современность // Постсоветские исследования. 2022. № 5.
2. Степанюк Д.Ю. Формирование государственности Донецкой и Луганской народных республик в 2014–2022 гг. как фактор легитимности актов о самоопределении народов Донбасса // Lex Russica. 2024. №6 (211).
3. Рябинин Е.В. Особенности формирования региональной политико-культурной идентичности Донбасса // PolitBook. 2024. № 1.
4. Кикнадзе В.Г. Украинский национализм: от истоков до денацификации в ходе специальной военной операции Российской армии // Наука. Общество. Оборона. 2022. № 3(32).
5. Руденко М. В., Никольский В. Н. Создание первого высшего представительного органа власти и временного правительства в Донецкой Народной Республике // Донецкие чтения – 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: материалы Международной науч. конф. (17–20 октября 2017 г.) / под общ. ред. проф. С.В. Беспаловой. Донецк, 2017. Т. 5.

References

1. Bratchik A.S., Kurylev K.P. The process of formation of anti-Russian policy in Ukraine: history and modernity // Post-Soviet studies. 2022. № 5.
2. Stepanyuk D.Yu. Formation of statehood of the Donetsk and Lugansk People's Republics in 2014-2022 as a factor in the legitimacy of acts of self-determination of the peoples of Donbass // Lex Russica. 2024. № 6(211).
3. Ryabinin E.V. Features of the formation of regional political and cultural identity of Donbass // PolitBook. 2024. № 1.
4. Kiknadze V.G. Ukrainian nationalism: from origins to denazification during a special military operation of the Russian army // Science. Society. Defense. 2022. № 3(32).
5. Rudenko M. V., Nikolsky V. N. Creation of the first supreme representative body of power and the interim government in the Donetsk People's Republic // Donetsk Readings – 2017: Russian World as a Civilizational Basis for the Scientific, Educational and Cultural Development of Donbass: Proc. of the International Scientific Conf. (October 17-20, 2017) / edited by prof. S. V. Bespalova. Donetsk, 2017. Vol. 5.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гищенко Павел Иванович, *Министр внутренних дел по Донецкой Народной Республике. Министерство внутренних дел по Донецкой Народной Республике. 283001, Российская Федерация, г. Донецк, ул. Горького, 61.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gishchenko Pavel Ivanovich, *Minister of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic. The Ministry of Internal Affairs of the Donetsk People's Republic. 61, Gorky St., Donetsk 283001 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 17–23.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 17–23.

Научная статья
УДК 34.01

К ВОПРОСУ О МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОКАХ ОБРАЗОВ ПРАВА И ВЛАСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Гусарова Марина Александровна
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, Краснодар, Российская Федерация, gusarovathebest@mail.ru

Введение: *настоящее время можно назвать поворотным моментом для российского государства. Внешние и внутренние вызовы и угрозы актуализировали решение ряда задач, связанных с поиском эффективных способов правотворчества и правоприменения, определением точных стратегических направлений развития отечественного государства и права. Поэтому исследование глубинных основ правовой культуры, восходящих к мифологии протогосударственного периода, а затем воплощенного в устном народном творчестве периода Киевской Руси, является весьма актуальным. Исходной познавательной установкой автор определяет тезис о том, что правовой миф возникает в недрах мифологии и отражает правовое бытие как одну из граней бытия человека посредством глубинных образно-символических представлений о власти и праве, которые в ходе истории закладываются в качестве иррациональных и весьма влиятельных стереотипных оснований в правовой культуре народа.*

Материалы и методы: *материальную базу исследования составили труды отечественных и зарубежных авторов о феномене правового мифа и мифологическом сознании, достижения русского народного творчества – мифы, сказки, былины, а также отдельные правовые нормы российского законодательства. При организации исследования использовались общенаучные методы – системный анализ, исторический анализ, дедукция, индукция.*

Результаты исследования: *автор доказывает, что устное народное творчество, возникшее в догосударственный период отечественной истории, продолжает свое оформление в период становления российской государственности, становясь источником российской правовой культуры и сохраняясь в ее ядре в качестве инвариантных элементов.*

Выводы и заключения: *автор постулирует, что в правовом мифе как иррациональном и интерсубъективном феномене, воплощающемся в образах права и власти, правовых символах, происходит репрезентация правовых представлений, входящих в ядро правовой культуры. К локальным правовым мифам, сопровождавшим становление российской государственности, автор относит образ воина-драконоборца, образы дружбы, взаимопомощи, преемственности поколений, символику цвета, которые с принятием христианства трансформировались в христианские идеалы братства и единства народа, светлый образ правителя. Главным лейтмотивом отечественной правовой мифологии остается антитеза добра и зла.*

Ключевые слова: *миф, правовой миф, сказка, былина, правовая культура, архетип, символизм, герой, Отечество.*

Для цитирования: Гусарова М. А. *К вопросу о мифологических истоках образов права и власти в отечественной правовой культуре / М. А. Гусарова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 17–23.*

Original paper

ON THE ISSUE OF MYTHOLOGICAL SOURCES OF IMAGES OF LAW AND POWER IN THE RUSSIAN LEGAL CULTURE

Gusarova Marina Aleksandrovna
North Caucasian branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the present time can be called a turning point for the Russian state. External and internal challenges and threats have actualized the solution of a number of problems related to the search for effective methods of lawmaking and law enforcement, the definition of precise strategic directions for the development of the domestic state and law. Therefore, the study of the deep foundations of legal culture, dating back to the mythology of the proto-state period, and then embodied in the oral folklore of the Kievan Rus period, is very relevant. The author defines the initial cognitive setting as the thesis that the legal myth arises in the depths of mythology and reflects legal existence as one of the facets of human existence through deep figurative and symbolic ideas about power and law, which in the course of history are laid as irrational and very influential stereotypical foundations in the legal culture of the people.*

Materials and methods: *the material base of the study was the works of domestic and foreign authors on the phenomenon of legal myth and mythological consciousness, the achievements of Russian folk art - myths, fairy tales, epics, as well as individual legal norms of Russian legislation. When organizing the study, general scientific methods were used - system analysis, historical analysis, deduction, induction.*

Results of the study: *the author proves that oral folk art, which arose in the pre-state period of Russian history, continues to take shape during the formation of Russian statehood, becoming a source of Russian legal culture and remaining in its core as invariant elements.*

Findings and conclusions: *the author postulates that in the legal myth as an irrational and intersubjective phenomenon, embodied in the images of law and power, legal symbols, there is a representation of legal ideas that are part of the core of legal culture. The author attributes the image of a dragon-fighter warrior, images of friendship, mutual assistance, continuity of generations, the symbolism of color, which with the adoption of Christianity were transformed into Christian ideals of brotherhood and unity of the people, and the bright image of the ruler to the local legal myths that accompanied the formation of Russian statehood. The main leitmotif of domestic legal mythology remains the antithesis of good and evil.*

Keywords: *myth, legal myth, fairy tale, epic, legal culture, archetype, symbolism, hero, Fatherland.*

For citation: Gusarova M. A. *On the issue of mythological sources of images of law and power in the Russian legal culture // M. A. Gusarova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 17–23.*

Российское государство прошло в своем становлении непростой путь, поэтому правовая культура России соединила в себе многообразие элементов правовой жизни. Представитель теории символического интеракционизма Дж. Г. Мид совершенно точно заметил, что прошлое неотменяемо, поэтому наше настоящее всегда связано с прошлым, которое его сформировало: «то, что уже случилось пространственно-темпорально определяет то, что переходит в будущее» [8, с. 56].

Правовая культура как сложный социокультурный феномен имеет многоуровневую структуру, образованную объективно существующими и субъективно означенными феноменами, рационального и иррационального свойства, часть из которых носит инвариантный характер и составляет ее ядро, а часть из них изменяется в зависимости от текущей ситуации в обществе и государстве. Элементы, входящие в ядро правовой культуры, как правило, коренятся в традиционных основах национальных культур, остальные же являются реципированными либо вновь созданными и быстро изменяются, подстраиваясь под временные обстоятельства [2].

Данном исследование базируется на позиции ряда авторитетных авторов, определяющих миф как саму жизнь в ее непосредственном, естественном ходе развития, переживаемую субъектом и означиваемую в реальной жизни как задающую стереотипные образцы поведения и способствующую социокультурной динамике [6; 7; 15]. Миф, являясь одной из важных и наиболее жизнеспособных элементов правовой культуры, и по сей день оказывает всепроникающее влияние и на жизнь отдельного человека, и на трансформацию социума в целом.

Правовой миф возникает в недрах мифологии и отражает одну из граней бытия человека – правовое бытие, а именно глубинные образно-символические представления о власти и праве, которые в ходе истории закладываются в качестве иррациональных и весьма влиятельных оснований. Для комплексного исследования влияния мифологических оснований в отечественной правовой культуре редуцирование универсальных (архетипичных) и локальных (националь-

но-правовых) мифологических феноменов представляется оправданным. Решение этой задачи обращает нас к достижениям современной социогуманитаристики.

Итак, первыми, наиболее значительными мифами были космологические мифы, которые объясняли сверхъестественную природу права и происхождение правопорядка как части мирового порядка. Образы власти и ее представителей, наделенных особыми полномочиями и легитимным аппаратом принуждения, также восходят к древности почти всех культурных ареалов. Те первичные образы права и власти, которые есть у всех народов мира, считаются универсальными – архетипичными [5; 12; 13; 14; 15]. Архетипы культуры в теории К.Г. Юнга представляют собой базисные или скелетные образцы культуры, объединяющие человечество и обеспечивающие сохранение культуры несмотря ни на что. Архетипы культуры, как «априорные, врожденные формы интуиции», по К.Г. Юнгу, сосредоточены в коллективном бессознательном и едины для всех людей, вне зависимости от этнических, политических, исторических, экономических и иных особенностей [16, с. 62]. Эти универсальные начала содержатся в мифах, сказаниях, притчах, легендах, которые базируются на единых повторяющихся мотивах, темах. Остановимся на некоторых примерах.

Сущностной особенностью мифа является отсутствие противопоставления субъекта и объекта, их неразделимость, единство, что выражается в толковании явлений в качестве чувственных персонифицированных объектов. Неслучайно в языческом прошлом многих народов правда, правопорядок, правосудие, воздаяние были представлены в образах богов или богинь, например, Фемиды, Дике, Немезиды, Юстиции, Астреи, Маат, Правды и др. Такое единство идеи и вещи, мысли и слова, духовного и материального, содержания и формы отразилось в феномене святости имени и наделении предметов магическими свойствами.

Так, с древних времен имя считалось принадлежащим человеку и неразрывным с ним. Эта взаимосвязь и единство также проявились в таком явлении, как родовая фамилия, носители которой были единым социальным и духовным организмом. В большинстве современных обществ право на имя сохраняет свою актуальность как правовая ценность, как неотчуждаемое субъективное право. Например, ст. 23 Конституции РФ гласит о праве каждого гражданина на доброе имя, а ст. 19 ГК РФ регламентирует правоотношения, связанные с именем (фамилией и собственным именем).

В качестве правового феномена, пришедшего из древности, можно назвать идею о связи человека и принадлежащих ему вещей. Так, запрет на мародерство апеллирует к представлениям наших предков о проклятии и беде для всего рода, которая приходит после присвоения личных вещей убитых или раненых воинов, пленных, или расхищения имущества покинувших свои дома людей. В российском законодательстве ответственность на мародерство закреплена в ст. 356 УК РФ. Еще один пример, связанный с имущественными правами, символизирующими связь человека и его имущества, можно обнаружить в гражданском праве. Так, передача вещи из рук в руки либо документов на право собственности символизирует физическое действие – переход этого права другому лицу, а определенные символы (юридические процедуры в современном праве) его сопровождают.

В качестве примера актуальности мифологического мышления в современной правовой реальности можно привести защиту и сохранение исторической памяти народа, в которой, по преданию, консолидируется сила, мощь и родовой потенциал. Например, Преамбула Конституции РФ красноречиво свидетельствует, что память предков, передавших нам любовь, уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, является одной из главных ценностей российского народа. Соответственно, забвение или искажение истории, фальсификация фактов и событий из истории российского народа равносильны уничтожению его социокультурной самоидентификации, разрушению связи поколений. Отсюда вытекает значимость традиции как механизма, с помощью которого осуществляется трансляция опыта, необходимого для жизни и развития народа, от поколения к поколению

Особое внимание необходимо обратить на идею христианского милленаризма и эсхатологические сюжеты в мифах. Их нельзя считать универсальными для всех народов мира, а скорее, присущими цивилизациям, на мировоззрение которых повлияло христианство. Речь идет об ожидании изменения мира и установления «потерянного рая». М. Элиаде называет такой сюжет провозглашением «конца старого мира и наступлением эры изобилия и блаженства… этот старый мир символически упраздняется и на его месте устанавливается мир первозданного рая» [15, с. 73, 76]. Иными словами, ожидается не

конец мира, но его переход к новому качеству. В обычаях и обрядах эта идея отразилась в инициациях, которые символически означают второе рождение, возрождение в новом качестве, смерть старой природы и торжество новой. В современном мире такие инициации сохранись в процедуре инаугурации Президента, официальном подписании международных правовых договоров, облачении судьи в мантию, удалении в совещательную комнату и т. п. В обыденной жизни такие символические акты сопровождают все важные события в нашей жизни – от рождения, крещения, венчания, бракосочетания до смерти.

Кроме универсальных правовых мифов можно выделить мифы, характерные для российской правовой культуры, обусловленные историческими, культурными, государственно-политическими факторами. Мифологический компонент российской правовой культуры опознается в элементах правового сознания – правовой психологии и правовой идеологии. Как отмечают авторитетные исследователи мифологии, например, Дж. Кэмпбелл, В. Пропп, Дж. Фрезер и др., в морфологии народных сказок и мифов наблюдается много общего, поэтому их главных героев можно рассматривать как единый собирательный образ героя – действующего актора истории народа. Исследователь, русский лингвист В. Пропп отмечал, что в русских сказках в концентрированном виде запечатлена картина мира славянских племен, поэтому исторические корни сказки следует искать в культуре, в старине. Автор писал, что обряды, мифы, формы первобытного мышления и некоторые социальные институты считаются «досказочными образованиями», поскольку «сказка сохранила следы исчезнувших форм социальной жизни… сказка – не хроника» [9, с. 152, 153, 165]. Иными словами, мифологическое мышление в его зрелой форме нашло реализацию в сказке, которую можно считать средоточием исторически первых, базовых форм воплощения социального бытия в культуре человечества. Из этих форм вытекают и базовые представления о праве и власти, ставшие впоследствии основой российской правовой ментальности.

Ведущим сюжетом мифов является жизнь и победы героев. А.Ф. Лосев отмечает, что в образах былинных героев нет мистификации или религиозности, это «просто картина эмпирически живущих личностей, правда каких-то особенных по своему могуществу и прочим свойствам» [6, с. 94]. Задачей героя является победа над врагом/врагами, решение какой-либо трудной задачи, от которой зависит жизнь и свобода его народа, города, человечества. Иногда мифологический герой погибает, но лишь для того, чтобы возродиться в новом качестве, либо отдает свою жизнь во имя спасения. Дж. Кэмпбелл подчеркивает, что «лишь рождение может победить смерть, а именно рождение нового, но не возрождение старого» [5, с. 20–21], поэтому главный герой может умереть физически или метафорически, т. е. переродившись духовно, кардинально изменившись. Жизнь героя – как путешествие, странствие, военный поход – символизирует путь каждого из людей, путь восхождения от тьмы к свету. На этом пути главным героям всегда препятствуют антагонисты, демонические силы, предстающие в различных образах. Антагонистом главного героя может быть либо персонифицированный враг, либо конфликт, либо нарушенная норма/табу/запрет, с которой начинается путь преодоления. Само приключение – это путешествие, пройдя которое герой изменяется, находит истину, обретает мудрость.

В сказках также есть волшебные предметы, с помощью которых герой может перейти в другой мир или обрести сверхспособность. Иногда проводником в иной мир являются предметы или какие-то персонажи. В славянских мифах и народных сказках противоборствующие силы (в образе русалок, водяниц, ундин, лешего, водяного, морского царя и др.) связаны с природными местами их обитания, что указывает на языческое прошлое наших предков в догосударственный период. С принятием на Руси христианства в 988 г. эти образы стали носить иную смысловую нагрузку, обусловленную историческими, геополитическими и социально-экономическими событиями: междоусобицей, необходимостью политического и экономического освоения земель, борьбой с враждебными (в основном, языческими) племенами, совершающими набеги. Исторический факт столкновения христианства с живыми народными религиями продемонстрировал рождение удивительной синтетической культуры. Например, герои-драконоборцы превращаются в Георгия Победоносца, в русского богатыря, а богини плодородия – в Богородицу или святых. Сама православная культура демонстрирует соединение народных праздников с христианскими, слияние эстетического потенциала славянской культуры с символизмом восточного христианства.

Остановимся подробнее на анализе наиболее ярких и знаменательных сюжетов героического эпоса – русских былин, в которых в

символической форме отразились представления о праве, власти и государстве на стадии основания российской государственности. Так, в образе Ильи Муромца перед нами является славянский воин, поступающий по правде и совести, побеждающий иноземных врагов – Соловья-разбойника и Идолище поганое (с лат. Paganus – «языческий»), борющийся с басурманскими отрядами под Киевом. Сюжет о том, как Калин-царь пытался переманить богатыря, обещая ему деньги, власть и почет, свидетельствует, что русский воин в образе Ильи Муромца верен своей Отчизне. Другой известный богатырь Добрыня Никитич из Рязани борется с врагом «с восточной стороны» – Змеем Горынычем (вероятно, символический образ татаро-монгольского ига). В победе над врагом ему помогают волшебные предметы которые дала ему мать (символ поддержки родной земли и почитание связи поколений): шляпа-колпак греческий (византийский шлем – символ духовной силы христианина), платок, снимающий усталость, и семишелковая плетка. Важно отметить, что русские богатыри не только доблестные, но и интеллектуально превосходящие противника воины. Так, в шахматной игре с ханом Бахтияром Добрыня демонстрирует ум и смекалку и в итоге побеждает. Нельзя не обратить внимания на сюжет дружбы и взаимопомощи среди воинов. Так, в трудных ситуациях на помощь Добрыне приходят его товарищи – Иван Дубрович и Василий Казимирович, что символизирует содружество и верность. О нравственных качествах русского воина говорит сюжет из былин об Алеше Поповиче из Ростова Великого, который сражается с Тугарином (образ Золотой Орды) и своей жизнью демонстрирует скромность и бескорыстность в делах служения Отечеству.

Важно отметить, что в былинах и сказках, а позже и в иконописи и храмовом зодчестве проявляют себя несколько важных для российской правовой культуры мифологических мотивов. Речь идет, во-первых, о мотиве змееборства, связанном с периодом становления русского государства. В русских сказках змей, как правило, не похож на обычную рептилию, он многоголовый (три, шесть, девять, двенадцать либо пять–семь голов) [9]. Можно предположить, что это связано с многоликим образом врага, угрожающего с разных сторон русским землям. В былинах образ врага также представлен в «змеенышах», которых побивает богатырь (отражает атаки небольших племен). Как представляется, мотив драконоборства/змееборства связан с государственностью, а в драконе/змее видится собирательный образ врага русских земель. Символика цвета также показывает антитезу «свой – враг» и «добро – зло», т. е. отражает динамику становления российской государственности в традиционных для русского народа морально-нравственных категориях. В героическом подвиге происходит отражение идеи дуализма мира, поэтому подвиг – переход от тьмы к свету, торжество добра над злом.

Зачастую героям былин и героям сказок помогает конь, цвет которого всегда символичен. В. Пропп отмечает, что «на русских иконах, изображающих змееборство, конь почти всегда или совершенно белый, или огненно-красный. В этих случаях красный цвет явно представляет собой цвет пламени, что символизирует огненный цвет коня» [9, с. 327]. В русских сказках конь или орел могут быть посредниками между двумя мирами, перенося героя в тридесятое царство, а в былинах конь вместе с героем побивает врагов (возможно, образ доброго и верного друга, соотечественника). Образ орла еще более утвердился после принятия христианства на Руси. Как известно, библейский образ орла олицетворяет духовную победу над врагом и силу окрепшего духа. Образы воина – драконоборца на коне, образ орла и особая символика цвета со временем воплотились в российских государственно-правовых символах.

Необходимо обратить внимание, что образ власти в былинах и сказках просматривается нечетко. Это можно объяснить тем фактом, что появление славянских мифов и сказок относится к протогосударственному периоду, а возникновение героического эпоса – былин относят к X–XI вв., когда централизация русских земель еще не была ключевой общественной задачей. И лишь в период с XI по XVII в. в литературных произведениях религиозных и государственно-политических деятелей четко проявляются формирующиеся инвариантные элементы отечественной правовой культуры, сохранившиеся до настоящего времени, в числе которых – доминирование религиозно-этических начал, коллективистские установки в вопросах ответственности народа и власти за мир и согласие, идеалы братства и единства народа перед лицом внешних угроз, патерналистские установки в отношении к официальной власти, реализующиеся в образе правителя – отца и защитника для народа [1, с. 30–36].

Среди правовых мифов, вошедших в российское правовое пространство уже в Новое время, современные авторы называют миф о

правовых ценностях, миф о правовой культуре, миф о развитии права, миф о правовом государстве, миф о гражданском обществе, миф о правах человека и об их «естественном» качестве в системе правовой идеологии [4, с. 16–28; 11, с. 75–87]. Исследователи подчеркивают, что многие правовые мифы были реципированы из западно-европейской правовой идеологии и органичными секуляризованному индивидуалистическому сознанию западной цивилизации Нового и Новейшего времени, поэтому их эффективность в российской правовой идеологии подвергается сомнению [10, с. 103–107].

Важно отдавать себе отчет, что давать характеристику мифу в категориях этики нельзя, но необходимо относиться к нему как факту культуры, который всегда вызван к жизни естественными потребностями человеческого сообщества. Как отмечает М. Элиаде, миф «сам по себе не является ни хорошим, ни плохим, его нельзя оценивать с точки зрения морали. Его функция – демонстрировать образцы и, таким образом, придавать смысл миру и человеческому существованию… Благодаря мифу… понятия реальности, ценности, трансцендентности постепенно обнаруживают свою суть» [15, с. 139]. Вместе с тем проведенные нами ранее исследования проблемы продуктивности правовых норм в той или иной национальной системе права красноречиво показывают, что принятие в расчет особенностей правовой культуры является важнейшим условием не только правотворчества, но и правоприменения [2; 3, с. 88–90].

Солидаризируясь с упомянутыми выше авторами, отметим, что только принятие во внимание органичности правовых мифов правовой культуре может принести положительные перемены в правовой жизни. Это, в свою очередь, актуализирует необходимость детального исследования мифологического компонента правовой культуры и выявление универсальных мифологических феноменов и присущих исключительно национальным правовым системам. Поскольку ни одна культура не является изолированной от внешнего влияния, но всегда есть результат синтеза, выделение различных по происхождению мифологических элементов представляется оправданной научной процедурой, способствующей выявлению традиционных, а следовательно, органичных, компонентов правовой культуры, определяющих сохранение ее ядра.

В заключение сделаем ряд значимых в контексте данного исследования выводов.

Правовая культура как сложное многоуровневое образование включает в себя ряд рациональных и иррациональных элементов. К последним относится мифологический элемент, который входит в ядро правовой культуры на заре человеческой цивилизации и трансформируется под влиянием государственно-правовых факторов. Правовая мифология в процессе своего генезиса вбирает в себя универсальные (архетипические) и локальные (государственно-правовые) феномены, обусловленные социокультурными особенностями того или иного ареала.

В отечественной правовой мифологии можно выделить такие универсальные элементы, как олицетворение предмета (имени, слова, вымышленного героя/бога, материализованного воплощения и т. д.) с его особыми свойствами, что нашло свое воплощение в нормах современного права. Локальные элементы отечественной правовой мифологии исторически сохранились в государственно-правовой символике и правовой идеологии и отражают суверенитет и национальную самобытность страны. Среди мифов, в которых происходит репрезентация правовых представлений у наших предков, можно назвать образ воина – драконоборца, носителя особых физических качеств (богатырская сила) и высоких нравственных качеств (верность, доброта, отвага, справедливость, готовность к самопожертвованию, предприимчивость), образы дружбы и взаимопомощи (конь, орел), преемственность поколений (особые предметы с родной земли), символика цвета и т. д. В период складывания централизованного государства эти символы трансформируются в христианские идеалы братства и единства народа, а также в светлый образ правителя – защитника русской земли. Главной интенцией отечественной правовой мифологии остается до настоящего времени антитеза добра и зла, идея жизни как перехода от тьмы к свету.

Процесс интериоризации определенных правовых мифов в качестве средств легитимации и стереотипизации образцов поведения детерминирован социальными и государственными особенностями развития. Поэтому при планировании реформирования правовой реальности необходимо принимать в расчет специфику правовой традиции. В случае если правовой миф в ядре правовой культуры является заимствованным, результаты процесса правового регулирования будут контрпродуктивными. Последнее, в свою очередь, может оказать обратное влияние на ядро правовой культуры, разрушив его.

Список источников

1. Гусарова М.А. Образ права и власти как отражение правовой культуры в литературном наследии XI-XVII вв. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12(116).
2. Гусарова М.А. Правосознание как социокультурный феномен. Майкоп, 2017.
3. Гусарова М.А. Проблема духовных оснований русского правосознания в социально-философских учениях славянофилов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-2(73).
4. Клименко А.И. Основные правовые мифы в системе современной идеологии // Образование. Наука. Научные кадры. 2014. № 6.
5. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб., 2025.
6. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
7. Малинова И.П. Философия права и юридическая герменевтика. М., 2014.
8. Мид Дж. Г. Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи. 2-е изд. М., 2023.
9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2024.
10. Скоробогатов А.В. Естественные права человека как правовой миф // Конституционные права и свободы: проблемы интерпретации и реализации в национальных правовых системах: сб. статей Международной научно-практ. конф. Новополоцк, 2016.
11. Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовой миф как ценностная основа правовой реальности России // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 4(21). Т. 6.
12. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследование в области мифопоэтического. М., 1995.
13. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии. М., 1983.
14. Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.
15. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2024.
16. Юнг К. Сознание и бессознательное. СПб., 1997.

References

1. Gusarova M.A. The Image of Law and Authority as a Reflection of Legal Culture in the Literary Heritage of the 11th-17th Centuries // Society: Philosophy, History, Culture. 2023. № 12(116).
2. Gusarova M.A. Legal Consciousness as a Socio-Cultural Phenomenon. Maykop, 2017.
3. Gusarova M.A. The Problem of Spiritual Foundations of Russian Legal Consciousness in the Social and Philosophical Teachings of the Slavophiles // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice Issues. 2016. № 11-2(73).
4. Klimenko A.I. Basic Legal Myths in the System of Modern Ideology // Education. Science. Scientific Personnel. 2014. № 6.
5. Campbell J. The Hero with a Thousand Faces. St. Petersburg, 2025.
6. Losev A.F. Philosophy. Mythology. Culture. Moscow, 1991.
7. Malinova I.P. Philosophy of Law and Legal Hermeneutics. Moscow, 2014.
8. Mead J.G. Philosophy of the Present / edited by A.I. Murphy. 2nd ed. Moscow, 2023.
9. Propp V.Ya. Historical Roots of the Fairy Tale. Moscow, 2024.
10. Skorobogatov A.V. Natural Human Rights as a Legal Myth // Constitutional Rights and Freedoms: Problems of Interpretation and Implementation in National Legal Systems: Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conf. Novopolotsk, 2016.
11. Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. Legal myth as a value basis of the legal reality of Russia // Russian Journal of Legal Research. 2019. № 4 (21). Vol. 6.
12. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: a study in the field of mythopoetic. Moscow, 1995.
13. Frazer J. The Golden Bough: a study of magic and religion. Moscow, 1983.
14. Huebner K. The truth of myth. Moscow, 1996.
15. Eliade M. Aspects of myth. Moscow, 2024.
16. Jung K. Consciousness and the unconscious. St. Petersburg, 1997.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гусарова Марина Александровна, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, старший научный сотрудник. Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева. 350020, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gusarova Marina Aleksandrovna, *Grand PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines, Senior Researcher. North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev. 234, Red Partisans St., Krasnodar 350020 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 24–28.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 24–28.

Научная статья
УДК 340.12

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Желдыбина Татьяна Анатольевна
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Российская Федерация, tatyana130802@yandex.ru

Введение: *в статье дан анализ аксиологических оснований российского правотворчества. Внимание автора акцентировано на духовно-нравственных особенностях отечественной правотворческой традиции. Особое внимание уделено идеям христианских мыслителей. Актуальность исследования вызвана необходимостью построения нравственного государства, где правотворчество будет занимать ведущую роль.*

Материалы и методы: *методологическую основу работы составили диалектический метод научного познания, методы анализа и синтеза, исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, правового прогнозирования.*

Результаты исследования: *в статье изучены отдельные аспекты философско-религиозной мысли, связанные с духовно-нравственными, прежде всего христианскими основами правотворчества в России; выявлены особенности, учет которых содействует построению стратегии динамичного развития современной теории правотворчества.*

Выводы и заключения: *в статье сделан вывод о важности изучения христианско-философской мысли в процессе совершенствования теории правотворчества с учетом правопреемственности и цикличности правотворческого процесса*

Ключевые слова: *правотворчество, аксиология права, христианская мысль, духовно-нравственные ценности.*

Для цитирования: Желдыбина Т. А. *Духовно-нравственные основания российского правотворчества / Т. А. Желдыбина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 24–28.*

Original paper

THE SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIAN LAW-MAKING

Zheldybina Tatyana Anatolyevna
Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Introduction: *the article provides an analysis of the axiological foundations of Russian lawmaking. The author's attention is focused on the spiritual and moral features of the Russian law-making tradition. Special attention is paid to the ideas of Christian thinkers. The relevance of the research is caused by the need to build a moral state, where law-making will play a leading role.*

Materials and methods: *the methodological basis of the work consists of the dialectical method of scientific cognition, methods of analysis and synthesis, historical, formal-legal, comparative-legal, system-structural, legal modeling, legal forecasting.*

Results of the study: *the article examines certain aspects of philosophical and religious thought related to the spiritual and moral, primarily Christian foundations of law-making in Russia; identifies features that contribute to building a strategy for the dynamic development of modern law-making theory.*

Findings and conclusions: *the article concludes that it is important to study Christian philosophical thought in the process of improving the theory of lawmaking, taking into account the succession and cyclical nature of the law-making process.*

Keywords: *law, making, axiology of law, Christian thought, spiritual and moral values.*

For citation: Zheldybina T. A. *The spiritual and moral foundations of Russian law-making / T. A. Zheldybina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 24–28.*

Отечественное правотворчество характеризуется рядом особенностей. Одной из них является переплетение нравственных, духовных, ценностных и юридических оснований в процессе создания правовых норм. Аксиологические начала играют весомую роль в правотворческой деятельности.

Актуальность темы объясняется поиском путей развития современной теории правотворчества в контексте формирования нравственного государства, идея которого стала в настоящее время определяющей в исследованиях многих авторов (прежде всего С.Н. Бабурина, а также А.И. Левченкова, В.А. Глазкова, А.И. Соловьева, И.Н. Тяпина и др.).

В таком государстве правотворчество становится главным приоритетом, предполагает наличие постоянной общественной экспертизы, нравственной цензуры на соответствие принимаемых нормативных правовых актов высшим ценностям, которые установлены в государстве, а также задачам реализации нравственности в обществе [9, с. 284].

Традиционно российские право, философия, культура, искусство, литература, художественное творчество были глубоко проникнуты христианскими идеями. Православное направление было во многом духовной основой единства общества, что давало благодатную почву для исследований представителям различных областей научного знания.

С давних пор особенности мировосприятия объяснялись философско-религиозными и ценностно-нравственными началами в общественном сознании. Данный феномен нашел отражение и в правотворчестве.

Законодательно вероисповедание было закреплено еще в Основных государственных законах, ст. 40 которых гласила: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Католическая Восточного исповедания» [13, с. 10].

Современный законодатель также обозначает значимую роль православия в процессе функционирования общества. В преамбуле Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» признается особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры [15].

В пункте 6 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей отмечается особая роль православия в становлении и укреплении традиционных ценностей [11].

Русское национальное самосознание, имеющее гуманистическое, общинное начало, регламентация общественных отношений больше не законом, а нравственными основами, осмысление правовых явлений через христианское мировоззрение были российской традицией, что подтверждается исследовательским интересом ряда авторов.

Верна мысль о том, что «в России для налаживания высшего порядка в обществе и в человеке использовалось право как духовный синтез традиционной веры русского народа (православия), традиционной нравственности (правды) и немногочисленных законов государства, непротиворечащих им [14, с. 269].

Важным основанием российского права является принцип теоцентризма. Н.Ф. Медушевская отметила, что на его основе в правовой культуре России преобладают аспекты религиозно-духовной жизни, основанной на вере и универсальной благодати, противопоставляемой формальному закону, ограниченному лишь принуждением [7, с. 17].

Христианская мысль как результат деятельности разума, словесное или образное суждение складывается благодаря духовным наставникам, просветителям, прославившимся даром чудотворения и заступничества. Многие из них были страстотерпцами, совершившими духовный подвиг. Эта особенность отражает сущность отечественного философско-правового знания. Почитаемые православные святые – благоверные князья, преподобные, святители, монахи и послушники, толкователи христианских догматов, благочестивые одухотворенные праведники, удостоенные ореола святости, создают философско-правовые основы, являющиеся мощным научным фундаментом будущего. Образы этих людей получили широкое распространение в русской философско-религиозной мысли.

Как писал Н.А. Бердяев, «два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая, дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие» [3, с. 11].

Оставаясь в течение тысячи лет православной страной, Россия испытывала сильное влияние христианства с присущими ему идеалами добра, милосердия и сострадания. Чудотворцы почитались в русском государстве особенно. Их заступничество перед Богом, духовная чистота позволяли считать их особо чтимыми, уважаемыми, прославляемыми и почитаемыми народом. Подвиг святости, праведность, нестяжательство, отказ

от мирской жизни, дар чудотворения как при жизни, так и после смерти давали ориентиры, опору и надежду на духовное возрождение народа.

Некоторые русские князья (Борис и Глеб, Ярослав Мудрый, Владимир Святославич, Федор Черниговский, Евфросин Тверской и др.) были канонизированы в православии. Они снискали любовь и доверие народа милосердием, справедливостью, добрыми делами, благотворительностью, взаимопомощью и благопожеланием, уделяя внимание призрению малоимущих.

Например, смоленский князь Роман Ростиславович, который княжил в XII в., почти все средства тратил на нужды бедных, нищих, убогих, страждущих, на собственное погребение не оставив средств. Народ же в ответ собрал достаточную сумму денег и с почестями проводил его в последний путь [2, с. 217].

В народном представлении возникают определенные аффирмации, олицетворение власти с Божьей волей, мощью и суверенитетом, а принимаемых ей законотворческих решений как догматических неоспоримых положений.

«Доверие к власти, – писал И.А. Ильин, – есть признание ее правотворческой компетентности, ее правой воли и ее благонамеренной силы… есть молчаливое согласие на то, чтобы она взяла на себя дело правотворчества…» [5, с. 374].

Многие аспекты, по поводу которых дискутировали известные христианские мыслители, а затем имевшие отклик в трудах современных юристов, нашли отражение в российском праве и законодательстве. Общими принципами права являются принципы добросовестности, разумности, гуманизма и т. д. Дискуссии о справедливости воплотились в общих принципах права – принципе справедливости, закрепленном в Уголовном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Кодексе административного судопроизводства РФ.

Следует сказать, что достаточно позднее появление российского юридического образования и формирование альянса юристов как в теоретико-исторических, так и специально-юридических областях научного знания объясняет медленный процесс появления фундаментальных юридических исследований и становления теории правотворчества.

Профессор С.В. Липень отмечает, что формировавшаяся система категорий теории правотворчества к началу XIX в. еще не устоялась и преемственность в развитии идей правотворчества практически отсутствовала. Идеи и категории правотворчества, разрабатываемые в политико-правовой мысли России, отличались от западноевропейской меньшей степенью детализации и более активным обращением к фундаментальным религиозным, нравственным, социальным ценностям [6, с. 13].

Французский ученый-юрист, специалист в области сравнительного правоведения Р. Давид ранее указал на слабость юридических традиций и чувства права в России. Русская юридическая литература появилась лишь во второй половине XIX в. Писаное право было чуждо народному сознанию и представляло собой в основном административное право, не имеющее основ в частном праве. Содержательная часть частного права не интересовала огромное большинство населения [4, с. 157–158].

Не вызывает сомнений тот факт, что правовые установления связаны с системой ценностей в обществе, их осознанием, осмыслением и переоценкой, апробацией историческим опытом.

Ориентиры, основанные на базовых ценностях, определяют направления развития правотворческой деятельности и ее сущностные особенности [12, с. 43], идея законопроекта рождается в результате осознания и освоения определенных ценностей и затем посредством норм реализуется в правовой реальности [8, с. 165].

Правотворчество всегда выступает или должно выступать средством отражения существующих в обществе представлений о добре и зле, чести и совести, правде и неправде. Если эта связь теряется, то происходят революции, гражданские войны и другие социальные потрясения, так или иначе выводящие на «поверхность» идею справедливости и изменяющие существующие правопорядки [16, с. 21].

Профессор А.И. Овчинников высказывает следующее мнение. Основной операцией правового мышления является интерпретация, т. к. предмет и логического анализа, и теоретического познания составляет нечто уже понятое, а предмет понимания – еще не определенное. Логика применима после определения ясных границ между отдельными понятиями. Вследствие этого такие понятия, как «справедливость», «добропорядочность», «гуманность», «долженствование» и все многообразие оценочных категорий в праве, требуют прежде всего субъективной интерпретации, переживания, а потом уже логического анализа [10, с. 30].

Можно продолжить вышеуказанную мысль в контексте нашего анализа. Поиск идеалов правды и всечеловечности исходил из индивидуальных представлений об окружающем мире. Категории «милосердие», «взаимопомощь», «достоинство», «великодушие» и другие были близки и понятны русскому человеку. Преобладание коллективности над индивидуализмом, любовь к родине, патриотическое воспитание есть доминанты русского национального духа. Оценочные суждения (нередко впоследствии становившиеся правовыми понятиями) появлялись в процессе духовного совершенствования и возрастания.

Методологический поиск справедливого и несправедливого, добра и зла познается и сегодня через призму духовно-нравственных категорий и общечеловеческих ценностей, таких как мораль, нравственность, благо, свобода, равенство, ответственность, обязанности, долг, честь, совесть и т. д. Многие из них относятся к разряду конституционных.

Надо сказать, что понятия «добро» и «зло» в структурах и содержании мировых конституций встречаются в «чистом виде» редко, а больше в сложносоставных словах «добросовестность» и «злоупотребление» [1, с. 195–196]. В Конституции РФ отдельные духовно-нравственные конструкции получили воплощение в виде ценностей добра, справедливости, доброго имени, прав и свобод человека и гражданина, достоинства личности и т. д.

Национальный дух, правдоискательство, постижение истины и построение идеалов традиционно были свойственны русскому менталитету и объективно влияли на правосознание субъектов правотворчества. Мерилом эффективности правотворчества во многом выступает ценностный аспект, что предопределено историческим процессом развития российского государства. Процесс развития и углубления христианского мировоззрения ставил новые исследовательские задачи. Представляется, что духовно-нравственные основания российского правотворчества являются его национальной спецификой и нуждаются в дальнейшем изучении.

Список источников

1. Андреева Г.Н. Идеи добра и зла в конституциях // Вестник культурологии. 2023. № 3(106).
2. Басов Н.Ф. К 1000-летию преставления крестителя Руси: святой князь Владимир как основоположник великокняжеской благотворительности // Ипатьевский вестник. 2015.
3. Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М., 2016.
4. Давид Р. Основные правовые системы современности / пер. с фр. и вступ. ст. В.А. Туманова. М., 1988.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 томах / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 1994. Т. 4.
6. Липень С.В. Идеи правотворчества и правореализации в политико-правовой мысли России XIX – начала XX в.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013.
7. Медушевская Н.Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: автореф. дис. …д-ра юрид. наук. М., 2010.
8. Мороз Е.Н. Правотворческие ошибки в российском законодательстве: аксиологический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 12.
9. Нравственное государство. От теории к проекту / С.С. Сулакшин, В.Э. Багдасарян, М.В. [и др.] / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М., 2015.
10. Овчинников А.И. Правовое мышление: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2004.

References

1. Andreeva G.N. Ideas of Good and Evil in Constitutions // Bulletin of Cultural Studies. 2023. № 3 (106).
2. Basov N.F. On the 1000th Anniversary of the Death of the Baptist of Rus: Saint Prince Vladimir as the Founder of Grand Duke's Charity // Ipatiev Bulletin. 2015.
3. Berdyaev N.A. Russian Idea. Dostoevsky's Worldview. Moscow, 2016.
4. David R. Basic Legal Systems of Our Time / trans. from French and introduction by V.A. Tumanov. Moscow, 1988.
5. Ilyin I.A. Collected Works in 10 Volumes / compiled, introduction and commentary by Yu.T. Lisitsy. Moscow, 1994. Vol. 4.
6. Lipen S.V. Ideas of lawmaking and law enforcement in the political and legal thought of Russia in the 19th – early 20th centuries: author's abstract. dis. … Grand PhD in Law. Moscow, 2013.
7. Medushevskaya N.F. Intellectual and spiritual foundations of Russian law: author's abstract. dis. … Grand PhD in Law. Moscow, 2010.
8. Moroz E.N. Lawmaking errors in Russian legislation: axiological aspect // Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2011. № 12.
9. Moral state. From theory to project / S.S. Sulakshin, V.E. Baghdasaryan, M.V. [and others] / under the general editorship of S.S. Sulakshin. Moscow, 2015.

11. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 9.11.2022 № 809. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Пашенцев Д.А. Ценностная составляющая российской правовой традиции // Правотворчество как индикатор правовых ценностей: внутригосударственное, наднациональное и международное измерения / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2018.
13. Свод законов Российской Империи. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1.
14. Сорокин В.В. Типы правопонимания и сущность права. Барнаул, 2021.
15. О свободе совести и о религиозных объединениях: федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 6.04.2024 г. № 75-ФЗ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Чечельницкий И.В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014.

10. Ovchinnikov A.I. Legal thinking: author's abstract. dis. ... Grand PhD in Law. Krasnodar, 2004.
11. Fundamentals of state policy on the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 9.11.2022 № 809. Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. Pashentsev D.A. Value component of the Russian legal tradition // Lawmaking as an indicator of legal values: domestic, supranational and international dimensions / edited by I.L. Chestnov. St. Petersburg, 2018.
13. Code of laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1857. Vol. 1. Part 1.
14. Sorokin V.V. Types of legal understanding and the essence of law: Barnaul, 2021.
15. On freedom of conscience and religious associations: federal law of 26.09.1997 № 125-FL (as amended on 6.04.2024 № 75-FL). Access from the legal system «ConsultantPlus».
16. Chechelnitsky I.V. Justice in lawmaking: theoretical and legal research: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2014.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Желдыбина Татьяна Анатольевна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права. Саратовская государственная юридическая академия. 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zheldybina Tatyana Anatolyevna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of History of state and law. Saratov state Law Academy. 104, Chernyshevsky St., Saratov 410056 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 29–38.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 29–38.

Научная статья
УДК 340

ВНЕПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНОЧНЫХ ПОНЯТИЙ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Игнатенко Виктор Васильевич
Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация,
ignatenkovv@bgu.ru

Введение: *в статье анализируются особенности внеправовой природы оценочных понятий в праве. Большое внимание уделено рассмотрению логических, гносеологических, аксиологических и лингвистических особенностей этого вида понятий.*

Материалы и методы: *в рамках проведенного исследования использовались общенаучные и специальные методы исследования правовых явлений – диалектический подход, методы логического, системного, формально-юридического и компаративистского анализа.*

Результаты исследования: *автором выявлены основные внеправовые особенности оценочных понятий права, а также дано авторское определение этому виду понятий права. Под оценочными понятиями права предложено понимать детально не разъясняемые законодателем и обобщающие в себе наиболее общие типичные признаки определенных правозначимых явлений понятия права, конкретизация которых осуществляется путем оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения.*

Выводы и заключения: *в числе внеправовых особенностей оценочных понятий права в статье определены: открытый характер логической структуры этих понятий; обобщение в них наиболее существенных признаков отражаемых явлений в форме типизации; невозможность строгого формально-определенного терминирования; содержание в них как аксиологических, так и неценностных оценок.*

Ключевые слова: *оценка, типизация, правовые ценности, оценочные понятия права, правовые термины.*

Для цитирования: Игнатенко В. В. *Внеправовые особенности оценочных понятий в праве: теоретико-правовой аспект / В. В. Игнатенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 29–38.*

Original paper

EXTRALEGAL FEATURES OF EVALUATIVE CONCEPTS IN LAW: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

Ignatenko Victor Vasilyevich
Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: *the article analyzes the features of the extra-legal nature of evaluative concepts in law. Much attention is paid to the consideration of logical, epistemological, axiological and linguistic features of this type of concepts.*

Materials and methods: *the study used general scientific and special methods for studying legal phenomena - a dialectical approach, methods of logical, systemic, formal-legal and comparative analysis.*

Results of the study: *the author identified the main extra-legal features of evaluative concepts of law, and also gave the author's definition of this type of legal concepts. It is proposed to understand evaluative concepts of law as concepts of law that are not explained in detail by the legislator and generalizing the most general typical features of certain legally significant phenomena, the specification of which is carried out through evaluation within a specific law enforcement situation on the basis of discretion.*

Findings and conclusions: *among the extra-legal features of evaluative concepts of law, the article defines: the open nature of the logical structure of these concepts; generalization in them of the most essential features of the reflected phenomena in the form of typification; impossibility of strict formally defined terminology; the content in them of both axiological and non-value assessments.*

Keywords: *assessment, typification, legal values, evaluative concepts of law, legal terms.*

For citation: Ignatenko V. V. *Extralegal features of evaluative concepts in law: theoretical and legal aspect // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 29–38.*

Правовая оценочно-понятийная проблематика вот уже более полувека находится под пристальным вниманием исследователей в отечественной правовой науке. От оригинальных научных статей до обстоятельных монографий об оценочных понятиях права – такова траектория научного осмысления природы этого класса понятий права и особенностей их правоприменительной конкретизации.

Первой диссертацией, посвященной общетеоретическому анализу оценочных понятий права, было исследование Т.В. Кашаниной, ставшее существенным вкладом в развитие теории оценочных понятий права [1]. Впоследствии также были защищены диссертации, в которых с позиций общей теории права рассматривались актуальные проблемы оценочных понятий права [2; 3; 4; 5].

Большой интерес также представляют диссертационные исследования, в которых изучались особенности толкования и применения правовых норм с оценочными понятиями в различных отраслях российского права [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Несмотря на ощутимый прирост научных знаний об оценочных понятиях права, в отечественной юридической науке немало проблемных вопросов, в том числе общетеоретических, остаются дискуссионными. До настоящего времени сильно разнятся позиции ученых на природу и содержание внеправовых и правовых особенностей оценочных понятий права.

В настоящей статье предложен анализ внеправовых особенностей оценочных понятий права с привлечением результатов соответствующих научных разработок в областях логики оценок, аксиологии и лингвистики.

Правовые понятия и термины – это своеобразный и единственный в своем роде «строительный» материал, используемый законодателем при конструировании и изложении правовых норм.

Правовые понятия заключают в себе в концентрированном виде информацию о реальной и желаемой действительности и позволяют правовым нормам относительно лаконично и обобщенно моделировать значимые для правового воздействия определенные ситуации. Имея предметом отражения в форме обобщения соответствующие государственно-правовые явления, правовые понятия, закрепленные в тексте законов или иных нормативных правовых актов, становятся понятиями права. Такое терминологическое различение важно, ибо заменить или исключить понятия, включенные в закон, изменить их значение может только законодатель.

Понятия права можно рассматривать в системе трех теоретических измерений: во-первых, в качестве основных носителей интеллектуального содержания права; во-вторых, в качестве выразителей волевого содержания права; в-третьих, в качестве обязательного элемента специально-юридического содержания права [13, с. 36]. По понятиям права мы судим о социальной направленности законов, об их идейном и политическом звучании, о технико-юридических достоинствах и недостатках тех или иных нормативных правовых актов, о степени гибкости и точности правового регулирования. Понятия права – это концентрированные сгустки знаний об определенных социальных реалиях прошлого и настоящего, а также информация о волевых устремлениях законодателя, обращенных в будущее. Изложенное в полной мере относится ко всем понятиям права, в том числе и к оценочным.

Понятия права – главное средство обобщений в праве. В зависимости от характера обобщения понятия права могут быть конкретными и абстрактными, в зависимости от степени определенности – абсолютно определенными или относительно определенными. Если содержание относительно определенного понятия права можно определить только посредством оценки соответствующей конкретной ситуации на основе общих критериев, заложенных в праве, то такое понятие будет оценочным. Иными словами, *оценочные понятия права – это детально не разъясняемые законодателем и обобщающие в себе наиболее общие типичные признаки определенных правозначимых явлений понятия права, конкретизация которых осуществляется путем оценки в рамках конкретной правоприменительной ситуации на основе усмотрения*.

Оценочные понятия права объективно необходимы и при соответствующих условиях задают законодательству определенную степень стабильности и регулятивной прочности, снижают в ряде случаев противоречия, возникающие в результате нормативно-правового формализма. Вместе с тем, как показывает опыт, чрезмерное и неоправданное включение оценочных понятий в законы и иные нормативные правовые акты способно привнести разнобой в правоприменительную практику. Сложность толкования и применения правовых норм с оценочными

понятиями, связанными с их внеправовыми и правовыми особенностями, таит в себе опасность проявления субъективизма и нарушения прав человека и гражданина. Большое значение в связи с этим имеет поиск и анализ закономерностей рационального и оптимального использования оценочных понятий при проектировании правовых норм [14, с. 201].

К оценочным понятиям права, в частности, можно отнести следующие понятия, говорящие сами за себя: в Уголовном кодексе РФ – «малозначительность» (ч. 2 ст. 14); «крупный размер» (ч. 3 ст. 162); «общественно значимая информация» (ч. 1 ст. 207.2); «оскорбление памяти защитников Отечества» (ч. 3 ст. 354.1); «иные тяжкие последствия» (ч. 3 ст. 279); «значительный имущественный ущерб» (ч. 2 ст. 281)[1]; в Кодексе РФ об административных правонарушениях – «малозначительность совершенного административного правонарушения» (ст. 2.9); «характер административного правонарушения», «имущественное положение» (ч. 2 ст. 4.1); «исключительные обстоятельства» (ч. 2.2 ст. 4.1); «иные объекты» (ч. 2 ст. 5.12); «уважительные причины» (ч. 1 ст. 5.35.1); «неприличная форма» (ч. 1 ст. 5.61); «иные насильственные действия» (ст. 6.1.1); «значительный ущерб» (ст. 7.17); «другие места обитания животных» (ст. 8.29); в Трудовом кодексе РФ – «исключительные случаи» (ч. 2 ст. 72.2); «уважительные причины» (п. 5 ст. 81); «грубое нарушение» (п. 6, п. 10 ст. 81); «аморальный проступок» (п. 8 ст. 81); в Гражданском кодексе РФ – «иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав» (п. 1 ст. 10); «мелкие бытовые сделки» (п. 2 ст. 28); «тяжелое материальное положение» (п. 1 ст. 30); «недобросовестные и неразумные действия (бездействие)» (п. 1 ст. 53.1).

Приведенная выше дефиниция оценочных понятий права еще не вскрывает всех существенных черт этих понятий и требует детального анализа их отличительных особенностей.

Как известно, термином «оценочное понятие» оперируют многие науки: логика, аксиология, лингвистика, правоведение и др.[2] Юридическая наука вкладывает в этот термин свое, специальное значение, призванное отразить, с одной стороны, специфику понятийного аппарата правоведения, с другой – особенности реальной правовой действительности.

С точки зрения такого понимания оценочные понятия права характеризуются определенными правовыми особенностями. Однако, несмотря на вполне очевидную для правоведения частнонаучную специфику в понимании оценочных понятий, между правовой и иными науками в этом понимании есть и нечто общее, позволяющее на междисциплинарном уровне с единых методологических позиций плодотворно изучать эти понятия и тем самым взаимно обогащать правовое и иные частнонаучные представления о них. Именно на таком уровне и познаются внеправовые (логико-гносеологические, лингвистические и др.) особенности оценочных понятий. Эти особенности лежат в основе правовых. Благодаря именно им оценочные понятия и приобретают свой особый, во многом уникальный, функциональный статус в рамках права.

В основе специально-юридического понимания оценочных понятий лежат преимущественно их правовые особенности. На них как раз и сосредоточено основное внимание исследователей юридической оценочно-понятийной проблематики. Однако в целях достижения наиболее полного и цельного представления об оценочных понятиях права юридическую науку в равной мере должны интересовать как их правовые, так и внеправовые особенности. Последние, как показывает анализ соответствующей юридической литературы, остаются менее изученными. Очевидно, это объясняется тем, что до недавнего времени исследователями не всегда четко осознавалась необходимость такого разделения особенностей[3]. В связи с этим сразу оговоримся, что принимаемое в настоящей статье разделение особенностей оценочных понятий права на правовые и внеправовые, хотя и условно – эти особенности диалектически взаимосвязаны и различимы лишь в абстракции, – но необходимо в силу ряда причин. Как думается, такой подход способен сделать юридическую оценочно-понятийную теорию более строгой, близкой и восприимчивой к аналогичной

[1] По подсчетам Д.Р. Касимова, в действующем Уголовном кодексе РФ закреплено более 210 оценочных понятий [12, с. 3].

[2] В лингвистике, например, оценочными являются слова и высказывания, которые в сочетании с модальными словами закрепляют в соответствующих структурах языка, определенные ценностные отношения [15, с. 6–7].

[3] На это впервые было обращено внимание Т.В. Кашаниной [1, с. 8]. Правда, помимо правовых, она предложила выделять не внеправовые особенности оценочных понятий права, а только логико-гносеологические. Тем самым анализ внеправовых особенностей ею был сведен только до уровня логико-гносеологических свойств оценочных понятий.

проблематике других наук, существенно повысить ее объяснительный потенциал и в целом открыть возможность более глубокого проникновения в сущность оценочных понятий права.

Особенности оценочных понятий права – это их общие черты, которые проявляются в единстве единичного (неповторимого) и общего (повторяющегося). Эти общие черты, освобожденные от случайных и просто повторяющихся свойств и связей оценочных понятий и потому ставшие для них *необходимо общими чертами*, выступают в роли *особенного*, т. е. того, что составляет природу оценочных понятий права, выражает их специфику и отличает их от других понятий права.

Итак, обратимся к общетеоретической характеристике оценочных понятий права в рамках анализа их внеправовых особенностей.

Характеризуя эту группу особенностей, прежде всего следует отметить, что в логико-гносеологическом плане оценочные понятия права являются разновидностью абстрактных понятий и отражают, строго говоря, не сами явления и их материальные субстраты, а какие-либо значимые для данной конкретной праворегламентируемой ситуации свойства, мысленно отвлеченные от их носителей[4], например, вредные последствия, грубое нарушение правил, значимость предмета и др. Однако указанная особенность оценочных понятий носит слишком общий характер и не вскрывает в должной мере специфики отражения ими явлений объективной реальности.

Как отмечалось выше, впервые в юридической литературе вопрос о необходимости обстоятельного изучения логико-гносеологических особенностей оценочных понятий права был поставлен Т.В. Кашаниной. Постановка этого вопроса была признана в литературе удачной, способствующей существенному обогащению представлений об оценочных понятиях в праве[5]. Но удачной оказалась сама постановка вопроса. Отдавая должное правильному выбору области поиска, благодаря которому впоследствии был действительно достигнут ощутимый прирост знаний в теории оценочных понятий права, следует отметить, что выводы Т.В. Кашаниной оказались не бесспорными. Так, по ее мнению, в логико-гносеологическом аспекте «оценочные понятия – это обобщения разнообразных предметов, явлений, действий, процессов», которые фиксируют лишь наиболее общие признаки явлений [1, с. 6].

Эти выводы были подвергнуты убедительной, на наш взгляд, критике со стороны В.Е. Жеребкина. Действительно, как логические формы оценочные понятия не могут быть более или менее совершенными в отличие от иных понятий. Во-первых, утверждение о том, что оценочные понятия суть «обобщения разнообразных предметов», не согласуется с трактовкой в логике категории «объем понятия». «Объем любого понятия образует некоторая однородная масса предметов. Их представляет в нашем мышлении тот или иной термин, знак, понятие только потому, что они тождественные в своей сущности, являются однородными» [17, с. 131]. И во-вторых, в соответствии с общепринятыми канонами логики «всякое понятие, в том числе и оценочное, если оно является таковым, отражает наиболее общие, существенные признаки предметов» [17, с. 130]. Следовательно, поиск логико-гносеологических особенностей должен осуществляться, хотя и в этом русле, но в иной плоскости. Конструктивность отмеченной критики, произведенной В.Е. Жеребкиным, в том и выражалась, что им было предложено искать специфическое оценочных понятий прежде всего в структуре их содержания [17, с. 131].

Анализ логических структур **оценочных** и **неоценочных**[6] понятий права позволяет наиболее рельефно показать их отличительные особенности. Логическая структура понятий точного значения представляет собой замкнутую, закрытую систему. Число структурных элементов (признаков) в этих понятиях стабильно и конечно. Они соединены между собой конъюнктивной связью (означает союз «и» и обозначается символом «^»). Логическую структуру этих понятий можно выразить формулой: **N есть a ^ в ^ c ^ d … n** [17, с. 132]. Применение таких понятий, по крайней мере в логико-гносеологическом отношении, относительно просто. «Субъект познания, применяющий неоценочное понятие, решает в основном две задачи: 1) он

[4] В основу изложенного положено понимание абстрактных понятий, предложенное Н.И. Кондаковым [16, с. 12].
[5] По этому поводу В.Е. Жеребкин справедливо отметил, что логико-гносеологический аспект не только правомерен, но и целесообразен и оправдан, ибо «побуждает к теоретическому осмыслению оценочных понятий, способствует более обстоятельному их исследованию, выявлению тех специфических особенностей, которыми отличаются оценочные понятия от всех других понятий права» [17, с. 129].
[6] Слова «неоценочные понятия», «формально-определенные понятия», «понятия точного значения» рассматриваются нами в едином синонимическом ряду.

должен знать, какая совокупность признаков (а, в, с, d, е и т. д.) образует содержание применяемого понятия и 2) установить наличие той или иной совокупности признаков в конкретном явлении (деянии) Q» [17, с. 134].

Абсолютное большинство понятий точного значения (формально-определенных) содержится в законах и иных нормативных правовых актов. Они в совокупности с иными средствами придают законодательству качества формальной определенности.

Напротив, логическая структура оценочного понятия права открыта в силу того, что число ее структурных элементов (признаков) не стабильно и не конечно. Такая структура получается в результате приращения в структурный ряд признаков неоценочного понятия дополнительного ряда признаков, связываемого с первоначальным дизъюнктивной связью – означает союз «или» и обозначается символом **V** [17, с. 135]. Самостоятельно, вне структуры формально-определенного понятия, оценочное понятие права существовать, как правило, не может. Эта особенность и является логико-гносеологической предпосылкой их правильной конкретизации. На языке логики структура оценочного понятия права будет выглядеть следующим образом: **N есть a ^ в ^ c ^ d ^ e v f v k v I v m v n VO…VX1… VX2…** Чертой отмечен основной ряд признаков, т. е. конъюнктивно связанных, образующих структуру понятия точного значения. А признаки **f, k, I, m, n, X1, X2** придают ему в целом оценочный характер и являют в итоге логический структурный ряд оценочного понятия права (от *а* до *X2*).

Структурный признак (элемент) также может быть развернут в логический ряд, только он будет «вертикальный» и таким образом на логическую структуру всего оценочного понятия («горизонтальный ряд») влиять не будет. Изложенное приводит к выводу, что одной из существенных отличительных черт оценочных понятий права следует считать открытый характер их логической структуры[7].

Рассмотренное оставляет открытым вопрос: чем же объясняется открытый характер логической структуры оценочных понятий права или, иными словами, какими факторами он детерминирован. Постановка такого вопроса не случайна, если учесть, что незамкнутость логической структуры оценочных понятий права есть следствие (результат) в какой-то мере специфичного способа обобщения. Специфичного, но в какой мере? В.Е. Жеребкин, обстоятельно проанализировавший особенности логической структуры оценочных понятий права, ответа на этот вопрос не дает. Т.В. Кашанина, уделившая внимание гносеологическому аспекту специфики обобщения явлений в оценочных понятиях, дала ответ на этот вопрос, но, как отмечалось выше, противоречащий ряду положений логики.

Понимая сложность поставленного вопроса для правоведа, обратимся в поисках правильного ответа к исследованиям специалистов в области логики оценок. На наш взгляд, специфика обобщения явлений реальной действительности в оценочных понятиях права может быть наиболее адекватно объяснена не с позиций классической, формальной логики, а с точки зрения теории и логики нечетных множеств[8]. Для этого воспользуемся пониманием нечеткого (нежесткого) множества, развиваемого в работах логиков Л.А. Заде, Ю.А. Зака, Д.П. Горского, А. Кофмана и др., учитывая при этом, что указанными исследователями особо подчеркивается прикладное значение теории нечетких множеств для наук об обществе, где преобладают неопределенность и нечеткость изучаемых ситуаций [19; 20; 21; 22; 23; 24].

Как известно, с позиций формальной логики элемент **X** (или группа элементов **X**) однозначно принадлежит или не принадлежит множеству **A** [24, с. 105]. «По отношению к нечетным множествам этого сказать нельзя. Когда мы говорим, что элемент **X** принадлежит **A** (**A** – нечеткое множество), то это означает, что **X** принадлежит **A** лишь с известной степенью принадлежности. Выражение

A={ (x1 / 0,2), (x2 / 0), (x3 / 0,3), (x4 / 1), (x5 / 0,8) } (1) –

означает, что элементы **x1, x2, x3, x4, x5,** взятые из более широкого множества *E*, чем **A** (куда последнее входит в качестве правильного подмножества), принадлежат нечеткому множеству **A** с разной степенью. Так, **x1** принадлежит ему со степенью 0,2, **x2** принадлежит ему со степенью 0 (т. е. он не принадлежит ему), **x3** принадлежит ему со степенью 0,3, **x4** принадлежит ему со степенью 1 (т.е. принадлежит ему безусловно), **x5** принадлежит ему со степенью 0,8» [25, с. 105]. Если представить изложенную формулу в динамическом срезе, то степени принадлежности элементов **X** множеству **A**

[7] По мнению Р.О. Опалева, «основным логическим признаком оценочных понятий является не открытый характер их логической структуры, а нечеткость их содержания» [10, с. 8].
[8] Понятие «нечеткое множество» было введено в науку Л.А. Заде в 1965 г. [18, p. 338–353].

все время будут изменяться и варьировать с изменением их временных и пространственных параметров. Заранее будет невозможным установить степень соответствия всех этих элементов множеству **A**. Однако на определенное время возможно выделение элементов, которые, безусловно, будут (т. е. со степенью 1) принадлежать множеству **A**. Такая совокупность элементов будет представлять собою *тип* нечеткого множества **A**.

Оценочные понятия права – это понятия о *типе* определенных правозначимых явлений. Ими, в отличие от формально-определенных понятий права, отражаются (обобщаются) не классы наиболее общих признаков явлений как жесткие заданные множества, а типы наиболее общих признаков. Обобщение в форме типизации детерминирует незамкнутый характер логической структуры оценочных понятий права.

Таким образом, на наш взгляд, существенной внеправовой (логико-гносеологической) особенностью оценочных понятий права следует считать специфическое свойство этих понятий обобщать наиболее значимые признаки определенных праворегламентируемых явлений в виде их *типизации*.

Другой внеправовой (лингвистической) особенностью оценочных понятий права является объективная невозможность их терминирования. Иными словами, оценочные понятия права в строгом смысле не могут быть признаны терминами[9], т. к. не удовлетворяют их основным требованиям, в числе которых в лингвистической литературе обычно называют: точную соотнесенность с понятием, лексико-понятийную системность, однозначность, отсутствие синонимии и омонимии, функциональную ограниченность, отсутствие коннотаций (эмоционально-экспрессивной и иной окраски) и др.[10] Однако это не означает отсутствия у оценочных понятий права своей, особой, внелогической «строгости», которая обусловливается включением этих понятий в тексты нормативных актов. Именно с этой точки зрения оценочные понятия права в некоторой степени родственны терминам. Но эта родственность объясняется не логико-семантическими и гносеологическими, а правовыми особенностями оценочных понятий права, в силу которых изменить конкретное наименование и общий смысл у конкретных понятий права может только законодатель, а правоприменительную конкретизацию рассматриваемых понятий можно правильно осуществить только на основе общих критериев, выработанных законодателем и юридической практикой.

При изучении оценочных понятий права необходимо учитывать также, что они имеют двойственный языковый статус. Это выражается в том, что эти понятия являются достоянием как самого языка права (текст закона в широком понимании последнего), так и его метаязыка (язык юридической науки и практики)[11]. Смешение этих двух подходов иногда приводит к некорректным и противоречивым суждениям и выводам. Так, в свете изложенного нельзя согласиться с определением, данным В.Е. Жеребкиным: «Оценочные понятия – это неопределяемые в законе, теории или судебной практике термины правовой науки» [17, с. 129]. Здесь возникает ряд вопросов. К примеру, почему «термины правовой науки» должны определяться в законе или судебной практике? Пожалуй, это задача самой правовой науки. Или – разве неопределяемость оценочных понятий права абсолютна? Ведь в некоторых случаях они находят свою частичную (относительную) интерпретацию в законе. Что же касается оценочного понятия как термина правовой науки, то его определение и является одной из частных задач этой науки. По этим же соображениям представляется некорректным противопоставление В.Е. Жеребкиным неоценочных понятий науки и оценочных понятий закона [17, с. 130–132].

Оценочные понятия права являются, с одной стороны, разновидностью научных понятий и включены в понятийный аппарат юридической науки, с другой – правовыми понятиями, используемыми законодателем для изложения правовых предписаний. Поскольку понятийное различение этих двух уровней является не просто терминологическим, но и принципиальным теоретическим вопросом, отметим их основные отличительные признаки.

В первом своем значении оценочные понятия права:

– являются терминами (терминируемы);

– определяемы (дефинируемы);

[9] «Термины – это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей», – отмечал известный языковед А.А. Реформатский [26, с. 61].

[10] О требованиях к терминам см.: [26, с. 61–66; 27, с. 45; 28, с. 11–14].

[11] На необходимость различения этих двух подходов в числе первых в отечественной юридической науке обратил внимание А.Ф. Черданцев [29, с. 101–102]. В развитие этого методологического принципа И. Грязин предложил различать «тексты действующих нормативных актов» и «метаязычные правовые тексты» [30, с. 22—23].

– объективируются в научных или документальных текстах;

– значимы в контексте правовых или близких к ним (междисциплинарных) исследований;

– выступают как абстрактный объект и одновременно как способ (средство) познания правовых явлений.

Во втором значении оценочные понятия права:

– терминами не являются;

– исчерпывающим образом не определяемы;

– объективируются в текстах законов и иных нормативных правовых актов;

– значимы в контексте нормы-носителя;

– вместе с нормой-носителем выполняют функцию индивидуального поднормативного регулирования общественных отношений.

В целях наиболее обстоятельного изложения исходных положений о сущности оценочных понятий права, без которого не мыслится их «полноценное» общетеоретическое исследование, нельзя обойти и вопрос о соотношении «оценки», «правовой нормы» и «оценочного понятия права». Не вдаваясь в подробный анализ, который уведет за рамки темы, постараемся в краткой форме осветить указанный вопрос.

В наиболее общем плане оценка является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего мира для жизнедеятельности человека. Как отмечается исследователями, «оценка – это прежде всего умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к объекту оценивания с целью определения значения оцениваемого объекта для жизнедеятельности оценивающего субъекта» [31, с. 108].

Представляется, что юридической наукой, в отличие от иных наук, в основу оценочных понятий положено широкое понимание оценки, в котором, безусловно, превалирует аксиологический аспект[12]. Это, на наш взгляд, одна из существенных внеправовых характеристик оценочных понятий права.

Сама по себе любая правовая норма, является ли она носителем оценочного понятия или нет, имплицитно содержит оценку. В связи с этим П.М. Рабинович правильно отмечал, что оценка присутствует в правовой норме «не в качестве самостоятельной части нормы и не в явно выраженной языковой форме. Оценка проникла в норму, не поглотив, не исчерпав ее. Но и норма есть нечто отличное от оценки… Норма выполняет роль масштаба, оценивания поведения именно потому, что в ней снята, переработана оценка» [33, с. 27].

Такого же подхода в вопросе о соотношении оценки и правовой нормы придерживалась и Е.А. Лукашева, которая писала по этому поводу: «Суждение о ценности, полезности того или иного способа поведения, которое соответствует осуществлению интересов общества, класса, группы, становится независимым от данной конкретной деятельности, поступка, но приобретает значение масштаба, критерия оценки будущих поступков. Будучи объективной, оценка выступает в виде требования к будущим поступкам. Так происходит трансформация суждения о ценности в норму» [34, с. 57]. Правовая норма во всех без исключения случаях – результат аксиологического (ценностного) познания законодателя, следовательно, всегда содержит в себе аксиологическую оценку[13].

В основе оценочных понятий права не всегда лежат аксиологические оценки, если рассматривать эти понятия отдельно, изолированно от их правовых норм-носителей. Является ли данное нарушение грубым или негрубым, злостным или незлостным, а материальный ущерб – существенным или нет – суть ценностные суждения. Законодатель как бы кодирует на языке права свое ценностное отношение к праворегламентируемым отношениям, прибегая в необходимых случаях к оценочным понятиям. Во всех ли случаях оценочные понятия – технико-юридическое, языковое средство выражения такого ценностного отношения? Думается, что нет.

[12] Б.А. Кислов в своей монографии, изданной в 1985 г. и не потерявшей своей актуальности до настоящего времени, отметил, что ценностная (аксиологическая) оценка является оценкой в собственном смысле этого слова и выступает «особым, несводимым ни к одному из известных феноменов сознания и деятельности человека образованием» [32, с. 8]. «Неаксиологические оценки, – замечает цитируемый автор, – будучи чаще всего лишь иным наименованием процедур сравнения, сопоставления, отнесения к определенному классу, никаких особых (по сравнению с собственно познанием) проблем не порождают и вполне могут быть интерпретированы в терминах гносеологии» [32, с. 8]. Разделяя вслед за Б.А. Кисловым и другими авторами необходимость разграничения двух типов оценок, полагаем, что оба эти типа имеют право на существование и могут быть объектами анализа.

[13] Разумеется, здесь нельзя не учитывать специализацию правовых норм. Специализированные правовые нормы участвуют в создании (коррекции) аксиологических оценок на основе соответствующих регулятивных и охранительных норм.

Однако при развернутом ответе на этот вопрос предвидятся две возможные крайности: либо все оценочные понятия права наполнять аксиологическим содержанием; либо, как правило, в рамках конструирования общего понятия «правовая оценка» игнорировать или недооценивать аксиологический аспект применительно к рассматриваемым понятиям. Главным здесь видится не противопоставление и не преувеличение аксиологического и сугубо юридико-догматического подходов, а выявление в оценочно-понятийной проблематике аксиологического только там, где оно имеется.

По замечанию А.А. Ивина, оценочные понятия используются для характеристики абсолютной или сравнительной ценности объекта [35, с. 27]. По его мнению, существуют «две независимые системы аксиологических координат, используя которые человек выносит свои оценки. Система абсолютных оценочных понятий стоит ближе к человеческому действию, чем система сравнительных оценочных понятий» [35, с. 27–28].

Принципиальное различие между аксиологическими и неаксиологическими оценками заключается в том, что «в первом случае устанавливается не соответствие мысленного образа какой-либо вещи самой этой вещи, а соответствие нашего представления об общественном значении (в данном случае правовом. – Прим. авт.) некоторой вещи ее реальному положению в определенной системе общественных отношений» [36, с. 253]. Оба типа оценок, на разных уровнях кодируемых в оценочных понятиях права, в реальной действительности очень тесно переплетены, а их разделение возможно лишь в абстракции. Они в своем единении как бы символизируют тесную связь (но не тождество) познания и оценки. Если неаксиологические оценки интерпретируемы в терминах гносеологии и в сфере права, как правило, означают необходимость обращения к специальным отраслям знания, то для аксиологических оценок этого явно недостаточно. Последние осуществляются с позиций правовых и иных социальных норм, с позиций правосознания правоприменителя и достигнутого им профессионального и жизненного опыта.

С учетом изложенного представляется целесообразным (конечно, с известной долей условности) все оценочные понятия права разделить на три группы:

1) понятия, на основе которых возникают только аксиологические оценки;

2) понятия, заключающие в себе аксиологические оценки с поглощением последними неценностных оценок;

3) понятия, на основе которых развертываются только неценностные оценки.

Характер оценок, присущий первой и третьей группам оценочных понятий, сомнений не вызывает. В первом случае это моральные и эстетические оценки, в последнем – технические, пиротехнические, фармакологические, стоимостные и другие оценки, требующие специальных познаний. Что же касается второй группы оценочных понятий, то на их основе возникает несколько оценок, результативная из которых всегда будет аксиологической. Придание этой группе оценочных понятий права относительно самостоятельного значения имеет важное прикладное значение. Решение, принятое на основе правовых норм с этими понятиями, должно быть мотивировано не только соответствующими стоимостными и техническими данными (этого недостаточно), но и иными ситуационными данными.

Как видим, в оценочных понятиях права складываются либо аксиологические, либо неаксиологические оценки. Это говорит о том, что в их основу должно быть положено широкое понимание оценки (не только ценностное). В этом, полагаем, и заключается одна из внеправовых особенностей оценочных понятий права.

Выявление вида (типа) оценки, заложенной в оценочном понятии права, имеет не только большое теоретическое, но и важное прикладное значение для сферы законотворчества, т. к. всегда остается актуальной проблема допустимой формализации законодателем оценочных понятий права. В тех случаях, когда в оценочном понятии права заложены не аксиологические (ценностные) оценки, а другие (количественные, сравнительные и иные гносеологические оценки), целесообразно рассмотрение вопроса о замене оценочного понятия права на формально-определенное понятие права с конкретным содержанием.

Подытоживая анализ внеправовых особенностей оценочных понятий права, отметим, что к их числу относятся: 1) открытый характер логической структуры; 2) обобщение наиболее существенных признаков отражаемых явлений в форме типизации; 3) нетерминируемость; 4) содержание в них как аксиологических, так и неаксиологических оценок.

Список источников

1. Кашанина Т.В. Оценочные понятия в советском праве: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1974.
2. Левина Д.Н. Теоретические проблемы толкования и применения оценочных понятий: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.
3. Фетисов О.Е. Оценочные понятия в праве: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009.
4. Рясина А.С. Оценочные категории: общетеоретический и нравственно-правовой аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
5. Белоусова К.А. Оценочные категории в праве: вопросы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2019.
6. Безруков С.С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.
7. Миронов А.В. Оценочные понятия в избирательном законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004.
8. Коробец Б.Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве: социальная обусловленность и юридическая сущность: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
9. Степанова Е.А. Оценочные понятия трудового права: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005.
10. Опалев Р.О. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
11. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2010.
12. Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2022.
13. Кашанина Т.В. Правовые понятия как средство выражения содержания права // Советское государство и право. 1981. № 1.
14. Игнатенко В.В. Правовое качество законов об административных правонарушениях. Иркутск, 1998.
15. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2020.
16. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976.
17. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев, 1976.
18. Zadeh L. A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. Т. 8. № 3.
19. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М., 1976.

References

1. Kashanina T.V. Evaluation concepts in Soviet law: dis. ... PhD in Law. Sverdlovsk, 1974.
2. Levina D.N. Theoretical problems of interpretation and application of evaluative concepts: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2007.
3. Fetisov O.E. Evaluation concepts in law: problems of theory and practice: dis. ... PhD in Law. Tambov, 2009.
4. Ryasina A.S. Evaluation categories: general theoretical and moral-legal aspects: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2012.
5. Belousova K.A. Evaluation categories in law: issues of theory and practice: dis. ... PhD in Law. Belgorod, 2019.
6. Bezrukov S.S. Evaluation concepts and terms in criminal procedure legislation: dis. ... PhD in Law. Omsk, 2001.
7. Mironov AV Evaluation concepts in the electoral legislation of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. Vladivostok, 2004.
8. Korobets BN Evaluation concepts in Russian criminal law: social determination and legal essence: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2007.
9. Stepanova EA Evaluation concepts of labor law: dis. ... PhD in Law. Rostov n / D, 2005.
10. Opalev RO Evaluation concepts in arbitration and civil procedural law: dis. ... PhD in Law. Yekaterinburg, 2008.
11. Lukyanenko MF Evaluation Concepts of Civil Law: dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2010.
12. Kasimov D.R. Theoretical and Applied Aspects of Evaluation Concepts in Criminal Law: dis. ... PhD in Law. Izhevsk, 2022.
13. Kashanina T.V. Legal Concepts as a Means of Expressing the Content of Law // Soviet State and Law. 1981. № 1.
14. Ignatenko V.V. Legal Quality of Laws on Administrative Offenses. Irkutsk, 1998.
15. Wolf E.M. Functional Semantics of Evaluation. Moscow, 2020.
16. Kondakov N.I. Logical Dictionary-Reference Book. 2nd ed., corrected. and add. Moscow, 1976.
17. Zherebkin V.E. Logical analysis of legal concepts. Kyiv, 1976.
18. Zadeh L.A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. Vol. 8. № 3.
19. Zadeh L.A. The concept of a linguistic variable and its application to making approximate decisions. Moscow, 1976.
20. Kofman A. Introduction to the theory of fuzzy sets. Moscow, 1982.
21. Yarushkina N.G. Fundamentals of the theory of fuzzy and hybrid systems. Moscow, 2004.
22. Friedrich A. Logic und Fuzzy-Logic. Expert Verlag. Stuttgard, 2006.

20. Кофман А. Введение в теорию нечетких множеств. М., 1982.
21. Ярушкина Н.Г. Основы теории нечетких и гибридных систем. М., 2004.
22. Friedrich A. Logic und Fuzzy-Logic. Expert Verlag. Stuttgard, 2006.
23. Зак Ю.А. Принятие решений в условиях нечетких и размытых данных: Fazzy-технологии. М., 2013.
4. Болодурина И.П., Дусакова С.Т. Введение в теорию нечетких множеств и систем. Оренбург, 2021.
25. Горский Д.П. Логические аспекты методологии обществознания // Вопросы философии. 1984. № 6.
26. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 1996.
27. Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. Рязань, 1984.
28. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: вопросы теории. М., 1989.
29. Черданцев А.Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. 1973. № 2.
30. Грязин И. Текст права. Опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллин, 1983.
31. Сутужко В.В. Структура, принципы и классификация понятия «оценка» // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. XVIII. № 4.
32. Кислов Б.А. Проблема оценки в марксистско-ленинской философии: вопросы теории и методологии. Иркутск, 1985.
33. Рабинович П.М. Социалистическое право как ценность. Львов, 1985.
34. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2016.
35. Ивин А.А. Аксиология. 2-е изд., испр. и доп. М., 2024.
36. Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982.

23. Zak Yu.A. Decision Making with Fuzzy and Blurred Data: Fazzy Technologies. Moscow, 2013. 4. Bolodurina I.P., Dusakova S.T. Introduction to the Theory of Fuzzy Sets and Systems. Orenburg, 2021.
25. Gorsky D.P. Logical Aspects of the Methodology of Social Science // Questions of Philosophy. 1984. № 6.
26. Reformatsky A.A. Introduction to Linguistics. Moscow, 1996.
27. Bondaletov V.D. Social Linguistics. Ryazan, 1984.
28. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. General Terminology: Theoretical Issues. Moscow, 1989.
29. Cherdantsev A.F. Specifics of Legal Reflection // Jurisprudence. 1973. № 2.
30. Gryazin I. Text of Law. An Experience of Methodological Analysis of Competing Theories. Tallinn, 1983.
31. Sutuzhko V.V. Structure, Principles, and Classification of the Concept of «Assessment» // Epistemology and Philosophy of Science. 2008. Vol. XVIII. № 4.
32. Kislov B.A. The Problem of Assessment in Marxist-Leninist Philosophy: Theoretical and Methodological Issues. Irkutsk, 1985.
33. Rabinovich P.M. Socialist Law as a Value. Lvov, 1985.
34. Lukasheva E.A. Man, Law, Civilizations: Normative and Value Dimension. Moscow, 2016.
35. Ivin A.A. Axiology. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow, 2024.
36. Brozhik V. Marxist Theory of Evaluation. Moscow, 1982.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игнатенко Виктор Васильевич, *доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института правовых исследований. Байкальский государственный университет. 664003, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.*
ORCID: 0000-0001-6215-3799

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ignatenko Victor Vasilyevich, *Grand PhD in Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Institute of Legal Research. Baikal State University. 11, Lenin St., Irkutsk 664003 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 39–43.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 39–43.

Научная статья
УДК 340.12

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Карнаушенко Леонид Владимирович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
karnl@mail.ru

Введение: *российская государственность является одним из важнейших объектов исследования современной социальной философии, политологии и исторической науки. Многовековая история России демонстрирует необычайно сложные и многомерные процессы становления институтов власти, складывания правовых и культурных норм, а также формирования особых политических традиций, отличающих российскую государственность от западноевропейских или восточноазиатских моделей. Вследствие этого попытки осмыслить феномен российской государственности неизбежно касаются не только теоретических вопросов (кто правит, какими методами и на каких основаниях?), но и глубинных экзистенциальных, аксиологических и цивилизационных оснований, на которых зиждется само понятие России как государства и культурно-исторического организма.*

Материалы и методы: *основу исследовательской базы составили труды классических российских историков и философов, современные работы по теории государства и права, статистические и аналитические данные, характеризующие политическую систему России в постсоветский период (собранные из докладов Фонда общественного мнения, а также официальных ведомств), а также концептуальный материал международных исследователей, работающих над сравнительным анализом государственности.*

Результаты исследования: *установлено, что в общественном сознании России традиционно придавалось приоритетное значение порядку и стабильности перед свободой и плюрализмом. Это не означает полного отсутствия стремления к свободе, но указывает на иерархию ценностей, где сильное государство рассматривается как необходимый гарант безопасности в силу исторических угроз (нашествия, войны, внутренние смуты). При этом православие сохраняет заметное влияние на формирование мировоззренческих и нравственных основ российской государственности. Постсоветская эпоха отмечена возрождением интереса к религии и усилением роли Русской православной церкви в деле морального обоснования государственной политики.*

Выводы и заключения: *российская государственность продолжает оставаться предметом острых дискуссий внутри страны и за ее пределами. Социально-философский подход открывает возможность увидеть в ней не только продукт случайных исторических обстоятельств или политической конъюнктуры, но и проявление глубинной культурной логики, в которой переплетены религия и модернизация, имперский масштаб и демократические притязания, сакральный символизм и технологические инновации.*

Ключевые слова: *российская государственность, социальная философия, политические институты, историческая традиция, национальная идея, глобализация, парадигмы власти.*

Для цитирования: Карнаушенко Л. В. *Российская государственность как предмет социально-философского осмысления // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 39–43.*

Original paper

RUSSIAN STATEHOOD AS A SUBJECT OF SOCIAL AND PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING

Karnaushenko Leonid Vladimirovich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *Russian statehood is one of the most important objects of research in modern social philosophy, political science and historical science. The centuries-old history of Russia demonstrates unusually complex and multidimensional processes of the formation of institutions of power, the development of legal and cultural norms, as well as the formation of special political traditions that distinguish Russian statehood from Western European or East Asian models. As a result, attempts to understand the phenomenon of Russian statehood inevitably concern not only theoretical questions (who rules, by what methods and on what grounds?), but also the deep existential, axiological and civilizational foundations on which the very concept of Russia as a state and cultural-historical organism is based.*

Materials and methods: *the research base is based on the works of classical Russian historians and philosophers, modern works on the theory of state and law, statistical and analytical data characterizing the political system of Russia in the post-Soviet period (collected from reports of the Public Opinion Foundation, as well as official agencies), as well as conceptual material of international researchers working on a comparative analysis of statehood.*

Results of the study: *it was established that in the public consciousness of Russia, priority has traditionally been given to order and stability over freedom and pluralism. This does not mean a complete lack of desire for freedom, but indicates a hierarchy of values, where a strong state is seen as a necessary guarantor of security due to historical threats (invasions, wars, internal unrest). At the same time, Orthodoxy retains a noticeable influence on the formation of the ideological and moral foundations of Russian statehood. The post-Soviet era is marked by a revival of interest in religion and an increased role of the Russian Orthodox Church in the moral justification of state policy.*

Findings and conclusions: *Russian statehood continues to be the subject of heated debates within the country and beyond. The socio-philosophical approach opens up the possibility of seeing it not only as a product of random historical circumstances or political conjuncture, but also as a manifestation of deep cultural logic, in which religion and modernization, imperial scale and democratic claims, sacred symbolism and technological innovations are intertwined.*

Keywords: *Russian statehood, social philosophy, political institutions, historical tradition, national idea, globalization, paradigms of power.*

For citation: Karnaushenko L. V. *Russian statehood as a subject of social and philosophical understanding / L.V. Karnaushenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 39–43.*

Первой ключевой точкой можно считать становление Киевской Руси (IX–XI вв.), когда под влиянием варягов, славян и византийского православия начали формироваться зачатки единой княжеской власти. По мнению историков [1], уже в этот период зародилась идея «служения князю», основанная не только на военных обязательствах, но и на религиозно-нравственном фундаменте. Князь выступал как защитник веры и общины, что придавало власти сакральный оттенок и легитимировало объединение земель под его началом. Появлялись первые предпосылки системы «государственности», включавшей нормирование прав и обычаев (Русская Правда) и формирование прототипов административных структур [9].

После раздробленности и монголо-татарского ига центр русской государственности сместился в Москву. В XIV–XV вв. усиливаются тенденции к централизации, которые особенно ярко проявились в правление Ивана III и Ивана Грозного. Иван Грозный утвердил идею царской власти как богоустановленной, подчеркнув сакральный статус монарха. В период становления самодержавия зарождаются устойчивые образы властной вертикали, которые, по мнению некоторых исследователей [8], стали «генетическим кодом» российской политической культуры. Уже тогда формировались предпосылки бюрократической модели управления, когда служение царю воспринималось не как гражданское дело (что характерно для Западной Европы), а как выражение личной преданности государю, сочетающейся с религиозной легитимацией власти.

Петровские реформы (XVIII в.) – поворотный пункт, когда российская государственность стала активно перенимать западноевропейские административные практики и военное устройство. Петр I создал регулярную армию, утвердил Табель о рангах, которая формализовала «службу Отечеству» через должности и чины, фактически заложив фундамент чиновничьего аппарата. С одной стороны, российское государство модернизировалось, основываясь на примере абсолютистских монархий Европы. С другой стороны, оставались мощные традиционные основания, где император воспринимался как верховный правитель и покровитель православной веры [1]. Это двойственное положение сохранялось и в последующие периоды: в период Екатерины II, эпоху Александра I, Николая I, когда усиливались либо западники, либо сторонники охранительной политики, но всегда в конечном итоге доминировала модель монархии, сочетающей сильную централизованную власть и элементы бюрократического аппарата.

После 1917 г. российская государственность претерпела коренную трансформацию: монархия была свергнута, утверждался принцип диктатуры пролетариата. Однако советская модель сохранила ряд характерных черт: централизованность, опору на жесткий аппарат принуждения и сакрализацию власти (теперь уже – власти партии). Советское государство позиционировалось как воплощение интересов трудящихся, но фактически строилось на основе централизованной системы, где главным легитимирующим фактором становилась коммунистическая идеология [3]. При Сталине «культ личности» выступал функциональным аналогом царского самодержавия. Несмотря на декларации о народовластии советы фактически утратили подлинную автономию, а партийно-государственный аппарат осуществлял полную мобилизацию общества. Таким образом, советская государственность вобрала в себя

«имперскую форму» (централизованную, милитаризованную), но наполнила ее новым классово-идеологическим содержанием [4].

Распад СССР (1991 г.) открыл новую эру в российской государственности, характеризующуюся резкими институциональными переменами, попытками внедрения демократических механизмов, переходом к рыночной экономике и появлением многопартийности. Однако в 1990-е гг. слаборазвитая правовая база, экономические кризисы и сепаратистские тенденции привели к ощущению «неустойчивости» российского государства. В начале 2000-х гг. началось укрепление «вертикали власти», сопровождаемое возвращением к более централизованным формам управления, усилением федерального контроля над регионами, консолидацией медиапространства. Параллельно возрождаются традиционные ценности: православие, идея патриотизма, государственная символика. Появляется концепт «суверенная демократия» [10], который указывает на своеобразный синтез формального демократического устройства и централизующих элементов, придающих российскому государству специфическую устойчивость.

В российской традиции власть изначально имела религиозно-мистическое оправдание: от «помазанника Божьего» в царской России до «служителей коммунистической идеологии» в советское время [4]. Даже в постсоветский период сохраняется представление о том, что верховная власть в России должна обладать особой харизмой. Данный феномен можно рассматривать как форму сакрализации, когда государство выступает хранителем высшей правды – будь то религиозная истина или новая социальная утопия.

Важным компонентом является укорененная патерналистская модель отношений между государством и обществом [8]. Она предполагает, что государство несет ответственность за материальное и духовное благополучие граждан, а общество, в свою очередь, ожидает от власти защиты и заботы. Отсюда вытекает коллективистское измерение, когда личные интересы нередко подчиняются государственным целям и происходит взаимное признание превосходства «общего блага» над «индивидуальной свободой».

Рассмотренная в социально-философской перспективе российская государственность предстает как сложный, многомерный феномен, исторически впитавший в себя элементы сакрализации власти, патернализма, имперской идеологии и коллективистского взгляда на общественные отношения. Возникшая в период Киевской Руси и укрепленная в Московском царстве, эта модель эволюционировала сквозь Петровские реформы и эпоху самодержавия, пережила кардинальную трансформацию в советское время и продолжает переосмысляться в условиях постсоветского этапа.

Основываясь на результатах исследования, можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, российская государственность органично связана с глубинными историко-культурными кодами, которые транслируют идею сильного централизованного правления как гарантии порядка и целостности страны. Во-вторых, в разные эпохи эта идея наполнялась разным содержанием: от религиозно-сакрального в царской России до коммунистической идеологии в СССР. В-третьих, несмотря на формально заимствованные институты (парламент, выборы, конституция) отечественная модель власти часто сохраняет высокий уровень вертикальной иерархии и стремление к стабильным государственным основам, что может быть названо специфической чертой российской государственности. В-четвертых, глобализация и современные политические процессы усилили противоречия между либеральными дискуссиями и традиционалистскими воззрениями, но, исходя из специфики идентичности российской государственности, консервативные установки сохраняют стабильные позиции.

Социально-философская значимость темы российской государственности заключается в том, что она позволяет осознать историческую преемственность и смысловые коды, определяющие социальную динамику страны. Понимание этой преемственности необходимо для корректной оценки внутренних процессов и для выработки адекватных политических решений. Если игнорировать глубокие культурные корни и социально-психологические установки, попытки кардинального реформирования российского государства сталкиваются с сопротивлением общества и в итоге обречены на неудачу или на частичную реализацию. Напротив, учитывая особенности российского сознания и традиций, можно сформулировать модели развития, способные обеспечить сохранение национальной идентичности.

Социально-философский анализ показывает, что российская государственность не укладывается ни в чисто либеральные, ни в чисто авторитарные схемы. Скорее, это многоуровневый феномен, в котором переплетены традиционализм, бюрократическая рациональность и идеологические концепты. Действительно, как указывают многие исследователи [11], российская государственность системно воспроизводит сильный центр власти, опирающийся на значительную поддержку населения, поскольку исторически в условиях внешних угроз и внутренних кризисов такой центр был необходим для выживания страны. В то же время данный центр не обязательно должен быть жестко деспотичным: он может принимать разные формы, в том числе модернизационные, если внешнеполитическая конъюнктура или внутренние реформы к тому располагают.

Примечательно, что даже в периоды, когда Россия пыталась «догнать» Запад (Петровские реформы, реформы Александра II, перестройка, 1990-е гг.), сохранялась тенденция к адаптации заимствованных институтов к отечественной политической культуре. Возникает парадоксальная ситуация: заимствования (парламент, партии, выборы) принимают специфические черты, придавая России образ самостоятельной системы, синтезирующей восточные и западные традиции с пониманием самостоятельности пути развития российской государственности. Такая модель является естественным продолжением исторического пути [7]. В социально-философском плане это отражает своеобразную логику «всеединства» [5], где отечественная культура стремится ассимилировать внешние идеи, оставляя приоритет за собственной символической иерархией.

Российская государственность многократно переживала глубокие кризисы, сопровождавшиеся переходом от одной формы к другой. Однако при этом сохранялась идея – «страна не может существовать без сильной власти и общественного договора», где личная свобода ограничивается в пользу коллективной стабильности [4]. С социологической точки зрения доверие к сильной центральной власти периодически сменялось волнами скептицизма и революционного брожения (1905, 1917, 1991 гг.), но впоследствии приходило осознание, что анархия и распад оказываются более опасными для массового сознания, нежели порядок и стабильность.

В культурном плане эта диалектика свободы и порядка, революций и контрреволюций задавала особый нерв российской истории, воспетый в литературе, философии и искусстве (Достоевский, Толстой, Платонов). Именно поэтому «государственность по-русски» нельзя свести к простой схеме «авторитаризм – демократия»; это сложная система смыслов, где каждая эпоха заново переоткрывает взаимодействие народа и власти [12]. Особенно острым этот вопрос стал в постсоветский период, когда «демократический эксперимент» 1990-х породил экономический хаос и спад, на фоне которого идея сильной государственной руки вновь получила социальную востребованность.

Глобализация выдвинула для России ряд вызовов, связанных не только с экономической конкуренцией, но и с транснациональной культурной экспансией, которая зачастую противоречит традиционным российским представлениям о роли семьи, религии, морали и государства [13]. В ответ на это в российском дискурсе все чаще звучат тезисы о необходимости защиты суверенитета, укрепления собственной системы ценностей, противостояния внешнему вмешательству. С позиций социальной философии такой поворот можно рассматривать как продолжение курса на обретение русской идеи, где государство – не просто локальный институт, а центр цивилизации, вступающий в состязание с другими «центрами силы». Однако в отличие от классической эпохи империй современная реальность усложняется сетевыми и цифровыми технологиями, международным правом, глобальными корпорациями, которые «размывают» традиционный суверенитет.

Поиск национальной идеи в этом контексте выступает как стремление российской политической элиты и общества сформулировать мировоззренческий и идеологический базис, способный консолидировать нацию и репрезентировать особую геополитическую и культурную миссию. Социально-философские теоретики [3; 4] еще в начале XX в. указывали, что без осознанного нравственного, духовного ядра российская государственность может скатываться к механической централизации или бюрократической диктатуре.

Список источников

1. Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1908.
2. Хомяков А. С. Сочинения богословского содержания. М., 1916.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1990.
4. Ильин И. А. О сопротивлении злу силою. М., 1993.
5. Соловьев В. С. Чтения о богочеловечестве. М., 1988.
6. Almond G. The Politics of the Developing Areas. Princeton, 1960.
7. Fukuyama F. The Origins of Political Order. New York, 2011.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

References

1. Klyuchevsky V. O. Course of Russian History. Moscow, 1908.
2. Khomyakov A. S. Works of Theological Content. Moscow, 1916.
3. Berdyaev N. A. The Meaning of History. Moscow, 1990.
4. Ilyin I. A. On Resisting Evil by Force. Moscow, 1993.
5. Soloviev V. S. Readings on God-Manhood. Moscow, 1988.
6. Almond G. The Politics of the Developing Areas. Princeton, 1960.
7. Fukuyama F. The Origins of Political Order. New York, 2011.

9. Птицын А. В. Формирование княжеской власти в Киевской Руси: историко-правовой анализ // Вестник древней истории. 2005. № 2.
10. Сурков В. Суверенная демократия // Эксперт. 2006. № 29.
11. Тишков В. Нация в эпоху глобализации. М., 2013.
12. Malia M. Russia Under Western Eyes. Cambridge, 1999.
13. Castells M. Communication Power. Oxford, 2007.

8. Pipes R. Russia under the Old Regime. Moscow, 1993.
9. Ptitsyn A. V. Formation of princely power in Kievan Rus: historical and legal analysis // Bulletin of ancient history. 2005. № 2.
10. Surkov V. Sovereign democracy // Expert. 2006. № 29.
11. Tishkov V. Nation in the era of globalization. Moscow, 2013.
12. Malia M. Russia Under Western Eyes. Cambridge, 1999.
13. Castells M. Communication Power. Oxford, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, *доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Karnaushenko Leonid Vladimirovich, *Grand PhD in Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 44–50.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 44–50.

Научная статья
УДК 340.114.5

КОЛЛЕКТИВНОЕ СОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Макаренко Сергей Николаевич
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация, makselin@list.ru

Литвинова Юлия Игоревна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, litvinova.iu@yandex.ru

Курилкина Ольга Александровна
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Российская Федерация, olga-kurilkina@mail.ru

Ведение: *правовые отношения составляют значительную часть отношений в обществе и играют определяющую роль в жизни каждого человека. Право, будучи важнейшим регулятором социального взаимодействия, опирается прежде всего на готовность и способность субъектов правоотношений принимать и исполнять требования нормативных правовых актов. И в этом правоприменительном процессе ключевым звеном является уровень развитости правовой культуры личности. Авторы рассматривают проблему формирования правовой культуры личности и обосновывают точку зрения о том, что базовой составляющей правовой культуры является коллективное сознание.*

Материалы и методы: *исследование основано на материалах работ, посвященных сущности коллективного сознания и правовой культуры личности. В качестве методологической основы применяются такие методы, как анализ, синтез, обобщение, сравнение, а также индуктивный и дедуктивный методы.*

Результаты исследования: *произведено прояснение понятия «коллективное сознание», выявлена его структура, определено его соотношение с массовым, групповым и общественным сознанием, а также его включенность в контекст правовой культуры личности.*

Выводы и заключения: *механизм формирования правовой культуры личности непосредственно зависит от коллективного сознания, которое, являясь ядром общественного сознания, во многом носит иррациональный характер, основанный на народных традициях, обрядах, устоявшихся формах поведения, стереотипных реакциях на проявления внешней среды, привычках и ментальных установках. Эти факторы являются основными при формировании правовой культуры как культуры правомерного поведения, которое в перспективе должно стать нормой жизни.*

Ключевые слова: *коллективное сознание, массовое сознание, групповое сознание, правовая культура, правосознание, менталитет.*

Для цитирования: Макаренко С. Н., Литвинова Ю. И., Курилкина О. А. *Коллективное сознание как фактор формирования правовой культуры личности / С. Н. Макаренко, Ю. И. Литвинова, О. А. Курилкина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 44–50.*

Original paper

COLLECTIVE CONSCIOUSNESS AS A FACTOR IN THE FORMATION OF A LEGAL CULTURE OF PERSONALITY

Makarenko Sergey Nikolaevich
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog, Russian Federation

Litvinova Yulia Igorevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kurilkina Olga Alexandrovna
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog, Russian Federation

Introduction: *legal relations constitute a significant part of relations in society and play a decisive role in the life of every person. Law, being the most important regulator of social interaction, relies primarily on the readiness and ability of subjects of legal relations to accept and fulfill the requirements of regulatory legal acts. And in this law enforcement process, the key link is the level of development of the legal culture of the individual. The authors consider the problem of the formation of the legal culture of the individual and substantiate the point of view that the basic component of legal culture is collective consciousness.*

Materials and methods: *the study is based on the materials of works devoted to the essence of collective consciousness and legal culture of the individual. The following methods are used as a methodological basis: analysis, synthesis, generalization, comparison, as well as inductive and deductive methods.*

Results of the study: *the concept of «collective consciousness» was clarified, its structure was revealed, its relationship with mass, group and public consciousness was determined, as well as its inclusion in the context of the legal culture of the individual.*

Findings and conclusions: *the mechanism for the formation of a person's legal culture directly depends on collective consciousness, which, being the core of public consciousness, is largely irrational in nature, based on folk traditions, rituals, established forms of behavior, stereotypical reactions to manifestations of the external environment, habits and mental attitudes. These factors are the main ones in the formation of legal culture as a culture of lawful behavior, which in the future should become the norm of life.*

Keywords: *collective consciousness, mass consciousness, group consciousness, legal culture, legal consciousness, mentality.*

For citation: Makarenko S. N., Litvinova Y. I., Kurilkina O. A. *Collective consciousness as a factor in the formation of a legal culture of personality / S. N. Makarenko, Y. I. Litvinova, O. A. Kurilkina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 44–50.*

На протяжении всей истории становления и развития человеческого общества с неизменным постоянством возникала проблема поиска наиболее оптимального и эффективного способа регулирования социальных связей и отношений. Трудности при создании совершенного механизма управления состояли и состоят в необходимости создания такой системы регулирования, которая отвечала бы интересам и потребностям всех элементов этой системы, включая интересы тех, кто ее создает. Сложность создания системы общественного регулирования состоит еще и в том, что социум, как исторически сформировавшаяся человеческая общность, будучи динамически развивающимся образованием, состоит из сложившихся личностей, которые сами по себе являются устоявшимися системами. В этом смысле социальная система – это система всех подсистем, которая интереснее, сложнее и многограннее, чем это можно себе представить. Понять структуру этой системы – значит найти ключ к управлению этой системой. Следовательно, способы оптимального регулирования деятельности социальных систем следует искать исходя из внутренних сущностных свойств и особенностей этих систем [8, с. 163].

Следует отметить, что данные трудности характерны для всех государств, особенно в период становления и обновления системы общественных отношений. Для России в непростых условиях сложившихся геополитических отношений вопросы формирования правового сознания и правовой культуры приобретают наиболее важное значение, что делает исследования в этом направлении весьма актуальными. Понятие правовой культуры, правового сознания, их сущность и проблемы формирования рассматриваются в работах таких авторов, как И.Д. Грачев, А.Д. Волкова, Т.А. Костина, А.Л. Василенко, А.Ю. Евсеев и др. Поиски наиболее совершенного способа регулирования общественных отношений велись с древнейших времен. Например, Платон в диалоге «Государство»

ставил проблему создания идеального государственного правления, основанного на принципах социальной справедливости.

Но есть еще одна сложность, возникающая при создании систем управления социумом, включая создание правой системы. Она состоит в том, что даже если и будет создана такая система, например, подобно компьютерной системе, то невозможно вложить готовую программу и алгоритм действий в субъектов социальной системы, т. к. это не «юниты» (единицы, перемещающиеся по заданной программе в компьютерной игре), а живые люди, обладающие волей и сознанием. Значит, управлять обществом необходимо с учетом индивидуальных особенностей каждого его члена в отдельности и всей совокупности социальных отношений. Это тем более важно, что правовые нормы, как способы всеобщей регуляции общественных отношений, не персонифицированы, они относятся ко всем и каждому и одинаково обязательны для исполнения. Поэтому они должны опираться на общие умонастроения, на анализ социальных процессов с учетом особенностей коллективных форм восприятия действительности и мировоззренческих ориентаций участников регулируемых общественных отношений [10, с. 6]. От этого зависит готовность каждого принять эти нормы, включить их в контекст своих мировоззренческих установок, а значит, сделать эти нормы своим внутренним содержанием, т. е. сделать их естественной формой поведения. По сути, это и есть способ формирования правовой культуры, которая становится неотъемлемой частью культуры личности [1, с. 8].

Так как любая личность формируется в процессе социализации, то она является продуктом и основной составляющей коллективного сознательного или бессознательного процесса освоения окружающей действительности, как природной, так и социальной. Социальная действительность – это искусственная действительность, созданная волевыми разумными действиями людей. И каждый человек, приходящий в этот мир, попадает под жесткое детерминирование своих действий социальными нормами. Но только так он становится частью социальной системы, т. е. становится человеком. Следовательно, индивидуальное сознание есть отражение коллективного сознания, преломленное через специфические особенности личности и синтезированное человеком как собственное, присущее только ему, сознание. Индивидуальное сознание – это непросто производная от коллективного сознания, оно имплицитно интегрировано в коллективное сознание. Поэтому человек не может вести себя иначе, кроме как это принято в определенном сообществе.

На эту особенность индивидуального сознания обратил внимание Э. Дюркгейм. Он ввел понятие социального факта как внешней формы поведения, обладающей властью над индивидом и поэтому являющейся обязательной для него. Социальные факты представляют собой коллективные нормы, которые формируют основы социальной жизни. Они влияют на индивидуальное сознание посредством процесса социализации. Индивидуальное сознание не сводится к психическим состояниям человека или к простому суммированию индивидуальных действий. В этом смысле, опираясь на концепцию Э. Дюркгейма, можно сказать, что право, правовые нормы не являются отражением индивидуальной воли, а являются результатом коллективного сознания [5, с. 4].

Понятию коллективное сознание и его влиянию на регулирование социальных отношений посвящены работы таких исследователей, как И.М. Мацкевич, С.М. Левин, Н.В. Хомич, О.И. Старовойтова и др. В частности, профессор И.М. Мацкевич, рассматривая понятие коллективного сознания, справедливо отмечает: «Похожий, но имеющий некоторую специфику термин – массовое сознание (от фр. conscience collective), иногда переводится как общественное сознание и встречается у знаменитого криминалиста Э.Дюркгейма. К.Г. Юнг применял термин «коллективное бессознательное», которое, по его мнению, наследуется. С точки зрения современной науки все это и есть общественное сознание» [7, с. 204].

Основным детерминантом коллективного сознания являются социальные факты. По сути, они представляют собой любые проявления практических действий определенного сообщества людей в качестве их способа жизнедеятельности, и никто из членов сообщества не может выйти за рамки этого способа. К социальным фактам относятся не только действия, но чувства, эмоциональные реакции и образ мышления. Социальные факты оказывают мощное психологическое воздействие на индивида. Так, ребенок безоговорочно принимает все формы поведения взрослых и делает их своими. Он не знает и не может знать о других формах поведения, а потому принимает их как единственно правильные. У него нет выбора, он интуитивно понимает, что иначе ему не выжить. В этом

состоит принудительная сила социальных фактов.

Неблагоприятные последствия за нарушения социальных норм (наказание или осуждение) являются признаками наличия социальных фактов. Например, о правонарушении мы можем говорить лишь тогда, когда существует норма права, запрещающая то или иное деяние. Сам факт правомерного или неправомерного поведения говорит о наличии правовой нормы императивного характера. В данном случае речь идет о юридических фактах, которые соотносятся с социальными фактами как частное к общему. В этом смысле, если нет соответствующей нормы права, значит, нет и юридического факта, т. е. факта, который влечет за собой определенные юридические последствия. Это будет только социальный факт.

Насколько социальные факты разнятся с юридическими фактами? Это вопрос о сфере действия права. Но есть и другой вопрос: могут ли социальные факты существовать в «чистом» виде, не соприкасаясь с юридическими фактами? При рассмотрении этого вопроса следует исходить из понимания социальных фактов в двух смыслах. С одной стороны, социальный факт может выражаться в совершении индивидуальных действий личного характера как проявление воли отдельного человека. С другой стороны, социальные факты представляют действия больших социальных групп, социальных институтов [5, с. 6]. Социальный факт выходит за пределы юридического факта, например, там, где речь идет об обрядах и традициях, но если эти традиции и обряды не противоречат нормам права.

Известно, что сфера применения норм права более узкая, чем сфера применения норм морали, хотя они во много совпадают. Возможность применения норм права определяется типичностью социальных фактов, их контролируемостью и повторяемостью. Но даже там, где существует возможность регулировать общественные отношения нормами права, в этом не всегда есть необходимость. Рассмотрение соотношения сферы правового регулирования и сферы потенциального регулирования, а также определение границы, за которой отпадает необходимость правового регулирования либо правовое регулирование невозможно, позволяет выяснить ответ на вопрос о соотношении юридических фактов с социальными фактами.

Следует отметить, что в основе как социальных фактов, так и юридических фактов лежит коллективное сознание. И как уже было отмечено, индивидуальное сознание есть отражение коллективного сознания. Но коллективное сознание не сводится к простой сумме индивидуальных сознаний. Это нечто большее, связанное с духовной жизнью общества, с его традиционными ценностями и нравственными ориентирами, с его самоидентификацией и самобытностью [3, с. 18].

Каждому человеку свойственно анализировать свои поступки и давать рефлексивную оценку своих действий с точки зрения соответствия общепринятым нормам. Такое оценивание не совсем оправданно называют термином «валюативность», введенным голландским психологом Г. Хермансом. Под этим термином он понимал внутренний диалог личности с самим собой в качестве мотивированного рассказчика. По сути, это акт саморефлексии, эмоциональной реакции на личные поступки и мысли. Валюативность близка по смыслу к русскому слову «совесть», т. к. это понятие также связано с субъективной оценочной реакцией действий человека с точки зрения их соответствия моральным и правовым нормам.

Валюативность – это ценностное отношение человека к событиям и фактам своей жизни, его переживания, впечатления, связанные с этими событиями. Но валюативность представляет собой не только самооценку уже свершившихся действий, а является стимулом для совершения последующих действий, придавая им аксиологический статус и смысл [4, с. 153]. Субъективность любого валюативного действия обусловлена тем, что человек, с одной стороны, вспоминая события прошлого, пытается самоутвердиться, а с другой – показать свою общность со всеми, т. е. стать частью коллективного сознания, внутри которого он только и приобретает свою подлинную человеческую сущность.

Коллективное сознание возникает на начальных стадиях развития человеческого общества, когда человек не отделял себя от природы и воспринимал природу как живую разумную органическую целостность. Подобный синкретизм позволял человеку выживать в суровых условиях первобытного существования. Природа не наделила человека программой видового поведения в отличие от животных, оставив человека один на один с окружающей его средой. Так как человек воспринимал себя частью этой среды, он не считал ее противостоящей ему, отождествляя себя с природой и подчиняясь ее законам. Не будучи в состоянии понять и

постигнуть суть этих законов, человек наделял природу антропоморфными свойствами, согласно которым природа могла чувствовать, думать, проявлять эмоциональные реакции. А поскольку у человека не было изначально заданных механизмов взаимодействия с окружающим миром, он пытался выстроить диалог с этим миром как себе подобным существом. Это породило представления, которые безоговорочно принимались всеми членами общества. Они, безусловно, носили коллективный характер, поскольку, если кто-то из членов общества сомневался или отрицал общепринятые взгляды, это могло разгневать силы природы и навлечь на общество большие беды, даже привести к его гибели. Поэтому коллективное сознание (коллективные представления) на первых этапах развития общества носило ярко выраженный тоталитарный характер. Это было важным условием выживания общества. Именно беспрекословное подчинение императивным нормам, табу (запретам) или общеобязательному требованию совершения определенных действий делали общество сильным, сплоченным и способным противостоять внешним угрозам. Общества, не сумевшие выработать соответствующие алгоритмы поведения на основе императивных норм, перестали существовать. Это можно сравнить с естественным отбором. Там, где коллективное сознание сформировалось как набор устойчивых, общепринятых стереотипов поведения, там общество существовало и развивалось. В противном случае общество распадалось и погибало либо становилось частью другого более организованного общества. В этом смысле коллективное сознание является объективной необходимостью любого человеческого общества. На первых стадиях развития человечества оно примитивно, иррационально и имеет ярко выраженную эмоциональную окраску. Оно метафорично, образно и существует в форме мифологических представлений [2, с. 24].

Образно-художественная модель мира присуща всем народам. Не сговариваясь и даже не зная о существовании друг друга, они создавали мифы с одинаковыми сюжетными линиями и схожими персонажами, которые олицетворяли собой как позитивные, так и негативные стихии, вступающие между собой в единоборство. При этом добро неизменно побеждало зло, иногда даже чудесным образом, если положительный герой проявлял сильные, благородные морально-волевые качества и следовал идеалам справедливости, чести, добропорядочности и законопослушания. А в награду за это герой получал волшебную силу, сверхъестественные свойства, позволяющие победить и разрушить чары могущественного злодея. В сказках, былинах, преданиях отразилась суть коллективного сознания, которое с раннего возраста становилось частью сознания ребенка в качестве неотъемлемой части его внутреннего мира. Не в состоянии дать рациональное объяснение формам поведения, окружающих его людей, ребенок механически подражает им, копирует их, воспроизводит эти формы, наследуя их из прошлого коллективного опыта. Это особое состояние личностной мотивации поведения К. Юнг называл коллективное бессознательное.

Коллективное сознание следует отличать от такого понятия, как «массовое сознание». Природа коллективного сознания имеет объективный характер. Оно складывается под воздействием природных факторов и является вызовом на проявления внешней среды. Коллективное сознание направлено на поиск наиболее оптимальных способов существования и взаимодействия человека с природой и другими членами общества. Массовое сознание носит искусственный характер. Оно формируется внутри отдельных сообществ на основе субъективных факторов через непосредственное общение людей по поводу объектов совместной деятельности.

Как правило, массовое сознание стихийно и спонтанно, быстро меняющее свои приоритеты. Оно нестабильно и не имеет четкой структуры. В составе массового сознания выделяют групповое сознание, под которым подразумевается любое собрание индивидов. Это неорганизованное и случайно образовавшееся сообщество людей, оказавшихся в одном месте, имеющее общие цели, интересы и установки, предпочтения и приоритеты [8, с. 162]. Массовое сознание не сводится к сумме групповых сознаний, а имеет свою специфику и особенности. Кроме того, групповое сознание может носить негативный характер, например, сознание криминальных сообществ, экстремистских радикально настроенных организаций, или такая, казалось бы, безобидная форма группового сознания, как сообщество футбольных фанатов.

Массовое сознание пластично, неустойчиво, синкретично, условно, расплывчато и легко поддается манипуляции. Манипуляционные технологии разнообразны, и наиболее эффективной из них является воздействие на эмоциональную сферу потребителя информации. Известно, что быстрее и легче

запоминаются заголовки новостных блоков. Они яркие, броские, иногда парадоксальные и тем самым привлекают к себе внимание. Часто заголовки не соответствуют содержанию сообщения, которое лишь просматривается и не запоминается. К средствам манипуляции массовым сознанием также относятся лозунги, слоганы, рекламные ролики и другие способы подачи информации, включая сознательное искажение информации с явно провокационными целями, например, с целью дискредитировать органы государственной власти и вызвать беспорядки. Подобного рода манипуляции приводят к дестабилизации общества. Поэтому коллективное сознание следует соотносить не с массовым сознанием, а с общественным сознанием. Коллективное сознание является ядром общественного сознания, а массовое сознание – это периферия общественного сознания, наиболее размытая его часть, но очень динамичная и агрессивная среда. Массовое сознание все глубже проникает в структуру общественного сознания, заменяя его, приближаясь к его ядру – коллективному сознанию. Это может привести к деформации коллективного сознания, его переформатированию и деградации.

Коллективное сознание – это совокупность идей, моральных установок, общих убеждений, знаний, действующих как объединяющая сила общества. Это особое состояние личностной мотивации поведения, основанное на мнемонических образах. Они входят в структуру сознания человека помимо его воли, закрепляясь в качестве устойчивых и привычных форм поведения. В этом смысле коллективное сознание близко к понятию менталитета и ментальности. Менталитет – это исторически сложившаяся система ценностных ориентиров, моделей поведения, эмоциональных реакций, жизненных установок, стереотипных форм поведения, привычек и стандартных психологических реакций на проявления внешней среды. По сути, это образ жизни, особый пласт духовной культуры народа, показатель его национальной идентичности, степень сохранности традиционных ценностей, духовной культуры и этнического самосознания [9, с. 7]. Можно сказать, что это генетический код нации, составляющий одну из основ российской государственности. Неслучайно усилия стран Запада направлены именно на разрушение коллективного сознания как ядра общественного сознания, т. е. на разрушение российского менталитета, традиционных моральных ценностей, духовных начал, национальной идентичности российского общества. И одной из целей в этой информационной войне является подрыв правовой культуры личности. В связи с этим проводится пропаганда правового нигилизма и правового лицемерия. Правовое лицемерие, по мнению Е.С. Ломовой, проявляется тогда, когда у субъекта права, для достижения желаемого результата возникает склонность действовать не в соответствии с нормами права, а исходя из личной целесообразности. При этом он признает приоритет права и прикрывается нормой закона [6].

Правовая культура, являясь частью духовной культуры, отражает ценностное отношение к правовым нормам, а также готовность личности их принять и сделать их своим внутренним содержанием. Развитая правовая культура личности означает, что законы исполняются не по принуждению и не из-за страха наказания, а по внутреннему убеждению, когда правомерное поведение становится привычкой, частью национального менталитета. Правовая культура основана на правовом сознании, которое органически вплетено в коллективное сознание на уровне правовых знаний и правовых убеждений. Поэтому его надо формировать, активно развивая систему изучения основ права в образовательных учреждениях всех направлений подготовки. Формирование правовой культуры личности непосредственно связано с обеспечением национальной безопасности, сохранением целостности и суверенитета государства. Ключевым звеном в формировании правовой культуры является коллективное национальное сознание. От его сохранения, развития и использования зависит наше будущее и перспектива существования России как государства – цивилизации.

Список источников

1. Азнагулова Г.М. Правовая культура как функциональная система // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 3.
2. Альшевская Л.В. Миф как тотальность // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76).

References

1. Aznagulova G.M. Legal Culture as a Functional System // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. № 3.
2. Alshevskaya L.V. Myth as Totality // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues. 2017. № 2(76).

3. Василенко А.Л. Особенности этнического коллективного сознания // StudiaCulturae. 2014. № 20.
4. Коротченко Ю.М. Валюативное моделирование коллективного сознания // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1.
5. Круглов А.Ю. Право как социальный факт: роль теоретических воззрений Эмиля Дюркгейма в зарождении социологии права // Advancesinlawstudies. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/64922/view#article-info (дата обращения: 22.02.2025).
6. Ломова Е.С. Правовое лицемерие как явление правовой реальности // Современные проблемы науки и образования. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11733 (дата обращения: 22.02.2025).
7 Мацкевич И.М. Общественное сознание и преступность // Российский криминалистический взгляд. 2010. № 3.
8. Поливаева Н.П. Теоретические размышления о массовом сознании: можно ли найти сущность? // Власть. 2020. № 2. Т. 28.
9. Романова С.А. Менталитет как интегральный атрибут народа // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 5.
10. Фризен И.А. О правовой культуре в Российской Федерации // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2024. № 1(41).

3. Vasilenko A.L. Features of Ethnic Collective Consciousness // StudiaCulturae. 2014. № 20.
4. Korotchenko Yu.M. Valuation Modeling of Collective Consciousness // Philosophy of Science and Technology. 2016. Vol. 21. № 1.
5. Kruglov A.Yu. Law as a Social Fact: the Role of Emile Durkheim's Theoretical Views in the Emergence of the Sociology of Law // Advancesinlawstudies. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/64922/view#article-info (date of access: 22.02.2025).
6. Lomova E.S. Legal hypocrisy as a phenomenon of legal reality // Modern problems of science and education. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=11733 (date of access: 22.02.2025).
7 Matskevich I.M. Public consciousness and crime // Russian forensic view. 2010. № 3.
8. Polivaeva N.P. Theoretical reflections on mass consciousness: is it possible to find the essence? // Power. 2020. № 2. V. 28.
9. Romanova S.A. Mentality as an integral attribute of the people // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2015. № 5.
10. Friesen I.A. On the legal culture in the Russian Federation // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2024. № 1(41).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Макаренко Сергей Николаевич, *кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин. Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 347936, Российская Федерация, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48.*
ORCID: 0000-0002-4081-7141
Литвинова Юлия Игоревна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
Курилкина Ольга Александровна, *кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой отраслевых юридических дисциплин. Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 347936, Российская Федерация, г. Таганрог, ул. Инициативная, 48.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Makarenko Sergey Nikolaevich, *PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department branch of legal disciplines. Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RINH). 48, Initsiativnaya St., Taganrog 347936 Russian Federation.*
Litvinova Yulia Igorevna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*
Kurilkina Olga Alexandrovna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department branch of legal disciplines. Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of Rostov State University of Economics (RINH). 48, Initsiativnaya St., Taganrog 347936 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 51–55.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 51–55.

Научная статья
УДК 340

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОГО ПРАВОВОГО НАСЛЕДИЯ

Хужина Оксана Николаевна
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация,
oksana_17.92@mail.ru

Введение: *в статье подвергаются анализу основные источники отечественного права советского периода с точки зрения отражения в них традиционных российских духовно-нравственных ценностей, перечисленных в указе Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» с целью выявления исторических предпосылок сохранения и укрепления традиционных ценностей правовыми средствами.*

Материалы и методы: *исследование основано на изучении базовых нормативных правовых актов, в числе которых Конституции СССР и РСФСР. Использовались общенаучные и специальные методы юридической науки, среди которых основное место занимают анализ, синтез, обобщение, формально-юридический метод.*

Результаты исследования: *выявлен правовой опыт сохранения и укрепления отдельных традиционных российских духовно-нравственных ценностей.*

Выводы и заключения: *система советского законодательства стала отражением ценностей социалистического общества и государства, в числе которых получили нормативное закрепление такие традиционные российские духовно-нравственные ценности, как «справедливость», «созидательный труд», «коллективизм», на позднем этапе «права и свободы».*

Ключевые слова: *традиционная ценность, духовно-нравственная ценность, советское право, справедливость, созидательный труд, коллективизм, права и свободы.*

Для цитирования: Хужина О. Н. *Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте советского правового наследия / О. Н. Хужина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 51–55.*

Original paper

TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CONTEXT OF THE SOVIET LEGAL HERITAGE

Khuzhina Oksana Nikolaevna
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: *the article analyzes the main sources of domestic law of the Soviet period from the point of view of their reflection of traditional Russian spiritual and moral values listed in the Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 № 809 «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» in order to identify the historical prerequisites for the preservation and strengthening of traditional values by legal means.*

Materials and methods: *the study is based on the study of basic regulatory legal acts, including the Constitutions of the USSR and the RSFSR. General scientific and special methods of legal science were used, among which the main place is occupied by analysis, synthesis, generalization, and the formal legal method.*

Results of the study: *the legal experience of preserving and strengthening individual traditional Russian spiritual and moral values was revealed.*

Findings and conclusions: *the system of Soviet legislation became a reflection of the values of socialist society and the state, among which such traditional Russian spiritual and moral values*

as «justice», «creative labor», «collectivism», and at a later stage «rights and freedoms» received normative consolidation.

Keywords: *traditional value, spiritual and moral value, Soviet law, justice, creative labor, collectivism, rights and freedoms.*

For citation: Khuzhina O. N. *Traditional spiritual and moral values in the context of the soviet legal heritage / O. N. Khuzhina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 51–55.*

На начальном этапе формирования советского государства и права, установления социалистического типа права, кардинально отличающегося от предшествующего, провозглашалась и обосновывалась идея отрицания связи с государственно-правовым прошлым царской России. Данная установка имела место в общем русле строительства социалистического будущего, где постулировалась необходимость разрушения прежних порядков практически во всех сферах общества, соответственно, и в сфере правового регулирования. С позиции сегодняшнего дня справедливо констатировать, что фактически отказаться от правового наследия, даже при строительстве нового типа государства и права, было невозможной задачей. Исследуя вопрос о традиционных духовно-нравственных ценностях в системе российского права (далее по тексту – традиционные ценности), автор исходит из идеи преемственности права советской и царской России. Вместе с тем, конечно, общий посыл ушедшей эпохи к отмене всего старого нельзя опускать.

Отличительной чертой права советского периода от предыдущих является появление Основного закона государства. Г.Д. Садовникова, проведя анализ конституций советского периода, пришла к выводу, что в них «видна преемственность конституционных ценностей, отражающих традиционные ценности российского народа» [4, с. 48]. Конституция РСФСР 1918 г. и последующие стали отражением ценностей социалистического общества и государства, в числе которых получили нормативное закрепление такие ценности, как «справедливость», «созидательный труд», «коллективизм», на позднем этапе «права и свободы», которые в настоящее время помещены законодателем в разряд традиционных ценностей.

Сама революция 1917 г., ставшая точкой отсчета нового этапа российского государства и общества, явилась результатом борьбы за справедливость. Идея справедливости красной нитью проходит через все сферы общественного сознания, отражая представление о должном соотношении важных составляющих общественной жизни, таких как права и обязанности, деяние и воздаяние, труд и вознаграждение и т. д. Советское государство взяло на себя обязательство обеспечивать социальное равенство. Справедливость, сконцентрированная на идеале равенства в социально-экономических отношениях, становится неразрывно связанной с приоритетом коллективного созидательного труда ради общего блага.

Русский народ и труд – понятия, неотделимые друг от друга. Советская власть умело подметила эту черту и смогла направить ее в созидательное русло. В первые годы построения советского государства помимо закрепления ценности труда на уровне Основного закона страны появляются нормативные правовые акты, направленные на создание и регулирование системы новых трудовых отношений[1]. Трудовая мобилизация, требовавшаяся на первоначальном этапе построения государства нового типа, снижает обороты к 1922 г., когда смягчаются требования к трудовой повинности, однако сохраняется возможность таковой в исключительных случаях с изъятиями для отдельных категорий граждан. В Конституции РСФСР 1925 г. труд еще остается обязанностью всех граждан РСФСР, а не правом[2].

Особенно следует обратить внимание, что в исследуемый период возвышается ценность не просто труда, а труда именно созидательного. Труд как возможность трансформации мира, построения светлого будущего не для отдельно взятой личности, а для советского общества в целом приобрел ценностное наполнение. В текстах последующих Конституций находит последовательное закрепление ценности труда с трансформацией акцентов, о чем свидетельствуют

[1] См., например, Постановление СНК РСФСР от 3 сентября 1918 г. «О воспрещении безработным отказываться от работы», Декрет СНК РСФСР от 05 октября 1918 г. «О трудовых книжках для нетрудящихся», Кодекс законов о труде РСФСР от 10 декабря 1918 г.

[2] См.: О введении в действие Кодекса законов о труде РСФСР. изд. 1922 г. (вместе с Кодексом законов о труде РСФСР): Постановление ВЦИК от 09.11.1922 // СУ РСФСР. 1922. № 70. Ст. 903; Об утверждении текста Конституции (Основного закона) РСФСР (вместе с Конституцией (Основным законом) РСФСР): постановление XII Всероссийского Съезда Советов от 11.05.1925 // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

формы нормативного закрепления базовых идей о труде в советском государстве[3]. Позднее государство начинает ориентировать общество на понимание труда как жизненной потребности каждого советского гражданина[4]. Буквально пропитано ценностью труда содержательное наполнение Конституция СССР 1977 г.: в тексте слово «труд» и происходящие от него слова встречаются более 60 раз.

Правовое закрепление всеобщности труда требовало формирования положительного образа трудящегося человека. В.С. Магун, исследуя российские трудовые ценности, приходит к выводу о существовании в советском государстве сложной системы идеологической составляющей в части формирования и разъяснения целей и мотивов труда, при этом сама идеологическая составляющая базировалась на противопоставлении взаимоисключающих компонентов как то общественная польза и личный интерес, духовные и материальные мотивы [3, с. 117]. Как видим, в лоне созидательного труда определяется такая ценность, как «коллективизм», а также видны черты ориентации на приоритет духовного над материальным. В аспекте созидательного труда это проявляется в стремлении самореализации через трудовую деятельность, а не сведения ее к получению лишь материальной выгоды, прежде всего, вознаграждения за труд.

В связке с созидательным трудом яркое воплощение в советском праве нашла ценность коллективизма, важности общего дела. В истории российского государства можно проследить дух коллективизма в русской крестьянской общине, досоветской русской артели, в самоорганизации советских рабочих и даже в отношениях между людьми, которые складывались в ходе хозяйственных экспериментов, ставящих оплату труда в зависимость от конечных результатов коллективной работы [2, с. 85]. В советский период идея коллективизма получила наибольшее воплощение в праве.

Черты советского коллективизма проявляются в нормативных правовых актах. Прежде всего, это законодательный запрет частной собственности на средства производства, и как антипод – социализация и национализация. Особенностью следует назвать и появление именно в советский период самостоятельного субъекта права – трудового коллектива[5]. Последний явил собой одну из точек соприкосновения созидательного труда и коллективизма. С этими ценностями в анализируемый период тесно связаны также ценности «взаимопомощь» и «взаимоуважение», которые могут быть рассмотрены как понятия, конкретизирующие коллективизм.

Рядом с коллективизмом развивается идея единения и равенства всех народов, которая, имея глубокие корни, дошла до наших дней. Принятая в 1917 г. Декларация прав народов России[6] впервые концентрированно закрепила идею национальной политики российского государства в стремлении поиска базы построения единства народов России. Фактическая сторона реализации межнациональной политики является до сих пор дискуссионным моментом. Однако с уверенностью можно сказать, что Россия в советский период продолжала курс на единение всех народов, населяющих ее территорию. В Конституции РСФСР 1918 г. впервые провозглашено равенство граждан в правах, особо сделан акцент на недопустимости угнетения и ограничения в правах представителей национальных меньшинств[7]. В названном акте отражено стремление государства создать равные условия для жизни всех граждан, в чем видится продолжение традиции поддержания единства народов, населяющих Россию. В дальнейших советских Конституциях эта идея будет также находить свое продолжение.

Примечательно, что Конституции 1977 г. и 1978 г. используют понятие «советский народ». Ранее в Основном законе страны оно не встречается. Исследователи обраща-

[3] В частности в ст. 12. Конституции РСФСР 1937 г. закреплено: «Труд в РСФСР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу: “кто не работает, тот не ест”. В РСФСР осуществляется принцип социализма: “от каждого по его способностям, каждому - по его труду”»; аналогичная формулировка отражена в ст. 12. Конституции СССР 1936 г.

[4] Изначально с данной целью, нормативно оформившейся, встречаемся в Кодексе законов о труде Российской Федерации 1971 г., когда речь идет о труде на благо общества как первой жизненной потребности каждого трудоспособного человека, а позднее каждого советского человека.

[5] Данный вывод основан в частности на положения ст. Конституции СССР 1977 г. и Конституции РСФСР 1978 г.: «Трудовые коллективы участвуют в обсуждении и решении государственных и общественных дел, в планировании производства и социального развития, в подготовке и расстановке кадров, в обсуждении и решении вопросов управления предприятиями и учреждениями, улучшения условий труда и быта, использования средств, предназначенных для развития производства, а также на социально-культурные мероприятия и материальное поощрение».

[6] Декларация прав народов России, утв. СНК РСФСР 02.11.1917 // СУ РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

[7] Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918 // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.

ют внимание, что данное понятийное словосочетание использовалось в различных сферах общественной жизни, прежде всего в политической, однако «рождение концепции советского народа как новой исторической общности связывают с XXIV съездом КПСС, состоявшимся в 1971 г.» [1, с. 54]. Включение данного понятия в правовое поле, думается, можно рассматривать в качестве отражения ценности коллективизма – концентрированным выражением которой становится советский народ, отражающий помимо иных общих качеств наднациональный характер общности. Да, вопрос о том, был ли действительно советский народ единой общностью, остается в науке дискуссионным. Вместе с тем сама идея может быть интересна и полезна современному российскому государству для поиска оптимальной модели формирования самоидентичности российского многонационального народа.

В контексте исследования истоков традиционных ценностей важно обратить внимание на появление в Конституции РСФСР 1978 г. впервые указания на права и свободы граждан вслед за Конституцией СССР 1977 г.: «Советское государство, все его органы действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, *прав и свобод граждан*» (курсив мой. – Прим. авт.)[8]. В связи с принятием Декларации прав и свобод человека и гражданина в 1992 г. в Конституцию 1978 г. были внесены существенные изменения и дополнения, отразившие стремление государства следовать общепризнанным международным принципам и нормам. В тексте названной Конституции появилось указание на «права и свободы человека» в современном понимании. Тот факт, что ранее отечественное законодательство не знало института прав и свобод человека и гражданина в прямом его закреплении, наталкивает на дискуссию о правильности отнесения ценности «права и свободы человека» к традиционным российским духовно-нравственным ценностям в силу ее «молодости». Однако традиционный не равно консервативный, традиция сохраняет стержень, что-то отмирает, что-то привносится новое. В связи с этим считаем включение данной ценности следует рассматривать как ожидаемую, желаемую ценность в перспективе в качестве традиционной.

Особое отношение государства прослеживается в исследуемый период по отношению называемой сегодня законодателем ценности «крепкая семья». Анализ текстов советских Конституций и базовых нормативных актов в этой сфере свидетельствует о движении государства от отрицания ценности семьи к ее признанию и охране. Если в первых Конституциях о семье речь не ведется вовсе (в тексте Конституции 1918 г. слово «семья» не используется, в тексте Конституции 1924 г. оно употребляется единожды в контексте объединения трудящихся в одну социалистическую семью, т. е. речь о семье как социальной ячейке общества также отсутствует), то в Конституции 1936 г. появляется упоминание о семье в связи с указанием самостоятельного направления ведения СССР как то «установление основ законодательства о браке и семье». Вычленение данного вопроса в разряд самостоятельного направления правового регулирования можно рассматривать в качестве свидетельства признания государственной властью за семьей важного значения для развития и устойчивости как общества, так и государства. В Конституцию СССР 1977 г., а вслед за ней и в Конституцию РСФСР 1978 г. впервые включаются самостоятельные нормы брачно-семейного характера, отразившие направления поддержки семей, в том числе с детьми, со стороны государства, семья официально входит под защиту государства. В связи со сказанным, думается, справедливым сделать вывод, что советское государство прошло путь от отрицания семьи как важного общественного института до восстановления его статуса. Ценностное наполнение семьи соответствовало социально-экономическому и политическому строю своего времени. Период советского государства и права во многом определен сильным идеологическим воздействием. Семья не оказалась исключением, претерпев изменения ценностного наполнения под воздействием общественно-исторической реальности.

В целом советский период развития отечественной правовой системы весьма неординарный, уникальный, носящий во многом экспериментальный характер. В аспекте исследования традиционных ценностей в системе российского права он наиболее показателен в плане динамичности, подвижности ценностной системы, отражения ее в правовой форме.

Настоящая статья является отражением последовательного формирования автором исторических предпосылок исследования традиционных российских духовно-нравственных ценностей в праве, которое включает и предыдущие периоды существования отечественного права, от образования Древнерусского государства до становления и развития правовой системы Российской империи включительно, что отражено в самостоятельных публикациях. В связи с этим в заключение настоящей статьи видится логичным сделать общий вывод по исследованию отечественного правового исследования в контексте отражения в нем традиционных

[8] Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик, принята ВС СССР 07.10.1977 // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

российских духовно-нравственных ценностей, правового опыта сохранения, укрепления, защиты и охраны таковых.

Резюмируя сказанное в публикациях, подчеркнем еще раз, что исходя из того, что само понятие традиционных ценностей весьма объемное и неоднородное, авторское внимание сосредоточено было на отдельных традиционных ценностях, вычлененных в качестве таковых современным российским законодателем в рамках Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Исследование основных памятников права показало, что действительно отдельные ценности, названные законодателем в качестве традиционных, имеют глубокие корни. Правовая защита некоторых из них может быть свидетельством, во-первых, самого факта их существования, признания, использования в качестве ориентира, регулятора в жизни русского народа, во-вторых, важности и необходимости их в обеспечении нормальной жизнедеятельности людей. Вместе с тем о правовой охране традиционных ценностей в историческом ключе справедливо говорить лишь косвенно, прямое указание на защиту и укрепление таковых в памятниках отечественного права найти сложно. Думается, в этом просто не было потребности. Духовно-нравственная сфера формировалась, защищалась и охранялась на протяжении существования российского государства православной церковью. Государство, конечно же, не было полностью отстранено от этой деятельности, ведь оно признавало и охраняло монопольное право православной церкви в духовно-нравственной сфере. В отдельных направлениях государство поддерживало нормы православия, с тем чтобы укрепить их прежде всего в брачно-семейной сфере. Советский период эту традицию прервал, вследствие чего духовно-нравственная сфера на долгое время осталась вне системного формирования.

Современное российское государство, увидев в духовно-нравственной сфере потенциал к росту и процветанию российского народа, реализует правовую политику по защите и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Задача юридической науки видится в создании теоретической базы для формирования правовой системы с опорой на высокие мировоззренческие ориентиры в духовно-нравственной сфере для российского народа.

Список источников

1. Булыгина Т.А., Амбарцумян К.Р. К вопросу об истории формирования концепции «новая историческая общность – советский народ» и ее реализация в 1970-1980-е гг. // История: факты и символы. 2022. № 3(32).
2. Клямкин И.М., Кутковец Т.А. Коллективизм: жизненная ценность или след ушедшей эпохи? // Ведомости прикладной этики. 2001. № 18.
3. Магун В.С. Российские трудовые ценности: идеология и массовое сознание // Мир России. Социология. Этнология. 1998. № 4.
4. Садовникова Г.Д. 30 лет Конституции Российской Федерации: традиционные ценности и новые приоритеты // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 10(155).

References

1. Bulygina T.A., Ambartsumyan K.R. On the history of the formation of the concept of «new historical community – the Soviet people» and its implementation in the 1970-1980s // History: facts and symbols. 2022. № 3(32).
2. Klyamkin I.M., Kutkovets T.A. Collectivism: a life value or a trace of a bygone era? // Vedomosti of applied ethics. 2001. № 18.
3. Magun V.S. Russian labor values: ideology and mass consciousness // The world of Russia. Sociology. Ethnology. 1998. № 4.
4. Sadovnikova G.D. 30 years of the Constitution of the Russian Federation: traditional values and new priorities // Actual problems of Russian law. 2023. № 10(155).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хужина Оксана Николаевна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Нижегородская академия МВД России. 603144, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khuzhina Oksana Nikolaevna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, Ankudinovskoe highway, Nizhny Novgorod 603144 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 56–61.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 56–61.

Научная статья
УДК 351.81

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ КАК СРЕДСТВУ НАДЗОРА ЗА ДОРОЖНЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Афонин Вадим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, Vadim.afonin@mail.ru

Понежина Людмила Юрьевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, ponezhina-lyudmila@yandex.ru

Копыл Дмитрий Владимирович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация, Kopil.kumvd@mail.ru

Введение: *обеспечение безопасности дорожного движения направлено на достижение основных целей – снижение количества дорожно-транспортных происшествий и тяжести их последствий. Основой успешного обеспечения безопасности дорожного движения на сети дорог является деятельность нарядов и экипажей дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции, осуществляющих повседневное плановое выполнение возложенных на службу задач с использованием технических средств по наблюдению за движением на дороге, выявлению и фиксации нарушений со стороны его участников.*

Материалы и методы: *в рамках проведенного исследования использовалась вся система всеобщих принципов познания, общенаучных и специальных методов исследования (диалектика, логический, формально-юридический, герменевтический подход, системный метод, функциональный метод).*

Результаты исследования: *в статье рассмотрены основные особенности применения беспилотных летательных аппаратов в обеспечении безопасности дорожного движения, их значение и роль при решении оперативно-служебных задач сотрудников ДПС. Среди главных направлений использования БПЛА авторы выделяют реализацию оперативно-розыскных и оперативно-профилактических мероприятий ГИБДД, выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений.*

Выводы и заключения: *сформулированы ключевые функции БПЛА: сбор и анализ данных о дорожном движении, мониторинг обстановки на аварийно опасных участках, выявление и отслеживание нарушителей правил дорожного движения, розыск угнанного автотранспорта. Описаны важные элементы каждой из указанных функций, возможности и специфика задействования БПЛА в их рамках. Обозначены некоторые проблемы, связанные с применением беспилотников на практике, например, высокая стоимость комплекса, большие затраты на его ремонт и содержание, дефицит специалистов по работе с таким оборудованием.*

Ключевые слова: *беспилотные летательные аппараты, оперативно-профилактические мероприятия, дорожно-патрульная служба, фиксация правонарушений, безопасность, транспортное средство, дорожно-транспортное происшествие.*

Для цитирования: Афонин В. В., Понежина Л. Ю., Копыл Д. В. *К вопросу об использовании беспилотных летательных аппаратов как средству надзора за дорожным движением // В. В. Афонин, Л. Ю. Понежина, Д. В. Копыл // Философия права: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 56–61.*

Original paper

ON THE ISSUE OF THE USE OF UNMANNED AERIAL VEHICLES AS A MEANS OF TRAFFIC SURVEILLANCE

Afonin Vadim Vyacheslavovich
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Ponezhina Lyudmila Yurievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Kopyl Dmitry Vladimirovich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *ensuring road safety is aimed at achieving the main goals - reducing the number of road accidents and the severity of their consequences. The basis for successfully ensuring road safety on the road network is the activities of the road patrol squads and crews of the State Traffic Safety Inspectorate, who carry out the daily planned execution of the tasks assigned to the service using technical means for monitoring traffic on the road, identifying and recording violations by its participants.*

Materials and methods: *within the framework of the conducted study, the entire system of general principles of cognition, general scientific and special research methods (dialectics, logical, formal-legal, hermeneutic approach, systems method, functional method) were used.*

Results of the study: *the article considers the main features of the use of unmanned aerial vehicles in ensuring road safety, their importance and role in solving operational and service tasks of traffic police officers. Among the main areas of UAV use, the authors highlight the implementation of operational-search and operational-preventive measures of the State Traffic Safety Inspectorate, detection, suppression, disclosure and investigation of crimes.*

Findings and conclusions: *the key functions of UAVs are formulated: collection and analysis of traffic data, monitoring the situation in accident-prone areas, detection and tracking of traffic violators, search for stolen vehicles. The important elements of each of these functions, the capabilities and specifics of using UAVs within their framework are described. Some problems associated with the use of drones in practice are identified, for example, the high cost of the complex, high costs of its repair and maintenance, the shortage of specialists in working with such equipment.*

Keywords: *unmanned aerial vehicles, operational-preventive measures, road patrol service, recording of offenses, safety, vehicle, road accident.*

For citation: Afonin V. V., Ponezhina L. Yu., Kopyl D. V. *On the issue of the use of unmanned aerial vehicles as a means of traffic surveillance // V. V. Afonin, L. Yu. Ponezhina, D. V. Kopyl // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 56–61.*

Стремление государства в области безопасности дорожного движения направлено на достижение основных целей – снижение количества дорожно-транспортных происшествий и тяжести их последствий. Для их достижения постоянно модернизируется и развивается дорожно-транспортная сеть страны, возрастают требования к активной и пассивной безопасности эксплуатируемого автомототранспорта, внедряются средства контроля и надзора за дорожным движением, среди которых в последнее время обосабливаются в отдельное перспективное направление беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА, беспилотники, дроны).

Как и в любом случае применения технических средств для фиксации правонарушений, возникают вопросы нормативно-правового регулирования и организации практического использования БПЛА в качестве средства выявления и пресечения административных правонарушений в области дорожного движения.

Порядок осуществления надзора за дорожным движением, утвержденный приказом МВД России от 02.05.2023 № 264 [1] (далее – Порядок), определяет перечень специальных средств, которые могут применяться при осуществлении такой деятельности, и перечень мероприятий, с помощью которых осуществляется надзор за дорожным движением. В их числе – наблюдение за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства о

безопасности дорожного движения. Данный Порядок не дает определения, что такое наблюдение, но определяет перечень мероприятий, с помощью которых данная деятельность осуществляется, включающий: визуальное или с использованием технических средств (специальных технических средств, в том числе работающих в автоматическом режиме) наблюдение за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения; наблюдение за состоянием технических средств организации дорожного движения, проезжей части дорог и дорожных сооружений.

Таким образом, наблюдение является деятельностью сотрудников Госавтоинспекции, которая может осуществляться посредством использования специальных технических средств. К таким средствам можно отнести: фото-, видеокамеры фиксации, установленные в служебном транспорте, нагрудные видеорегистраторы и другие средства фиксации, в том числе БПЛА. Применение последних вызывает оживленные дискуссии ввиду неурегулированности в нормативно-правовом поле: отсутствует четкий перечень средств, которые могут использоваться Госавтоинспекцией для фиксации административных правонарушений; в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») [2] БПЛА не отнесены к специальным средствам; юридически не закреплены требования к самому БПЛА и средству фиксации, которое установлено на нем.

Статьей 26.2 КоАП РФ определено, что «доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» [3]. То есть доказательством могут являться любые сведения и данные, полученные законным путем, например, к ним можно отнести видеозапись на смартфон другого гражданина. То есть в некотором смысле видеозапись, снятую с БПЛА, можно считать той же видеозаписью, только снятой на видеокамеру дрона.

В настоящее время БПЛА не используются для выявления правонарушений, связанных с нарушением скоростного режима, зафиксированные ими данные не являются основанием для автоматического привлечения к ответственности, соответственно, камеры БПЛА не выполняют метрических функций, а следовательно, не требуют лицензирования.

Специальные средства, состоящие на вооружении полиции, в первую очередь нацелены на принудительное физическое воздействие, принуждение прекратить совершение противоправного деяния, путем воздействия на органы чувств, способность свободно передвигаться, или же на материальные средства, позволяющие отступать от требований законодательства.

Таким образом, БПЛА как средство, используемое полицией, направлено не на принудительное воздействие на правонарушителей, а на обеспечение эффективной деятельности Госавтоинспекции по выявлению и пресечению административных правонарушений в области дорожного движения, соответственно, данное устройство относится не к специальным средствам полиции, а к специальной технике, используемой органами внутренних дел.

Часть 3 статьи 11 ФЗ «О полиции» «Использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем» [2] определяет, что полиция использует беспилотные воздушные, подводные, надводные суда при фиксации обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений. Исходя из положений данного принципа, следует отметить, что законодательно сотрудники полиции имеют полное право применять БПЛА в своей деятельности, при этом беспилотные суда относятся не к категории специальных средств полиции, а к специальной технике.

Следовательно, полиция имеет полное право при осуществлении своей деятельности использовать воздушные суда. Поэтому следует уделить внимание порядку использования беспилотных воздушных судов, административным правонарушениям в области дорожного движения, которые можно выявлять, используя БПЛА, а также проблемам материального и кадрового характера полиции, возникающим в связи с использованием беспилотников.

Так, в качестве примера можно привести Самарскую область, где Госавтоинспекцией одной из последних опубликованы официальные данные о результатах использования БПЛА в качестве средства выявления административного правонарушения с начала

сентября 2023 г. Как указано на областном сайте Госавтоинспекции, беспилотные аппараты применялись на аварийно опасном участке федеральной автомобильной дороги М-5 «Урал», в первый день использования было выявлено шесть нарушений правил дорожного движения, связанных с выездом на встречную полосу движения [4]. Данное правонарушение, согласно статистике, влечет тяжкие последствия, а следовательно, требует профилактики самыми современными способами, в том числе с применением БПЛА. Естественно, результаты разового рейда не могут дать обоснованного прогноза целесообразности применения беспилотников. А вот проведенные в течение четырех лет (с 2019 по 2022 г.) в Республике Адыгея мероприятия по надзору за дорожным движением с использование БПЛА, по официальным заявлениям пресс-службы МВД Республики, показали положительный эффект – по материалам, зафиксированным БПЛА, к ответственности было привлечено более 600 водителей. Отмечен профилактический эффект применения БПЛА, выразившийся в психологическом воздействии на водителей, повлекший снижение количества административных нарушений на участках автодорог, контролируемых дронами [5].

Справедливым будет мнение, что в условиях уплотнения транспортного потока 600 выявленных правонарушений за такой период не могут оказать реального воздействия на дорожно-транспортную аварийность. Здесь следует обратить внимание на проблемы, возникающие в организации использования БПЛА в деятельности Госавтоинспекции, на примере той же Республики Адыгея. В данном субъекте, как и на территории всей России, БПЛА используются на основании совместного приказа Росгвардии и МВД России [6], что обусловлено отсутствием в Госавтоинспекции специальных подразделений, уполномоченных осуществлять видеоконтроль за дорожным движением с помощью БПЛА, к тому же в настоящее время беспилотники не стоят на вооружении полиции как специальные средства или специальная техника.

Сегодня взаимодействие МВД России и Росгвардии реализуется следующим образом: для проведения каждого рейдового мероприятия с использованием БПЛА МВД по Республике Адыгея готовится заявка за подписью Министра внутренних дел на имя руководителя Управления Росгвардии по Республике Адыгея. В заявке указывается дата, время, муниципальное образование, на территории которого планируется рейдовое мероприятие, схема автомобильной дороги, на участке которой будет применен БПЛА. На основе согласованной заявки издается совместный приказ, регламентирующий порядок взаимодействия. Только после этих, как правило, небыстрых процедур создается совместный наряд, состоящий из автопатруля Госавтоинспекции и пункта управления БПЛА Росгвардии. Работа осуществляется в районе, указанном в приказе, с учетом оптимальной видимости для водителей, а также с учетом обеспечения наилучших условий для работы БПЛА. Как видно, из-за громоздкости механизма взаимодействия такой порядок организации использования БПЛА при надзоре за дорожным движением далек от совершенства и оперативности, что является следствием решения вопроса о взаимодействии на уровне высших должностных лиц правоохранительных органов субъекта. Исходя из изложенного, напрашивается вывод, что невысокие результаты выявления нарушений являются следствием чрезмерно малого количества таких рейдовых мероприятий. Решение проблемы малого количества рейдов видится в создании отдельного подразделения Госавтоинспекции, специализирующегося на применении современных технологий, в том числе БПЛА, для контроля и надзора за дорожным движением, профилактики правонарушений и преступлений в области дорожного движения, мониторинга транспортных потоков и выявления заторовых ситуаций.

Беспилотные летательные аппараты при определенной модернизации могут заменить инспектора ДПС в выявлении и фиксации нарушений правил дорожного движения в ночное время суток, когда человеческих глаз в условиях низкой освещенности может их не заметить. Также БПЛА могут послужить средством координирования сотрудников ДПС и отслеживания маршрута передвижения скрывающегося от преследования правоохранителей транспортного средства.

Отметим, что при установке на БПЛА соответствующего измерительного оборудования они могут стать средствами автоматической фиксации административных правонарушений, что позволило бы осуществлять измерение скорости движения транспортных средств, измерение габаритов транспорта, использовать их в местах, где установка стационарного оборудования такого типа невозможна. Кроме того, ввиду мобильности и инновации в применении беспилотники способны оказать положи-

тельный психологический эффект постоянного и повсеместного контроля правоохранительных органов за соблюдением правил дорожного движения.

Несмотря на явный положительный эффект БПЛА следует отметить и сложности их внедрения в повседневную деятельность подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения. Использование беспилотников значительно упростит и сделает процесс эффективным только при создании отдельного специализированного подразделения в каждом подразделении Госавтоинспекции на районном уровне. Здесь возникают проблемы материального обеспечения и кадрового голода в целом, а тем более в подборе штата сотрудников, способных работать с такого рода системами. Подготовка специализированных кадров может занять продолжительное время и стоить огромных финансовых затрат.

Эффективность надзора за дорожным движением с помощью беспилотных судов может быть достигнута только при создании необходимой плотности данных технических средств для массового выявления административных правонарушений в области дорожного движения. Создание таких подразделений лишь на региональном уровне сведет их применение к уровню современного взаимодействия МВД России с Росгвардией.

Не следует забывать и о проблеме технических характеристик БПЛА, стоящих на вооружении правоохранительных органов. Современный, даже самый продвинутый беспилотник способен работать с необходимым для контроля за безопасностью дорожного движения оборудованием не более трех часов, смена блока аккумуляторов не решит проблему его постоянного нахождения в воздухе. Также минусом является сам принцип работы такого оборудования. Дрон управляется с помощью сигнала, передаваемого из командного центра, находящегося чаще всего в специально оборудованном автомобиле, это ограничивает его использование в горной местности, среди плотной городской застройки и других местах со слабым прохождением радиоволн [7, с. 399–403].

Применение БПЛА для выявления административных правонарушений является одним из эффективных средств, которое может повлиять на правосознание водителей, склонных к совершению административных правонарушений в области дорожного движения, снижение количества таких нарушений, а следовательно, и дорожно-транспортную аварийность. Для этого необходимо создание специализированных подразделений в системе Госавтоинспекции, оснащенных самыми современными и хорошо укомплектованными БПЛА [8, с. 52].

На наш взгляд, необходимо исключение громоздкого в административном плане порядка существующего взаимодействия Росгвардии и Госавтоинспекции МВД России по применению БПЛА, что положительно отразится на увеличении количества целевых профилактических мероприятий на постоянной основе.

Таким образом, преимущества беспилотных летательных аппаратов очевидны, а по мере их совершенствования они будут все больше и больше вытеснять традиционные и трудоемкие методы мониторинга, в том числе и за дорожным движением.

Список источников

1. Об утверждении Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 02.05.2023 № 264. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. URL: https://xn--80aebkobnwfcnsfk1e0h.xn--p1ai/r/63 (дата обращения: 01.03.2025).

References

1. On approval of the Procedure for supervising compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation on road safety: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 02.05.2023 № 264. Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. On the police: federal law of 07.02.2011 № 3-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: federal law of 30.12.2001 № 195-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».
4. URL: https://xn--80aebkobnwfcnsfk1e0h.xn--p1ai/r/63 (date of access: 01.03.2025).

5. URL: https://xn--80aebkobnwfcnsfk1e0h.xn--p1ai/r/01 (дата обращения: 01.03.2025)
6. Об утверждении Порядка организации взаимодействия войск национальной гвардии Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: совместный приказ Росгвардии и МВД России от 28.09.2018 № 430дсп/635дсп. URL: https://63.rosguard.gov.ru/page/index/perechen-aktualnyx-normativnyx-pravovyx-aktov-razyasneniya-o-deyatelnosti-vnevedomstvennoj-oxrany-rosgvardii (дата обращения: 01.03.2025)
7. Поделякин А.А. Перспектива использования беспилотных летательных аппаратов в деятельности Госавтоинспекции: материалы Международной научно-практ. конф. 2021.
8. Мартынюк С.Н. Использование беспилотных летательных аппаратов в обеспечении безопасности дорожного движения // Теория и практика общественного развития. 2021. № 2.

5. URL: https://xn--80aebkobnwfcnsfk1e0h.xn--p1ai/r/01 (date of access: 01.03.2025)
6. On approval of the Procedure for organizing interaction between the troops of the National Guard of the Russian Federation and the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, its territorial bodies in the performance of tasks on protecting public order and ensuring public safety: joint order of the Russian National Guard and the Ministry of Internal Affairs of Russia dated September 28, 2018 № 430dsp/635dsp. URL: https://63.rosguard.gov.ru/page/index/perechen-aktualnyx-normativnyx-pravovyx-aktov-razyasneniya-o-deyatelnosti-vnevedomstvennoj-oxrany-rosgvardii (date of access: 01.03.2025)
7. Podelyakin A.A. Prospects for the use of unmanned aerial vehicles in the activities of the State Traffic Safety Inspectorate: materials of the International scientific and practical. conf. 2021.
8. Martynyuk S.N. Use of unmanned aerial vehicles in ensuring road safety // Theory and practice of social development. 2021. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Афонин Вадим Вячеславович, *кандидат юридических наук, доцент кафедры организации деятельности ГИБДД. Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.*
Понежина Людмила Юрьевна, *доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*
Копыл Дмитрий Владимирович, *кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры безопасности дорожного движения. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Afonin Vadim Vyacheslavovich, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of the Traffic Police Activities. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatova St., Otyol 302027 Russian Federation.*
Ponezhina Lyudmila Yuryevna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*
Kopyl Dmitry Vladimirovich, *PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Road Safety. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 62–68.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 62–68.

Научная статья
УДК 342.9: 351.84

ДОСМОТР ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА КАК МЕРА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Давыдов Максим Вячеславович
Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, mdd86.m@yandex.ru

Лубский Роман Анатольевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, roma-thebest@mail.ru

Введение: *в статье исследуются правовые и тактические особенности досмотра транспортного средства как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, реализуемой в деятельности сотрудников полиции. Анализ судебной и административной практики, характеризующей предметную область исследования, позволил авторам статьи сделать вывод о формировании особой правоприменительной тенденции условного соблюдения официальных требований, предъявляемых к процедуре досмотра транспортного средства. Сложившиеся в рамках этой тенденции правовые практики оказывают отрицательное воздействие на правоприменительную деятельность, способствуя созданию благоприятных условий для конфликтных ситуаций, возникающих в связи с различным истолкованием понятий «досмотр» и «осмотр» транспортного средства, а также появлению негативных представлений о правомерности действий сотрудников полиции.*

Материалы и методы: *инструментальную основу исследования составили нормы административно-процессуального и уголовно-процессуального права, материалы судебной практики, анализ которых позволил реализовать методологические преимущества деятельностного подхода научного исследования, реализуемого с целью уяснения правоприменительных особенностей деятельности сотрудников полиции, осуществляемой ими в рамках досмотра транспортного средства.*

Результаты исследования: *в статье выявлены особенности реализации и проблемы правоприменительной практики, осуществляемой в процессуальных рамках досмотра транспортного средства, рассматриваемого в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в деятельности полиции.*

Выводы и заключения: *в результате исследования авторы статьи определяют типовые правоприменительные проблемы, с которыми сталкиваются сотрудники полиции при проведении досмотра транспортного средства, устанавливают их причины, обусловленные как противоречивостью отдельных положений ст. 27.9 КоАП РФ в части подмены оснований досмотра транспортного средства его целью, так и отсутствием критериев нарушения конструктивной целостности досматриваемых объектов и формулируют научно-практические рекомендации по теме.*

Ключевые слова: *досмотр, осмотр, сотрудник полиции, транспортное средство, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, правоприменительные проблемы.*

Для цитирования: Давыдов М. В., Лубский Р. А. *Досмотр транспортного средства как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемая в деятельности полиции: особенности реализации и проблемы правоприменительной практики / М. В. Давыдов, Р. А. Лубский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 62–68.*

Original paper

VEHICLE INSPECTION AS A MEASURE TO ENSURE PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES USED IN POLICE ACTIVITIES: IMPLEMENTATION FEATURES AND PROBLEMS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Davydov Maxim Vyacheslavovich
Oryol Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Oryol, Russian Federation

Lubsky Roman Anatolyevich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines the legal and tactical features of vehicle inspection as a measure to ensure proceedings on administrative offenses, implemented in the activities of police officers. Analysis of judicial and administrative practice characterizing the subject area of the study allowed the authors of the article to conclude that a special law enforcement trend of conditional compliance with official requirements imposed on the vehicle inspection procedure has developed. The legal practices that have developed within the framework of this trend have a negative impact on law enforcement activities, contributing to the creation of favorable conditions for conflict situations arising in connection with different interpretations of the concepts of «inspection» and «search» of a vehicle, as well as the emergence of negative ideas about the legality of the actions of police officers.*

Materials and methods: *the instrumental basis of the study was the norms of administrative-procedural and criminal-procedural law, materials of judicial practice, the analysis of which made it possible to realize the methodological advantages of the activity-based approach of scientific research, implemented in order to clarify the law enforcement features of the activities of police officers carried out by them within the framework of vehicle inspection.*

Results of the study: *the article identifies the features of implementation and problems of law enforcement practice carried out within the procedural framework of vehicle inspection, considered as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses in police activities.*

Findings and conclusions: *as a result of the study, the authors of the article determine typical law enforcement problems encountered by police officers when conducting vehicle inspections, establish their causes, due to both the inconsistency of individual provisions of Art. 27.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in terms of substituting the grounds for vehicle inspection with its purpose, and the lack of criteria for violating the structural integrity of the inspected objects, and formulate scientific and practical recommendations on the topic.*

Keywords: *inspection, search, police officer, vehicle, measures to ensure proceedings in cases of administrative offenses, law enforcement issues.*

For citation: Davydov M. V., Lubsky R. A. *Vehicle inspection as a measure to ensure proceedings in cases of administrative offenses used in police activities: implementation features and problems of law enforcement practice / M. V Davydov., R. A. Lubsky // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 62–68.*

В целях решения задач, возложенных на полицию в сфере защиты личности и общества от противоправных посягательств, сотрудники ведомства наделены существенными полномочиями, осуществляемыми в ходе досмотровых мероприятий, различные вариации которых реализуются в профессиональной деятельности многих подразделений полиции, выполняющих свои служебные обязанности. В связи с этим определенный интерес вызывают правоприменительные аспекты осуществления сотрудниками полиции досмотра транспортного средства, рассматриваемого в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) от 30.12.2001 № 195-ФЗ, а также Федеральном законе от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») в качестве меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

В зависимости от характера регулируемых отношений специфика профессиональной деятельности, осуществляемой в сфере досмотра транспортного средства, может быть исследована на основе положений Федерального конституционного закона от 30.05.2002 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении», а также Федерального закона от 6.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии тер-

роризму», которыми предусмотрено право проведения досмотра транспортного средства в условиях специальных административно-правовых режимов, но без «расшифровки» особенностей его реализации.

Несмотря на кажущуюся простоту законодательных требований к порядку проведения и оформления результатов досмотра транспортного средства структурное изложение и смысловое содержание ст. 27.9 КоАП РФ вызывает ряд вопросов нормативного характера. Так, с позиции этимологии понятие «досмотр» определяется как исследование, обнаружение, что в полной мере соотносится с его юридической интерпретацией в рамках положений ст. 27.9 КоАП РФ: обследование транспортного средства, которое проводится без нарушения его конструктивной целостности. Между тем нужно отметить, что такая формулировка не предусматривает оснований для его проведения, т. к. законодатель в ч. 1 ст. 27.9 КоАП РФ лишь ограничивается указанием цели данного процессуального действия и, как отмечают некоторые специалисты, такая правовая неопределенность позволяет неоправданно расширительно толковать случаи применения данной меры [3, с. 356].

Помимо проблем технического характера, связанных со стремлением законодателя уделить особое внимание цели обследования, порождающей правовой полисемантизм, выражающийся в расширительном толковании термина, отдельные вопросы вызывают положения п. 16 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», закрепляющие полномочие полицейского на осуществление досмотра транспортного средства граждан при наличие данных полагать, что в нем имеются оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества. В то же время стоит понимать, что в ходе досмотра транспортного средства всегда существует возможность обнаружить не только перечисленные выше предметы, относящиеся к категории запрещенных или ограниченных в обороте, но и те, которые, являясь орудием совершения или предметом административного правонарушения, свободны в обращении: рыболовные снасти, продукты питания и т. д.

В этом случае положения ФЗ «О полиции» и КоАП РФ, соотносимые между собой по содержанию, не могут рассматриваться в общем контексте оснований для производства досмотра транспортного средства. Возможным решением рассматриваемой проблемы видится иная формулировка нормативного указания на порядок проведения досмотра транспортного средства: не по целевому назначению, а в рамках оснований для его проведения – наличие достаточных данных полагать, что в транспортном средстве могут находиться орудия совершения или предметы административного правонарушения. Подобного рода конкретизация позволит избежать, с одной стороны, нормативной неопределенности, с другой – субъективизма и оценочных суждений при принятии решения о проведении досмотра транспортного средства.

В связи с этим нужно отметить и еще одну проблему «транспортного обследования», обусловленную тем, что действующее законодательство не содержит критериев определения пределов нарушения конструктивной целостности досматриваемых объектов. Отчасти это можно объяснить тем, что в научной литературе этому вопросу уделяется недостаточное внимание [11, с. 101]. Одни исследователи в своих работах не разъясняют, что нужно понимать под нарушением конструктивных свойств в ходе обследования транспортного средства, ограничиваясь при этом лишь констатацией общих или частных проблем, характерных для процедуры досмотра [2, с. 252], другие специалисты полагают, что если в ходе досмотровых мероприятий нарушается единство конструкции, например, снятие воздухофильтра с автомобиля, то процедура досмотра теряет смысл [1, с. 58].

В настоящее время в сети Интернет на электронных ресурсах практикующихся юристов иногда можно обнаружить достаточно экстравагантные представления, в соответствии с которыми (если после досмотра не требуется ремонт по восстановлению исследуемого объекта) такое обследование не является нарушением его конструктивной целостности. Эти идеи носят дискуссионный характер, поскольку в случае если обследуемое устройство, предмет или механизм функционирует в полном объеме, говорить о нарушении его конструктивных свойств нецелесообразно. Более того, если у сотрудников, досматривающих транспортное средство, и возникают сложности технического характера, то у них всегда существует возможность проконсультироваться со специалистами (автомеханиками, автослесарями), обладающими необходимой квалификацией и практическими навыками работы с отдельными механизмами транспортного средства [10, с. 37].

Изучение материалов дел об административных правонарушениях позволяет предположить, что если в ходе производства транспортного досмотра существует возможность вернуть первоначальный вид обследуемого предмета, в ходе демонтажа не утрачена его структурная целостность, то допустимо говорить о соблюдении требований, предъявляемых к конструктивной целостности объекта. В частности, к таким действиям можно отнести обратную установку корпуса воздушного фильтра, фиксацию обшивки двери и т. д.

Помимо этого определенные вопросы правоприменительного характера возникают относительно полномочий должностных лиц, обладающих правом проведения досмотра транспортного средства. Несмотря на то, что досмотр как административно-предупредительная мера активно применяется в деятельности сотрудников Госавтоинспекции [6], однозначно утверждать об исключительной компетенции сотрудников этой службы на его применение неверно.

Обращаясь к нормам ст. 27.9 КоАП РФ, заметим, что полномочия на его проведение предоставляются должностным лицам, наделенным правом составлять протоколы о доставлении либо об административном задержании. В нашем случае к таким лицам относятся сотрудники полиции, уполномоченные в соответствии со ст. 23.3 КоАП РФ рассматривать дела об административных правонарушениях либо в рамках ст. 28.3 КоАП РФ составлять протоколы об административных правонарушениях. Поэтому не совсем понятна позиция тех, кто полагает, что досматривать транспортное средство могут только сотрудники Госавтоинспекции, в чем абсолютно не сомневается большинство автолюбителей, глубоко убежденных, что все вопросы, связанные с осуществлением контрольно-надзорных функций в области дорожного движения – исключительная компетенция сотрудников Госавтоинспекции.

В связи с этим, на наш взгляд, особый интерес представляет вопрос, предусматривающий возможность проведения досмотра транспортного средства сотрудниками других подразделений полиции. Учитывая, что участковые уполномоченные полиции законодательно отнесены к субъектам, участвующим в осуществлении надзорных функций в области дорожного движения [6], они также вправе в полном объеме проводить транспортный досмотр. Помимо этого право на проведение досмотра транспортного средства имеется и у сотрудников патрульно-постовой службы полиции в рамках выполнения функций по предупреждению и пресечению административных правонарушений [8].

В качестве примера можно использовать ст. 2.1.1 Постановления Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 «О Правилах дорожного движения», в которой отсутствует упоминание о должностной принадлежности сотрудника полиции, по требованию которого водитель транспортного средства обязан представить документы на право управления транспортным средством, что полностью соотносится с нормами ФЗ «О полиции», положения которого не разграничивают полномочия сотрудников полиции при выполнении обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения. В силу этого требовать остановки транспортного средства могут и сотрудники других подразделений полиции (например, в рамках розыска транспортных средств указанная возможность предоставляется иным сотрудникам, включенным в состав мероприятия), поэтому объем полномочий отдельных подразделений полиции в рамках обеспечения безопасности дорожного движения различается и может варьироваться в зависимости от обстоятельств дела, а отдельные полномочия на применение этой меры принадлежат сотрудникам полиции иных подразделений.

Неосведомленность водителей в этом вопросе зачастую приводит к возникновению конфликтных ситуаций. Так, 4 сентября 2019 г. Сулейман-Стальским районным судом Республики Дагестан гражданин В. признан виновным по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ в связи с тем, что в рамках проводимого мероприятия «Мак» после остановки транспортного средства сотрудниками ППСП отказался предоставить для досмотра свое транспортное средство, мотивируя свои действия тем, что сотрудники данной службы не вправе осуществлять подобные процессуальные действия. При этом гражданин В. неоднократно был предупрежден о последствиях невыполнения законного требования сотрудников полиции [5].

В целях повышения эффективности правоприменительной практики особого внимания заслуживает возможность использования результатов досмотра транспортного средства, полученных в рамках КоАП РФ в качестве доказательств по уголовному делу, когда, например, в ходе остановки транспортного средства сотрудниками Госавтоинспекции поведение водителя или его пассажиров указывает на возможное нахождение одного из них в состоянии наркотического или иного токсического опьянения либо когда в ходе досмотра обнаруживаются предметы, конструктивно схожие с огнестрельным оружием. В сложившейся обстановке возможно проведение не только личного досмотра гражданина, его вещей, но и самого транспортного средства на предмет нахождения запрещенных веществ, предметов. Несмотря на отличие в объекте обследования указанных досмотровых мероприятий проведение одного из них при общей целевой направленности в зависимости от обстоятельств произошедшего зачастую требует осуществление другого.

Так как на начальном этапе выявленного противоправного деяния отсутствует полная картина относительно вины лица, вида ответственности, уместно вести речь о получении доказательств именно проведением одного из указанных процессуальных действий. Если по итогам проведенной экспертизы будут установлены признаки преступления, то доказательства, полученные в рамках ст. 27.7 и 27.9 КоАП РФ, могут быть признаны

доказательствами по уголовному делу только в случае соблюдения требований КоАП РФ по их проведению. Подобный алгоритм получения доказательств не противоречит требованиям административного или уголовно-процессуального законодательства. В то же время стоит понимать, что в случае если указанные предметы изначально по внешнему виду и характеристикам подпадают под уголовно-наказуемые деликты, целесообразность проведения такого рода досмотра утрачивается, поскольку в данной ситуации осмотр места происшествия с участием транспортного средства в соответствии с нормами Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) позволит значительно повысить доказательственную базу обнаруженных и изъятых объектов. Сотрудники в случае обнаружения в ходе досмотра транспортного средства веществ или предметов, правовая природа которых не позволяет без проведения экспертизы установить вид юридической ответственности, прибегают не к самостоятельному проведению досмотровых мероприятий в соответствии с КоАП РФ, а к вызову следственно-оперативной группы, в состав которой входят наиболее квалифицированные сотрудники полиции, обладающие знаниями и умениями по обнаружению, изъятию и фиксации указанных предметов в рамках требований УПК РФ.

На практике часто возникают вопросы относительно отличия осмотра от досмотра транспортного средства. Действующее законодательство в отличие от досмотра четко не формулирует понятие и порядок проведения осмотра. Граждане зачастую отождествляют досмотр и осмотр между собой, считая, что указанные действия ничем не отличаются. Несмотря на некую стилистическую схожесть рассматриваемых понятий правовая природа досмотра и осмотра принципиально отличается как по механизму проведения, так и по документальному оформлению.

Прежде всего, досмотр транспортного средства относится к мерам обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, его правовая регламентация определяется нормами КоАП РФ. Если говорить об осмотре, то общие положения на его применение предусмотрены п. 20 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», согласно которому осмотр транспортных средств и грузов проводится при подозрении, что они используются в противоправных целях, с составлением соответствующего акта.

При осмотре сотрудником полиции производиться лишь визуальное обозрение видимых частей, агрегатов, деталей транспортного средства и перевозимых вещей и грузов, а открытие замков, запорных устройств, перемещение перевозимых вещей, грузов и другие действия осуществляются водителем транспортного средства по просьбе сотрудника полиции. При этом проведение такого осмотра никак не связано с фактом совершения административного правонарушения. По существу использование сотрудниками полиции осмотра транспортного средства в процессе своей служебной деятельности носит исключительно предупредительный характер, в процессе которого проверяется законность его использования и соответствие перевозимого груза сопроводительным документам.

Досмотр предполагает возможность действий сотрудника полиции по обследованию транспортного средства, его отдельных конструктивных узлов, деталей агрегатов, а также прицепа, кузова, перевозимых вещей и грузов путем самостоятельного отпирания и открытия дверей кабины и кузова транспортного средства, отпирания и поднятия крышки капота, багажника, кузова, перемещения ковриков и покрытий салона и кузова, перемещения перевозимых вещей, товаров и открытия их упаковки, открытия крышек ящиков салона и кузова и другие действия по поиску орудий совершения либо предметов административного правонарушения, осуществляемые независимо от воли владельца транспортного средства.

Фактически сотрудники полиции в процессе осмотра осуществляют визуальный обзор в целом транспортного средства, соотносят маркировочные обозначения с данными в регистрационных документах на транспортное средство, а также сверяют имеющийся груз в автомобиле с сопроводительными документами на его перевозку (путевой лист, товарно-транспортная накладная). В процессе осмотра сотрудники полиции обращают внимание на вешнее состояние транспортного средства, возможные повреждения, имеющиеся на автомобиле, его техническое состояние. При этом волеизъявление собственника на осмотр его транспортного средства фактически не учитывается. Водитель может и не присутствовать в процессе проведения указанной процедуры, покидать салон автомобиля ему также не требуется, чего нельзя сказать о досмотре транспортного средства, проведение которого связано с властным характером осуществляемых сотрудником полиции манипуляций. В данном случае досмотр автомобиля осуществляется после того, как водитель и все его пассажиры покинут салон транспортного средства независимо от их желания.

Кроме того, для проведения досмотра необходимо обязательное соблюдение процессуальных требований, предусмотренных ст. 27.9 КоАП РФ: наличие понятых или видеосъемки, составление протокола. Осмотр, являясь предупредительной мерой, соблюдения таких условий не требует, что позволяет отнести его к разряду наименее процессуально требовательных действий.

Изучение материалов судебных дел позволил авторам сделать вывод, что лица, прибегающие к обжалованию порядка проведения осмотра транспортного средства, достаточно часто заблуждаются по поводу предмета жалобы, полагая, что в отношении их транспортного средства проводится досмотр. В качестве примера можно проанализировать судебное разбирательство в отношении гражданина Г., привлеченного к административной ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, выразившееся в отказе гражданина открыть автомобиль для досмотра. В своем решении Верховный суд Республики Хакасия подтвердил законность требования сотрудника ДПС открыть автомобиль для досмотра, т. к. он действовал на основе ориентировки личного состава на установление и проведение досмотровых мероприятий транспортных средств. В своем решении суд подтвердил законность требований сотрудников ДПС, основываясь на показаниях свидетелей, подтвердивших отказ гражданина Г. открыть двери транспортного средства для досмотра [9].

Особо подчеркнем, что личный досмотр должен проводиться в корректной форме, исключающей унижение личного достоинства, причинение вреда здоровью и имуществу досматриваемого. Необходимость вежливости и корректности подтверждается судебным решением, в рамках которого Президиум Московского городского суда подтвердил решения судов первой и апелляционной инстанций о привлечении к уголовной ответственности за превышение должностных полномочий сотрудников полиции, которые в ходе выполнения своих служебных обязанностей без каких-либо на то законных оснований осуществили задержание автомобиля, принадлежащего гражданину Г. После чего, не сообщив причины и основания применения указанной меры, не разъяснив порядок, права и обязанности, возникающие в соответствии с требованиями ст. 27.9 КоАП РФ, применив в отношении водителя и пассажиров транспортного средства безосновательно физическую силу, провели досмотр транспортного средства. Впоследствии не обнаружив ничего в ходе досмотра, не составив процессуальный документ по итогам его проведения, доставили в территориальный орган МВД России для привлечения лиц к ответственности по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ [5].

Таким образом, правовой, процессуальный и тактической анализ процедуры транспортного досмотра, осуществляемого полицией в рамках производства по делу об административном правонарушении, позволяет сделать вывод о наличии проблем юридической техники, обусловленных стремлением законодателя сконцентрироваться на цели обследования транспортного средства, порождающих полисемантизм, неопределенность и расширительное толкование положений ст. 27.9 КоАП РФ. Юридико-лингвистическая неопределенность оснований досмотра транспортного средства, наличие оценочных категорий применительно к критериям конструктивной целостности досматриваемых объектов не способствуют единообразному пониманию, во-первых, словосочетания «конструктивная целостность», во-вторых, особенностей его нормативного закрепления, в-третьих, специфики требований, предъявляемых к ее сохранению или нарушению, обусловливающих степень (пределы) допустимого вмешательства.

Список источников

1. Бровко Н.В., Галустян А.Г., Зейналов Ф.Н. К проблеме проведения досмотра транспортных средств в практической деятельности сотрудников госавтоинспекции // Философия права. 2024. № 2(109).
2. Джалаев Б.К. Актуальные проблемы досмотра транспортного средства полицией и пути их эффективного разрешения // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 3.
3. Иккерт А.В. Досмотр транспортного средства как обеспечительная мера производства по делам об административных правонарушениях // E-SCIO. 2021. № 1(52).
4. Постановление Московского городского суда от 12 сентября 2013 г. № 4а-1749/13. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Постановление Сулейман-Стальского районного суда от 4 сентября 2019 г. по делу № 5-195/2019. URL: http://www.sudact.ru (дата обращения: 04.03.2025)

References

1. Brovko N.V., Galustyan A.G., Zeynalov F.N. On the problem of conducting inspection of vehicles in the practical activities of state traffic inspectorate employees // Philosophy of Law. 2024. № 2(109).
2. Dzhalaev B.K. Actual problems of vehicle inspection by the police and ways to effectively resolve them // Issues of sustainable development of society. 2021. № 3.
3. Ikkert A.V. Inspection of a vehicle as an interim measure in administrative offense cases // E-SCIO. 2021. № 1(52).
4. Resolution of the Moscow City Court of September 12, 2013 № 4a-1749/13. Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. Resolution of the Suleiman-Stalsky District Court of September 4, 2019, in case № 5-195/2019. URL: http://www.sudact.ru (date of access: 04.03.2025)
6. On approval of the procedure for supervising compliance by road users with the requirements

6. Об утверждении порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Решение Верховного суда Республики Хакасия от 18 декабря 2014 г. по делу № 7п-112/2014. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Рябинин Н.А. Досмотр как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2015. № 3(20).
11. Сергеев М.В., Михайлов О.Б., Кузнецов А.В. Проблемы правовой регламентации проведения осмотра и досмотра транспортного средства сотрудником полиции // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2022. № 2(52).

of the legislation of the Russian Federation on road safety: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated May 2, 2023 № 264. Access from the legal system «ConsultantPlus».
7. On the performance of service by district police officers in the administrative area they serve and the organization of this activity: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019 № 205. Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. On approval of the Instruction on the organization of official activities of combat units of the patrol and guard service of the police of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 28, 2021 № 495. Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. Decision of the Supreme Court of the Republic of Khakassia dated December 18, 2014 in case № 7p-112/2014. Access from the legal system «ConsultantPlus».
10. Ryabinin N.A. Inspection as a measure to ensure proceedings in a case of an administrative offense // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 3 (20).
11. Sergeev M.V., Mikhailov O.B., Kuznetsov A.V. Problems of legal regulation of inspection and search of a vehicle by a police officer // Works of the Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law Academy. 2022. № 2 (52).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдов Максим Вячеславович, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел. Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.*

Лубский Роман Анатольевич, *доктор философских наук, доцент, профессор кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davydov Maxim Vyacheslavovich, *PhD in Law, Senior lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatov St., Oryol 302027 Russian Federation.*

Lubsky Roman Anatolyevich, *Grand PhD in Philosophy, Associated Professor, Professor of Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 69–74.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 69–74.

Научная статья
УДК 351.75

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЛИЧНОГО ДОСМОТРА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОГО СОТРУДНИКАМИ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Давыдова Снежана Анатольевна
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, snezhana221@yandex.ru

Бабенко Светлана Владимировна
Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, babenkoosokina@yandex.ru

Позднышов Алексей Николаевич
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dekanyuf@rsue.ru

Введение: *в статье рассматриваются вопросы правовой регламентации досмотровых мероприятий физического лица, проводимых сотрудниками патрульно-постовой службы при пресечении административных правонарушений. Отмечается, что имеющиеся пробелы в действующем законодательстве, неточности в формулировках создают предпосылки для двусмысленного их толкования и, как следствие, нарушения законности их проведения.*

Материалы и методы: *методологию исследования составили положения диалектики как всеобщего метода познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация.*

Результаты исследования: *авторами проанализированы правовые основы порядка проведения и процессуального оформления наружного и личного досмотров, обозначены критерии отличительных признаков досмотра, осмотра и личного обыска; обозначены наиболее проблемные вопросы правовой регламентации; обоснована необходимость внесения в КоАП РФ соответствующих поправок.*

Выводы и заключения: *в ходе данного исследования сделан вывод о необходимости внесения в КоАП РФ соответствующих поправок, которые бы способствовали законности проведения личного досмотра.*

Ключевые слова: *патрульно-постовая служба полиции, меры обеспечения, личный досмотр, личный обыск, осмотр, наружный досмотр.*

Для цитирования: Давыдова С. А., Бабенко С. В., Позднышов А. Н. *Актуальные вопросы правовой регламентации личного досмотра, осуществляемого сотрудниками патрульно-постовой службы при пресечении административных правонарушений / С. А. Давыдова, С. В. Бабенко, А. Н. Позднышов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 69–74.*

Original paper

CURRENT ISSUES OF THE LEGAL REGULATION OF THE PERSONAL SEARCH CARRIED OUT BY PATROL OFFICERS IN THE SUPPRESSION OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Davydova Snezhana Anatolyevna
Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

Babenko Svetlana Vladimirovna
Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation

Pozdnyshov Alexey Nickolaevich
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines the issues of legal regulation of search activities of an individual carried out by patrol and guard service officers when suppressing administrative offenses. It is noted that the existing gaps in the current legislation, inaccuracies in the wording create prerequisites for their ambiguous interpretation and, as a consequence, violation of the legality of their implementation.*

Materials and methods: *the research methodology consisted of the provisions of dialectics as a general method of cognition, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization.*

Results of the study: *the authors analyzed the legal basis for the procedure for conducting and procedural registration of external and personal searches, identified the criteria for the distinctive features of inspection, examination and personal search; identified the most problematic issues of legal regulation; substantiated the need to introduce appropriate amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation.*

Findings and conclusions: *in the course of this study, a conclusion was made on the need to introduce appropriate amendments to the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation that would contribute to the legality of personal searches.*

Keywords: *police patrol and guard service, security measures, personal search, personal search, inspection, external search.*

For citation: Davydova S. A., Babenko S. V., Pozdnyshov A. N. *Current issues of the legal regulation of the personal search carried out by patrol officers in the suppression of administrative offenses / S. A. Davydova, S. V. Babenko, A. N. Pozdnyshov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 69–74.*

Привлечение лица к административной ответственности за совершение соответствующего противоправного деяния сопряжено с проведением в отношении первого мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, исчерпывающий перечень которых закреплен в тексте ст. 27.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Распространенностью правоприменения в практике сотрудников патрульно-постовой службы (далее – ППСП) в числе указанных мероприятий отличаются личный досмотр физического лица, а также досмотр находящихся при нем вещей.

Идеальная модель правоприменения заключается в соответствии друг другу теоретических положений закона, которые должны характеризоваться точностью и однозначностью истолкования, и практики употребления норм закона. Фактическая правовая реальность не может быть оценена нами данным образом. Так, несмотря на широкую практику применения личного досмотра не теряет своей актуальности проблема отсутствия четкой регламентации дефиниции такового, оснований и порядка его проведения, его отличия от личного обыска, осмотра, а также наружного досмотра, проводимого в целях обеспечения личной безопасности сотрудника полиции.

Неопределенность законодательных положений ожидаемо пагубно сказывается на восприятии последних и их последующем применении сотрудниками полиции. Об этом свидетельствуют данные проведенного нами опроса сотрудников ППСП из числа слушателей ВФ ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, обучающихся по программам профессиональной подготовки по должности служащего «Полицейский», а также по программам повышения квалификации. Так, результаты проведенного нами исследования констатируют факт наличия проблематики в сфере применения мер обеспечения по делам об административных правонарушениях вследствие отсутствия легитимного закрепления, схожих между собой и имеющих родственную структуру действий (терминов), таких как осмотр, личный и наружный досмотр, личный обыск. При этом 60 % из числа опрошенных слушателей указали на недостаточную регламентацию прав сотрудников ППСП при осуществлении досмотровых мероприятий при пресечении административных правонарушений, 40 % указали на размытость законодательной регламентации порядка осуществления личного досмотра.

Изложенное порождает необходимость анализа правовых основ порядка проведения и процессуального оформления наружного и личного досмотров, а также их отличия от осмотра и личного обыска и обозначения наиболее проблемных вопросов правовой регламентации.

КоАП РФ дает следующее определение личного досмотра: «Личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, то есть обследование вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности, осуществляется в случае необходимости в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения»[1]. То есть, исходя из буквального понимания – это обследование только вещей, проводимое без нарушения их конструктивной целостности. При этом анализ правоприменительной практики по-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024). URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2024).

казывает, что личный досмотр может быть сопряжен с обнажением лица с целью более тщательного досмотра его одежды (каких-либо ограничений по данному вопросу законодатель не устанавливает). Целью личного досмотра является не только обнаружение орудий и предметов административного правонарушения, но и обеспечение безопасности как сотрудника полиции, так и досматриваемого лица (п. 4 ст. 27.7 7 КоАП РФ).

Отдельного внимания заслуживает проблема участия в указанных мероприятиях понятых. Так, исходя из положений ст. 27.7 КоАП РФ, участие понятых при осуществлении личного досмотра физического лица является обязательным, кроме случаев, когда у сотрудника полиции имеются «достаточные основания полагать», что при нем находятся оружие или иные предметы, которые могут быть использованы в качестве оружия. О том, какие основания являются для законодателя «достаточными», представляется для правоприменителя неясным, поскольку ни в одном нормативном акте по данному вопросу нет никаких разъяснений.

Исходя из положений ст. 27.7 КоАП РФ, «о личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, составляется протокол либо делается запись в протоколе доставления или в протоколе об административном задержании»[2].

Изъятие орудий совершения либо предметов административного правонарушения, обнаруженных в ходе личного досмотра физического лица, регламентировано ст. 27.10 КоАП РФ и предусматривает несколько иной порядок его осуществления, а именно вариативность участия понятых или применения видеозаписи. Составление протокола изъятия или внесения соответствующей записи в протокол доставления, административного задержания также является неотъемлемой частью данного процессуального действия (внесение соответствующей записи в протокол личного досмотра законодателем не предусмотрено).

Таким образом, исходя из буквального толкования содержания указанных положений КоАП РФ, понятые фиксируют лишь факт нахождения предметов и орудий совершения правонарушения у физического лица, а для того, чтобы изъять указанные предметы, достаточным будет и применение видеозаписи.

Действующее административное законодательство РФ предполагает, что личный досмотр, обследование вещей, находящихся при физическом лице, и изъятие таких вещей представляют собой два отдельных процессуальных действия. Досмотр не всегда может сопровождаться изъятием (в случае отсутствия предмета изъятия), а изъятию не всегда предшествует личный досмотр. Кроме того, место и время личного досмотра и изъятия могут не совпадать.

По нашему мнению, разграничение данных мер законодателем не может быть оставлено без критики ввиду того, что личный досмотр и изъятие обнаруженных предметов является единым процессуальным действием, цель которого – документирование самого факта находящихся при физическом лице доказательств причастности его к совершению административного правонарушения, в связи с чем порядок и процессуальное оформление применения указанной меры обеспечения должно быть единым.

Обсуждаемое нами несовершенство правовых норм приводит к усложнению процесса обеспечения правопорядка, созданию угрозы опровержения законности действий сотрудников полиции, вынужденных подстраиваться под текущие правовые реалии. Так, в практической деятельности сотрудников полиции известны случаи объединения нескольких мер обеспечения с оформлением единого протокола: доставления, задержания, личного досмотра и изъятия. На наш взгляд, данная практика также является недопустимой, поскольку эти меры обеспечения имеют разные основания и цели применения, при этом время и место их проведения могут не совпадать, а также должностные лица, их осуществляющие, могут быть разными.

Обратим внимание и на употребление в отечественном законодательстве не только понятия личного досмотра, но и личного обыска. Разграничение заключается лишь в том, что личный досмотр проводится по делам об административных правонарушениях в порядке, установленном КоАП РФ, а личный обыск – в рамках Уголовно-процессуального кодекса РФ в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Каких-либо отличий в тактике личного досмотра и личного обыска законодатель не декларирует.

Нормативный пробел прослеживается и в других правовых актах, регламентирующих деятельность сотрудников полиции. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») не содержит понятия наружного досмотра, а указывает право сотрудника полиции на осуществление личного осмотра граждан и находящихся при них вещей в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка (п. 18 ст. 13 ФЗ «О полиции»).

Осмотр физического лица, исходя из смыслового содержания положений п. 18 ст. 13 ФЗ «О полиции», представляет собой внешнее визуальное обследование лица, без тактильного контакта с ним [1, с. 197].

Как можем заметить, понятие личного досмотра употребляется законодателем на-

[2] Там же.

равне с понятием личного осмотра, с одной стороны, а с другой – описанные процедуры истолковываются им различным образом, ограничивая правомочия сотрудника полиции ввиду разночтений правовых актов. Является ли это терминологической неточностью или имеет, похоже, скрытый от правоприменителя действительный смысл, который должен был бы повлиять на применения данного положения закона на практике?

Более того, в случае отказа гражданина подвергнуться личному осмотру сотруднику полиции ФЗ «О полиции» предоставлено право не допускать такого гражданина на территории сооружений, на участки местности или на территории, где проводятся публичные либо массовые мероприятия[3]. Таким образом, можно констатировать, что осмотр физического лица носит добровольный характер и не требует какого-либо документального оформления, т. к. порядок его осуществления законодательно не регламентирован.

Еще более удручающей представляется ситуация, связанная с внесением изменений в нормативные акты, регламентирующие деятельность сотрудников ППСП. Так, устав патрульно-постовой службы полиции (приказ МВД РФ от 29.01.2008 № 80), регламентировавший ранее порядок проведения наружного досмотра, признан утратившим силу. 28 июня 2021 г. приказом МВД России № 495 утверждено Наставление об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России, в котором понятие «наружный досмотр», проводимый с целью обеспечения личной безопасности сотрудника полиции, упразднено, при этом указанное Наставление содержит требование принятия сотрудниками ППСП мер предосторожности при посадке в патрульный автомобиль доставляемых лиц, исключающих возможность получения ими травм или нападения на сотрудников полиции (п. 170)[4].

В настоящее время как само понятие «наружный досмотр», так и порядок его проведение содержатся только в приказе МВД России от 02.02.2024 № 44[5]. Исходя из смыслового содержания положений названного приказа, «наружный досмотр» – это завершающий этап действий сотрудника полиции при применении физической силы: принудительное обследование физического лица путем его ощупывания [1, с. 197]; фактически это мера обеспечения личной безопасности как сотрудника полиции, так и других лиц[6].

Использование указанного термина в официальном нормативном правовом акте МВД России в нынешних реалиях (с учетом законодательных нововведений), на наш взгляд, является не совсем корректным, поскольку ФЗ «О полиции» содержит положение, согласно которому для обеспечения мер личной безопасности, «если имеются основания полагать, что у гражданина при себе может находится оружие», сотрудники полиции проводят в порядке, предусмотренном КоАП РФ, личный досмотр (п. 16 ст. 13). Кроме того, порядок доставления лиц, находящихся в состоянии опьянения, утвержденный приказом МВД России от 13.04.2021 № 212, также содержит требование проведения «личного досмотра» в порядке, предусмотренном КоАП РФ, лица, находящегося в состоянии опьянения, перед посадкой его в служебный автомобиль (п. 19.20)[7].

Сотрудник полиции при выполнении возложенных на него обязанностей должен руководствоваться положениями закона, которые, несмотря на всю абсурдность описываемой нами ситуации, в силу своей неполноты, неточности и расплывчатости фактически ставят под сомнение законность его действий, верность применения норм права при привлечении лица к ответственности за противоправное поведение.

В доказательство излагаемой нами позиции приведем следующий пример: в ситуации выявления административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 20.20 Кодекса РФ об АП (потребление наркотических средств общественных местах) или ч. 1 ст. 6.8 Кодекса РФ об АП (незаконное хранение наркотических средств) на сотрудников ППСП возложена обязанность пресечения правонарушения, его документирование. Применение к правонарушителю одной из мер обеспечения, является основанием для возбуждения дела об административном производстве.

По сложившейся практике и в соответствии с ведомственными приказами сотруд-

[3] О полиции: федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. URL: http://мwww.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2024).
[4] Об утверждении наставления об организации служебной деятельности патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России (с изм., внесенными Приказом МВД России от 05.03.2022 № 155): приказ МВД России от 28.06.2021 № 495. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2024).
[5] Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 02.02.2024 № 44. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2024).
[6] Там же.
[7] Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции (зарегистрировано в Минюсте России 07.06.2021 № 63809): приказ МВД России от 13.04.2021 № 212. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2024).

ники ППСП перед посадкой в автомобиль производят личный досмотр с целью обеспечения личной безопасности сотрудника полиции. Обнаруженные в вещах задерживаемого предметы изымаются, протокол личного досмотра и изъятия не составляется. При этом есть понимание того, что личный досмотр, проведенный на месте фактического задержания, будет неэффективным, поскольку отсутствует возможность обследования нижнего белья правонарушителя, где, как правило, правонарушители могут скрывать находящиеся при них запрещенные предметы. Личный досмотр при указанных обстоятельствах проводится повторно в территориальном отделе полиции сотрудниками полиции, доставившими правонарушителя, либо оперативным дежурным, в обязанности которого в соответствии с п. 9 раздела III «Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан», утвержденным приказом МВД от 30.04.2012 № 389, входит осуществление личного досмотра доставленных лиц в присутствии двух понятых, в изолированном помещении, исключающем возможность наблюдения за ходом его проведения посторонних лиц. При этом изымаются не только предметы и орудия административного правонарушения, но и ремень, шнурки и иные предметы, которыми задерживаемое лицо может причинить вред себе. Протокол личного досмотра и изъятия оформляется единый, после доставления правонарушителя в территориальный отдел полиции, что, в принципе, не противоречит КоАП РФ, поскольку законодатель не декларирует время и место составления соответствующих протоколов.

Подобная явно пробельная регламентация порядка протоколирования действий сотрудников полиции приводит к возникновению в практике безвыходных ситуаций. Так, известны случаи, когда ранее изъятые у физического лица предметы возвращались в вещи задерживаемого лица с целью фиксации понятыми наличия и принадлежности предметов задерживаемому лицу. Конечно, данные действия уполномоченных лиц носят противозаконный характер, но в противном случае, не поступи они подобным образом, когда изъятие было осуществлено в отсутствии понятых, последние фиксируют лишь фактически изъятые предметы, которые находятся не в вещах задерживаемого лица, что является неблагоприятным фактором для последующего доказывания их принадлежности этому лицу.

На наш взгляд, одной из причин указанной негативной практики является отсутствие в ст. 27.7 КоАП РФ нормы, предусматривающей возможность проведения личного досмотра в отсутствии понятых с применением видеозаписи.

Возвращаясь к положениям КоАП РФ, касающихся недопущения при личном досмотре нарушения конструктивной целостности вещей задерживаемого лица, отметим и другой, помимо указанного нами ранее, проблемный аспект, связанный с использованием законодателем данной формулировки. Ст. 27.7 КоАП РФ предусматривает проведение личного досмотра путем обследования вещей без нарушения их конструктивной целостности[8], а значит, если будет обнаружен потайной карман в одежде или в вещах задержанного, правовых оснований для вскрытия указанного тайника у сотрудников ППСП нет, т. к. конструктивная целостность данной вещи может быть нарушена, в связи с чем считаем целесообразным исключить данное требование из ст. 27.7 КоАП РФ.

Также хотелось бы отметить, что сотрудник полиции, пресекающий административное правонарушение, может быть иного с задерживаемым лицом пола, согласно ст. 27.7 Кодекса РФ об АП, при этом промедление в проведении личного досмотра может привести к уничтожению вещественного доказательства. По данному факту в научных кругах имеются предложения по внесению в ч. 3 ст. 27.7 данного нормативного акта нормы, предусматривающей проведение личного досмотра «в неотложных случаях» должностными лицами противоположного пола для предотвращения угрозы жизни и здоровья [2, с. 62]. Данное предложение является, на наш взгляд, недопустимым, поскольку в случае внесения подобных изменений в законодательство нарушаются не только нравственные нормы, установленные в обществе, но и конституционное право на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ)[9].

Для предотвращения противоправного поведения задерживаемого лица, на наш взгляд, является достаточным применение специальных средств – наручников путем сковывания кистей рук за спиной, что также предоставит сотрудникам полиции дополнительное время для поиска уполномоченного должного лица необходимой половой принадлежности для проведения личного досмотра и поиска соответствующих понятых. При этом отметим, что в ситуации, угрожающей жизни и здоровью, действия сотрудника полиции по изъятию оружия из рук задерживаемого лица противоположного пола при

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Указ. соч.
[9] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 24.12.2024).

выполнении боевого приема выполняются не в рамках личного досмотра, предусмотренного КоАП РФ, а в соответствии с положениями ФЗ «О полиции», в силу чего озвученное нами предложение в полной мере согласуется с актуальными нормами права.

Проблема осуществления личного досмотра лица, совершившего административное совершение, носит комплексный характер, затрагивающий не один, а ряд нормативных правовых актов РФ, положения которых в ряде исследованных нами случаев оказывают заметно негативное влияние на (как впоследствие оказывается) одновременно соответствующее и противоречащее закону поведение сотрудников полиции. Полагаем необходимым проведение плановой работы по совершенствованию и доработке, дополнению российского законодательства, и в первую очередь законодательства об административных правонарушениях. Так, ч. 1 ст. 27.7 КоАП РФ предлагаем изложить в следующей редакции: «личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, т. е. обследование лица и находящихся при нем вещей, осуществляются в случае необходимости в целях обнаружения и изъятия орудий и предметов административного правонарушения, а также в целях обеспечения личной безопасности, когда имеются основания полагать, что при физическом лице имеется оружие, или иные предметы, используемые в качестве оружия и которыми может быть причинен вред окружающим или себе»; ч. 3 ст. 27.7 КоАП РФ дополнить: «личный досмотр производится лицом одного пола с досматриваемым в присутствии понятых того же пола либо с применением видеосъемки».

Кроме того, на наш взгляд, не лишней была бы регламентация возможности составления протокола личного досмотра не только в ходе его проведения, но и после его окончания. Указанные изменения в КоАП РФ способствовали бы законности действий сотрудников полиции при его осуществлении.

Список источников

1. Профессиональная подготовка полицейских: учебник / под общ. ред. В.Л. Кубышко. М., 2023. Ч. 2.
2. Газизов Д.А., Мягков А.В., Радько С.Ф. Процедура применения милицией досмотра // Полицейское право. 2005. № 3.

References

1. Professional training of police officers: textbook / edited by V.L. Kubyshko. Moscow, 2023. Part 2.
2. Gazizov D.A., Myagkov A.V., Radko S.F. Procedure for the use of searches by the police // Police law. 2005. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Давыдова Снежана Анатольевна, *преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки. Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России. 347360, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.*

Бабенко Светлана Владимировна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 344019, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. 9-я Линия/Советская, 2/32.*

Позднышов Алексей Николаевич, *доктор юридических наук, декан юридического факультета. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Davydova Snezhana Anatolyevna, *lecturer at the Department of Tactical and Special Training. Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347360 Russian Federation.*

Babenko Svetlana Vladimirovna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology. Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 2/32, 9th line/ Sovetskaya St., Rostov-on-Don 344019 Russian Federation.*

Pozdnyshov Alexey Nikolaevich, *Grand PhD in Law, Dean of the Faculty of Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 75–80.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 75–80.

Научная статья
УДК 346.9

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Днепровская Диана Николаевна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, d.dneprowskaya2013@yandex.ru

Григорянц Сергей Анушаванович
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, gridorynz@yandex.ru

Соболевская Наталья Юрьевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, sobnatur@mail.ru

Введение: *предпринимательство – это не только фактор экономического роста государства, но и рыночный механизм, который активно участвует в общественном воспроизводстве и создает новые рабочие места, активно применяет инновации, стимулирует конкуренцию на рынке, что способствует улучшению качества товаров и услуг. В статье сделан акцент на правовом регулировании предпринимательской деятельности в России, которое находится в состоянии перманентного реформирования.*

Материалы и методы: *для достижения цели исследования использовалось сочетание доктринального, юридического и эмпирического подходов, что позволило осуществить комплексный анализ правового регулирования предпринимательской деятельности в России.*

Результаты исследования: *обоснован вывод о наличии нерешенных проблем, которые препятствуют созданию стабильной и эффективной правовой среды для предпринимательской деятельности, что требует разработки прозрачной, стабильной и справедливой правовой среды, способствующей привлечению инвестиций, внедрению инноваций и ускорению экономического роста России.*

Выводы и заключения: *создание стабильной и эффективной правовой среды для предпринимательской деятельности требует комплексного решения и разработки мер по улучшению юридической определенности, упрощению административных процедур, цифровизации взаимодействия с государственными органами, созданию эффективных механизмов защиты прав предпринимателей и повышению эффективности борьбы с коррупцией. Успешная реализация этих реформ станет залогом развития предпринимательства и улучшения экономической ситуации в стране.*

Ключевые слова: *предпринимательская деятельность, субъекты малого и среднего предпринимательства, формы предпринимательской деятельности, налогообложение, правовая среда, правовое регулирование.*

Для цитирования: Днепровская Д. Н., Григорянц С. А., Соболевская Н. Ю. *Правовое регулирование предпринимательской деятельности в современной России / Д. Н. Днепровская, С. А. Григорянц, Н. Ю. Соболевская // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С.* 75–80.

Original paper

LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN MODERN RUSSIA

Dneprovskaya Diana Nikolaevna
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Grigoryants Sergey Anushavanovich
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Sobolevskaya Natalia Jurievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *Entrepreneurship is not only a factor of economic growth of the state, but also a market mechanism that actively participates in social reproduction and creates new jobs, actively applies innovations, stimulates competition in the market, which contributes to the improvement of the quality of goods and services. The article focuses on the legal regulation of entrepreneurial activity in Russia, which is in a state of permanent reform.*

Materials and methods: *to achieve the goal of the study, a combination of doctrinal, legal and empirical approaches was used, which made it possible to carry out a comprehensive analysis of the legal regulation of entrepreneurial activity in Russia.*

Results of the study: *the conclusion is substantiated about the existence of unresolved problems that hinder the creation of a stable and effective legal environment for entrepreneurial activity, which requires the development of a transparent, stable and fair legal environment that contributes to attracting investment, introducing innovation and accelerating economic growth in Russia.*

Findings and conclusions: *the creation of a stable and effective legal environment for entrepreneurial activity requires a comprehensive solution and development of measures to improve legal certainty, simplify administrative procedures, digitalize interactions with government agencies, create effective mechanisms to protect the rights of entrepreneurs and improve the effectiveness of the fight against corruption. Successful implementation of these reforms will be the key to the development of entrepreneurship and improvement of the economic situation in the country.*

Keywords: *entrepreneurial activity, small and medium-sized businesses, forms of entrepreneurial activity, taxation, legal environment, legal regulation.*

For citation: Dneprovskaya D. N., Grigoryants S. A., Sobolevskaya N. Yu. *Legal regulation of entrepreneurial activity in modern Russia / D. N. Dneprovskaya, S. A. Grigoryants, N. Yu. Sobolevskaya // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp.* 75–80.

Право на предпринимательскую деятельность в нашей стране имеет конституционный характер, оно провозглашено в ст. 34 Конституции РФ: «Каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности» [1].

Дефиниция предпринимательской деятельности многоаспектна и имеет множество трактовок в зависимости от того, в рамках какой научной дисциплины (история, экономика, маркетинг, менеджмент, психология, социология, право) она рассматривается.

Законодательное определение предпринимательской деятельности дано в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) – «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [2]. Ее основной особенностью является риск, обусловленный неопределенностью относительно будущего ее результата.

В настоящее время в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства Российской Федерации содержится информация о 6 665 754 субъектах предпринимательской деятельности. Из них: 2 275 648 – это юридические лица и 4 390 106 – индивидуальные предприниматели. Предпринимательскую деятельность осуществляют более 6,5 млн субъектов, где занято 15 024 352 наемных работников [3]. Кроме того, по данным ФНС России, зарегистрировано 12 171 657 лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», т. е. самозанятых. Следовательно, в России более 18 млн человек заняты в сфере предпринимательства. Представим эти данные графически на рис. 1.

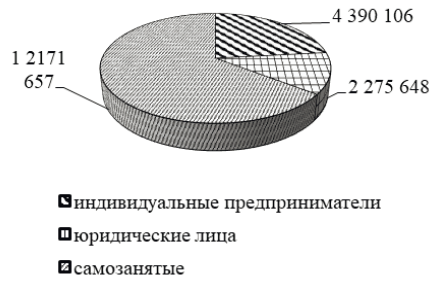

Рис. 1. Количество лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью в России на 1 января 2025 г.

В.Ф. Попондопуло отмечает, что «занятие предпринимательской деятельностью без образования юридического лица возможно только при условии государственной регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя (п. 1 ст. 23 ГК РФ) или самозанятого» [4, с.456]. Такой позиции придерживаются и другие ученые (Е.А. Абросимова, С.А. Карелина и др.) [5, с. 530]. По нашему мнению, предприниматель – это человек (или группа лиц), который берет на себя инициативу и ответственность за создание и ведение бизнеса, а также соблюдение прав других лиц, государства и общества.

Право на предпринимательскую деятельность в России является правом физических и юридических лиц и активно реализуется почти 20 млн человек. Поэтому государство законодательно устанавливает порядок ее осуществления широким массивом нормативных правовых актов.

Конституция РФ устанавливает определенные принципы и гарантии для предпринимателей: единство и свободу экономического пространства в РФ (ст. 8), а также многообразие, юридическое равенство и равную защиту всех прав собственности (ст. 9, 34, 35, 36). Кроме того, она закрепляет сопряженные с предпринимательской деятельностью правовые принципы: законность, свобода конкуренции, сочетание частноправовых и публично-правых начал государственного регулирования, ограничение монополии, запрет недобросовестной конкуренции.

Наиболее значимым нормативным правовым актом (далее – НПА) в сфере правового регулирования предпринимательской деятельности является ГК РФ, регламентирующий вопросы предпринимательской деятельности как публично-правового, так и частноправового характера, формы предпринимательства, а также условия, позволяющие физическим лицам заниматься предпринимательской деятельностью:

– правоспособность, в том числе запрет на занятие предпринимательской деятельностью отдельным категориям лиц (государственные служащие и др.);

– дееспособность, то есть право заниматься профессионально предпринимательской деятельностью;

– государственная регистрация предоставляет статус предпринимателя, а соответственно предоставляет определенные права и налагает обязанности.

Так как основная цель предпринимательской деятельности – получение прибыли, то важное значение в ее правовом регулировании принадлежит Налоговому кодексу РФ [6], определяющему правила налогообложения, ставки налогов и льготы для бизнеса. В зависимости от формы осуществления предпринимательской деятельности налоговое законодательство устанавливает различные налоговые режимы: общий (ОСНО), упрощенный (УСН), патентный (ПСН), налог на профессиональный доход (НПД), единый сельскохозяйственный налог (ЕСХН), автоматизированный (АУСН).

В силу многообразности предпринимательская деятельность дополнительно регулируется специальными законами, которые можно дифференцировать на несколько групп:

1) Законодательные акты, устанавливающие необходимость государственной регистрации для осуществления предпринимательской деятельности и получения разрешительных документов для отдельных ее видов:

– Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»;

– Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности».

2) Законодательные акты, устанавливающие требования для предпринимательской деятельности в сфере внешнеэкономической деятельности (ВЭД):

– Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»;

– Федеральный закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров»;

– Федеральный закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле».

3) Законодательные акты, регламентирующие отдельные сферы предпринимательской деятельности:

– Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» и др.

4) Законодательные акты, направленные на поддержку, развитие и защиту предпринимательской деятельности, в том числе и антимонопольного характера:

– Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;

– Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» и др.

5) Законодательные акты, устанавливающие временные права и обязанности предпринимателей в определенных обстоятельствах:

– Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» и др.

Предприниматели, осуществляющие деятельность в форме юридического лица, должны учитывать все нормы трудового [7] и корпоративного законодательства. К большинству видов предпринимательства применяется законодательство о защите прав потребителей [8].

Правовое регулирование предпринимательской деятельности осуществляется и подзаконными нормативными правовыми актами, такими как: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, ведомственные акты органов федеральной государственной власти (Центральный банк РФ, Генеральная прокуратура РФ).

Предпринимательская деятельность изобилует спорами и конфликтами, разрешение которых осуществляется вне правовой сферы урегулирования, что отрицательно влияет на экономику и социум. Данные процессы можно перевести в морально-этическое поле с учетом российских социокультурных традиций. Основным путем их нормативно-правовой формализации и кодификации нам представляется принятие единого этического кодекса для представителей бизнеса в России. На региональном уровне такие документы приняты в ряде регионов, например «Кодекс деловой этики и чести российского предпринимателя», который принят на заседании Торгово-промышленной палаты Саратовской области и рекомендован для всех предпринимателей региона. Аналогичные кодексы приняты в Волгоградской, Новосибирской областях и других регионах.

Полагаем, что принятие всероссийского этического кодекса для профессиональной деятельности предпринимателей с изложением «обязательных для предпринимателей этических норм ведения деятельности позитивно скажется на российской экономике и обеспечит устойчивое развитие российского бизнеса в долгосрочном периоде. Нравственные основы бизнеса, социально-этическая ответственность за произведенные товары и услуги – вот реальная основа формирования потребительского патриотизма. Потребитель увидит на рынке достойное отношение к данному вопросу и своими потребительскими решениями будет поддерживать такой бизнес, причем без идеологических мероприятий и пропаганды. А если будет развиваться отечественный бизнес, то и Отечеству это только во благо. Также высокоэтичный бизнес не станет платить коррупционную ренту проверяющим органам» [9, с. 56]. Представленная позиция поддерживается многими учеными и представителями бизнеса.

Несмотря на проанализированный массив НПА правовое регулирование предпринимательской деятельности не лишено недостатков и проблем, к основным из них можно отнести:

– правовую нестабильность и неопределенность, выражающиеся в частых корректировках законодательства, зачастую противоречивых, принимаемых без должной подготовки и консультаций с бизнес-сообществом, что создает пробелы и неясности в применении НПА, увеличивает риск правонарушений в этой сфере;

– избыточное регулирование и бюрократия накладывают на предпринимателей дополнительную административную нагрузку, поскольку на региональном уровне по-прежнему существуют административные барьеры, замедляющие процесс открытия и ведения бизнеса (прежде всего малого и среднего);

– недостаточно эффективные механизмы защиты предпринимателей от произвольных действий со стороны органов власти на муниципальном уровне, например, принудительное обязывание предпринимателей нести часть муниципальных расходов;

– коррупционные риски продолжают оставаться одной из существенных проблем правового регулирования предпринимательской деятельности, поскольку по-прежнему имеют место незаконные поборы, особенно на низовом уровне, коррупционные схемы при получении разрешений или лицензий, а также непрозрачность при проведении тендеров и заключении контрактов;

– сложности, сопряженные с механизмом уплаты различных видов налогов, требующие значительных финансовых вложений для соблюдения налоговых обязательств;

– особенности правовой защиты интеллектуальной собственности (товарные знаки, патенты, авторские права);

– неопределенность правового статуса предпринимателя в зависимости от вида бизнеса;

– низкая оперативность правового разрешения спорных моментов в связи с большой нагрузкой на судебную систему;

– неравные условия и дискриминация, поскольку преимущество при предоставлении субсидий, государственных заказов и преференций отдаётся представителям крупного бизнеса;

– недоступность (прежде всего финансовая) для малого и среднего бизнеса качественных юридических услуг (консалтинг и аналитика) в силу их высокой стоимости.

Нами определены основные проблемы в правовом регулировании предпринимательской деятельности, препятствующие эффективному развитию частного сектора экономики. Для их решения необходим комплексный подход к оптимизации системы правового регулирования предпринимательства в России.

Для оптимизации предпринимательства, на наш взгляд, следует принять следующий ряд мер.

1. Упрощение и цифровизация административных процедур регистрации и получения лицензий и разрешений для бизнеса позволит минимизировать административные барьеры, объективизировать взаимодействие с государственными органами путем внедрения цифровых технологий и электронных платформ, упростить процессы регистрации, отчетности и повысить эффективность предпринимательской деятельности.

2. Совершенствование системы правовой защиты предпринимателей посредством создания специализированных органов, по примеру Уполномоченного по защите прав предпринимателей при Президенте РФ, осуществляющих поддержку бизнеса в случае злоупотреблений со стороны государственных структур. Упрощение судебных процедур для оперативного разрешения споров и оптимизация системы независимого арбитража.

3. Снижение коррупционных рисков за счет прозрачности работы государственных органов путем внедрения системы электронных проверок и создания открытых баз данных. Использование искусственного интеллекта в системе взаимодействия государственной власти и бизнеса позволит предотвращать возможные коррупционные схемы.

4. Оптимизация системы налоговых льгот на предмет соблюдения принципа равенства и справедливости при их предоставлении. Увеличение числа льготных налоговых режимов, а также улучшение доступности финансовых ресурсов, субсидий и грантов, предоставляемых государством для ведения предпринимательской деятельности.

5. Организация государственных бесплатных и постоянно действующих онлайн-площадок и сервисов в сети Интернет по консультационной поддержке и обучению предпринимателей.

6. Создание гибкой нормативной базы для стартапов и высокотехнологичных проектов.

7. Разработка, внедрение и популяризация Кодекса профессиональной этики предпринимателя.

Перспективы реформирования правового регулирования предпринимательской деятельности включают улучшение юридической определенности, упрощение административных процедур, цифровизацию взаимодействия с государственными органами, создание эффективных механизмов защиты прав предпринимателей и борьбу с коррупцией. Успешность развития предпринимательства в стране во многом зависит от прозрачности, стабильности и справедливости правовой и налоговой среды, позволяющих привлечь больше инвестиций, стимулировать инновации и ускорить экономический рост России.

Список источников

1. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 06.10.2022).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ч. I) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: https://rmsp.nalog.ru (дата обращения: 15.03.2025).

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) // Official Internet portal of legal information. URL: http://publication.pravo.gov.ru (date of access: 06.10.2022).
2. Civil Code of the Russian Federation: federal law of 30.11.1994 № 51-FL (Part I) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
3. Unified register of small and medium-sized businesses. URL: https://rmsp.nalog.ru (date of access: 15.03.2025).

4. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / под ред. В.Ф. Попондопуло. М., 2023. Т. 2.
5. Предпринимательское право: современный взгляд / под ред. С.А. Карелиной, П.Г. Лахно, И.С. Шиткиной. М., 2019.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ч. I) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.
8. О защите прав потребителей: закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 15. Ст. 766.
9. Перебейносов М.С. Нормы этики в предпринимательской деятельности: значение и перспективы регламентации // Дневник науки. 2020. № 6(42).

4. Entrepreneurial law: textbook: in 2 volumes / edited by V.F. Popondopulo. Moscow, 2023. Vol. 2.
5. Entrepreneurial Law: A Modern View / edited by S.A. Karelina, P.G. Lakhno, I.S. Shitkina. Moscow, 2019.
6. Tax Code of the Russian Federation: federal law of 31.07.1998 № 146-FL (Part I) // Coll. legislation of the Russian Federation. 1998. № 31. Art. 3824.
7. Labor Code of the Russian Federation: federal law of 30.12.2001 № 197-FL // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. № 1 (Part I). Art. 3.
8. On the protection of consumer rights: Law of the Russian Federation of 07.02.1992 № 2300-1 // Bulletin of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. № 15. Art. 766.
9. Perebeinosov M.S. Ethical standards in entrepreneurial activity: meaning and prospects for regulation // Science Diary. 2020. № 6(42).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Днепровская Диана Николаевна, *преподаватель кафедры процессуального права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.*

Григорянц Сергей Анушаванович, *кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 69.*

Соболевская Наталья Юрьевна, *старший преподаватель кафедры административного права. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dneprovskaya Diana Nikolaevna, *lecturer of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Grigoryants Sergey Anushavanovich, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Sobolevskaya Natalia Jurievna, *senior lecturer at the Department of Administrative Law. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 81–87.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 81–87.

Научная статья
УДК 347.6

ПРЕЗУМПЦИИ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ЦЕЛИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Смоленский Михаил Борисович
Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, rta-sf@mail.ru

Тишкин Дмитрий Николаевич
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Российская Федерация, dntishkin@list.ru

Кучерова Екатерина Петровна
Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, ku4erova034@yandex.ru

Введение: *в статье рассматриваются общественные отношения в области семейного права, заложенные еще в древнеримской правовой системе, затрагивающие возможности применения презумпций в данной правовой сфере, а также исследуются особенности возможной имплементации положений указанного института презумпций в современных условиях.*

Материалы и методы: *в статье использованы историко-институциональный, юридический, логический, логико-философский, общенаучный, описательный методы, а также метод индукции и неполной индукции, позволившие более глубоко и системно провести исследование.*

Результаты исследования: *проведен глубокий анализ эволюции применения презумпции в сфере семейного права и объективно обосновано, что правовая презумпция обладает достаточно высоким уровнем регулятивного потенциала в свете развития семейно-брачных отношений.*

Выводы и заключения: *базируясь на анализе эволюционных процессов презумпции в сфере семейного права, обозначена реальная возможность совмещения двух компонентов презумпции в контексте рассмотрения семейно-брачных связей сторон, что в свою очередь позволит с учетом общественной составляющей выявлять специфику и определять эффективность.*

Ключевые слова: *семейное право, презумпции, презумпция материнства, презумпция отцовства, семейно-брачные отношения.*

Для цитирования: Смоленский М. Б., Тишкин Д. Н., Кучерова Е. П. *Презумпции в семейном праве: историческое развитие, цели и перспективы применения / М. Б. Смоленский, Д. Н. Тишкин, Е. П. Кучерова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 81–87.*

Original paper

PRESUMPTIONS IN FAMILY LAW: HISTORICAL DEVELOPMENT, GOALS AND PROSPECTS OF APPLICATION

Smolensky Mikhail Borisovich
Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russian Federation

Tishkin Dmitry Nikolaevich
Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russian Federation

Kucherova Ekaterina Petrovna
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: *the article examines social relations in the field of family law, laid down in the ancient Roman legal system, affecting the possibilities of applying presumptions in this legal sphere, and also examines the features of the possible implementation of the provisions of the said institute of presumptions in modern conditions.*

Materials and methods: *the article uses historical-institutional, legal, logical, logical-philosophical, general scientific, descriptive methods, as well as the method of induction and incomplete induction, which allowed for a more profound and systematic study.*

Results of the study: *a deep analysis of the evolution of the application of presumption in the field of family law was carried out and it was objectively substantiated that the legal presumption has a sufficiently high level of regulatory potential in light of the development of family and marital relations.*

Findings and conclusions: *based on the analysis of the evolutionary processes of presumption in the field of family law, a real possibility of combining two components of the presumption in the context of considering the family and marital relations of the parties is indicated, which in turn will allow, taking into account the social component, to identify the specifics and determine the effectiveness.*

Keywords: *family law, presumptions, presumption of motherhood, presumption of paternity, family and marital relations.*

For citation: Smolensky M. B., Tishkin D. N., Kucherova E. P. *Presumptions in family law: historical development, goals and prospects of application / M. B. Smolensky, Tishkin D. N., E. P. Kucherova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 81–87.*

Все существующие сегодня виды и направления научной деятельности находятся в постоянном и комплексном развитии. Этот процесс не обходит стороной и правовую науку. В результате существования данных процессов уже имеющиеся правовые конструкции подвергаются изменениям. Дополнительно возникают новые правовые конструкции, которые связаны со спецификой трансформации общественных и экономических отношений. В праве важнейшую роль играют многочисленные презумпции. Это влияет и на отрасль семейного права, поскольку презумпции, присутствующие в ней, сохраняют свою актуальность и применяются повсеместно. Ученые анализируют специфику применения юридических презумпций в разнообразных правовых отраслях, в том числе и в нормах семейного права, выдвигая большое количество зачастую противоречащих друг другу точек зрения и позиций, свидетельствующих о недостаточной степени изученности поставленных перед исследователями задач. К сожалению, сегодня в научной литературе нет единой точки зрения по поводу специфики развития презумпций в семейном праве в частности и в целом в различных правовых отраслях. Полагаем, что тезис об отсутствии комплексных разработок в вопросе истории развития правовых презумпций в семейном праве присущ двум категориям исследований: общетеоретическим исследованиям и разработкам; практическим или отраслевым исследованиям, которые посвящены изучению истории формирования презумпций в семейном праве [1, с. 109].

При обращении к истории данного вопроса следует сказать, что термин «презумпция» впервые возник еще в древнеримском праве. Впоследствии его стали использовать в семейно-брачных отношениях, отразив в законодательстве императора Юстиниана и в «Институциях Гая». Эти случаи применения презумпций в семейном праве считаются первыми, которые были подтверждены историками права и теми, кто изучал этот вопрос в настоящий период времени. То есть презумпции, присущие семейному праву, стали использоваться именно в то время в соответствии со специфическими особенностями юридической техники. Например, применялась презумпция материнства и частично презумпция отцовства на основе существующих в древнем мире механизмов доказывания родства. Но во времена Древнего Рима и в первые десятилетия существования Византийской империи еще не были разработаны механизмы и сложные учения, которые раскрывали бы положения изучаемого института.

Отечественные ученые в области права также уделяли серьезное внимание раскрытию правовых презумпций во многих отраслях, в том числе и в семейных правоотношениях. Отметим существование нескольких

подходов, в соответствии с которыми требовалось раскрыть содержание правовых презумпций и выяснить, насколько эффективно их можно адаптировать к нормам семейного права.

Первый подход основывается на философских и логических изысканиях, и его применяли разнообразные ученые в области юриспруденции. Известным представителем этого подхода является В.К. Бабаев. Он полагал, что презумпция является приемом логического содержания, у которого присутствуют разнообразные способы и средства достижения результатов. По сути, презумпцию нужно рассматривать как итог использования метода индукции и обобщения данных. Применять этот подход можно для различных правовых отраслей, в том числе и для отрасли семейного права.

Важнейшим признаком использования этого подхода на практике является высокая степень эффективности. Сама эффективность во многом будет зависеть от того, как удалось внедрить презумпцию на практике в конкретной системе общественных отношений. Также особенно важно помнить о том, насколько качественно презумпция будет применяться в познавательных процессах для достижения взаимного результата. Представитель данного подхода говорит о том, что при изучении сущности презумпции в семейном праве и в других отраслях нужно применять метод неполной индукции. Любое суждение, которое рассматривается в контексте использования презумпции в семейном праве, нельзя однозначно считать истинной. То есть если использовать презумпцию отцовства или материнства, то необходимо доказать сам факт принадлежности матери или отца к конкретному ребенку, исходя из наличия у них родства или на базе других характеристик. Использовать полную индукцию можно, по мнению данного автора, только в тех случаях, где невозможно ограничить численность предметов, подлежащих глубокому анализу. То есть отсутствие персонификации дает возможность обращаться к применению полноценной индукции для раскрытия термина «презумпция» [2, с. 56].

Рассматривая историю развития презумпции в семейном праве, нельзя не упомянуть о юридическом подходе. Он позволяет несколько иначе подойти к рассмотрению в теории права презумпции применительно к семейно-правовым отношениям. Представители юридического подхода считают, что уделять внимание при рассмотрении презумпции следует другому важному понятию. Речь идет о юридическом факте. Именно его ученые должны рассматривать как правовую презумпцию в любой системе общественных отношений, в том числе и в области семейного права. Суть правовой презумпции в соответствии с этим подходом в том, что одна или несколько сторон должны, руководствуясь нормами права, признавать конкретные факты. При этом важно выявить первичные факты до оспаривания его иными субъектами, обладающими для этого всеми необходимыми полномочиями и обязанностями.

Для иллюстрации этого тезиса можно привести пример применения института судебного познания. В соответствии с ним суд будет считать, что некий факт можно доказать, но для этого изначально признаются разнообразные правовые презумпции, причем суд не будет учитывать соответствие этих фактов действительности. Ситуации могут различаться, но в целом суд не обращает на этот момент внимания. Как показывает практика, любого ответчика можно считать оповещенным о том, что судебный процесс уже начался. При этом данному ответчику уже направлен документ в виде извещения. Однако ответчик может фактически не жить по данному адресу, или у него отсутствует представитель для получения необходимых документов.

Логико-философский и юридический подходы обладают собственными плюсами и минусами, которые важно учитывать. У первого подхода есть важное преимущество. В соответствии с этим преимуществом можно четко понять, какие приемы логики могут использоваться в ходе применения в семейно-правовых отношениях презумпции. Также авторы данного подхода пристальное внимание акцентируют на возможности применять в правовых отношениях эффективно любые презумпции, основываясь не только на философских изысканиях, но и на логических связях. Все это подтверждает наличие тесной связи данных общественных отношений с правовой реальностью, о чем неоднократно высказывались сторонники данного подхода.

У представленного подхода имеются и некоторые минусы, которые подчеркиваются в научной литературе. Если анализировать данный подход на основании существующих для его характеристики критериев, то их проблематично адаптировать к правовой презумпции. Часть правовых презумпций будет сложно применять в соответствии

с данным подходом. Это актуально и для семейно-брачных отношений. Например, презумпцию оставления ребенка с одним из родителей в России в большинстве случаев используют положительно в пользу матери. То есть в 95 % случаев ребенка по решению суда в случае развода родителей будут оставлять с матерью. Этому есть множество объяснений в научной и специальной юридической литературе. Добавим, что некоторые дискуссионные вопросы по поводу использования в семейно-правовых отношениях данного подхода возникают и в соответствии с природой содержания логических и философских характеристик. Как известно, этот подход сформирован на основании обобщения с помощью индукции различных видов информации [3, с. 178].

Более универсальным и эффективным, как подчеркивают в научной литературе, является юридический подход. Основой юридического подхода является возможность определить сам юридический факт и его содержательные элементы на практике. В соответствии с данным подходом пристальное внимание уделяется возможности презюмирования конкретных фактов. Среди ученых постоянно возникают различные споры, и они формируют закономерные вопросы по поводу содержательных компонентов правовых презумпций. По своему содержанию презумпции близки к юридическим фикциям. При сопоставлении этих понятий важно помнить о наличии скрытой опасности. Если проигнорировать уровень вероятности возникновения разных событий или фактов, то юридический подход не позволит различать между собой презумпции и фикции. Происходит размывание понимания этих категорий, что является существенной проблемой, которая мешает глубокому анализу вопроса.

Оба этих подхода, которые раскрываются в контексте истории развития презумпций в семейном праве, нельзя назвать универсальными. Ученые пытаются объединять эти подходы для того, чтобы повысить эффективность их использования в семейно-брачных отношениях. В науке есть множество мнений по поводу того, как следует комбинировать эти подходы к раскрытию сущности презумпции в семейно-правовых отношениях. Одна из точек зрения указывает на то [4, с. 29], что при обращении к характеристике презумпции нужно помнить о наличии признаков, присущих юридическому и логическому подходам. Что же касается самой презумпции, то в соответствии с предлагаемым комбинированным подходом под ней следует подразумевать некое предположение, установленное в нормах права. Его при этом можно опровергать, доказывая существование юридического факта при наличии иных обстоятельств. Подобное предположение следует доказывать только благодаря использованию статистических данных и на основе закономерных взаимосвязей. Они присутствуют между разными существующими фактами и предполагаемыми обстоятельствами. В некоторой степени поддержим данную точку зрения, т. к. если рассматривать любую презумпцию семейных отношений в качестве юридической конструкции, то она будет обязательно закреплена в нормах права. Она базируется на некоторых предполагаемых явлениях, имеющих свой состав и конструкцию. Для этого важно учитывать специфику юридических фактов и анализировать правоотношения в семье. Применяется презумпция в таком случае для урегулирования семейно-брачных отношений. Но нормы права должны устанавливать конкретные условия. Есть и исключения, в соответствии с которыми одна из сторон сможет доказать обстоятельства, подтверждающие невозможность применять презумпцию в ее исходном виде.

Важность комбинирования отмеченных выше подходов, которые глубоко анализируются в контексте истории развития презумпций в нормах семейного права, высока. При этом помимо достоинств, которые свойственны процедуре комбинирования обоих подходов, следует обратить внимание и на некоторые недостатки.

Суть первого недостатка в том, что при комбинации различных подходов и выявлении их сущностных свойств получается достаточно громоздкая характеристика и сложное определение. Его проблематично воспринимать на практике, поскольку возникает сочетание признаков, которые невозможно между собой сопоставлять. Но большинство представителей научного сообщества полагают, что презумпция в семейном праве, так же как и в иных правовых отраслях, будет рассматриваться как некоторое предположение о любом факте или событии. Все эти предположения нужно признавать конкретным субъектом. Данный процесс сложно сочетать с характеристикой термина «эффективность», а также правовая реальность может быть несколько иной и отличаться от закрепленных в правилах положениях [5, с. 109].

Второй недостаток сочетания обоих подходов и создания на их основе универсаль-

ного состоит в невозможности в полном объеме решить одну существенную проблему. Она связана с тем, что до сих пор ведутся дискуссии по поводу того, каким образом следует применять на практике так называемые неопровержимые презумпции и сопоставлять их с юридическими фикциями. Напомним, что презумпции разделяются на две категории: опровержимые и неопровержимые. Что касается неопровержимых, то их невозможно опровергать любыми инструментами и способами, которые закреплены в законе. То есть объективные причины мешают опровержению таких презумпций. Среди представителей научного сообщества сформировалась дискуссия по поводу того, не следует ли вовсе отказаться от неопровержимых презумпций в правовых отраслях, в том числе и в нормах семейного права [6, с. 189].

Есть и сторонники использования неопровержимых презумпций в семейном праве. Они считают, что достоверность любой правовой презумпции происходит не на основе наличия логических аргументов и обоснований. Причина в том, что любые опровержимые презумпции могут содержать в своем составе разнообразные действительные связи, позволяющие пересмотреть события и явления. Что касается неопровержимых, то при их наличии очень сложно раскрыть связи между участниками или явлениями, присутствующими в сфере семейно-правовых отношений. Имеются законодательные требования о необходимости признать существующими только некоторые связи, т. к. их в действительности не может быть. Здесь речь идет о неопровержимых презумпциях. Вероятнее всего, эти обстоятельства могут привести и к реальному присутствию конкретных моментов. Тут же речь идет об опровержимых презумпциях.

Благодаря сопоставлению представленных выше определений презумпции сложно с уверенностью и однозначно говорить о наличии их опровержимых форм, поскольку так и не совсем понятно, как их отделять от юридических фикций. Если заниматься формированием дополнительных сложных элементов при характеристике термина «презумпция», то весь этот процесс заводит любого исследователя в логический тупик. На основании таких обстоятельств следует обратиться к ещн одному подходу, который сформировался в результате длительного процесса развития правовых презумпций в семейно-брачных отношениях.

Речь пойдет об инструментально-правовой теории, с помощью которой можно объяснить характер и содержание правовых презумпций. Она появилась во второй половине прошлого века. Представители данной теории пытаются произвести глубокий анализ характеристики правовой презумпции, используя для этого разнообразные средства и правовые инструменты. Основной упор представители этой теории делают на том, чтобы выяснить сами достоинства любых правовых средств. Их важно рассматривать в качестве юридической категории, что в целом позволяет добиться эффективного результата [7, с. 176].

Правовое средство в соответствии с инструментальной теорией права является некоторым набором уникальных явлений. Они раскрываются в многочисленных инструментах или установках, а также деяниях, имеющих правовую направленность в контексте юридических процессов. Благодаря использованию правового средства можно учесть интересы субъектов, которые носят определенные права. Весомым преимуществом этого понятия можно назвать возможность выполнения субъектами разнообразных общественных целей и задач. Представители данного подхода перечисляют несколько существенных признаков любого правового явления, которое раскрывается на основе имеющихся правовых средств.

Во-первых, правовое средство позволяет объединить многочисленные механизмы, на базе которых получается добиться интересов и учитывать особенности формирования прав сторон. В дополнение к этому обеспечивается выполнение разнообразных задач в обществе.

Во-вторых, можно определить специфику разнообразных правовых ресурсов и механизмов. Они приобретают существенную роль и юридическое значение. На основании такого механизма можно обходить любые барьеры и преграды, учитывая интересы каждой стороны. В этом случае речь идет о супругах, которые участвуют в семейно-брачных отношениях. Им также следует помнить о выполнении различных общественных задач.

В-третьих, рассматривая данный подход, нужно помнить о еще одной роли правовых средств. Она состоит в наличии наборах взаимосвязанных приемов и механизмов. Благодаря им стороны реализуют свои права и создают основы для успешного функционирования в различных обстоятельствах.

В-четвертых, осуществляя конкретные действия, возникает множество правовых последствий для участников семейно-брачных отношений, т. к. они рассматриваются в качестве носителей прав. При обращении к специфике их деятельности можно произвести оценку разнообразных явлений и процессов, с которыми сталкиваются субъекты на регулярной основе.

В-пятых, на практике следует использовать разнообразные правовые явления, поскольку это гарантируется с помощью принуждения со стороны государства [8, с. 87].

Перечисленные выше признаки, как показывает анализ данного вопроса, раскрываются и в характеристике термина «правовая презумпция». С помощью данного понятия есть возможность рассмотреть средства юридической техники, отражая их в следующих моментах:

1. Любые правовые презумпции обладают вероятностным характером своего проявления. Их в соответствии с данным подходом нужно рассматривать как некоторое предположение. Таким образом, в данных презумпциях имеется вероятность того, что любой юридический факт можно опровергнуть.

2. Правовые презумпции в семейно-брачных отношениях также способствуют выявлению таких положений, которые с точки зрения законодательства нельзя считать типичными или стандартными. Применять их следует только в том случае, когда правовая реальность не позволяет в полном объеме понять специфику окружающих событий. Также могут быть случаи, когда правовая реальность не будет отражать действительность различных событий и процессов, с которыми сталкивается человек. Наличие такой ситуации не говорит об истинном характере любых презумпций. Множество факторов будет влиять на структуру и состав этой презумпции.

3. Любая правовая презумпция обладает достаточно высоким уровнем регулятивного потенциала в свете развития семейно-брачных отношений. Зачастую презумпции вносят в состав следующих категорий норм: регулятивные, охранительные, специальные [9, с. 287].

Учитывая содержательное положение данного подхода, следует представить характеристику правовой презумпции. Она формируется на основе положений теории инструментального права. Ее можно применять и в сфере семейно-брачных отношений сторон. Под правовой презумпцией в данном случае следует подразумевать ряд типичных или нестандартных инструментов, которые формируют юридическую технику. Они будут отличаться некоторой степенью нормативного содержания, а также являются определенными конструкциями с формальной точки зрения. Правоприменительному органу в данных обстоятельствах следует признать факт совершения определенного события до того момента, как обратной позиции не будет сформировано.

Проанализировав историю данного вопроса, следует сделать важный вывод. Полагаем, что лучше всего на практике произвести совмещение двух компонентов презумпции в контексте рассмотрения семейно-брачных связей сторон. Презумпция в данных обстоятельствах будет неким основанным на логических законах вероятным суждением. Также с помощью этого механизма можно будет выявлять различные фактические обстоятельства. Все правовые презумпции сегодня рассматриваются в первую очередь с точки зрения общественной составляющей. Благодаря ей можно раскрыть связь с правовой реальностью, выявив специфику и определив эффективность. Но если несколько пересмотреть данный вопрос, то презумпцию важно будет изначально рассматривать как ключевое правовое средство. У нее возникнет значимая для общества цель, а также появится возможность учитывать интересы сторон в семейно-брачных отношениях.

Список источников

1. Агапов С.В. Семейное право. М., 2023.
2. Беспалов Ю.Ф. Проблемы семейного права в России. М., 2022.
3. Корнеева И.Л. Семейное право. М., 2023.
4. Краснова Т.В., Кучинская Л.А. Семейное право. М., 2023.
5. Микрюков В.А. Аналогия закона и аналогия права в практике разрешения семейно-правовых споров. М., 2021.

References

1. Agapov S.V. Family law. Moscow, 2023.
2. Bespalov Yu.F. Problems of family law in Russia. Moscow, 2022.
3. Korneeva I.L. Family law. Moscow, 2023.
4. Krasnova T.V., Kuchinskaya L.A. Family law. Moscow, 2023.
5. Mikryukov V.A. Analogy of law and analogy of law in the practice of resolving family law disputes. Moscow, 2021.

6. Нечаева А.М. Семейное право. М., 2023.
7. Прохорова О.Г. Основы психологии семьи и семейного консультирования. М., 2024.
8. Пузиков Р.В., Иванова Н.А. Семейное право. М., 2024.
9. Семейное право / под ред. А.О. Иншаковой, А.Я. Рыженкова. М., 2023.

6. Nechaeva A.M. Family law. Moscow, 2023.
7. Prokhorova O.G. Fundamentals of family psychology and family counseling. Moscow, 2024.
8. Puzikov R.V., Ivanova N.A. Family law. Moscow, 2024.
9. Family law / ed. A.O. Inshakova, A.Ya. Ryzhenkova. Moscow, 2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Смоленский Михаил Борисович, *доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права. Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.*

Тишкин Дмитрий Николаевич, *кандидат политических наук, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России. 347360, Российская Федерация, г. Волгодонск, ул. Степная, 40.*

Кучерова Екатерина Петровна, *кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры философии. Волгоградская академия МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Smolensky Mikhail Borisovich, *Grand PhD in Sociology, PhD in Law, Professor, Head of the Department of Theory of State and Law. Rostov State University of Railway Transport. 2, Rostov Infantry Regiment Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.*

Tishkin Dmitry Nikolaevich, *PhD in Political Sciences, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. Volgodonsk branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 40, Stepnaya St., Volgodonsk 347360 Russian Federation.*

Kucherova Ekaterina Petrovna, *PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 88–91.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 88–91.

Научная статья
УДК 342.52

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ

Тамазова Анна Дмитриевна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
abd.8282@mail.ru

Введение: *в статье исследуются отдельные направления деятельности Законодательного собрания Краснодарского края, связанные с вопросами обеспечения безопасности детей.*

Материалы и методы: *вопросы обеспечения детской безопасности в контексте деятельности парламента Краснодарского края исследовались посредством анализа нормативных правовых актов, научных трудов, практики реализации соответствующего законодательства. В статье использованы различные методы научного познания: анализ, синтез, обобщение, сравнение, формально-логический и др.*

Результаты исследования: *исследованы правовые механизмы обеспечения безопасности детей в Краснодарском крае, проведен анализ правоприменительной практики по обозначенному вопросу.*

Выводы и заключения: *в работе отмечается положительный опыт реализации норм регионального законодательства в сфере обеспечения детской безопасности, а вместе с тем выявляются и анализируются некоторые проблемы, с которыми приходится сталкиваться в процессе правоприменения, в связи с чем также приводится предложение о некоторой корректировке регионального законодательства об административной ответственности.*

Ключевые слова: *законодательная власть, детская безопасность, административная ответственность, вопросы семьи и детства, противоправная деятельность.*

Для цитирования: Тамазова А. Д. *Об отдельных аспектах деятельности Законодательного Собрания Краснодарского края в сфере обеспечения безопасности детей / А. Д. Тамазова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 88–91.*

Original paper

ON CERTAIN ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE LEGISLATIVE ASSEMBLY OF THE KRASNODAR TERRITORY IN THE FIELD OF CHILD SAFETY

Tamazova Anna Dmitrievna
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the article examines individual areas of activity of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory related to issues of ensuring child safety.*

Materials and methods: *issues of ensuring child safety in the context of the activities of the Parliament of the Krasnodar Territory were studied through the analysis of regulatory legal acts, scientific works, and the practice of implementing the relevant legislation. The article uses various methods of scientific knowledge: analysis, synthesis, generalization, comparison, formal-logical, etc.*

Results of the study: *legal mechanisms for ensuring child safety in the Krasnodar Territory were examined, an analysis of law enforcement practice on the designated issue was conducted.*

Findings and conclusions: *the work notes the positive experience of implementing the norms of regional legislation in the field of ensuring child safety, and at the same time identifies and analyzes some of the problems that have to be encountered in the process of law enforcement, in connection with which a proposal is also made for some adjustments to the regional legislation on administrative responsibility.*

Keywords: *legislative power, child safety, administrative responsibility, family and childhood issues, illegal activities.*

For citation: Tamazova A. D. *On Certain aspects of the Activities of the Legislative Assembly of the Krasnodar Territory in the field of child Safety / A. D. Tamazova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 88–91.*

Всем известно, что ни одно поистине демократическое государство не может существовать без парламентаризма. Это, в частности, обусловлено тем, что парламент ассоциируется с некой ареной для дискуссий, поиска компромисса и выражения народной воли по важным государственным, общественным вопросам [6].

Парламентаризм как явление общественно-политической жизни распространяется не только на федеральный, но и на региональный уровень. На последнем, наиболее приближенном к населению уровне (по сравнению с федеральным) прекрасно демонстрируется результативность и эффективность парламентаризма.

На Кубани законодательная власть осуществляется Законодательным собранием Краснодарского края – единственным законодательным органом государственной власти Краснодарского края, который весьма успешно участвует в формировании и поддержании единого правового пространства нашей страны, при этом его деятельность неразрывно связана с запросами общества.

Законодательное собрание Краснодарского края участвует в разработке и принятии законов, направленных на создание основы гарантий прав и свобод жителей края, в том числе несовершеннолетних. Анализ реализации одного из таких законов проведен в рамках данного исследования.

На Кубани особое внимание уделяется вопросам семьи и детства, поэтому речь пойдет о Законе Краснодарского края от 21.07.2008 № 1539 «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае» (далее – Закон № 1539-КЗ) или, как часто его любят называть, «детском законе». В период после его принятия и в первые годы реализации в обществе можно было услышать самые различные суждения, оценки относительно данного закона, от положительных до негативных. Так или иначе, в этом году исполнилось 16 лет со дня вступления в действие его норм, закон стал обыденностью. Период его реализации позволяет с уверенностью говорить об эффективности соответствующей проделанной депутатами работы.

Итак, напомним, что приведенный закон был принят в целях создания правовой основы не только для профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, но и для защиты их жизни и здоровья, а также защиты от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [1]. Обобщенно, с целью предупреждения причинения вреда детям Законом № 1539-КЗ запрещается, в частности, нахождение несовершеннолетних без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) в определенных местах, в ночное время.

Интересно отметить, что почти годом позже федеральное законодательство, в частности Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», был дополнен схожими нормами [2], что указывает на актуальность и важность правового регулирования соответствующих отношений и Закона № 1539-КЗ, в частности. Так, в указанном федеральном законе появилась ст. 14.1 «Меры по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей», которая предусматривает возможность субъектов Российской Федерации в соответствующих целях устанавливать меры по недопущению нахождения несовершеннолетних в местах, нахождение в которых детей может причинить вред их здоровью и развитию; меры по недопущению нахождения детей в ночное время в общественных местах без сопровождения родителей (лиц, их заменяющих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, а также административную ответственность за несоблюдение соответствующих требований.

Также отметим, что во многих странах действуют схожие ограничения, среди которых, в частности, введение комендантского часа для детей. Законы, устанавливающие подобные меры, существуют в Австралии, Германии, Великобритании, Белоруссии и в других цивилизованных странах. Так, например, согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь от 19.11.1993 № 2570-XII «О правах ребенка» родители (опекуны, попечители) должны сопровождать детей в возрасте до 16 лет в период с двадцати трех до шести часов вне жилища либо обеспечивать их сопровождение совершеннолетними лицами [3]. Нарушение данного правила влечет за собой административную ответственность в виде штрафа (ст. 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 06.01.2021 № 91-З).

На сегодняшний день Закон № 1539-КЗ с учетом его изменений и дополнений, приведения в соответствие с федеральными нормами запрещает нахождение без сопровождения родителей (лиц, из замещающих) или лиц, осуществляющих мероприятия с участием детей, в общественных местах не-

совершеннолетних до семи лет – круглосуточно, от семи до 18 лет – в ночное время (с 22 до 6 ч.), а также в местах, нахождение в которых детей может причинить вред их здоровью и развитию (например, в пивных барах). На родителей (лица, их заменяющие), иные указанные в законе субъекты возлагаются соответствующие обязанности.

Необходимо отметить, что за период своего существования Закон № 1539-КЗ доказал абсолютную эффективность, за время его реализации достигнуты значительные положительные результаты. В нашем регионе за период действия закона было выявлено более 250 тыс. детей, которые благополучно были возвращены в свои дома, с которыми не случилось никакой беды, которые не стали жертвами противоправных деяний и не стали сами их субъектами. Сотрудниками органов внутренних дел, местных администраций и других органов и учреждений проводится огромная работа в этом направлении (например, рейдовые мероприятия, ночные патрули и др.). Выявляются не только нарушения установленных правил, но и причины и условия, способствующие этому, принимаются меры по их устранению (проводится индивидуальная профилактическая работа).

Наглядно отражает эффективность Закона № 1539-КЗ положительная динамика в вопросе снижения подростковой безнадзорности и преступности во всем крае. По сравнению с 2008 г. уровень подростковой преступности в крае снизился более чем на 60 %. Сократился и уровень ночной преступности более чем на 65 %. Количество несовершеннолетних, допустивших нарушение установленных законом ограничений, за весь период его действия снизился более чем на 70 % [4].

Кроме того, меры, предусмотренные анализируемым законом, оказали благоприятное воздействие и на сознание несовершеннолетних, которые, повзрослев и став родителями, уже сами применяют все необходимые меры по защите собственных детей.

Вместе с тем правоприменителем указывается на некоторые сложности, связанные с привлечением к ответственности виновных за несоблюдение установленных Законом № 1539-КЗ ограничений. Дело в том, что ранее, до 2019 г., Законом Краснодарского края от 23.07.2003 № 608-КЗ «Об административных правонарушениях» (далее – Закон № 608-КЗ) была предусмотрена административная ответственность за необеспечение родителями (лицами их заменяющими) и иными субъектами мер по содействию физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей в соответствии с Законом № 1539 (ст. 2.9), что, на наш взгляд, являлось весьма эффективным средством обеспечения действия установленных правил. По данным, предоставленным отделением по делам несовершеннолетних отдела полиции (Центральный округ) Управления МВД России по г. Краснодару, в 2017 г. количество материалов, направленных главам муниципальных образований для составления протоколов, в частности по ч. 3 ст. 2.9 Закона № 608-КЗ, составило 599, а в 2018 г. – 694.

В 2019 г. ст. 2.9 Закона № 608-КЗ была исключена [5], что фактически указало на отсутствие ответственности за нарушение установленных Законом № 1539-КЗ ограничений. А привлечение к административной ответственности в соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 5.35 «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних»), как отмечает правоприменитель, весьма затруднительно (указывается на значительное количество отказного материала из-за отсутствия состава правонарушения). В связи с этим рациональным видится возвращение административной ответственности, установленной краевым законом, за нарушение требований Закона № 1539-КЗ.

В то же время работа по реализации норм Закона № 1539-КЗ продолжается. В ходе соответствующих мероприятий дети выявляются и возвращаются в свои семьи, что позволяет избегать различных неблагоприятных для них последствий. Так, например, по данным, предоставленным отделением по делам несовершеннолетних отдела полиции (Центральный округ) Управления МВД России по г. Краснодару, за 2024 г. выявлено 276 несовершеннолетних, нарушивших установленные ограничения. И это данные лишь по одному округу г. Краснодара.

Таким образом, за период многолетнего действия Закон № 1539-КЗ, ставший неким щитом на пути вседозволенности, полностью оправдал свое существование. Он заставил многих, от кого зависит воспитание и развитие подрастающего поколения, обратить внимание на то, чтобы дети в нашем крае развивались гармонично и безопасно, он объединил усилия обеспокоенной общественности. Ведь беспечность взрослых, а

также сиюминутная экономическая выгода владельцев различных заведений могут обернуться большим горем. В силу незрелости психики дети легко поддаются чужому влиянию и могут быть вовлечены в противоправную деятельность. В связи с этим однозначно можно резюмировать, что решение, принятое депутатами почти 17 лет назад, оказалось абсолютно верным и необходимым. Вместе с тем рациональным видится возвращение административной ответственности, установленной краевым законом, за нарушение требований Закона № 1539-КЗ.

Список источников

1. О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»: федер. закон от 28 апреля 2009 г. № 71-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
3. О правах ребенка: Закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570-XII. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=V19302570 (дата обращения: 03.03.2025).
4. О реализации в муниципальных образованиях Краснодарского края Закона Краснодарского края от 21 июля 2008 г. № 1539-КЗ «О мерах по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Краснодарском крае»: постановление комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав при Администрации Краснодарского края № 1/4 от 17 марта 2022 г. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
5. О внесении изменений в Закон Краснодарского края «Об административных правонарушениях»: закон Краснодарского края от 27 сентября 2019 г. № 4099-КЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
6. Коновалова Л.Г. Соотношение парламентаризма с принципом демократической государственности: вопросы конституционно-правовой теории. URL: https: // cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-parlamentarizma-s-printsipom-demokraticheskoy-gosudarstvennosti-voprosy-konstitutsionno-pravovoy-teorii (дата обращения: 03.03.2025).

References

1. On measures to prevent neglect and juvenile delinquency in Krasnodar Krai: Law of Krasnodar Krai of July 21, 2008 № 1539. Access from the legal system «Garant».
2. On Amendments to the Federal Law «On Amendments to the Federal Law «On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation»: federal law of April 28, 2009 № 71-FL. Access from the legal system «Garant».
3. On the Rights of the Child: Law of the Republic of Belarus of November 19, 1993 № 2570-XII. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=V19302570 (date of access: 03.03.2025).
4. On the implementation in municipalities of Krasnodar Krai of the Law of Krasnodar Krai of July 21, 2008 № 1539-KZ «On measures to prevent neglect and juvenile delinquency in Krasnodar Krai»: Resolution of the Commission on Minors and the Protection of Their Rights under the Administration of Krasnodar Krai № 1/4 of March 17, 2022. Access from the legal system «Garant».
5. On amendments to the Law of Krasnodar Krai «On Administrative Offenses»: Law of Krasnodar Krai of September 27, 2019 № 4099-KL. Access from the legal system «Garant».
6. Konovalova L.G. The relationship between parliamentarism and the principle of democratic statehood: issues of constitutional and legal theory. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-parlamentarizma-s-printsipom-demokraticheskoy-gosudarstvennosti-voprosy-konstitutsionno-pravovoy-teorii (date of access: 03.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамазова Анна Дмитриевна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права. Краснодарский университет МВД России. 350912, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamazova Anna Dmitrievna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350912 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 92–95.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 92–95.

Научная статья
УДК 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ СМЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Амелина Татьяна Александровна
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация, Ameli.t12@mail.ru

Введение: *в статье рассмотрен вопрос справедливого применения обстоятельств, смягчающих административную ответственность. В основу суждений автора заложена правоприменительная практика судов общей юрисдикции, рассматривающих административные правонарушения, связанные с причинением побоев. Статья 6.1.1 КоАП РФ «Побои» выступает индикатором, позволяющим обоснованно указать на необходимость совершенствования института административной ответственности.*

Материалы и методы: *нормативную основу исследования составили административное законодательство, а также материалы правоприменительной практики. Методологическую основу поведенного исследования составили диалектический метод познания, а также логико-правовой, сравнительно-правовой и некоторые другие методы.*

Результаты исследования: *исследованы вопросы применения обстоятельств, смягчающих административную ответственность в соответствии со ст. 4.2 КоАП РФ, в частности п. 10 ч. 1. Проведен анализ правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, в рамках которых судом установлено данное смягчающее обстоятельство. Определены спорные позиции относительно применения положений нормы.*

Выводы и заключения: *в целях обеспечения справедливого привлечения к административной ответственности предложено внести изменения в п. 10 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, тем самым уровняв в законных правах обоих родителей или законных представителей ребенка, а также предложено поднять возрастной ценз до категории «несовершеннолетний», что позволит привести к единообразному применению данного смягчающего обстоятельства.*

Ключевые слова: *административная ответственности, смягчающее обстоятельство, отягчающее обстоятельство, принцип справедливости, принцип справедливости и соразмерности.*

Для цитирования: Амелина Т. А. *Актуальные проблемы и пути совершенствования применения смягчающих обстоятельств при привлечении к административной ответственности / Т. А. Амелина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 92–95.*

Original paper

CURRENT PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE APPLICATION OF MITIGATING CIRCUMSTANCES WHEN BRINGING TO ADMINISTRATIVE LIABILITY

Amelina Tatyana Alexandrovna
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation

Introduction: *the article considers the issue of fair application of circumstances mitigating administrative liability. The author's judgments are based on the law enforcement practice of courts of general jurisdiction considering administrative offenses related to battery. Article 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation «Battery» serves as an indicator that allows us to reasonably point out the need to improve the institution of administrative liability.*

Materials and methods: *the normative basis of the study was administrative legislation, as well as materials of law enforcement practice. The methodological basis of the conducted study was the dialectical method of cognition, as well as logical-legal, comparative-legal and some other methods.*

Results of the study: *the issues of application of circumstances mitigating administrative liability in accordance with Art. 4.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, in particular paragraph 10, part 1, were studied. An analysis of law enforcement practice in cases of administrative offenses provided for by Art. 6.1.1 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, within the framework of which the court established this mitigating circumstance. Controversial positions regarding the application of the provisions of the norm are determined.*

Findings and conclusions: *in order to ensure fair administrative liability, it is proposed to amend paragraph 10 of Part 1 of Article 4.2 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, thereby equalizing the legal rights of both parents or legal representatives of the child, and it is also proposed to raise the age limit to the category of «minor», which will lead to a uniform application of this mitigating circumstance.*

Keywords: *administrative liability, mitigating circumstance, aggravating circumstance, principle of fairness, principle of fairness and proportionality.*

For citation: Amelina T. A. *Current problems and ways to improve the application of mitigating circumstances when bringing to administrative liability / T. A. Amelina // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 92–95.*

Одним из наиболее эффективных и широко применяемых средств правовой защиты отношений выступает институт административной ответственности, но одновременно с этим в настоящее время по-прежнему существуют дискуссионные вопросы, связанные как с назначением, так и исполнением наказания.

Административное наказание представляет собой негативную реакцию государства, вызванную совершением недозволительных действий со стороны граждан. Результатом такой реакции всегда выступает применение наказания.

Для назначения справедливого наказания необходимо руководствоваться Общими положениями 1 Раздела Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), где закреплены следующие принципы: принцип справедливости; принцип соразмерности; принцип гуманизма; принцип равенства, закреплено понятие административного правонарушения с характерным для него признаками, определен возраст привлечения лица к ответственности, виды наказаний, основания для освобождения от административной ответственности[1] и др.

При назначении справедливого наказания следует учитывать множество фактов, совокупность которых позволит избрать меру и объем наказания, полностью соответствующих тяжести совершенного деяния. Так, суду необходимо учитывать характеристику личности виновного. В данный критерий входит: материальное положение, его нравственные и правовые характеристики, наличие на иждивении лиц, отношение к последствиям, наступившим от совершенного деяния, стремление устранить или минимизировать вред, а кроме того, обязательно должны быть учтены обстоятельства, смягчающие и отягчающие административную ответственность.

Таким образом, процедура назначения наказания сопряжена с установлением всех значимых обстоятельств произошедшего, а также отдельное внимание уделено и тем обстоятельствам, что способны охарактеризовать положение виновного лица. Исследовав институт обстоятельств, смягчающих и отягчающих административную ответственность, Н.М. Жданов указал, что «объединяет эти обстоятельства то, что они могут существенно влиять на вид и размер взыскания, на ответственность в целом» [1, с. 95–98].

В данной статье проанализированы основания применения смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. 10 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ, определены границы применения данного основания, высказаны предложения, направленные на совершенствование административного законодательства, где в основу суждений автора об будет заложена судебная практика привлечения к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Исходя из смысла содержания смягчающего обстоятельства, делаем вывод, что смягчение административной ответствен-

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

ности возможно, если правонарушение совершит беременная женщина или женщина, имеющая малолетнего ребенка.

Первым очевидным проблемным аспектом выступает то, что данное обстоятельство четко регламентирует исключительно положение женщины. При этом распространенными являются ситуации, при которых правонарушителем выступает мужчина, который имеет малолетнего ребенка. Для того чтобы аналогичное положение мужчины-нарушителя было отнесено к числу смягчающих обстоятельств, необходимо, чтобы суд самостоятельно приравнял данное условие к числу смягчающих, руководствуясь ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ.

Так, примером служит Решение от 16.11.2022 № 12-58/2022, принятое судьей Шилкинского районного суда, в котором к смягчающим обстоятельствам было отнесено признание вины в содеянном и наличие на иждивении малолетних детей [2].

В Постановлении от 13.02.2024 № 5-0029/6/2024, вынесенному мировым судьей г. Пятигорска Ставропольского края, определено, что правонарушитель (мужчина), признанный виновным в причинении побоев, имел на иждивении четырех малолетних детей, что судом было признано смягчающим обстоятельством и квалифицировано по ч. 2 ст. 4.2 КоАП РФ [3].

В связи с этим остается неразрешенным вопрос о том, почему аналогичное положение мужчины не закреплено соответствующим пунктом ст. 4.2. КоАП РФ, что уровняет положение лица, совершившего правонарушение и имеющего на иждивении малолетнего ребенка, не перекладывая эти действия на «плечи» суда.

Одновременно с этим мужчина обладает абсолютно равными правами как родитель с женщиной-родителем. Это означает, что они в равной степени исполняют обязанности, связанные с воспитанием, обучением и обеспечением своего ребенка. Из-за чего, по нашему мнению, для урегулирования рассмотренного спорного вопроса возможно представить п. 10 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ в новой редакции с учетом следующих дополнений: «совершение административного правонарушения беременной женщиной, а также женщиной или мужчиной, имеющим малолетнего ребенка» [4].

Следующая проблемная область может быть раскрыта через логику применения положений ст. 4.2. КоАП РФ. Это означает, что анализ судебной практики привлечения к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ позволил прийти к выводам о том, что зачастую признается смягчающим обстоятельством наличие у правонарушителя на иждивении несовершеннолетних, а не малолетних детей. Например, Постановление 5-383/2021 от 25.11.2021, вынесенное судьей Чухломского районного суда, в котором к смягчающему обстоятельству отнесено наличие у мужчины-правонарушителя на иждивении двух несовершеннолетних детей [5].

Рассматриваемые возрастные группы следует подразделять следующим образом: до 14 лет ребенок считается малолетним, с 14 до 18 – несовершеннолетним, при этом согласно нормам действующего законодательства ребенком считается лицо, не достигшее возраста 18 лет[2]. В таком случае за родителями закреплены обязанности по воспитанию, обучению и содержанию ребенка, а значит, до его совершеннолетия.

Представленные возрастные границы связаны с тем, что в соответствии с ч. 1. ст. 21 Гражданского кодекса РФ только с момента совершеннолетия гражданин приобретает дееспособность, т. е. способность осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Таким образом, обобщая представленные положения, следует учитывать, что на иждивении, т. е. на попечении у родителей, ребенок находится с момента рождения до достижения им 18 лет.

Представленный вывод в совокупности с судебной практикой свидетельствуют о том, что необходимо в п. 10 ч. 1 ст. 4.2 термин «малолетний» заменить на «несовершеннолетний».

Рассмотрев нормы Семейного кодекса РФ, считаем также целесообразные указать и на то, что сама формулировка «…имеющей малолетнего ребенка» указывает на определенного рода недосказанность. Как именно необходимо оценивать этот критерий? С позиции, что человек является по факту родителем (законным представителем) и имеет малолетнего ребенка, или как человека, который исполняет возложенные на него законодательством обязанности, из-за чего получает встречное право на отождествление такого положения, как смягчающее обстоятельство при назначении административного наказания. Обоснованным, по нашему мнению, видится закрепление термина «иждивение», что позволит избежать ситуаций, при которых лицо, прекратившее общение с ребенком, не исполняющее возложенные на него как на родителя обязанности, рассчитывать на смягчение административной ответственности.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

Понятие «иждивенец» не закреплено в российском законодательстве. Нет четкой формулировки, кого именно можно относить к этой категории, какими признаками обладает такой гражданин и какая помощь ему полагается. Учитывая правоприменительную практику и социальную политику государственных органов, можно сказать, что иждивенец – это нетрудоспособный, которого материально обеспечивает другой человек, причем это необязательно родственник. Существуют категории людей, которые могут быть совершенно здоровы, но при этом находятся на обеспечении. Это несовершеннолетние дети и студенты (до 23 лет) очных отделений учебных заведений среднего профессионального образования и высших учебных заведений. Их обеспечивают родители, а значит, несовершеннолетние дети (и студенты) для родителей – иждивенцы [6].

Таким образом, иждивение детей до достижения ими возраста 18 лет предполагается и не требует доказательств. Рассматриваемый термин в большей степени связан с материальной частью содержания несовершеннолетнего, однако важно учитывать, что обучение зачастую связано именно с материальными благами, которые позволяют ребенку получить как дополнительное образование, так и поступление в учебное заведение. Обеспечение, как обязанность родителя, также находит свое отражение через материальную составляющую, таким образом, данный критерий в большей степени соответствует рассматриваемому вопросу, а также используется судом при вынесении решения.

На основании вышеизложенного полагаем, что в целях совершенствования института обстоятельств, смягчающих административную ответственность, представить п. 10 ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ в следующей редакции: «совершение административного правонарушения беременной женщиной, а также женщиной или мужчиной, исполняющим на иждивении несовершеннолетнего ребенка».

Список источников

1. Обыденов В.В. Проблемы реализации обстоятельств, смягчающих ответственность в процессе назначения административных наказаний // Современное право. 2007. № 1.
2. Sud-praktika.ru. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ 275JEpqqNwrk/ (дата обращения: 31.03.2025).
3. Постановление 5-0029/6/2024 г. Пятигорска Ставропольского края. URL: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fstavmirsud.ru%2Ffiles%2Fdocs%2FDecisionTextsAS%2F14%2F6%2F14_05-0029_6_2024_Postanovlenie_o_naznachenii_administrativnogo_nakazaniya.doc&psig=AOvVaw12jn-hqFUpc-8W4DV8sq1k&ust=1746220710197000&source=images&cd=vfe&opi=89978449&ved=0CAQQn5wMahcKEwiAn52bmYONAxUAAAAAHQAAAAAQBA (дата обращения: 31.03.2025).
4. Недоступенко Т.А. Административная ответственность за побои: дис. … канд. юрид. наук. Белгород, 2023.
5. Sud-praktika.ru. URL: https://sudact.ru/regular/court/2vALIe3UG1Jn/ (дата обращения: 31.03.2025).
6. Кто такие иждивенцы и какие льготы положены их кормильцам. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10992695 (дата обращения: 31.03.2025).

References

1. Obydenov V.V. Problems of implementation of circumstances mitigating responsibility in the process of assigning administrative penalties // Modern law. 2007. № 1.
2. Sud-praktika.ru. URL: https://sudact.ru/regular/doc/275JEpqqNwrk/ (date of access: 31.03.2025).
3. Resolution 5-0029/6/2024 of Pyatigorsk, Stavropol Territory. URL: https://www.google.com/url?sa=i&url=https%3A%2F%2Fstav-mirsud.ru%2Ffiles-%2Fdocs%2FDecisionTextsAS%2F14%2F6%2F14_05-0029_-6_2024_Postanovlenie_o_naznachenii_administrativnogo_nakazaniya.doc&psig=AOvVaw12jn-hq-FUpc-8W4DV8sq1k&ust=1746220710197000&source=images-&cd=vfe&op-i=89978449&ved=0CAQQn5wMahcKEwiAn52bmYONAxUAAAAAHQAAAAAQBA (date of access: 31.03.2025).
4. Nedostupenko T.A. Administrative liability for assault: diss. … PhD in Law. Belgorod, 2023.
5. Sud-praktika.ru. URL: https://sudact.ru/regular/court/2vALIe3UG1Jn/ (date of access: 31.03.2025).
6. Who are dependents and what benefits are due to their breadwinners. URL: https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10992695 (date of access: 31.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Амелина Татьяна Александровна, *кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308019, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amelina Tatyana Alexandrovna, *PhD in Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308019 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 96–101.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 96–101.

Научная статья
УДК 349.6

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОБРАЩЕНИЯ С ТВЕРДЫМИ КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ

Негодаева Елена Георгиевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, a.negodaeva@bk.ru

Федоренко Наталия Владимировна
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, gr_process38@mail.ru

Введение: *проблема обращения с твердыми коммунальными отходами (далее – ТКО) актуальна для всех стран мира. Основными рисками, связанными с недостаточно эффективным обращением с ТКО, являются загрязнение воздуха, воды и почвы, распространение болезней, опасность возникновения пожаров. Кроме того, отрасль ТКО вносит существенный вклад в изменение климата. На нее приходится около 3,2 % от общего объема эмиссии парниковых газов, прежде всего, в результате выбросов метана при полигонном захоронении ТКО [1]. Таким образом, эффективное действие законодательства в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами является важным элементом в общей экологической политике нашей страны.*

Материалы и методы: *главным материалом проведенного исследования является действующее законодательство Российской Федерации, а также научная отечественная и зарубежная литература. В работе использованы различные научные методы исследования, среди которых: классификация и систематизация, обобщение полученных сведений, методы сравнительного и структурного анализа.*

Результаты исследования: *рассмотрены основные направления реформы по обращению с твердыми коммунальными отходами и выявлены проблемные вопросы, требующие решения на сегодняшний день. Исследована правовая природа договора на оказание услуг по обращению с ТКО, а также особенности его заключения с разными субъектами.*

Выводы и заключения: *проведенное исследование показало, что, несмотря на достаточно длительный процесс реформы обращения с твердыми коммунальными отходами, он находится на начальной стадии и требует дальнейшего развития. Так, на сегодняшний день имеется ряд проблем, которые препятствуют эффективной работе системы и реализации ее конечной цели сохранению окружающей среды, а именно отсутствие системы раздельного сбора, утилизации и учета отходов, а также отсутствие закрепленного порядка взаимодействия между собственниками ТКО и региональным оператором при заключении договора на оказание услуг по обращению с ТКО. Решение указанных проблем в том числе путем внесения соответствующих изменений в российское законодательство позволит ускорить построение современной системе обращения с отходами в Российской Федерации.*

Ключевые слова: *твердые коммунальные отходы, «мусорная реформа», договор на оказание услуг по обращению с ТКО, гражданский оборот, региональный оператор.*

Для цитирования: Негодаева Е. Г., Федоренко Н. В. *О некоторых вопросах правового регулирования отношений в области обращения с твердыми коммунальными отходами / Е. Г. Негодаева, Н. В. Федоренко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 96–101.*

Original paper

ON SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF HANDLING SOLID MUNICIPAL WASTE

Negodaeva Elena Georgievna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Fedorenko Natalia Vladimirovna
Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the problem of municipal solid waste (hereinafter referred to as MSW) management is relevant for all countries of the world. The main risks associated with insufficiently effective MSW management are air, water and soil pollution, the spread of diseases, and the risk of fires. In addition, the MSW industry makes a significant contribution to climate change. It accounts for about 3.2% of the total greenhouse gas emissions, primarily as a result of methane emissions during MSW landfill disposal [1]. Thus, the effective operation of legislation in the field of municipal solid waste management is an important element in the overall environmental policy of our country.*

Materials and methods: *the main material of the study is the current legislation of the Russian Federation, as well as domestic and foreign scientific literature. The work uses various scientific research methods, including: classification and systematization, generalization of the obtained information, methods of comparative and structural analysis.*

Results of the study: *the main directions of the reform of municipal solid waste management are considered and problematic issues requiring solutions today are identified. The legal nature of the contract for the provision of services for the management of municipal solid waste, as well as the specifics of its conclusion with different entities, are studied.*

Findings and conclusions: *the study showed that, despite the rather long process of reforming municipal solid waste management, it is at an early stage and requires further development. Thus, today there are a number of problems that hinder the effective operation of the system and the implementation of its ultimate goal of preserving the environment, namely the lack of a system for separate collection, disposal and accounting of waste, as well as the lack of a fixed procedure for interaction between the owners of municipal solid waste and the regional operator when concluding a contract for the provision of services for the management of municipal solid waste. The solution to these problems, including by introducing appropriate changes to Russian legislation, will speed up the construction of a modern waste management system in the Russian Federation.*

Keywords: *solid municipal waste, «garbage reform», contract for the provision of solid municipal waste management services, civil turnover, regional operator.*

For citation: Negodaeva E. G., Fedorenko N. V. *On some issues of legal regulation of relations in the field of handling solid municipal waste // E. G. Negodaeva, N. V. Fedorenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 96–101.*

Безопасность человека и окружающей природной среды – важнейшая характеристика качества жизни. Человек постоянно находится под влиянием факторов окружающей среды, потому что он дышит атмосферным воздухом, пьет воду, употребляет в пищу растительные продукты. Примерно 70 % вредных веществ в организм человека попадает с пищей, через продукты животного и растительного происхождения. Вредные вещества в организме накапливаются постепенно, а затем выявляется их патологическое воздействие – нарушение обменных процессов, системы пищеварения, поражение центральной нервной системы, кроме того, выявляется способность вызывать отдаленные иммуномоделирующие последствия – онкологические, аллергические заболевания, мутацию генной структуры клеток (выявляется во время рождения ребенка). В целом человеческая деятельность приводит к существенным изменениям в окружающей среде и в перспективе может привести к глобальному экологическому кризису. Одной из основных причин опасного воздействия отходов на окружающую среду являются постоянно растущие объемы твердых отходов. Поступая в окружающую природную среду, они накапливаются, окисляются, гниют и становятся опасными для всего живого.

Объем образования твердых коммунальных отходов (ТКО) увеличивается с каждым годом в связи с возрастанием производственной активности и увеличением потребностей общества. Увеличение объема ТКО подтверждается статистикой Росприроднадзора, который в свою очередь ежегодно готовит отчет по форме 2-ТП (отходы), согласно которому на 13 мая 2024 г. объем составил образованных ТКО, а также ТКО, направленных на обработку, обезвреживание, утилизацию и захоронение по Российской Федерации (суммарно произведен без учета количества ТКО, перемещаемых между субъектами Российской Федерации, для исключения задвоения количества таких ТКО) – 47,15 млн тонн [2].

С учетом данных, приведенных на сайте Росприроднадзора, ежегодный объем образования ТКО в РФ находится в диапазоне 60–90 млн тонн и с ежегодным увеличением объема ≈ 3 %. Таким образом, к 2030 г. увеличение объема образования ТКО составит примерно 15 %, что подтверждает актуальность темы проводимого исследования.

Важно отметить, что на сегодняшний день существует большое количество способов утилизации ТБО, однако в мире все еще преобладает складирование на полигонах, и только в высокоразвитых странах, таких как Япония, Австрия, Франция, наблюдается тенденция перехода к способу сжигания и компостирования.

В мировой практике способ компостирования развивался как альтернатива сжиганию. В Европе первый мусороперерабатывающий завод (далее – МПЗ) был построен в 1932 г. в Нидерландах. В СССР первый экспериментальный завод был сдан в эксплуатацию в 1970 г. в Ленинграде. В Европе, Японии и США способ компостирования применяют для переработки около 2 % ТБО. МПЗ работают как во многих европейских странах, так и в крупных городах СНГ:

Санкт-Петербурге, Минске, Тбилиси, Алматы, Ташкенте и др.

Стадия компостирования является биотермической, она основана на естественных, ускоренных реакциях трансформации мусора при доступе кислорода в виде горячего воздуха. В большинстве случаев метод компостирования применяется для растительных отходов. В России этот метод чаще всего используется в частных домах или на приусадебных участках, где в компостных ямах образуется удобрение. В компосте, который используется как удобрение, может оказаться повышенное содержание тяжелых цветных металлов, которые затем будут накапливаться в сельскохозяйственных культурах, выращенных с помощью такого удобрения. В микроколичествах эти примеси необходимы человеку и растениям для развития, но их избыток вызывает тяжелые заболевания.

В экономическом плане данный вид утилизации ТБО вызывает дополнительные расходы, в связи с чем большинство МПЗ в настоящее время являются убыточными.

Что касается метода сжигания несортированных отходов, то сегодня он почти не используется. Сжигание по второму методу требует сортировки ТБО. Сортировка как самостоятельная операция примерно 50 лет применяется в развитых странах, но эта операция не решает проблему отходов в городах и населенных пунктах. Очень важный недостаток процесса сортировки заключается в том, что значительная часть отходов требует депонирования на полигонах. В России, к сожалению, сортировка из-за не сложившейся культуры не может быстро и качественно найти практическое использование.

На сегодняшний день вопрос построения эффективной системы обращения с твердыми коммунальными отходами в России разрешается на федеральном уровне государственной власти. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 был реализован национальный проект «Экология» в период с 2019 по 2024 г., бюджет которого составил 1 344,2 млрд руб. [3]. В данный национальный проект вошли также федеральные проекты, такие как «Комплексная система обращения с ТКО», «Инфраструктура для обращения с отходами», «Чистый воздух», «Комплексная система мониторинга качества окружающей среды» и др.

Согласно отчету об итогах реализации национального проекта «Экология», объем финансирования федеральной программы «Комплексная система обращения с ТКО» составил 149,7 млрд руб., которые были направлены на закупку контейнеров, введение в эксплуатацию 295 объектов для обращения с ТКО [4]. Вместе с тем, исходя из этого отчета, также следует, что преимущественным способом утилизации отходов по-прежнему остается захоронение ТКО. Так доля ТКО, направленных на захоронение в 2024 г., составляет 82,5 %, однако статистика других способов утилизации ТКО, а именно компостирование, сжигание, переработка, санитарная земляная засыпка, не приведена.

Программа имеет комплексный характер и является основой для принятия всех секторальных законов в этой сфере, определяет правовые, организационные, экономические основы и правовые механизмы контроля для обеспечения защиты окружающей среды и здоровья человека с целью внедрения мер для уменьшения образования отходов, снижения негативных последствий от управления отходами, содействия их повторному использованию и восстановлению в качестве вторичного сырья и энергетических ресурсов.

Таким образом, проведенный анализ национального проекта «Экология» и его основных результатов показал, что органами государственной власти активно проводится работа по модернизации системы обращения с ТКО прежде всего потому, что ее эффективность во многом влияет на экологию, а соответственно, и на жизнь и здоровье граждан. Вместе с тем для реализации поставленных задач из бюджета выделяются значительные финансовые ресурсы, что также показывает высокое значение данной работы.

Однако несмотря на позитивные результаты в системе есть ряд пробелов, требующих решений на последующих этапах программы, а именно вопросы с организацией раздельного сбора, транспортировки и переработки отходов и использованием альтернативных способов утилизации ТКО с применением положительного зарубежного опыта.

Несмотря на приложенные усилия, с одной стороны, ученых, а с другой – правительств ведущих государств мира, в том числе стран ЕС, в зарубежных странах также наблюдается рост образования ТКО. По данным Евростата, ситуация в государствах-членах ЕС является разной. Больше всего ТКО образуется в Дании (781 кг/ человека), а меньше всего в Польше (315 кг / человека) и Румынии (272 кг/человека). Так, в целом в ЕС в 2019 г. 30 % отходов переработано, 17 % – компостировано, 28% – сожжено и 24% – захоронено [5].

Следует отметить, что в зарубежных странах доля захороненных отходов постепенно уменьшается, и увеличивается число стран, полностью отказывающихся от захоронения как метода обращения с отходами. Анализ данных указывает на то, что большинство стран ЕС сортирует и перерабатывает ТКО с целью получения ценного сырья и энергии. Чтобы достичь целей устойчивого развития, экономического роста и чистой окружающей среды, большинство государств разрабатывают национальные программы и стратегии управления отходами.

Например, Департаментом окружающей среды и продовольственных и сельскохозяйственных дел Великобритании разработана Стратегия обращения с отходами до 2050 г. [6]. Стратегия предусматривает сохранение запасов материальных ресурсов до 2050 г. путем уменьшения отходов, содействия эффективному использованию ресурсов и, как следствие, перехода к круговой экономике. Одной из наиболее распространенных в международной практике является модель координационного агента как обособленной структуры или компании с исключительными или частичными правами для обращения

с отходами, образующимися на определенной территории. Модель сочетает в себе тенденцию городских органов власти достичь целевых показателей по переработке отходов и уменьшению их захоронения на полигонах наиболее экономным способом [6].

В международные корпорации принимают конкретные меры для предотвращения образования отходов: одноразовые картонные коробки и ящики для упаковки заменяются на многоразовые пластиковые; используются презентационные дисплеи, «готовые к продаже», в которых упаковка предназначена для более длительного использования; деревянные поддоны (весом 20 кг) на складах заменяются на поддоны из переработанного картона весом всего 3,3 кг и т. д. Это позволит уменьшить использование пластика на более чем 120 тонн в год.

Ежегодно европейцы образуют 25 млн тонн пластиковых отходов, менее трети из которых попадают на переработку [5]. Большинство отходов попадают в воды морей и океанов, что опасно для морских обитателей. Поэтому актуален вопрос разработки научных, управленческих и экономических основ сохранения водных объектов от антропогенного воздействия.

Известные транснациональные корпорации, такие как Coca-Cola и PepsiCo, постепенно переходят на выпуск своих безалкогольных напитков в таре из биопластика и переработанного пластика. Компания PepsiCo в тестовом режиме планирует изготовить 200 тыс. бутылок исключительно из биопластика.

Важным вопросом в правовом регулировании обращения с ТКО является набор методов их утилизации. Например, в Германии существует следующая иерархия методов обращения с отходами (по мере снижения приоритетности метода) [5]:

– предотвращение образования;
– повторное использование;
– рециклинг (переработка);
– энергетическое использование;
– окончательное удаление (хранение, захоронение).

Использование указанных методов в отечественной практике позволит снизить долю ТКО, направленных на захоронение, и положительно скажется на экологической обстановке. Важно отметить, что законодательством установлены требования к полигонам, оснащение их специальным оборудованием, которые позволяют снизить негативное воздействие ТКО на окружающую среду. Однако на практике большинство захоронений являются обычными свалками отходов.

Таким образом, современный международный опыт предлагает множество эффективных решений проблемы накопления ТКО и внедрение современных технологий их реализации. Отход можно рассматривать как ресурс, из которого можно извлечь определенную потребительскую пользу, что является ключевым для решения проблемы и формирует новый опыт в сфере управление ТКО. Имеющийся опыт требует адаптации к условиям каждого государства и проведения постоянных научных исследований в области обращения с отходами.

На сегодняшний день правое регулирование отношений по обращению с ТКО регулируется Конституцией РФ, федеральными законами [7], постановлениями Правительства РФ [8], приказами Минприроды РФ, а также нормативными правовыми актами субъектов РФ.

В целях модернизации системы обращения с ТКО в 2019 г. органами государственной власти была начата так называемая «мусорная реформа». Вместе с тем важно отметить, что основы реформы были заложены еще в 2014 г., когда услугу по обращению с ТКО выделили из состава жилищных услуг и тем самым обеспечили полный цикл обращения с ТКО от этапа сбора отходов до этапа его утилизации и переработки [7].

Основной целью реформы обращения с ТКО стало решение глобального экологического вопроса по предотвращению негативного воздействия ТКО на состояние окружающей среды и здоровье граждан. В целях достижения поставленной цели в рамках реформы определены способы вовлечения отходов в хозяйственный оборот в качестве сырья, материалов, изделий и превращения во вторичные ресурсы для изготовления новой продукции и получения энергии, подготовлены и утверждены территориальные схемы обращения с отходами и др.

Однако, как справедливо отмечает Д.Е. Моторин в своем исследовании, современная система обращения с ТКО как в России, так и во всем мире, все еще далека от совершенства несмотря на все принятые меры. А именно, по его мнению, на сегодняшний день принятыми в рамках проводимой «мусорной реформы» нормативными правовыми актами не уделено достаточного внимания вопросу раздельного сбора отходов, а также их учета и утилизации. В связи с этим важно при проведении следующего этапа реформы по обращению с ТКО внести изменения в соответствующие акты по переходу к раздельному сбору отходов, их утилизации, а также активизировать пропаганду пользы раздельного сбора отходов среди граждан [9, с. 178–188].

Одним из основных изменений в рамках проводимой реформы стало то, что ответственность и полномочия по обращению с ТКО была передана региональным операторам. В соответствии с п. 4 ст. 24.6 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» (далее – Федеральный закон № 89) региональным оператором является юридическое лицо, прошедшее конкурсный отбор, проводимый уполномоченным органом исполнительной власти соответствующего субъекта Российской Федерации. Законодательством ограничен срок присвоения статуса регионального оператора, на сегодняшний день он составляет 10 лет. Вместе с тем указанный срок может быть однократно продлен не более чем на пять лет при заключении соглашения между региональным оператором и органом исполнительной власти при соблю-

дении условий, установленных п. 5 ст. 24.6 Федерального закона № 89.

Обязанности региональных операторов установлены п. 10 ст. 24.6 Федерального закона № 89, согласно которому они обязаны обеспечить весь цикл обращения с ТКО на территории переданного субъекта [7]. Тарифы в области обращения с ТКО подлежат государственному регулированию, что обеспечивает их экономическую обоснованность. Так, каждый уполномоченный орган исполнительной власти субъекта обязан принять нормативный правовой акт, устанавливающий тарифы на обращение с ТКО, на соответствующий период в соответствии с Правилами регулирования тарифов в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами [8].

В целях взаимодействия регионального оператора с собственниками ТКО между ними заключается договор на оказание соответствующие услуги. Договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами является публичным, и некоторые ученные, например А.П.Анисимов, Ю.И. Исакова, относят к экологическим договорам и выделяют следующие его специфические признаки [10, с. 73–80].

1. Существенные условия договора на оказание услуг по обращению с ТКО определены в типовом договоре, утвержденном Постановлением Правительства РФ [8].

2. Договор является публичным, т. к. одной стороной выступают потребители услуг (физические и юридические лица), а второй – региональный оператор, определенный на конкурсной основе исполнительным органом субъекта Российской Федерации, который в свою очередь обязан оказывать услуги всем собственникам ТКО, находящиеся в зоне его деятельности.

3. Рассматриваемый договор является межотраслевым, его положения регулируются нормами гражданского и экологического права, т. к. его предметом являются услуги по сбору, транспортировка и захоронению ТКО.

Как было отмечено ранее, в качестве потребителя услуг по договору с региональным оператором могут выступать собственники ТКО, которыми могут быть как физические, так и юридические лица. Однако анализ судебной практики по договорам на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами показал, что одним из проблемных вопросов является то, кто должен заключать договор на вывоз мусора (обращение с ТКО) при аренде нежилых помещений. И главная проблема в том, что на сегодняшний день законодательство не содержит однозначного ответа на данный вопрос.

В частности, суды удовлетворяли иски о взыскании задолженности за оказание услуг по обращению с ТКО с арендатора нежилого помещения, установив следующее:

– арендатор обращался за заключением договора к региональному оператору, однако договор не был подписан из-за разногласий между сторонами [11];

– собственник недвижимости (арендодатель) своевременно в порядке п. 8(2) Правил обращения с ТКО уведомил регионального оператора о передаче принадлежащего ему здания в аренду; у регионального оператора была необходимая информация, чтобы идентифицировать арендатора и вид осуществляемой им деятельности; не было сомнений в реальности арендных отношений, не нацеленных на недобросовестное уклонение от оплаты услуг по обращению с ТКО, и действительном осуществлении арендатором хозяйственной деятельности, в ходе которой образуются отходы (Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.09.2024 № Ф08-6407/2024 по делу № А32-35899/2023).

Таким образом, подводя итог проведенному исследованию, следует сделать вывод о том, что порядок обращения с ТКО находится на контроле у государства и является весьма важной темой, связанной с экологией. Органами государственной власти систематически проводятся мероприятия, а также принимаются нормативные правовые акты, направленные на модернизацию системы обращения с ТКО. Однако на сегодняшний день имеется ряд проблем, которые препятствуют эффективной работе системы и реализации ее конечной цели – сохранению окружающей среды, а именно отсутствие системы раздельного сбора, утилизации и учета отходов, а также отсутствие закрепленного порядка взаимодействия между собственниками ТКО и региональным оператором при заключении договора на оказание услуг по обращению с ТКО. Решение указанных проблем, в том числе путем внесения соответствующих изменений в российское законодательство, позволит ускорить построение современной системе обращения с отходами в Российской Федерации.

Список источников

1. Система обращения с ТКО «Национальный проект «Экология»: аналитический бюллетень «Актуальное в ESG-повестке» / Клепача А.Н., Окорочкова А.А., Голышева А. В. [и др.]. М., 2023.
2. Отчетные данные по форме 2-ТП (отходы) за 2023 г. URL: https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/ (дата обращения: 05.05.2025).

References

1. The MSW management system «National project «Ecology»: analytical bulletin «Current in the ESG agenda» / Klepacha A.N., Okorochkova A.A., Golysheva A.V. [et al.]. Moscow, 2023.
2. Reporting data on form 2-TP (waste) for 2023. URL: https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/ (date of access: 05.05.2025).
3. On the national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for

3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.: указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 (ред. от 21.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 2018. № 20. Ст. 2817.
4. Об итогах Национального проекта «Экология» 2019–2024 гг. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/np_ecology/250129_итоги%20НП%20Экология.PDF?ysclid=mbalgx4294422490764 (дата обращения: 05.05.2025).
5. Гришаев С.П. Правовые вопросы обращения и размещения твердых коммунальных отходов. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Стратегия Великобритании по обращению с отходами до 2050 г. URL: https://www.gov.uk/guidance/2050-pathways-analysis (дата обращения: 05.05.2025).
7. Об отходах производства и потребления: федер. закон от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 26. Ст. 3009.
8. Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 № 1156 (ред. от 18.03.2021, с изм. от 30.05.2023) «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641» (вместе с «Правилами обращения с твердыми коммунальными отходами») // Собр. законодательства РФ. 2016. № 47. Ст. 6640.
9. Моторин Д.Е. Раздельный сбор отходов в контексте реформирования отрасли обращения с твердыми коммунальными отходами // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 1.
10. Анисимов А.П., Исакова Ю.И. Экологический договор: понятие и место в системе гражданско-правовых договоров // Современное право. 2024. № 3.
11. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 18.09.2024 № Ф08-6407/2024 по делу № А32-35899/2023. Доступ из справ. правовой системы «Гарант».

the period up to 2024: Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2018 № 204 (as amended on 21.07.2020) // Coll. legislation of the Russian Federation. 2018. № 20. Art. 2817.
4. On the results of the National Project «Ecology» 2019-2024. URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/np_ecology/250129_итоги%20НП%20Экология.PDF?ysclid=mbalgx4294422490764 (date of access: 05.05.2025).
5. Grishaev S.P. Legal issues of handling and placement of municipal solid waste. Access from the legal system «ConsultantPlus».
6. UK Waste Management Strategy until 2050. URL: https://www.gov.uk/guidance/2050-pathways-analysis (date of access: 05.05.2025).
7. On production and consumption waste: federal law of 24.06.1998 № 89-FL (as amended on 26.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Coll. legislation Russian Federation. 1998. № 26. Art. 3009.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 12.11.2016 № 1156 (as amended on 18.03.2021, as amended on 30.05.2023) «On the handling of municipal solid waste and amending Resolution of the Government of the Russian Federation of August 25, 2008 № 641» (together with the «Rules for the handling of municipal solid waste») // Coll. legislation of the Russian Federation. 2016. № 47. Art. 6640.
9. Motorin D.E. Separate waste collection in the context of reforming the municipal solid waste management industry // Current issues of Russian law. 2022. № 1.
10. Anisimov A.P., Isakova Yu.I. Environmental contract: concept and place in the system of civil contracts // Modern law. 2024. № 3.
x11. Resolution of the Arbitration Court of the North Caucasus District dated September 18, 2024 № F08-6407/2024 in case № A32-35899/2023. Access from the legal system «Garant».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Негодаева Елена Георгиевна, *кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Федоренко Наталия Владимировна, *доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой процессуального права. Ростовский государственный экономический университет (РИНХ). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Negodaeva Elena Georgievna, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Fedorenko Natalia Vladimirovna, *Grand PhD in Sociological Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Procedural Law. Rostov State University of Economics (RINH). 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 102–107.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 102–107.

Научная статья
УДК 347.61/64

ИНСТИТУТ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ: ОТ ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ

Рыбалка Елена Александровна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Введение: *законодателем определена обязанность родителей (вне зависимости от семейного положения) по содержанию их несовершеннолетних детей. В случае развода семейной пары данная обязанность не утрачивает своей силы, активируется механизм взыскания (уплаты) алиментов. Как свидетельствуют данные статистики, сегодня усматривается снижение количества разводов, однако указанный показатель сохраняется на высоком уровне. Как следствие, отмечаем распространенность и вариативность на практике применения алиментных обязательств, в связи с чем данная тема на протяжении многих лет не теряет актуальности.*

Материалы и методы: *в основу исследования заложены нормы семейного законодательства Российской Федерации, правовых актов, действовавших в эпоху СССР, а также законопроекты, размещенные в Системе обеспечения законодательной инициативы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Кроме того, при написании работы были проанализированы диссертационные исследования А.А. Серебряковой, Н.Д. Петровой, Е.Д. Умновой и др. Тема исследования обуславливает применение в значительной степени исторического метода, поскольку только создание целостной картины процесса развития института алиментных обязательств позволит определить его значимость в структуре современного семейного права. Также использованы методы анализа, синтеза, индукции, дедукции и описания.*

Результаты исследования: *становление и развитие института алиментных обязательств следует разделить на четыре этапа: зарождение и становление данного института; алиментные обязательства в эпоху Императорской России; советский период развития института алиментирования; алиментные обязательства в современной России. Сегодня отмечается высокий уровень развития нормативно-правового регулирования правоотношений, возникающих в рамках исполнения алиментных обязательств родителей по отношению к их несовершеннолетним детям. Вместе с тем складывающаяся правоприменительная и судебная практика свидетельствует о необходимости совершенствования правовых норм, регламентирующих данные правоотношения.*

Выводы и заключения: *отмечаем необходимость последующей модернизации законодательства в части повышения результативности взыскания алиментов на несовершеннолетних детей. Однако ограничиваться исключительно нормотворческой деятельностью не стоит, полагаем целесообразным принять меры, направленные на популяризацию традиционных семейных ценностей, в том числе связанных с содержанием несовершеннолетних детей, и минимизацию случаев неуплаты алиментов родителями. В качестве действенного механизма считаем возможным определить транслирование социальной рекламы по данной тематике в СМИ и иных общедоступных ресурсах.*

Ключевые слова: *обязательство, алименты, взыскание, родитель, совершеннолетний, законопроект.*

Для цитирования: Рыбалка Е. А. *Институт алиментных обязательств: от прошлого к настоящему / Е. А. Рыбалка // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 102–107.*

Original paper

THE INSTITUTE OF ALIMONY OBLIGATIONS: FROM THE PAST TO THE PRESENT

Rybalka Elena Alexandrovna
Rostov Law Institute of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the legislator has defined the obligation of parents (regardless of marital status) to support their minor children. In the event of a divorce of a married couple, this obligation does not lose its force, the mechanism of collection (payment) of alimony is activated. According to statistics, today there is a decrease in the number of divorces, but this indicator remains at a high level. As a result, we note the prevalence and variability in practice of applying alimony obligations, in connection with which this topic has not lost its relevance for many years.*

Materials and methods: *the study is based on the norms of family legislation of the Russian Federation, legal acts that were in force in the USSR era, as well as bills posted in the System for Ensuring Legislative Initiative in the Information and Telecommunications Network Internet. In addition, when writing the work, dissertation studies of A.A. Serebryakova, N.D. Petrova, E.D. Umnova et al. The topic of the study largely determines the use of the historical method, since only the creation of a holistic picture of the development of the institution of alimony obligations will allow us to determine its significance in the structure of modern family law. The methods of analysis, synthesis, induction, deduction and description were also used.*

Results of the study: *the formation and development of the institution of alimony obligations should be divided into four stages: the origin and formation of this institution; alimony obligations in the era of Imperial Russia; the Soviet period of development of the institution of alimony; alimony obligations in modern Russia. Today, there is a high level of development of the normative and legal regulation of legal relations arising in the framework of the fulfillment of alimony obligations of parents in relation to their minor children. At the same time, the emerging law enforcement and judicial practice indicates the need to improve the legal norms governing these legal relations.*

Findings and conlusions: *we note the need for subsequent modernization of legislation in terms of increasing the effectiveness of collecting alimony for minor children. However, it is not worth limiting ourselves exclusively to norm-setting activities; we believe it is advisable to take measures aimed at popularizing traditional family values, including those related to the maintenance of minor children, and minimizing cases of non-payment of alimony by parents. We believe that broadcasting social advertising on this topic in the media and other publicly available resources can be defined as an effective mechanism.*

Keywords: *obligation, alimony, collection, parent, adult, draft law.*

For citation: Rybalka E. A. *The institute of alimony obligations: from the past to the present / E. A. Rybalka // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 102–107.*

Статистические данные за 2024 г. свидетельствуют о снижении количества разводов в России [7] и сокращении остатка исполнительных производств о взыскании алиментов, которые находятся на исполнении в Федеральной службе судебных приставов [11]. Несмотря на приведенные показатели институт алиментных обязательств ввиду его социально-правового значения не теряет актуальности, и нормы, их устанавливающие, подлежат дополнительному анализу и доработке.

Прежде чем исследовать современную модель алиментирования в России, рассмотрим данный институт через ретроспективную призму, разграничив его становление и развитие на определенные этапы:

1. Зарождение института алиментных обязательств.

Указанный этап проистекает со времен Древней Руси. Первые попытки регламентировать вопрос необходимости содержания членов семьи были предприняты еще в XI в. и нашли свое практическое воплощение в содержании Русской Правды. Однако вплоть до XV в. в основе регулирования семейно-брачных отношений лежали обычаи и традиции. В XVII в. было издано Соборное уложение, в содержании которого отсутствовали положения об алиментах, но имелись нормы, определявшие вопрос передачи родственникам недвижимого имущества, принадлежавшего пожилым лицам, на условиях их обеспечения. В связи с этим данный этап

становления института алиментирования возможно охарактеризовать как затяжной и протекавший «в спящем режиме».

2. Алиментные обязательства в эпоху Императорской России.

Норма об алиментных обязательствах была введена Петром I в 1715 г. Так, устанавливалась обязанность для холостого мужчины по содержанию внебрачного ребенка и его матери. В случае неисполнения данной обязанности нарушителю грозило тюремное заключение. Следует также отметить период правления Николая I, в процессе которого была проведена детальная систематизация отечественной нормативно-правовой базы, в том числе норм семейного законодательства. Положения Свода законов гражданских 1832 г. регламентировали взаимные обязательства супругов, а также закрепляли обязанность родителей по содержанию не только законных, но и внебрачных детей (в случае их нужды, до их совершеннолетия) [9].

3. Советский период развития института алиментирования.

Кардинально отличавшиеся идеологические устои представителей власти Советов обусловили необходимость тотального изменения отечественного законодательства, в том числе в области семейного права. Среди значимых нормативных правовых актов, регулировавших вопросы алиментных обязательств, следует выделить Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. и Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г., содержавшие как схожие, так и отличительные положения. К общим положениям относятся, например, обязанность родителей обеспечивать несовершеннолетних, нетрудоспособных и нуждающихся детей содержанием, а также обязанность детей по содержанию их нетрудоспособных нуждающихся родителей. Из отличий: в 1918 г. обязанность по содержанию ребенка возлагалась на всех лиц, кто потенциально мог являться их отцом, в 1926 г. данная обязанность вменялась только в отношении одного из указанных лиц. В 1936 г. нормативно был закреплен размер взысканий на содержание детей в зависимости от их количества, в 1969 г. – алиментные обязанности других членов семьи (в частности, отчима и мачехи, братьев и сестер и т. д.). Именно в советский период возникла нормативно закрепленная дефиниция «алименты», расширился круг алиментных обязательств (по субъектному составу) и появились новые виды уголовной ответственности за уклонение от уплаты алиментов [5].

4. Алиментные обязательства в современной России.

В 1996 г. вступил в силу Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ), который сохранил в себе многие положения своего предшественника. Алиментное обязательство – одна из наиболее важных категорий семейного права, в СК РФ ей посвящен самостоятельный раздел, включающий в себя пять глав.

Объект алиментного обязательства – действие по уплате алиментов, которая производится на основании соглашения или решения суда. Указанными документами устанавливаются размер алиментов и сроки их уплаты. За несвоевременную уплату алиментов при наличии вины плательщика предусмотрена ответственность (ст. 115 СК РФ):

– в случае наличия заключенного соглашения меры ответственности устанавливаются данным документом;

– в случае наличия судебного акта на неплательщика возлагается обязанность по уплате неустойки, а в ряде случаев с него могут быть взысканы убытки, причиненные такой просрочкой.

В качестве субъектов алиментного обязательства выступают лицо, обязанное уплачивать алименты, и непосредственно их получатель. Рассмотрим алиментные обязательства детей и родителей как наиболее распространенные.

Отмечаем высокий уровень развития нормативно-правового регулирования правоотношений, возникающих в рамках исполнения алиментных обязательств родителей по отношению к их детям. Вместе с тем складывающаяся правоприменительная и судебная практика свидетельствует о необходимости совершенствования правовых норм, регламентирующих данные правоотношения.

Так, обращаясь к ст. 80, 85 и 120 СК РФ, выделим круг субъектов, в отношении которых возникает обязанность по содержанию и перечислению алиментов:

– несовершеннолетние дети;

– совершеннолетние нетрудоспособные дети [8].

Иными словами, в настоящее время, если ребенок достиг 18 лет и не является нетрудоспособным, алименты ему не назначаются. Указанные нормы распространяют свое действие в том числе на совершеннолетних детей, являющихся студентами очной формы обучения в учебных заведениях и фактически не имеющих возможности устроиться на работу на постоянной основе.

Вместе с тем погруженные в образовательный процесс не понаслышке ввиду ве-

дения преподавательской деятельности, отметим, что обучающиеся сталкиваются с расходами не только на учебу, но и на научную литературу и методические материалы, питание, проезд и т. п. В условиях отсутствия возможности осуществлять трудовую деятельность студент очной формы обучения особенно остро испытывает потребность в финансовой поддержке. Обеспечение его всем необходимым в случае воспитания родителем-одиночкой становится максимально затруднительным.

Учитывая изложенное, подчеркиваем целесообразность рассмотрения вопроса о внесении изменений в положения СК РФ, предусматривающих расширение круга субъектов, в отношении которых возникает обязанность по содержанию и перечислению алиментов, а именно дополнить его совершеннолетними детьми, которые обучаются в образовательных организациях по очной форме обучения.

Примечательно, что 28 октября 2024 г. был внесен соответствующий законопроект в Государственную Думу. Так, согласно тексту законопроекта № 753341-8, размещенному на сайте «Система обеспечения законодательной деятельности» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в СК РФ предлагается включить ст. 851, в соответствии с которой обязанность родителей по содержанию своих совершеннолетних детей после наступления их 18-летия продолжается в случае обучения последних в образовательных организациях по очной форме обучения. При этом данной нормой установлен максимальный возраст ребенка, на которого распространяются указанные условия, – 23 года. В части алиментных обязательств законодателем предлагается разрешить вопрос о размере алиментов, выплачиваемых совершеннолетним детям – студентам-очникам, «классическими» способами: соглашением об уплате алиментов или в судебном порядке.

Кроме того, законопроект № 753341-8 предусматривает внесение изменений в Федеральный закон от 29.05.2024 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон № 114-ФЗ), согласно которому лица, не уплачивающие алименты на вводимую категорию детей, включаются в реестр должников по алиментным обязательствам. В случае невозможности получения содержания от своих родителей совершеннолетний в возрасте до 23 лет, обучающийся в образовательных организациях по очной форме обучения, имеет право на получение алиментов от своих братьев и сестер или от бабушки и дедушки. Изложенное нашло свое отражение в ст. 93 и 94 СК РФ (соответственно) с учетом предлагаемых законодателем поправок [10].

Безусловно, отмеченные изменения не повлекут негативные социально-экономические и иные последствия, напротив, позволят студенту, выбравшему очную форму обучения, сфокусироваться на учебе, понимая, что бремя его обеспечения законодательно распределено между двумя родителями вне зависимости от их семейного положения. Вместе с тем результаты анализа законопроекта № 753341-8 свидетельствуют о некоторых недостатках его содержания, следовательно, его положения требуют доработки. Так, разработчиками исследуемого законопроекта не учтен п. 2 ст. 61 СК РФ, т. е. условия прекращения родительских прав:

– достижение детьми совершеннолетия;

– вступление несовершеннолетних детей в брак;

– иные установленные законом случаи приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия.

Отмечаем вариативность форм обучения (очная, очно-заочная, заочная). Выбор формы обучения – это право совершеннолетнего обучающегося, в связи с чем приходим к выводу, что выбор ребенка получить образование по очной форме обучения не может являться критерием для признания его нетрудоспособным после наступления совершеннолетия. Аналогичная по содержанию позиция изложена в официальном отзыве Правительства РФ [3].

Кроме того, представляет интерес позиция правового управления аппарата Государственной Думы, в соответствии с которой в законопроекте № 753341-8 не учтены положения Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», а также тот факт, что предлагаемые изменения в Федеральный закон № 114-ФЗ обусловят необходимость внести соответствующие поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ [1].

Таким образом, цель законопроекта № 753341-8 – обеспечение материальной поддержкой совершеннолетних детей, являющихся обучающимися по очной форме обучения и не имеющих возможности к осуществлению трудовой деятельности, является позитивной. Однако «путь достижения данной цели» подлежит корректировке. По

состоянию на 17 марта 2025 г. законопроект № 753341-8 находится на рассмотрении в Государственной Думе в первом чтении. Его положения необходимо дополнительно обосновать и доработать.

Также в настоящее время остается дискуссионным вопрос определения неснижаемого минимального размера алиментов. Обратившись к ст. 81 СК РФ в актуальной редакции, отмечаем, что размер взыскиваемых алиментов определяется пропорционально количеству детей, в отношении которых родителю установлена данная обязанность. При этом материальное или семейное положение сторон в случае их изменения (ухудшения) или иные обстоятельства могут явиться основанием для уменьшения размера алиментов. Из содержания ст. 81 СК РФ следует, что законодателем не учитывается величина прожиточного минимума на ребенка, установленная в Российской Федерации или ее субъекте, на территории которого проживает ребенок.

В свете изложенного представляет интерес проект федерального закона «О внесении изменений в статью 81 Семейного кодекса Российской Федерации» (далее – законопроект № 322358-8), поступивший на рассмотрение в Государственную Думу еще 27 марта 2023 г. Так, его инициаторами, преследовавшими цель защитить права детей на гарантированное получение минимального содержания, предлагалось ввести в СК РФ определение «прожиточного минимума на ребенка» при определении размера алиментов, а также термин «минимальный неснижаемый уровень алиментов». В пояснительной записке к законопроекту № 322358-8 приведен расчет, посредством которого представлено математическим способом обоснование необходимости принятия предлагаемых поправок.

Так, за основу взяты установленные на территории Российской Федерации на момент разработки законопроекта № 322358-8 – прожиточный минимум на ребенка (в размере 13 944 руб.) и минимальный размер оплаты труда (в размере 15 669 руб.). В результате при наличии одного ребенка величина прожиточного минимума на него обеспечивается родителями в соотношении: 72 % – родитель, на попечении которого находится ребенок, и 28 % – родитель, на которого возложена обязанность по уплате алиментов. Инициаторами законопроекта № 322358-8 сделан вывод, что законодатель в положении ст. 81 СК РФ не исходит из интересов ребенка, а фактически становится на сторону родителя, уплачивающего алименты [6].

При этом содержание законопроекта № 322358-8 противоречит ч. 3 ст. 99 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» и ч. 3 ст. 138 Трудового кодекса РФ. Изложенное коррелирует с официальным отзывом Правительства РФ [4]. Критическая оценка законопроекта № 322358-8 также содержится в заключении правового управления Аппарата Государственной Думы [2]. В связи с этим отмечаем, что в течение 2023 г. законопроект № 322358-8 находился в Государственной Думе на стадии рассмотрения, однако 25 января 2024 г. был отклонен [6].

Резюмируя изложенное, приходим к выводу о необходимости продолжения работы по совершенствованию законодательства, регулирующего семейные правоотношения в части уплаты алиментов, в целях повышения результативности их взыскания. Кроме нормотворческой деятельности полагаем целесообразным также проводить государственную политику, направленную на популяризацию традиционных семейных ценностей, в том числе связанных с содержанием несовершеннолетних детей, и минимизацию случаев неуплаты алиментов родителями. В качестве примера таких мер следует привести социальную рекламу по данной тематике, которая позволит укрепить в сознании общества привлекательный образ полноценной семьи, что приведет к сокращению количества разводов в стране и детей, нуждающихся в дополнительной финансовой поддержке в виде алиментов.

Список источников

1. Заключение правового управления аппарата Государственной Думы на проект федерального закона № 753341-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (первое чтение). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/753341-8 (дата обращения: 01.03.2025).
2. Заключение правового управления аппарата Государственной Думы на проект фе-

References

1. Conclusion of the Legal Department of the State Duma apparatus on the draft federal law № 753341-8 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (first reading). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/753341-8 (date of access: 01.03.2025).
2. Conclusion of the Legal Department of the State Duma apparatus on the draft federal law «On Amendments to Article 81 of the Family

дерального закона «О внесении изменений в ст. 81 Семейного кодекса РФ». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8 (дата обращения: 02.03.2025).
3. Отзыв Правительства РФ на проект федерального закона № 753341-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесенный депутатами Государственной Думы Л.Э. Слуцким, С.Д. Леоновым, Б.А. Чернышовым и др., сенатором РФ В.Е. Деньгиным. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/753341-8 (дата обращения: 01.03.2025).
4. Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в ст. 81 Семейного кодекса РФ». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8 (дата обращения: 02.03.2025).
5. Петрова Н.Д. Институт алиментных обязательств в советской системе прав и обязанностей граждан: историко-правовое исследование. URL: https://dissercat.com/content/institut-alimentykh-obyazatelstv-v-sovetskoi-sisteme-prav-i-obyazannostei-grazhdan-istoriko?ysclid=m8so5s248z173220763 (дата обращения: 01.03.2025).
6. Проект федерального закона «О внесении изменений в ст. 81 Семейного кодекса РФ». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8 (дата обращения: 02.03.2025).
7. Росстат представляет данные о естественном движении населения в ноябре 2024 г. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/253229 (дата обращения: 01.03.2025).
8. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Семейное право: учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева [и др.]; под ред. П.В. Крашенинникова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
10. Текст внесенного законопроекта № 753341-8 (Комитет Государственной Думы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/753341-8 (дата обращения: 01.03.2025).
11. ФССП России за четыре месяца 2024 г. взыскано более 22 млрд алиментных платежей. URL: https://fssp.gov.ru/reuters/news/2b8a8edc-186b-4a89-8fd5-297dced696c6 (дата обращения: 01.03.2025).

Code of the Russian Federation». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8 (date of access: 02.03.2025).
3. Review of the Government of the Russian Federation on the draft federal law № 753341-8 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», submitted by State Duma deputies L.E. Slutsky, S.D. Leonov, B.A. Chernyshov et al., Russian Senator V.E. Dengin. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/753341-8 (date of access: 01.03.2025).
4. Official response of the Government of the Russian Federation to the draft federal law «On Amendments to Article 81 of the Family Code of the Russian Federation». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8 (date of access: 02.03.2025).
5. Petrova N.D. Institute of Alimony Obligations in the Soviet System of Citizens' Rights and Obligations: Historical and Legal Research. URL: https://dissercat.com/content/institut-alimentykh-obyazatelstv-v-sovetskoi-sisteme-prav-i-obyazannostei-grazhdan-istoriko?ysclid=m8so5s248z173220763 (date of access: 01.03.2025).
6. Draft federal law «On Amendments to Article 81 of the Family Code of the Russian Federation». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/322358-8 (date of access: 02.03.2025).
7. Rosstat presents data on natural population change in November 2024. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/253229 (date of access: 01.03.2025).
8. Family Code of the Russian Federation: federal law of 29.12.1995 № 223-FL (as amended on 23.11.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. Family law: textbook / B.M. Gongalo, P.V. Krasheninnikov, L.Yu. Mikheeva [et al.]; edited by P.V. Krasheninnikov. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, 2019.
10. Text of the submitted bill № 753341-8 (State Duma Committee on Family Protection, Fatherhood, Motherhood and Childhood). URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/753341-8 (date of access: 01.03.2025).
11. The Federal Bailiff Service of Russia collected more than 22 billion in alimony payments in four months of 2024. URL: https://fssp.gov.ru/reuters/news/2b8a8edc-186b-4a89-8fd5-297dced696c6 (date of access: 01.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыбалка Елена Александровна, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rybalka Elena Alexandrovna, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 108–112.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 108–112.

Научная статья
УДК 347.95

НАЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРОЦЕССА

Симагин Антон Сергеевич
Нижегородский областной суд, Нижний Новгород, Российская Федерация,
antonsimagin@yandex.ru

Введение: *как известно, судебная экспертиза является одним из наиболее значимых инструментов, дающих возможность выяснить те или иные обстоятельства дела, находящегося на рассмотрении суда. В связи с этим актуальными являются вопросы, касающиеся особенностей назначения экспертизы, возможностей назначения экспертизы в случаях, когда соответствующее ходатайство не было заявлено в суде первой инстанции.*

Материалы и методы: *методологическую основу статьи составили общенаучные методы (диалектический метод познания, анализ, индукция).*

Результаты исследования: *демонстрируется особая роль получаемого в результате проведения экспертизы заключения эксперта, выступающего в качестве убедительного доказательства, использование которого позволяет предотвратить возможное нарушение прав и законных интересов, а также судебную ошибку. Приводится понятие, основные характеристики термина «судебная экспертиза», а также существующие в настоящее время разновидности экспертных исследований.*

Выводы и заключения: *вопрос, касающийся назначения проведения экспертизы апелляционным судом, является сложным и неоднозначным, что подтверждается позициями, изложенными в решениях Верховного Суда РФ. Подчеркивается значимость назначения экспертных исследований в суде апелляционной инстанции, поскольку данная мера способствует обеспечению правовой защиты граждан и соблюдению принципа справедливости.*

Ключевые слова: *апелляция, суд апелляционной инстанции, суд апелляционной инстанции по гражданским делам, судебная экспертиза, назначение судебной экспертизы, апелляционное судопроизводство, экспертное заключение.*

Для цитирования: Симагин А. С. *Назначение судебной экспертизы в суде апелляционной инстанции по гражданским делам в условиях состязательности процесса / А. С. Симагин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 108–112.*

Original paper

APPOINTMENT OF A FORENSIC EXAMINATION IN THE COURT OF APPEAL IN CIVIL CASES IN THE CONTEXT OF AN ADVERSARIAL PROCESS

Simagin Anton Sergeevich
Nizhny Novgorod Regional Court, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Introduction: *as is known, forensic examination is one of the most important tools that make it possible to clarify certain circumstances of a case under consideration by the court. In this regard, the issues related to the specifics of appointing an examination, the possibilities of appointing an examination in cases where the corresponding petition was not filed in the court of first instance are relevant.*

Materials and methods: *the methodological basis of the article is made up of general scientific methods (dialectical method of cognition, analysis, induction).*

Results of the study: *the special role of the expert opinion obtained as a result of the examination is demonstrated, acting as convincing evidence, the use of which allows preventing a possible violation of rights and legitimate interests, as well as a judicial error. The concept, main characteristics of the term «forensic examination» are given, as well as the currently existing types of expert studies.*

Findings and conclusions: *the issue related to the appointment of an examination by the appellate court is complex and ambiguous, which is confirmed by the positions set out in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation. The importance of appointing expert examinations in the appellate court is emphasized, since this measure helps ensure legal protection of citizens and compliance with the principle of justice.*

Keywords: *appeal, appellate court, appellate court in civil cases, forensic examination, appointment of forensic examination, appellate proceedings, expert opinion.*

For citation: Simagin A. S. *Appointment of a forensic examination in the court of appeal in civil cases in the context of an adversarial process / A. S. Simagin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 108–112.*

Экспертное исследование в гражданском судебном производстве, равно как и во всех других существующих видах судопроизводства, является одним из наиболее значимых инструментов, позволяющих выяснить те или иные обстоятельства какого-либо дела. Результаты экспертного исследования позволяют наиболее полно сформировать фактическую основу для разрешения правового спора. Данное процессуальное действие приобретает особое значение в тех случаях, когда для того, чтобы вынести решение, необходима специализированная информация или профильные знания и практические навыки. Экспертиза, которая может проводиться как по требованию, выдвигаемому стороной, так и по инициативе, проявленной судом (в определенных случаях), играет основную роль в процессе установления объективного фактического состояния спорной ситуации.

Экспертиза проводится в соответствии с правилами, установленными в ст. 79–87 ГПК РФ, а само определение понятия «судебная экспертиза» содержится в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» .

Судебная экспертиза, являясь особой разновидностью экспертиз, кардинально отличается от всех других и обладает специальным статусом. Общее, объединяющее судебную экспертизу с иными экспертными исследованиями, образует собственно процесс применения специальных знаний. Тем не менее отмечается, что правом именоваться судебной экспертизой обладают далеко не все исследования подобного характера. Это объясняется тем, что последняя может быть выполнена только в рамках гражданского, арбитражного, уголовного или административного судопроизводства [1].

С точки зрения А.А. Мохова, «соответствующая разновидность экспертизы содержит в себе совокупность обязательных элементов, а именно целевой специальный и правовой» [2, с. 95–98]. Схожие характерные признаки экспертного исследования выделяют и другие ученые, называя среди них применение специальных познаний; наличие специального субъекта экспертизы; законодательно определенную процессуальную форму проведения; специальный процессуальный документ, в котором отражаются ход и результаты экспертизы – заключение эксперта, и т. д. При этом последний из перечисленных признаков, по мнению авторов, «должен быть включен в содержание понятия «судебная экспертиза», поскольку именно данная характеристика позволяет отличать экспертное заключение от всех прочих исследований, несудебных экспертиз и других документов» [3, с. 4; 4, с. 5].

С учетом обозначенных признаков *судебная экспертиза в гражданском судебном производстве* определяется как специализированное исследование, проведение которого возлагается на обладающего необходимыми знаниями лицо по определению, вынесенному судом при наличии специального и процессуального оснований. Указывается, что экспертное исследование в гражданском судопроизводстве включает в себя два составляющих компонента: *процессуальный* (проведение возможно исключительно в рамках судебного гражданского процесса; сама процедура детально регламентируется рядом процессуальных норм; основанием для возникновения соответствующих правовых отношений являются процессуальные действия) и *исследовательский* (применение экспертом специальных познаний, для того чтобы получить необходимые фактические данные и оформить результаты в форме заключения) [5, с. 452–454].

Также важно отметить, что в рамках гражданского судебного производства в соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 55 ГПК РФ судебная экспертиза является *самостоятельным видом судебных доказательств*.

Прежде чем переходить к вопросу о назначении проведения экспертизы, считаем

необходимым уделить внимание и существующим в настоящее время *разновидностям судебных экспертиз*.

Каждый из видов экспертных исследований специализируется на конкретной области знаний. Так, возможно проведение медицинской экспертизы (необходима для оценки состояния здоровья, установления причин возникновения какого-либо заболевания или травмы, а также для выявления риска угрозы жизни и (или) здоровью человека); финансово-экономической экспертизы (требуется для оценки стоимости имущества, причиненного ущерба, утраченной прибыли); технической экспертизы (осуществляется для выявления причин возникновения аварии, оценки качества произведенных строительных работ или условий технической безопасности); психологической экспертизы (требуется для определения психического состояния участников судебного процесса) и др.

Процедура проведения экспертного исследования регламентируется гражданским процессуальным законодательством и по общему правилу включает следующие последовательные стадии:

1) назначение проведения экспертизы;
2) непосредственное проведение экспертного исследования;
3) составление экспертного заключения;
4) представление полученного от эксперта заключения в суде.

В рамках данной статьи интерес вызывает первый из обозначенных этапов, а именно *назначение проведения экспертного исследования*. Необходимо отметить, что в гражданском судебном производстве судебную экспертизу имеет право назначить только суд либо судья, что следует из положений, содержащихся в ст. 79 ГПК РФ.

Основополагающим критерием назначения судебной экспертизы является имеющаяся потребность в получении специальных знаний, которых нет возможности добыть посредством использования прочих средств доказывания. Главная цель экспертного исследования заключается в выявлении и оценке конкретных обстоятельств (например, отдельных качественных свойств товара, степень причиненного имуществу ущерба в результате его повреждения и т. п.). Результаты, полученные в ходе экспертизы, оформленные в виде *специального заключения*, выступают в качестве весомых доказательств в гражданском процессе и могут оказать существенное влияние на решение, принимаемое судом.

Как известно, введенное с 1 января 2012 г. правовое регулирование не допускает произвольное представление и безусловное принятие новых доказательств, в том числе заключение эксперта.

На основании абз. 2 ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ суд апелляционной инстанции производит оценку как уже имеющихся в деле доказательств, так и факультативных. При этом лицу необходимо обосновать невозможность представить в суд первой инстанции дополнительных доказательств по независящим причинам. Апелляционной инстанцией выносится соответствующее определение о принятии новых доказательств. Напротив, «дополнительные (новые) доказательства не могут быть приняты судом апелляционной инстанции, если будет установлено, что лицо, ссылающееся на них, не представило эти доказательства в суд первой инстанции, поскольку вело себя недобросовестно и злоупотребляло своими процессуальными правами» [6].

Принятие новых (дополнительных) доказательств в соответствии с абз. 2 ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ оформляется вынесением определения с указанием в нем мотивов. Они перечисляются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 16 [7].

Подать «первичное» ходатайство о назначении проведения экспертизы возможно в двух случаях: это уже упомянутые ранее ситуации, в которых согласно ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ имелись уважительные причины отсутствия подобного заявления в суде первой инстанции (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30.01.2024 № 77-КГ23-15-К1); при переходе апелляционным судом к рассмотрению дела по правилам суда первой инстанции (п. 48 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16).

Авторское исследование материалов судебной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ позволяет сделать вывод, что судебная экспертиза может назначаться судом апелляционной инстанции и в ряде других случаев, среди которых:

– если «судом первой инстанции некорректно определяются обстоятельства, имеющие значение для дела, которые могут быть установлены посредством назначения судебной экспертизы» (Определение от 18.04.2023 № 5-КГ23-18-К2);

– если «судом первой инстанции не были доказаны обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе по причине не-

правильного распределения обязанности доказывания» (Определение от 28.11.2023 № 25-КГ23-13-К4);

– если «исходя из предмета и оснований заявленных требований возникает необходимость в проведении судебной экспертизы» (Определение от 19.03.2024 № 4-КГПР24-6-К1);

– в том случае, «когда суд первой инстанции не устранил противоречия между различными экспертными исследованиями, которые невозможно разрешить путем допроса судебных экспертов, пришедших к разным выводам при производстве экспертиз» (Определение от 19.03.2024 № 4-КГПР24-6-К1; Определение от 16 мая 2023 года № 20-КГ23-1-К5);

– если суд нижестоящей инстанции вынес решение о назначении судебной экспертизы, но установил пороки в ее проведении применительно к основаниям, требующим назначения повторной либо дополнительной судебных экспертиз. Устранение указанных процессуальных недостатков отнесено к полномочиям апелляции (Определение от 18.04.2023 № 24-КГ23-4-К4; Определение от 28.03.2023 № 5-КГ22-147-К2).

Инициировать назначение судебной экспертизы в суде апелляционной инстанции могут следующие субъекты:

1. суд;

2. лица, являющиеся участниками дела;

3. лица, которые не привлекались в качестве участников дела, лица, вопрос о правах и обязанностях которых, был разрешен судом;

4. лица, которые могут инициировать апелляционное производство в силу права, предусмотренного законом без перехода к рассмотрению по правилам полной апелляции (для лиц, в отношении которых не следует переходить в полную апелляцию) (Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 22.08.2023 по делу № № 33-12661/2023).

При назначении судебной экспертизы следует учитывать и постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 № 43-П в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза».

В целом формирующаяся судебная практика свидетельствует о трансформации принципа состязательности и об установлении активной роли суда в собирании доказательств по делу. Суд, по сути, не должен сохранять пассивную позицию, занимая роль молчаливого арбитра в споре двух тяжущихся сторон, а должен стремиться к установлению судебной истины. Это обстоятельство характерно и суду апелляционной инстанции, который является «наиболее быстрым и доступным способом проверки законности и обоснованности судебных постановлений» [8, с. 311].

Не единожды Верховным Судом РФ указывалось, что «разрешение спора на основе неполно выясненных юридически значимых обстоятельств свидетельствует о существенном нарушении норм процессуального права, повлиявшем на исход дела» (Определение от 24.11.2020 № 4-КГ20-43-К1; от 26.10.2022 № 10-КАД22-7-К6).

Как показывает практика Верховного Суда РФ, в настоящее время вопрос о назначении проведения экспертизы апелляционным судом является весьма сложным и неоднозначным.

Так, апелляция не наделена правом просто так отклонить сделанные в ходе предыдущего экспертного исследования выводы, поскольку для этого требуется *назначение экспертизы, являющейся дополнительной или повторной*. При этом согласно ст. 87 ГПК РФ апелляционный суд имеет на это право. В одном из своих определений Верховным Судом РФ было отмечено, что в случае возникновения сомнений в объективности представленного оценщиком отчета о реальной стоимости автотранспортного средства суд апелляционной инстанции был вправе назначить по делу судебную экспертизу (Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.10.2022 № 10-КАД22-7-К6).

Как было отмечено ранее, в соответствии со ст. 79 ГПК РФ в случаях, когда в процессе рассмотрения дела появляются вопросы, поиск решения для которых требует специальных познаний в самых различных областях человеческой жизнедеятельности, суд должен назначить проведение экспертного исследования. При этом важно, что согласно ст. 60 ГПК РФ определенные обстоятельства дела, подтверждение которых возможно исключительно за счет применения специальных средств доказывания, не могут быть подтверждены никакими другими доказательствами.

Так, Верховным Судом РФ было отменено решение суда первой инстанции и определение, которое было вынесено апелляционной инстанцией, а само дело направлено на новое рассмотрение, т. к. были допущены нарушения нормативных положений. В частности, нижестоящими инстанциями не был должным образом решен вопрос, ка-

сающийся установления подлинности подписи на завещании. Для этого требуются специальные познания, которыми суд ввиду объективных причин не обладает. В связи с этим было необходимо назначить судебную почерковедческую экспертизу. Ни судом первой инстанции, ни апелляционным судом этого сделано не было (Определение от 16.06.2015 № 44-КГ 15-2).

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на то, насколько большое значение в рамках гражданского судопроизводства имеет такое процессуальное действие, как назначение проведения экспертизы. Полученное в результате проведения экспертного исследования заключение представляет собой весомый элемент доказывания в гражданском процессе, т. к. в его основе лежат полученные за счет применения специальных профессиональных знаний объективные данные. Назначение экспертных исследований в суде апелляционной инстанции по гражданским делам способствует повышению уровня эффективности обеспечения защиты прав и законных интересов сторон, а также достижению справедливости. Последняя может быть рассмотрена не только как общеправовой принцип, но и как одна из цели гражданского судопроизводства. Экспертиза дает апелляционному суду возможность выносить обоснованные решения, руководствуясь полученными от проверенных источников объективными, надежными фактами. Очевидно, что нельзя недооценивать значение адекватного, грамотного использования экспертных знаний, применение которых также способствует точному и качественному рассмотрению и разрешению дел, а значит, укреплению законности в российском государстве.

Список источников

1. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2006.
2. Мохов А.А. Понятие и виды экспертиз в гражданском процессе // Цивилист. 2007. № 2.
3. Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам): учеб. пособие. М., 1995.
4. Челышева О.В. Назначение и производство судебных экспертиз: учеб. пособие. СПб., 2010.
5. Юдин И.В. К вопросу о понятии судебной экспертизы в гражданском судопроизводстве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. № 4. Т. 6(72).
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2018 года № 9-КГ17-23. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 года № 16 // Российская газета. 2021. 2 июля.
8. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России: в 12 т. / под ред. А.А. Демичева, Р.Л. Хачатурова. М., 2022. Т. IX.

References

1. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow, 2006.
2. Mokhov A.A. Concept and types of examinations in civil proceedings // Civilist. 2007. № 2.
3. Orlov Yu.K. Expert opinion and its assessment (in criminal cases): textbook. manual. Moscow, 1995.
4. Chelysheva O.V. Appointment and production of forensic examinations: textbook. manual. St. Petersburg, 2010.
5. Yudin I.V. On the issue of the concept of forensic examination in civil proceedings // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Legal sciences. 2020. № 4. V. 6(72).
6. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 20, 2018 № 9-KG17-23. Access from the legal system «ConsultantPlus».
7. On the application by courts of the norms of civil procedural legislation regulating proceedings in the court of appeal: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 22, 2021 № 16 // Rossiyskaya Gazeta. 2021. July 2.
8. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia: in 12 volumes / edited by A.A. Demichev, R.L. Khachaturov. Moscow, 2022. Vol. IX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Симагин Антон Сергеевич, *кандидат юридических наук, председатель судебного состава Нижегородского областного суда. Нижегородский областной суд. 603951, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Студенческая, 23.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Simagin Anton Sergeevich, *PhD in Law, Presiding judge of the Nizhny Novgorod Regional Court. Nizhny Novgorod Regional Court. 23, Studencheskaya St., Nizhny Novgorod 603951 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 113–118.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 113–118.

Научная статья
УДК 343.9

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕМЕНТАХ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТНЫХ АКТИВОВ

Гайсин Нурсултан Ильгизович
Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Российская Федерация, nursultan9703@mail.ru

Введение: *в данной работе рассмотрены элементы криминалистической характеристики хищения криптовалюты, имеющие значение как для расследования таких хищений (выдвижения следственных версий и правильного совершения всех необходимых процессуальных действий), так и для разработки и совершенствования тактики проведения отдельных следственных действий и методики расследования.*

Материалы и методы: *методологическую основу статьи составил всеобщий метод диалектической гносеологии. Были также использованы общенаучные исследовательские методы, в частности сравнительно-правовой, системно-структурный, правового моделирования, лингвистический.*

Результаты исследования: *в ходе исследования автор с использованием понятийно-терминологического инструментария провел анализ некоторых элементов криминалистической характеристики хищения криптовалюты, которые имеют определяющее значение для выдвижения следственных версий и производства необходимых процессуальных действий.*

Выводы и заключения: *в результате исследования предлагается и обосновывается авторская дефиниция сущностных признаков элементов криминалистической характеристики хищения криптовалюты.*

Ключевые слова: *блокчейн, криптовалюта, смарт-контракт, децентрализованное приложение, мнемоническая фраза, публичный ключ, приватный ключ, хищение, цифровой след.*

Для цитирования: Гайсин Н. И. *К вопросу об элементах криминалистической характеристики хищения криптовалютных активов / Н. И. Гайсин // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 113–118.*

Original paper

ON THE ISSUE OF THE ELEMENTS OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE THEFT OF CRYPTOCURRENCY ASSETS

Gaisin Nursultan Ilgizovich
Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Republic of Bashkortostan

Introduction: *this paper examines the elements of the forensic characteristics of cryptocurrency theft that are important both for investigating such thefts (putting forward investigative versions and correctly performing all necessary procedural actions) and for developing and improving the tactics of individual investigative actions and investigation methods.*

Materials and methods: *the methodological basis of the article was the general method of dialectical epistemology. General scientific research methods were also used, in particular, comparative legal, systemic-structural, legal modeling, linguistic.*

Results of the study: *during the study, the author, using conceptual and terminological tools, analyzed some elements of the forensic characteristics of cryptocurrency theft that are of decisive importance for putting forward investigative versions and performing the necessary procedural actions.*

Findings and conclusions: *as a result of the study, the author's definition of the essential features of the elements of the forensic characteristics of cryptocurrency theft is proposed and substantiated.*

Keywords: *blockchain, cryptocurrency, smart contract, decentralized application, mnemonic phrase, public key, private key, theft, digital footprint.*

For citation: Gaisin N. I. *On the issue of the elements of the criminalistic characteristics of the theft of cryptocurrency Assets / N. I. Gaisin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 113–118.*

Мы живем в эпоху зарождения, развития, широкого распространения и признания криптовалюты в качестве средства платежа, сбережения и инструмента для инвестирования. Не менее быстрыми темпами учащаются случаи хищений криптовалюты. Некоторые способы хищений мало чем отличаются от старых и современных способов хищения безналичных денежных средств, а некоторые являются новыми, поскольку целенаправленно были разработаны для хищения криптовалютных активов с учетом тех особенностей, которые свойственны при работе с криптовалютой. Для реализации таких способов, а также сокрытия следов преступлений необходимо обладать определенной совокупностью знаний, навыков и опыта.

Современная наука криминалистика имеет недостаточно знаний о криминалистически значимых признаках таких хищений и их закономерных связях между собой. Наличие таких знаний способно не только помочь при расследовании преступлений, но и усовершенствовать тактику проведения отдельных следственных действий, а также методику расследования этих преступлений.

Методическое обеспечение расследования сталкивается с проблемой устаревания разработанных методик, не способных адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи. Необходимо разрабатывать и внедрять обновленные методические рекомендации, учитывающие современные тенденции в развитии преступности [1, с. 122].

Перейдем к рассмотрению элементов криминалистической характеристики хищения криптовалютных активов. Первым элементом криминалистической характеристики следует обозначить предмет преступного посягательства. Долгое время вопрос о правовой природе криптовалюты являлся спорным, поскольку в Российской Федерации, как и во многих других государствах, не был закреплен ее правовой статус. По этой причине защита прав многих граждан не была обеспечена. Правоохранительные органы неоднократно отказывали в возбуждении уголовных дел по фактам совершенных хищений криптовалют, поскольку с правовой точки зрения отсутствовал необходимый элемент состава преступления – объект. Также имели место случаи, когда суды отказывались признавать виновными тех, кто совершил хищение криптовалюты.

Следует отметить, что такие судебные акты отменялись или подвергались изменениям вышестоящими судами (например, апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.11.2020 № 22-5295/2020, 1-95/2020). Однако на сегодняшний день данный пробел в действующем законодательстве восполнен. Согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 29.11.2024 № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», цифровая валюта признается имуществом. По этой причине мы можем сделать однозначный вывод о том, что криптовалюта или цифровой актив является предметом преступного посягательства. Однако криптовалюта или цифровой актив не является чем-либо овеществленным. Поэтому не до конца ясно, что именно является предметом преступного посягательства.

Раскрывая содержание данного элемента более подробно, необходимо отметить, что действия злоумышленника нацелены на то, чтобы в конкретном блокчейне изменилась информация о количестве криптовалюты на кошельке потерпевшего в сторону уменьшения, а также на кошельке злоумышленника в сторону увеличения, путем совершения комплекса различных действий в большинстве случаев всеми вышеперечисленными лицами или только злоумышленником. Таким образом, предметом преступного посягательства буквально является такое изменение информации в блокчейне о количестве криптовалюты на кошельке злоумышленника в сторону увеличения, которое было совершено собственником криптовалюты под влиянием обмана либо путем злоупотребления его доверием, либо в результате угрозы применения насилия, либо в результате нападения, совершенного с применением насилия; или которое было совершено злоумышленником тайно от собственника либо открыто, либо в результате угрозы применения насилия, либо в результате нападения, совершенного с применением насилия. В результате такого изменения информации злоумышленник получает возможность владеть, пользоваться и распоряжаться криптовалютой, а в блокчейне происходит изменение информации о количестве криптовалюты на кошельке у собственника в сторону уменьшения, чем последнему причиняется ущерб.

Вторым элементом криминалистической характеристики является место совершения хищения. Если речь не идет о грабеже или разбое, то это определенное место, где злоумышленник использовал устройство, с помощью которого совершил хищение. Причем хищение может быть совершено

как с использованием устройства собственника, так и дистанционно, с использованием устройства злоумышленника. Во втором случае определить место совершения хищения может оказаться затруднительным. Особенно если злоумышленник воспользовался средствами, позволяющими сокрыть следы преступления. С уголовно-процессуальной точки зрения полагаем, что наиболее целесообразным будет руководствоваться ч. 5 ст. 152 УПК РФ. Орган предварительного расследования обязан принять сообщение о преступлении и совершить все необходимые процессуальные действия, а при установлении факта того, что уголовное дело ему не подследственно, произвести неотложные следственные действия и передать уголовное дело руководителю следственного органа или прокурору для направления по подследственности.

Третьим элементом криминалистической характеристики является способ совершения хищений. Большинство способов, помимо совершения объективной стороны преступления, требуют приготовления. В рамках приготовления к преступлениям некоторые преступники совершают действия, направленные на сокрытие следов преступления.

Приготовление к совершению хищений криптовалютных активов может быть выражено в различных действиях или совокупности действий: в обучении работе с криптовалютой, созданию вредоносных программных обеспечений, смарт-контрактов и децентрализованных приложений, фишинговых сайтов и т. д.; приобретении устройств, с помощью которых возможно создать вредоносные программные обеспечения, смарт-контракты и децентрализованные приложения, фишинговые сайты и пр.; приобретении вредоносных программных обеспечений, а также в выборе способа анонимизирования личности преступника через использование чужих паспортных данных и сокрытие IP-адресов устройств.

Наиболее часто хищения криптовалютных активов совершаются в форме кражи и мошенничества, реже – в форме грабежа и разбоя. Существует множество различных способов хищения криптовалюты. Хищение в форме кражи можно разделить на три вида:

1) Кража, совершенная путем получения конфиденциальной информации (мнемонической фразы или приватного ключа), воспользовавшись которой, возможно получить доступ к криптовалютным активам и распорядиться ею по собственному усмотрению. Вышеуказанная информация может быть похищена злоумышленником в офлайн-среде либо передана собственником криптовалютных активов злоумышленнику под воздействием обмана или злоупотребления доверием, либо похищена или изменена при помощи вредоносного программного обеспечения. Вредоносное программное обеспечение способно похитить или модифицировать конфиденциальную информацию, если будет загружено на устройство собственника криптовалютных активов, в котором такая информация хранится. Данное программное обеспечение может быть загружено на устройство собственником криптовалютных активов как под воздействием обмана или злоупотребления доверием, так и без такового воздействия. Также такая загрузка возможна самим злоумышленником при получении доступа к устройству.

2) Кража, совершенная путем получения доступа к устройству и программному обеспечению (приложению), откуда имеется возможность распоряжаться криптовалютой.

3) Кража, совершенная путем получения согласия собственника на распоряжение криптовалютными активами в виде электронной подписи при взаимодействии со смарт-контрактами (децентрализованными приложениями).

Согласие на распоряжение криптовалютными активами в виде электронной подписи может дать собственник под воздействием обмана или злоупотребления доверием. Гипотетически это действие может совершить и злоумышленник, но для этого ему необходим доступ к устройству собственника и программному обеспечению, а также возможность управления децентрализованным приложением, которому необходимо дать согласие, чтобы реализовать преступный умысел. Следует отметить, что, если злоумышленник получил доступ к устройству собственника и необходимому программному обеспечению, он вполне может совершить хищение, совершив перевод криптовалюты на свой кошелек, что намного проще. Поэтому такой способ кражи следует рассматривать одновременно как способ сокрытия следов совершенного преступления, поскольку это может ввести в заблуждение следователя (дознавателя) относительно круга лиц, которые могли совершить преступление. Следователь (дознаватель) может ошибочно выдвинуть версию о том, что хищение совершено посторонним лицом, тогда как на самом деле преступление совершено знакомым или близким для потерпевшего лицом.

Хищение в форме мошенничества можно разделить на два вида:

– мошенничество путем введения в заблуждение относительно возможности получения прибыли при совершении тех или иных действий, которые на самом деле направлены на перевод криптовалютных активов в адрес злоумышленников;

– мошенничество путем введения в заблуждения относительно намерений оказать какую-либо услугу или помощь, либо поставить товар. Пользователи очень часто обращаются за помощью в чаты различных мессенджеров или социальных сетей, где происходит обсуждение различных тем, связанных с криптовалютой, поскольку сталкиваются с разными трудностями. Например, не знают, как перевести свои криптовалютные активы из одного блокчейна на другой. Злоумышленники пользуются этим и откликаются под видом администратора или модератора чата. В других случаях злоумышленники вводят в заблуждение относительно поставки какого-либо товара или оказания услуг за оплату в криптовалюте.

Грабежи и разбои совершаются в офлайн-среде. Если кража и мошенничество обычно направлены на неопределенный круг лиц, то вышеуказанные преступления совершаются в отношении конкретных лиц. Злоумышленникам как минимум известно, что у конкретного лица имеются криптовалютные активы. Грабеж может быть реализован путем открытого хищения устройства, где находится программное обеспечение, через которое возможен доступ к криптовалютным активам, а также конфиденциальной информации, необходимой для получения доступа. Разбой может быть реализован путем нападения с последующим требованием произвести перевод криптовалютных активов в адрес злоумышленника, передать мнемоническую фразу или совершить любые другие действия, направленные на то, чтобы злоумышленник мог распоряжаться похищенным.

Для сокрытия следов преступления, помимо анонимизации, преступники совершают действия, направленные на уничтожение тех цифровых следов, которые возможно уничтожить (очищение истории посещений в браузере, удаление программного обеспечения, децентрализованных приложений, фишинговых сайтов, переписок и т. д.).

Следующий немаловажный элемент криминалистической характеристики – личность преступника, совершившего хищение криптовалюты. Большинство хищений совершается лицами мужского пола, предположительно, в возрасте от 14 до 35 лет. Предположение о молодом возрасте связано с недавним возникновением и развитием криптовалютной индустрии. Молодые люди имеют больше свободного времени, а также более высокий потенциал к обучению работе с криптовалютой, поскольку достаточно хорошо владеют персональным компьютером и смартфоном. Лица старшего возраста в большинстве случаев владеют этими устройствами хуже.

Ключевое значение имеет уровень профессиональной подготовки, наличие профильного образования, а также комплекса различных навыков, знаний и опыта. В зависимости от вида совершаемых хищений преступник обладает той или иной совокупностью вышеперечисленного. Однако все преступники, непосредственно совершающие хищение криптовалют, имеют базовые навыки владения персональным компьютером, смартфоном, а также знание программных обеспечений, предназначенных для работы с криптовалютой, навыки и опыт работы с ними.

Злоумышленники, специализирующиеся на тайных хищениях, в подавляющем большинстве случаев имеют навыки и опыт в области программирования, создания вредоносных программных обеспечений и (или) децентрализованных приложений, фишинговых сайтов, а также анонимизации. Всему этому они могут обучиться как самостоятельно, так и в результате приобретения соответствующих курсов. Также они могут иметь образование в области информационных технологий. Некоторые из них обладают хорошими коммуникативными навыками, убедительны при ведении письменных или устных диалогов. Однако последними навыками нередко могут обладать пособники. Исключением являются случаи, когда тайные хищения совершаются лицами, получившими доступ к устройству собственника криптовалюты и всем необходимым программным обеспечениям, содержащимся в этом устройстве, либо к мнемонической фразе или приватному ключу собственника. В таких случаях достаточно базовых навыков владения персональным компьютером, смартфоном, а также навыков работы с программным обеспечением, предназначенным для работы с криптовалютой.

Злоумышленникам, специализирующимся на хищениях путем обмана или злоупотребления доверием, помимо базовых навыков, достаточно обладать хорошими коммуника-

тивными навыками и навыками убеждения. Если они обладают знаниями, необходимыми для совершения тайных хищений (например, создание вредоносных смарт-контрактов и децентрализованных приложений), то они способны реализовывать более сложные мошеннические схемы. Для злоумышленников, реализующих сложные схемы хищений, характерно тщательное планирование, подготовка к будущим хищениям и сокрытие следов их совершения.

Некоторые из таких преступников могут иметь опыт совершения хищений безналичных денежных средств, а также судимости по соответствующим статьям УК РФ в прошлом. Интересным является систематизация знаний о характерных чертах личности типичных преступников в зависимости от уровня соответствующих познаний Е.А. Хариной:

– специалисты высокого уровня, обладающие незаурядными познаниями, часто являются разработчиками высококвалифицированных компьютерных программ. К выбору объекта преступного воздействия относятся избирательно, с азартом проявляя интерес к труднодосягаемым целям;

– преступники, обладающие большим опытом в сфере компьютерных технологий. Имеющийся уровень познаний не позволяет таким преступникам являться разработчиками компьютерных программ, при этом помимо активного использования они могут заниматься их модернизацией. Выбору объекта преступного посягательства особого значения не придают;

– специалисты среднего уровня, обладающие соответствующими познаниями на уровне уверенных пользователей. Подобная деятельность у таких специалистов характеризуется устойчивой увлеченностью, особенностью уровня развития сознания является фрагментарное видение ситуации;

– специалисты, обладающие невысоким, обывательским уровнем познаний в сфере компьютерной информации. Преступную деятельность могут начать с совершения преступлений, не требующих особых познаний. Обладают высокой степенью неуверенности и настороженности, при этом в общении с окружающими может присутствовать амбициозность, эмоциональность, хвастовство [3, с. 14].

Несмотря на то, что такая классификация разработана для характеристики личности мошенников в сфере компьютерной информации, она хорошо подходит для систематизации знаний о криминалистической характеристике хищений криптовалют. Многие из рассматриваемых преступников официально не трудоустроены и не имеют стабильного источника дохода. Злоумышленники, реализующие сложные схемы хищений, в прошлом могли иметь опыт работы в сфере, связанной с информационными технологиями.

В зависимости от характера связи с потерпевшим могут быть выделены посторонние лица, случайные знакомые, а также близкие знакомые или родственники. В большинстве случаев преступники являются посторонними по отношению к потерпевшим, т. к. подавляющее большинство хищений является результатом беспечности и несоблюдения мер безопасности самими потерпевшими. Для того чтобы прийти к выводу о том, что преступление, вероятнее всего, совершено знакомым или близким, необходимо провести ряд следственных действий. В частности, необходимо исключить факты: наличия вредоносных программных обеспечений на устройстве, где установлены приложения, предоставляющие доступ к криптовалюте; добровольной передачи мнемонической фразы или приватного ключа посторонним; добровольного перевода похищенной криптовалюты постороннему лицу, а также одобрения самим собственником вредоносным децентрализованным приложениям распоряжаться криптовалютой.

Важным элементом криминалистической характеристики являются цифровые следы, неизбежно оставляемые в блокчейнах, на устройствах потерпевших и преступников, на серверах сети Интернет, а также в банковских базах данных. В блокчейнах остается информация о совершенных транзакциях, что позволяет отследить, на какой публичный адрес поступила криптовалюта от потерпевшего к преступнику. На устройствах потерпевших и преступников остаются различные файлы (фотографии, видеозаписи, аудиозаписи и т. д.), программные обеспечения, переписки в социальных сетях и мессенджерах, история посещений интернет-ресурсов в браузерах, информация об аккаунтах в социальных сетях и мессенджерах и др.

Отдельно следует отметить невидимые цифровые следы, которыми являются различные статистические данные о посещениях интернет-ресурсов, открытии файлов и программных обеспечений, история поисковых запросов, данные о местонахождении и передвижении устройства, его IP-адрес и т. д. Результативный поиск таких следов позволяет подтвердить связь с событием пре-

ступления и благодаря обнаруженным следам признать в дальнейшем осмотренные объекты вещественными доказательствами. Технически грамотный и тщательный осмотр отдельных предметов иногда ведет к обнаружению новых, ранее неизвестных вещественных доказательств [2, с. 149].

Некоторые такие следы могут быть обнаружены только путем получения необходимой информации от владельцев серверов, обслуживающих интернет-ресурсы, которые посещали потерпевший и (или) преступник. Также следует пояснить, как могут помочь расследованию преступлений данные, предоставляемые банками. Поскольку криптовалюта имеет ценность, существуют лица, которые готовы обменять криптовалюту на национальную валюту и наоборот. Часто такие действия осуществляются путем банковского перевода на счет, который находится во владении преступника. При наличии информации о принадлежности криптовалютного кошелька (публичного адреса) конкретному лицу, которое совершило обмен для злоумышленника, имеются шансы на установление личности злоумышленника. Установить принадлежность криптовалютного кошелька конкретному лицу, которое совершило обмен для злоумышленника, возможно путем взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскные мероприятия.

Подводя итог, мы рассмотрели все возможные и важные элементы криминалистической характеристики хищения криптовалюты и дали развернутую характеристику для каждого из рассмотренных элементов. Накопление и систематизация знаний о криминалистической характеристике хищений криптовалюты имеет практическое значение для органов предварительного расследования, поскольку эти знания могут помочь выдвинуть верные следственные версии, избрать верную методику расследования, а также тактику проведения отдельных следственных действий.

Список источников

1. Макаренко И.А. Содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI в.: сб. научных статей по материалам Международной научно-практ. конф. (25 апреля 2025 г.). М., 2025.
2. Макаренко И.А., Эксархопуло А.А. Сущность и правовые формы поисковой деятельности следователя // Философия права. 2024. № 4(111).
3. Харина Е.А. К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2023. № 11.

References

1. Makarenko I.A. The content of forensic support for the investigation of crimes // Forensic science, criminal procedure and forensic expertology in the XXI century: collection of scientific articles based on the materials of the International scientific-practical. conf. (April 25, 2025). Moscow, 2025.
2. Makarenko I.A., Eksarkhopulo A.A. The essence and legal forms of the investigator's search activities // Philosophy of Law. 2024. № 4(111).
3. Kharina E.A. On the issue of forensic characteristics of fraud in the field of computer information // Russian investigator. 2023. № 11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гайсин Нурсултан Ильгизович, *аспирант. Институт права Уфимского университета науки и технологий. 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gaisin Nursultan Ilgizovich, *Postgraduate Student. Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology. 32, Zaki Validi St., Ufa 450076 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 119–124.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 119–124.

Научная статья
УДК 343.322

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИЗМЕНА: АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Григорян Давид Кромвелович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru

Иванов Вячеслав Алексеевич
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vivanov-22@edu.ranepa.ru

Введение: *в представленном исследовании рассматривается преступление – государственная измена, а также правовое регулирование и наказания на разных исторических этапах России, в том числе и в современный период. Кроме того, в статье рассмотрены различные причины возникновения государственной измены, особенно в период проведения специальной военной операции.*

Материалы и методы: *в процессе исследования авторы опирались на совокупность научных методов познания, таких как системно-структурный и формально-логический, обращались к когнитивным приемам: наблюдение, сравнение, обобщение. Эмпирическую базу исследования составили научные публикации, актуальные статистические данные о состоянии преступности, а также сведения, предоставляемые средствами массовой информации.*

Результаты исследования: *авторами обозначены основные тенденции совершения преступления – государственная измена, причины возникновения, а также методы противодействия. Активизация спецслужб иностранных государств, действия которых направлены против Российской Федерации.*

Выводы и заключения: *действия спецслужб иностранных государств по вербовке граждан с целью нанесения ущерба государству представляет собой прямую угрозу национальной безопасности Российской Федерации. В период проведения специальной военной операции важно качественно противостоять преступлениям, направленным против государства.*

Ключевые слова: *государственная измена, иностранные спецслужбы, шпионаж, безопасность.*

Для цитирования: Григорян Д. К., Иванов В. А. *Государственная измена: анализ современных особенностей в период проведения специальной военной операции / Д. К. Григорян, В. А. Иванов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 119–124.*

Original paper

HIGH TREASON: ANALYSIS OF MODERN FEATURES DURING A SPECIAL MILITARY OPERATION

Grigoryan David Kromvelovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Ivanov Vyacheslav Alexeevich
South Russian Institute – branch of the Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the presented study examines the crime of treason, as well as legal regulation and punishment at different historical stages of Russia, including the modern period. In addition, the article examines various reasons for the emergence of treason, especially during the special military operation.*

Materials and methods: *in the course of the study, the authors relied on a set of scientific methods of cognition, such as system-structural and formal-logical, and turned to cognitive techniques: observation, comparison, generalization. The empirical basis of the study was scientific publications, current statistical data on the state of crime, as well as information provided by the media.*

Results of the study: *the authors identified the main trends in the commission of the crime of treason, the causes of its occurrence, as well as methods of counteraction. Activation of the special services of foreign states, whose actions are directed against the Russian Federation.*

Findings and conclusions: *the actions of the special services of foreign states to recruit citizens in order to harm the state pose a direct threat to the national security of the Russian Federation. During the special military operation, it is important to effectively counter crimes directed against the state.*

Keywords: *treason, foreign intelligence services, espionage, security.*

For citation: Grigoryan D. K., Ivanov V. A. *High treason: analysis of modern features during a special military operation / D. K. Grigoryan, V. A. Ivanov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 119–124.*

Возникновение у определенного числа лиц стремления к измене своему Отечеству является девиацией, т. е. совершение действий, не соответствующих общепринятым в обществе нормам. Законодательство, регулирующее уголовную ответственность за государственную измену, имеет свой эволюционный характер.

Один из первых источников права на Руси – Русская Правда – не закрепляет уголовную ответственность за государственную измену, в ней нет терминов, связанных с преступлением против государства. Следует отметить, что это связано с особенностями устройства политической системы при раннем феодализме, в том числе и о господствующем мнении, что личность правителя, т. е. князя, неразрывно связана с государством как с продолжением божьего правления на Земле.

Упоминания о государственных преступлениях появляются уже при формировании централизованного государства в Судебнике 1497 г. В нем есть такие термины, как «коромолник», «государский убоец», т. е. можно говорить о криминализации термина «государственная измена» в виде участия в бунтах (крамоле) и измене Великому князю, царю.

В 1649 г. принимается Соборное уложение, в нем уже достаточно четко государственные и политические преступления были отделены от других преступлений. В главе II ст. 2 Уложения предусматривалось несколько видов предательства, к которым относили переписки с недругами, оказание помощи другому государству в захвате чужой территории. В главе II предусматривались наказания в виде смертной казни исполнителя преступления, его семьи, в случае если им было известно о планах, а также изымания земли. В главе XXII ст. 8 указывается, что лицу, которое задумает убить того, кому служит, или же достанет оружие для этого, тому в качестве наказания будет отсечена рука.

В конце первой половины XIX в. был принят новый уголовный закон – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., который был утвержден российским императором Николаем I. Именно в нем появляются такие термины, как «государственная тайна», «государственная измена», «Отечество», т. е. понятие «измена» связывают не с личностью правителя, а с государством, совокупностью органов власти и институтов, гарантирующих верховенство закона и суверенитет территории.

В 1903 г. был утвержден и издан новый сборник уголовных законов под названием «Уголовное уложение». Государственная измена понималась в основном в военной сфере.

В Советском Союзе произошла серьезная эволюция в понимании государственной измены: если в ранние годы измена была связана с делом революции, то затем появляется определение «измена Родине» – не «правителю» и не «государству» как совокупности органов власти и институтов. Именно Родина – место, где родился и воспитывался человек, где проживали его предки.

После распада Советского Союза, в 90-х гг. XX в., сформировался однополярный мировой порядок, заменив двухполярный. В результате Соединенные Штаты Америки смогли навязывать свою гегемонию в существующей системе международных отношений в связи с чувством полной безнаказанности. Среди политической элиты Запада закрепилось мнение о неспособности современной России отстаивать свои интересы.

Мюнхенская речь В.В. Путина в 2007 г. и дальнейшие действия Российской Федерации разбили иллюзию западных стран о монополии на принятие политических решений. Вследствие этого начались мероприятия недружественных государств с использованием граждан России, направленные на дестабилизацию государства и попытки совершения массовых беспорядков в 2011–

2012 гг. Как отмечал Н.П. Патрушев о возможности проведения зарубежными странами цветной революции, «Россия являлась очередным «полигоном» для использования информационных, организационных и других внешних рычагов вмешательства во внутренние дела» [6].

После государственного переворота на Украине в 2014 г. коллективным Западом создавались все необходимые условия для ее культурно-исторического, экономического и политического отчуждения от России, на территории Украины были созданы базы ЦРУ [13].

Февраль 2022 г. стал моментом перехода в новую фазу противостояния между Россией и коллективным Западом во главе с США. Действия России, объявившей о начале специальной военной операции (далее – СВО) по денацификации и демилитаризации Украины, связаны с превентивными действиями по нейтрализации угрозы со стороны США и других стран блока НАТО существованию российской государственности. Принимая во внимание статус России и США – обладателей ядерного оружия, данный конфликт несет прямую угрозу безопасности государств всего мира.

В Указе Президента РФ от 02.07.21 № 400 представлены угрозы, совершаемые внешними внутренними силами: «Не ослабевает активность разведывательной и иной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, осуществляемой в том числе с использованием подконтрольных им российских общественных объединений и отдельных лиц» [1].

В связи с проведением СВО происходит активная деятельность иностранных спецслужб, в частности украинских, по вербовке граждан России для совершения преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Одной из возможных целей является дестабилизация страны, влияние на состояние российской общественности.

В настоящее время в ст. 275 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) дается определение государственной измены как «совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, переход на сторону противника либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [2].

В 2022 г. в Уголовном кодексе РФ появилась ст. 275.1 «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иной организацией».

Необходимо понимать причины, толкающие граждан умышленно совершать преступные деяния против своего же государства, и уяснить мотив и условия возникновения у индивида стремления к данному виду поступков.

Рассматривая причины совершения указанного преступления в период с февраля 2022 г. и по сей день, можно выделить политический аспект, экономический и девиантный в среде молодежи (анализ рассматриваемой информации из открытых источников – статистика Генеральной прокуратуры РФ и Верховного Суда РФ, пресс-релизы Национального антитеррористического комитета, сообщения в сети Интернет). Следует сразу отметить, что описанные выше аспекты не всегда появляются в чистом виде, чаще является синтез нескольких факторов.

Так, с 2016 по 2022 г., всего за шесть лет, за государственную измену было осуждено 66 человек. При этом только за 2023 г. осуждено 39 человек по ст. 275 УК РФ [11], что более чем на половину превышает показатель указанного выше предыдущего периода (рис. 1).

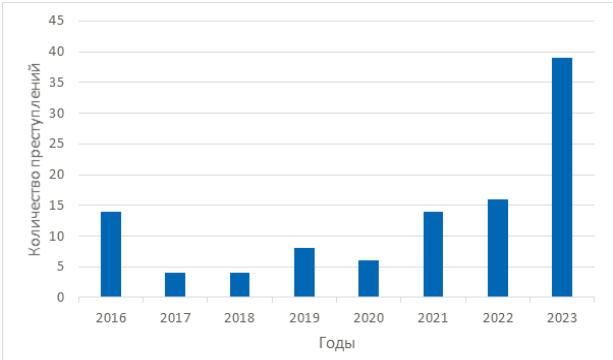

Рис. 1. Количество назначенных уголовных наказаний по ст. 275 УК РФ (данные взяты с сайта судебной статистики РФ)

Начало СВО подтолкнуло ряд граждан России, несогласных с внешнеполитическим курсом государства, к сотрудничеству со спецслужбами противника, в том числе инициативными. Кроме того, имеются многочисленные примеры совершения преступных действий либо за вознаграждение от иностранной разведки, либо просто за обещание такого вознаграждения. Активно используются современные технологии и средства связи для вербовки российских граждан и поддержания контакта со стороны спецслужб, в основном это социальные сети и мессенджеры.

В любом случае лица, вступающие в контакт и выполняющие действия по указанию иностранных спецслужб, осознают и понимают, что они в первую очередь – граждане России и наносят ущерб своей Отчизне.

При этом следует подчеркнуть, что ряд действий, направленных против своего государства, следственными и судебными органами квалифицируется по ст. 205 УК РФ «Террористический акт», по которой в 2023 г. осудили 19 человек. В данной работе рассматривается измена своей Родине, своему государству не только в рамках ст. 275 УК РФ, а комплекс деструктивных действий граждан в пользу противника (рис. 2).

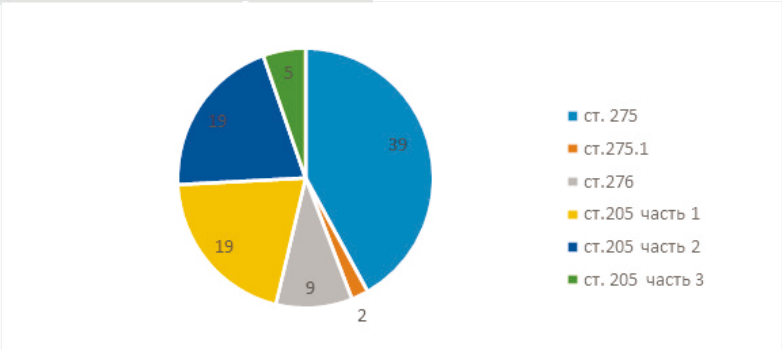

Рис. 2. Распределение приговоров по составам преступлений, направленных против общественной и государственной безопасности

Политический аспект совершения государственной измены может выражаться в несогласии с политикой государства, поддержкой иных точек зрения в различных социальных, экономических и иных вопросах жизни страны, оппозиционных движений, но необходимо выделить, что слишком радикальные и активные действия, граничащие с нарушением действующего законодательства РФ, могут быть объектом внимания со стороны иностранных спецслужб, либо же сам субъект из-за своих политических взглядов может стать инициатором контакта с представителями иностранных спецслужб.

Практическим примером вышеуказанного политического аспекта являются действия гражданина России, задержанного в феврале 2023 г. Преступник, публично выражав свое несогласие с политическим курсом страны, инициативно вышел на запрещенную в Российской Федерации украинскую террористическую организацию, перечислив для ее финансирования 135 тыс. руб. в криптовалюте, т. е. оказал финансовую помощь иностранному государству в деятельности против безопасности Российской Федерации [8].

Действительность иллюстрирует, что граждане, которые разделяют учения различных радикальных идеологий, таких как неонацизм, фашизм, могут зачастую оказывать различные виды услуг представителям иностранных спецслужб, в том числе совершение террористических актов и диверсий [10].

Примером политических мотивов сотрудничества с врагом также может послужить деятельность террористки Дарьи Треповой (внесена Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов), которую задержали за совершение теракта в одном из кафе Санкт-Петербурга, в результате которого погиб блогер Владлен Татарский и пострадало несколько десятков безвинных людей. Судом подсудимая Д. Трепова была признана виновной в совершении теракта (п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ), незаконном обороте взрывного устройства (ч. 4 ст. 222.1 УК РФ) и использовании поддельных документов (ч. 4 ст. 327 УК РФ) и приговорена к 27 годам колонии общего режима. Д. Трепова, как отмечается, являлась сторонницей «Фонда борьбы с коррупций» Навального (организация признана иностранным агентом и запрещена в России как экстремистская; Алексей Навальный включен в список террористов и экстремистов Росфинмониторинга) [9].

Экономическая причина, лежащая в основе предательства, выражается в стремлении быстрого обогащения, обещании выполнить действия против безопасности Российской Федерации в обмен на денежные средства.

28-летний летчик армейской авиации Вооруженных сил РФ Максим Кузьминов предал интересы своего Государства – Российской Федерации и связался с Главным управлением разведки Украины. 9 августа 2023 г. он угнал боевой вертолет МИ-8АМТШ на вражескую территорию, при этом убив двоих

своих сослуживцев. М. Кузьминов руководствовался мотивом денежной наживы, свои действия изменник оценил в 500 тыс. долларов. 13 февраля 2024 г. в г. Вильяхойос в Испании найдено бездыханное тело изменника с пулевыми ранениями [4].

В январе 2024 г. была опубликована новость, что в Ростове-на-Дону задержали граждан Российской Федерации, обвиняемых за государственную измену в форме шпионажа. Преступники за вознаграждение передавали данные о местоположении военной техники и личного состава Южного военного округа украинской стороне [12].

Одной из современных проблем для правоохранительных органов является вовлечение несовершеннолетних в противоправную деятельность, направленную на совершение государственной измены, вступление в экстремистские сообщества, проведение терактов, т. е. совершение действий против государства, гражданами которого они являются. Особое внимание к данной категории населения не случайно, ведь «как правило, молодое поколение не имеет достаточного жизненного опыта и четко установленных морально-нравственных ориентиров, что не позволяет достаточно правильно и своевременно адаптироваться к реалиям жизни взрослого человека с последующим определением грани между преступным и непреступным деянием» [7].

Поиск потенциальных исполнителей действий, направленных на нанесение ущерба государству, все чаще происходит через мессенджеры и социальные сети [3, с. 360–361]. Человек, поддерживающий различные деструктивные ценности и идеологии, находит интернет-сообщества, группы и каналы, которые создают, распространяют и популяризируют подобные идеи. Спецслужбы недружественных государств на постоянной основе мониторят подписчиков данных групп – потенциальных изменников, либо же члены сообществ сами выходят на контакт через администраторов или ботов. Так, в апреле 2023 г. был задержан 17-летний подросток, являвшийся сторонником неонацизма. Несовершеннолетний вышел на связь с представителями радикальной группировки через мессенджер Telegram, где в переписке ему было поручено сжечь электроподстанцию с помощью самодельных зажигательных устройств, которые были обнаружены в его схроне [5].

Таким образом, государственная измена присуща всем временам и народам. В настоящее время, в период проведения специальной военной операции, во время активизации зарубежных спецслужб важно качественно и комплексно противостоять ей, в первую очередь путем выявления и пресечения преступной деятельности в результате оперативно-розыскной деятельности.

Вторым важным аспектом, по нашему мнению, являются профилактические меры в виде строгих приговоров суда, использование и активное освещение их в средствах массовой информации, проведение разъяснительной работы как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны учебных заведений, рабочих коллективов, общественных организаций.

Только совместными усилиями, прививая нетерпимость к любым противоправным и преступным действиям, создавая условия жесткого общественного порицания таких деяний, прививая осознание безусловного, неотвратимого, жесткого наказания за их совершение, возможно снизить общее количество фактов государственной измены.

Список источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.21 № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2 (дата обращения: 24.09.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Варенич И.Г., Григорян Д.К. Использование средств массовой информации и социальных сетей террористическими лидерами. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44251436 (дата обращения: 24.09.2024).
4. Его пример другим наука: убит предатель Кузьминов. URL: https://ria.ru/20240221/predatel-1928584069.html (дата обращения: 24.09.2024).
5. Задержанный за подготовку диверсии подросток признал, что его курировал РДК. URL:

References

1. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.21 № 400. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2 (date of access: 24.09.2024).
2. Criminal Code of the Russian Federation: federal law of 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 09.11.2024). Access from the legal system «ConsultantPlus».
3. Varenich I.G., Grigoryan D.K. Use of mass media and social networks by terrorist leaders. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44251436 (date of access: 24.09.2024).
4. His example is a lesson to others: traitor Kuzminov was killed. URL: https://ria.ru/20240221/predatel-1928584069.html (date of access: 24.09.2024).
5. A teenager detained for preparing sabotage admitted that he was supervised

https://ria.ru/20230428/diversiya-1868482680.html. (дата обращения: 24.09.2024).
6. Интервью Секретаря Совета Безопасности РФ Н.П. Патрушева: «Оранжевая» революция в России не пройдет. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/761/ (дата обращения: 24.09.2024).
7. Кельдасов Т.Д. Вербовка российской молодежи экстремистскими организациями. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/verbovka-rossiyskoy-molodezhi-ekstremistskimi-organizatsiyami (дата обращения: 03.10.2024).
8. Минус 20 лет жизни за финансирование неонацистов. URL: https://vk.com/nakgov?w=wall-176685352_1414 (дата обращения: 24.09.2024).
9. Подозреваемая в теракте Трепова является активной сторонницей запрещенного ФБК Навального. URL: https://rg.ru/2023/04/03/reg-szfo/nak-podozrevaemaia-v-terakte-trepova-iavliaetsia-aktivnoj-storonnicej-zapreshchennogo-fbk-navalnogo.html (дата обращения: 24.09.2024).
10. Поджигателей Мурманского военкомата приговорили к 17 и 14 годам тюрьмы: в апелляции отказано. URL: https://murmansk.bezformata.com/listnews/murmanskogo-voenkomata-prigovorili/135229102/ (дата обращения: 24.09.2024).
11. Судебная статистика РФ. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 24.09.2024).
12. ФСБ задержала двоих россиян за передачу Киеву данных о частях ВС России. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19822923 (дата обращения: 24.09.2024).
13. NYT сообщила о сети секретных баз ЦРУ на Украине у границы с Россией. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/02/2024/65db84ca9a7947f44944da75 (дата обращения: 24.09.2024).

by the RDC. URL: https://ria.ru/20230428/diversiya-1868482680.html. (date of access: 24.09.2024).
6. Interview with Secretary of the Security Council of the Russian Federation N.P. Patrushev: The «orange» revolution will not work in Russia. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/761/ (date of access: 24.09.2024).
7. Keldasov T.D. Recruitment of Russian youth by extremist organizations. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/verbovka-rossiyskoy-molodezhi-ekstremistskimi-organizatsiyami (date of access: 03.10.2024).
8. Minus 20 years of life for financing neo-Nazis. URL: https://vk.com/nakgov?w=wall-176685352_1414 (date of access: 24.09.2024).
9. Trepova, a suspect in the terrorist attack, is an active supporter of Navalny's banned FBK. URL: https://rg.ru/2023/04/03/reg-szfo/nak-podozrevaemaia-v-terakte-trepova-iavliaetsia-aktivnoj-storonnicej-zapreshchennogo-fbk-navalnogo.html (date of access: 24.09.2024).
10. Arsonists of the Murmansk military registration and enlistment office were sentenced to 17 and 14 years in prison: appeal denied. URL: https://murmansk.bezformata.com/listnews/murmanskogo-voenkomata-prigovorili/135229102/ (date of access: 24.09.2024).
11. Judicial statistics of the Russian Federation. URL: https://sudstat.ru/stats/ug/t/14/s/17 (date of access: 24.09.2024).
12. The FSB detained two Russians for passing data on Russian Armed Forces units to Kyiv. URL: https://tass.ru/proisshestviya/19822923 (date of access: 24.09.2024).
13. The NYT reported on a network of secret CIA bases in Ukraine near the border with Russia. URL: https://www.rbc.ru/politics/25/02/2024/65db84ca9a7947f44-944da75 (date of access: 24.09.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Григорян Давид Кромвелович, *кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

Иванов Вячеслав Алексеевич, *преподаватель факультета политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grigoryan David Cromvelovich, *PhD in Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Information Support for Internal Affairs. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Ivanov Vyacheslav Alexeevich, *lecturer at the Faculty of Political Science and Ethnopolitics. The South Russian Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 125–130.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 125–130.

Научная статья
УДК 343.98

ДОПРОС ПОДОЗРЕВАЕМОГО В ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

Калиоропуло Ангелис Евгеньевич
Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, kalioropulo88@mail.ru

Введение: *статья посвящена исследованию организационно-тактических особенностей допроса подозреваемого в злоупотреблении полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа.*

Материалы и методы: *в статье использованы методы анализа, логико-теоретический, описательный и другие методы.*

Результаты исследования: *установлено, что тактика допроса зависит от многих факторов, включая выявление подозреваемого в злоупотреблениях и характер типичной преддопросной ситуации; изложены основные обстоятельства, исследуемые в ходе допроса, и особенности тактики допроса подозреваемого.*

Выводы и заключения: *предложены конкретизация предмета допроса (содержание обстоятельств злоупотребления при формировании, размещении и выполнении гособоронзаказа и задач по их установлению); рекомендации по исследованию преддопросных ситуаций и следственных ситуаций первоначального этапа расследования; законные методы психологического воздействия в целях получения правдивых показаний.*

Ключевые слова: *допрос подозреваемого, размещение и выполнение гособоронзаказа, тактические приемы допроса.*

Для цитирования: Калиоропуло А. Е. *Допрос подозреваемого в злоупотреблении полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа / А. Е. Калиоропуло // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 125–130.*

Original paper

INTERROGATION OF A SUSPECT IN THE ABUSE OF POWER IN THE IMPLEMENTATION OF THE STATE DEFENSE ORDER

Kalioropoulo Angelis Evgenievich
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the study of organizational and tactical features of interrogation of a suspect in abuse of power in the implementation of a state defense order.*

Materials and methods: *the article uses analytical methods, logical-theoretical, descriptive and other methods.*

Results of the study: *it was found that interrogation tactics depend on many factors, including identifying a suspect in abuse and the nature of a typical pre-interrogation situation; the main circumstances investigated during interrogation and the features of the tactics of interrogating a suspect are outlined.*

Findings and conclusions: *the specification of the subject of interrogation (the content of the circumstances of abuse in the formation, placement and implementation of a state defense order and the tasks of establishing them) are proposed; recommendations for the study of pre-interrogation situations and investigative situations of the initial stage of the investigation; legal methods of psychological influence in order to obtain truthful testimony.*

Keywords: *interrogation of a suspect, placement and implementation of a state defense order, interrogation tactics.*

For citation: Kalioropulo A. E. *Interrogation of a suspect in the abuse of power in the implementation of the state defense order / A. E. Kalioropulo // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 125–130.*

Допрос подозреваемого в злоупотреблении полномочиями при выполнении гособоронзаказа позволяет получить ценные доказательства, на основе которых формируется обвинение. В научной литературе и практике расследования существует обоснованное мнение о том, что ни один следователь не считает допрос подозреваемого обычным следственным действием [1, с. 116]. Этот вывод базируется на значении показаний подозреваемого в расследовании. Невиновный человек, получив информацию о подозрении, покажет об оправдательных обстоятельствах. Причастный к совершению преступления, давая правдивые показания, изложит только ему известные детали преступного события. В этом, в общем, и состоит ценность показаний подозреваемого. Показания подозреваемого об обстоятельствах совершения преступления позволяют соединить, связать все имеющиеся доказательства, особенно косвенные, в единую систему информации, позволяющую сделать вывод о содержании события преступления в целом.

В криминалистической литературе и в практических рекомендациях по допросу обоснованно указывается на необходимость всесторонней и полной подготовки к допросу подозреваемого [2, с. 129]. Отметим, что на практике далеко не всегда удается их выполнить ввиду того, что подозреваемый нередко выявляется внезапно, и на полную подготовку времени нет. Но в любом случае необходим анализ ситуации и планирование предстоящего допроса.

В рассматриваемом случае следователь должен ознакомиться с должностными лицами и иными сотрудниками организаций – заказчиком и подрядчиком, участвующими в размещении гособоронзаказа и в его выполнении. Знание способов злоупотреблений при выполнении гособоронзаказа позволяет установить круг лиц, возможно причастных к совершению преступления.

Большое значение имеет характер следственной ситуации, сложившейся к периоду возможных злоупотреблений [3, с. 59–60]. Получение и анализ исходной и иной первоначальной информации дает возможность определить тактические цели расследования и следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, которые надо произвести. Следователь с учетом характера следственной ситуации, объема и содержания доказательственной и ориентирующей информации, которой он располагает, конкретизирует задачи, которые он намерен решить в ходе предстоящего допроса подозреваемого. Необходимо пытаться выяснить: механизм злоупотребления; действия подозреваемого по нарушению процесса выполнения гособоронзаказа; действия других лиц организации-подрядчика, способствовавших нарушению или осведомленных о нем; действия должностных лиц организации-заказчика, участвовавших в злоупотреблениях; действия по образованию материальной выгоды и сговор о ее распределении с должностным лицом организации – заказчиком и подрядчиком и др.

Выявление подозреваемого в расследовании злоупотребления при выполнении гособоронзаказа может осуществляться по двум основным направлениям. В первом подозреваемый известен с самого начала расследования. Речь идет о ситуациях выявления искомого лица либо в случаях оперативно-розыскных мероприятий, либо ревизии или иной проверки деятельности организаций заказчика или подрядчика. Второе направление не дает основания для вывода о лице, совершившем корыстное преступление, в том числе и злоупотребления. Есть только косвенные данные о том, что преступление совершено и можно только предположить о лице, его совершившем. В связи с этим необходимо рассмотреть вопрос о выявлении подозреваемого по типичным видам доказательств и ориентирующей информации. Речь идет о косвенных доказательствах в рассматриваемой следственной ситуации.

В доказывании причастности лица к злоупотреблению прежде всего имеют значение документы по размещению гособоронзаказа, в первую очередь конкурсные дела и документы, обосновывающие возможность лица выполнять данный оборонзаказ. Уже в этих документах могут содержаться косвенные доказательства формирования мотива преступления, в том числе сговора с должностными лицами организации-заказчика. Далее должны исследоваться документы, в которых отражен производственный процесс по выполнению гособоронзаказа, и нарушения, допускаемые с целью формирования материальной выгоды и других элементов предмета расследования данного преступления.

В доказывании причастности конкретного лица к злоупотреблениям косвенно важны результаты следственных действий по исследованию материальных элементов события: следственный осмотр, обыск и выемка. Перед допросом необходимо попытаться убедить подозреваемого в необходимости сотрудничества со следствием путем дачи показаний об обстоятельствах совершенного

преступления. Надо найти примеры из следственной практики, аналогичные ситуации подозреваемого, ознакомить лицо с таким примером и показать ему, что в аналогичном положении другое лицо, используя сотрудничество со следствием, смогло максимально облегчить свое положение.

По делам рассматриваемой категории следователь имеет дело с грамотным, знающим производство, профессионально подготовленным специалистом. Он может аргументированно объяснять допущенные нарушения, показать (в своем пояснении) документальные подтверждения, правомерность своих действий. Допускаемые нарушения выставляются как обычные незначительные отступления в производственной деятельности. Вместе с тем следует отметить, что специалисту сравнительно проще показать и убедить его в очевидных грубых нарушениях. Как профессионал он понимает их сущность, что необходимо настойчиво использовать для получения правдивых показаний.

В ходе подготовки к допросу подозреваемого следователь должен получить информацию о его личности и с учетом имеющихся доказательств определить тактику допроса. В практике расследования принято выделять четыре типичных преддопросных ситуации [2, с. 129–131]:

Первая преддопросная ситуация складывается в случае совершения преступления в условиях очевидности, когда подозреваемый известен и есть доказательства причастности его к совершению преступления. По делам рассматриваемой категории необходимо сделать пояснения. Данные преступления выясняются в ходе доследственной проверки или первоначальных следственных действий. Очевидными можно считать ситуации, когда злоупотребление выявляется в ходе ревизии, иной проверки и факт совершения считается очевидным. Такое же значение имеют результаты оперативно-розыскной деятельности, когда к моменту возбуждения уголовного дела имеются однозначные фактические данные, процессуально оформленные в ходе первоначальных следственных действий. Данная преддопросная ситуация считается простой. Имеются доказательства. Допрос должен носить активный, наступательный характер, с предъявлением доказательств и получения правдивых показаний подозреваемого.

Вторая преддопросная ситуация частично сходна с первой в том, что есть доказательства совершения злоупотребления (например, факта завышения объема выполненных работ по гособоронзаказу и др.), но неизвестно все событие и лица, причастные к его совершению; доказательства, как правило, носят косвенный характер. Данная ситуация распространена. Она складывается в большинстве первоначального этапа расследования. Как правило, не определено, какое преступление совершено: злоупотребление, хищение или преступление другого конкретного характера. Следователь должен представить, какие типичные фактические данные могут образоваться в данном случае, исходя из имеющейся информации. С учетом своих предположений о возможной системе доказательств в рассматриваемом случае строится тактика допроса подозреваемого с выяснением неизвестных доказательств механизма нарушений при злоупотреблении. Разумеется, следователь должен знать способы создания материальной выгоды или денежных средств в зависимости от вида гособоронзаказа.

Подвидом рассматриваемой ситуации является такая, когда доказательств причастности нет, есть сведения ориентирующего (оперативно-розыскного или иного) характера. В данном случае также следователь формирует систему доказательств: имеющихся и предполагаемых данных и их источников (в том числе предполагаемых свидетелей-сотрудников производственного процесса), содержание и последовательность вопросов. Это сложный допрос, который может длиться длительное время (несколько часов).

Третья типичная преддопросная ситуация складывается в случае выявления злоупотребления при расследовании другого преступления – должностного, корыстного или взяточничества. В данном случае у следователя всегда есть возможность получать доказательства в ходе другого расследования, что несколько облегчает установление злоупотребления при выполнении гособоронзаказа.

Наконец, четвертая ситуация возникает в условиях использования фактора внезапности при допросе. Внезапность возникает при неочевидном для подозреваемого допросе. Это встречается при выявлении факта очевидного грубого нарушения при выполнении гособоронзаказа. Для допрашиваемого трудно подготовить объяснения причин и факта нарушения. Внезапность эффективна при возбуждении уголовного дела на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. Разумеется, допрос имеет наступательный характер, необходимый для получения правдивых показаний. Отметим, что в данной ситуации фактор внезапности ис-

пользуется в полной мере. Следователь имеет возможность предсказать содержание и последовательность вопросов и возможные ответы на них допрашиваемого.

Подготовка к допросу подозреваемого представляет собой систему взаимосвязанных действий по изучению имеющейся информации (материалов уголовного дела), получению новой. Подготовка включает анализ преддопросной ситуации, собирание сведений о личности подозреваемого, анализ всей информации о нем, анализ предмета допроса и планирование его содержания, в том числе последовательности и способов выясняемых вопросов с прогнозированием возможной реакции допрашиваемого на них.

Предмет допроса составляет взаимосвязанные вопросы о содержании преступных действий, предполагаемо совершенных подозреваемым. В рассматриваемом случае содержание вопросов зависит от характеристики гособоронзаказа и действий по реализации утверждения, формирования, размещения и выполнения. Напомним, что основные обстоятельства в различной степени объема, выяснения в ходе расследования составляют:

– нарушения в процессе определения организации-исполнителя (подрядчика) гособоронзаказа;

– условия для выполнения гособоронзаказа: несоответствие условий требованиям, предъявляемым к реализации гособоронзаказа; ограничения участия или исключения конкурсантов:

– нарушения в процессе изготовления и поставки продукции головным исполнителем и другими участниками выполнения гособоронзаказа;

– причинение ущерба и способы его формирования и реализации в ходе выполнения;

– существенный вред, чьими действиями он причинен;

– содержание злоупотребления, допускаемого другими участниками выполнения гособоронзаказа;

– факты и содержание нарушений финансового обеспечения выполнения гособоронзаказа.

В зависимости от обстоятельств совершения и расследования злоупотреблений отдельным вопросам уделяется более полное внимание и детальное выяснение. Тактика допроса подозреваемого планируется и осуществляется в зависимости от характера преддопросной ситуации, личности допрашиваемого, характера и значимости вопросов и предъявляемых доказательств.

Известны две типовые ситуации, влияющие на характер содержания допроса. Первая – бесконфликтная, когда причастность лица к совершению преступления очевидна, и вторая – конфликтная, когда подозреваемый отрицает совершение преступления. В первой ситуации в ходе допроса последовательно и детально выясняются обстоятельства совершения преступления. Основная задача следователя заключается в подробном, объективном выявлении элементов события преступления. Выясняются действия подозреваемого по нарушению требований по выполнению гособоронзаказа. Детализация показаний способствует правдивости, объективности их содержания. Обязательно выяснение событий, предшествовавших преступных действий и последующих за ними. Этот прием затрудняет в последующем изложение показаний подозреваемого, т. к. позволяет привлечь к проверке показаний подозреваемого круг лиц, расширяя систему косвенных доказательств виновности лица [2, с. 132].

Вторая типовая ситуация допроса характеризуется психологической борьбой следователя с подозреваемым. Борьба эта возникает в условиях оценки показаний подозреваемого как ложных. Степень уверенности следователя в этом различна. Она должна основываться на установленных к моменту допроса фактах. Но в любом случае необходима настоятельная попытка убеждения подозреваемого.

В расследовании преступлений, предусмотренных ст. 3221 УК РФ, подозреваемый – чаще всего грамотный, подготовленный к осуществлению профессиональной деятельности человек, знающий процесс выполнения гособоронзаказа и существенно допускаемых нарушений специалистом. Поэтому в случае признания, даже частичного, совершения данного преступления такого подозреваемого легче убедить в необходимости дачи правдивых показаний. И наоборот, в случае отрицания вины такой специалист пытается найти весомые, на его взгляд, аргументы своей невиновности, и убедить его в противоположном гораздо труднее. Но убеждение, включая в форме разъяснения значения чистосердечного признания и раскаяния в содеянном, для дальнейшей жизни подозреваемого обязательно. С учетом отсутствия тяжких последствий акта злоупотребления добиться положительного решения подозреваемого вполне возможно. Убеждая подозреваемого, необходимо дать ему возможность ознакомиться с положени-

ями ст. 61 УК РФ и других нормативных актов, разъяснить ему их значение, подкрепив свои доводы примерами из следственной практики. Значение обстоятельств, смягчающих ответственность, нередко способствует принятию подозреваемым решения о правдивых показаниях, оно усиливается в случаях, когда следователь разъясняет подозреваемому роль каждого пункта правовой нормы, каждого обстоятельства из перечисленных в ст. 61 УК РФ, а также ст. 62, 64 и 65 УК РФ.

Убеждение будет более значительным, если следователь демонстрирует возможность расследования установить различные обстоятельства злоупотребления путем производства различных следственных действий и судебных экспертиз. Осознание допрашиваемым возможности установления таких обстоятельств без его показаний и тем самым утраты возможности считать их смягчающими уголовную ответственность обстоятельствами, обычно оказывает сильное воздействие на подозреваемого. Разъяснение ему подробного содержания и значение его правдивых показаний нередко способствуют достижению целей допроса.

Независимо от характера преддопросной ситуации и ситуации допроса у подозреваемого выясняются обстоятельства нарушения действующего доказательства при формировании, размещении и выполнении гособоронзаказа. Детально выясняются действия допрашиваемого, его участие, особенно в размещении и в выполнении гособоронзаказа. Обязательно также исследование финансирования, финансового, в т. ч. банковского, обеспечения выполнения гособоронзаказа.

Противоположны убеждению методы принуждения, или, как его называют, психологического воздействия, или методы изобличения. Психологическое воздействие при допросе – это передача подозреваемым информации, влияющей на него и вынуждаемой (побуждающей) его давать правдивые показания. Психологическое убеждение состоит в сообщении такой информации об обстоятельствах участия допрашиваемого в совершении преступления, которая наглядно доказывает именно сообщаемый ему вариант его причастности к совершению преступления и обязательности для него негативных последствий. Воздействие побуждает допрашиваемого дать правдивые показания, как наиболее приемлемый для него вариант поведения. Воздействие состоит в передаче информации в формах, выработанных практикой и теорией расследования и настоятельного предположения ожидаемой реакции допрашиваемого с разъяснением нежелательных последствий в случае отказа. В таком общении очевидны элементы принуждения, но воздействие без насилия, с возможностью свободного выбора линии и содержания поведения подозреваемого и его показаний по существу подозрения.

Психологическое воздействие начинает применяться в малых дозах вместе с убеждением. Достигается это при использовании следователем тактических приемов допроса, прежде всего, детализации показания подозреваемого и получения последовательных объяснений выясняемого события, а затем и обстоятельств нарушения законодательства о выполнении гособоронзаказа. Подозреваемому предлагается дать показания о механизме нарушений, составляющих содержание злоупотребления, и о его роли в расследовании данного механизма. Детальное изложение способствует выяснению противоречий, пусть незначительных, в системе механизма нарушения. Настойчивое предложение объяснения противоречий психологически готовит лицо к даче правдивых показаний. Данное предположение сформулировано в научно-практической рекомендации, настоятельно предлагаемой следователю: предъявлять доказательства желательно после того, как лицо допрошено по всем обстоятельствам, связанным с этим доказательством. Такой прием позволяет наиболее полно исследовать доказываемое обстоятельство и оказывает влияние на подозреваемого.

Вторым распространенным приемом предъявления документов, как известно, является их сочетание. В зависимости от обстоятельств злоупотребления и личности подозреваемого, а также с обязательным учетом его показаний в ответ на убеждение следователя доказательства предъявляются либо по нарастающей, либо по убывающей силе. В разных случаях используется прием – предъявление всех имеющихся доказательств в совокупности, если такая совокупность по всем предположениям должна привести к даче правдивых показаний.

Психическое воздействие осуществляется и посредством демонстрации возможностей современных научных средств и методов расследования. В расследовании злоупотреблений это осмотр вещественных доказательств – образцов материалов и изделий при замене качества и стоимости выполненных компонентов гособоронзаказа, разъяснения подозреваемому возможностей назначаемых судебных экспертиз.

Можно выделить другие, наиболее рас-

пространенные тактические приемы допроса подозреваемого: создание преувеличенного представления об осведомленности следователя; вовлечение подозреваемого в общение, обсуждение; умение изменять тактику допроса; умение выбора момента для важного вопроса или предъявления документов и др.

Результаты допроса позволяют установить систему обвинительных доказательств и сформировать представление о содержании обвинения и определить направление доказывания вины конкретного лица.

Список источников

1. Метельский Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений. Хабаровск, 2000.
2. Расследование убийств / В.Д. Зеленский, С.А. Куемжиева, Д.А. Влезько [и др.]. Краснодар, 2019.
3. Волчецкая Т.С. Ситуационный подход в практической и исследовательской деятельности: учеб. пособие. Калининград, 2000.

References

1. Metelsky N.E. Application of operational-tactical combinations in crime investigation. Khabarovsk, 2000.
2. Investigation of murders / V.D. Zelensky, S.A. Kuemzhieva, D.A. Vlezko [et al.]. Krasnodar, 2019.
3. Volchetskaya T.S. Situational approach in practical and research activities: textbook. manual. Kaliningrad, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калиоропуло Ангелис Евгеньевич, *аспирант кафедры криминалистики юридического факультета. Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalioropoulo Angelis Evgenievich, *postgraduate student of the Department of Criminalistics of the Faculty of Law. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinina St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 131–137.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 131–137.

Научная статья
УДК 343.9

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ АКТОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРА В АВИАЦИОННОЙ ОТРАСЛИ

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Российская Федерация, pkobets37@rambler.ru

Введение: *актуальность рассматриваемой проблематики определяется серьезными последствиями, возникающими после совершения террористического акта на объектах транспорта. В то же время антитеррористическая безопасность воздушного транспорта не перестает оставаться чрезвычайно актуальной проблемой, поскольку с каждым годом возрастают транспортные потребности и пассажиропотоки.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составил всеобщий диалектический метод, предполагающий исследование явлений и процессов в их развитии и взаимообусловленности. Поднимаемые в работе проблемы для их детального рассмотрения являются довольно объемными, в связи с этим автору пришлось ограничиваться освещением ее отдельных наиболее важных и ключевых аспектов.*

Результаты исследования: *в настоящее время ситуация по противодействию террору в авиационной сфере стала еще сложнее, чем это было в двадцатом столетии, поскольку сегодня требуется на комплексной основе совершенствовать обеспечение безопасности не только воздушных судов, но также всей инфраструктуры авиатранспорта. Сейчас активно разрабатываются мероприятия, связанные с обеспечением антитеррористической безопасности в авиационной сфере, чтобы не допускать террористических угроз. В то же время, несмотря на то, что строгие меры безопасности довольно неплохо работают, необходимо дальнейшее совершенствование мер безопасности на основе новых инструкций и рекомендаций в сфере борьбы с авиационным террором.*

Выводы и заключения: *следует совершенствовать методы, связанные с оценками поведенческих особенностей лиц в ситуациях проведения досмотров в аэропортах. Нужно продолжать осуществлять тесное взаимодействие всех служб авиационной безопасности с правоохранительными структурами, пограничными и таможенными органами, а также иными заинтересованными организациями. Развивать антитеррористическую безопасность в обозначенной сфере необходимо посредством внесения изменений в ее нормативно-правовую основу, поскольку противодействие транспортному терроризму станет эффективным лишь в том случае, когда оно будет осуществляться на комплексной основе. Полученные выводы могут использоваться при совершенствовании стратегии антитеррористической безопасности на транспорте.*

Ключевые слова: *МВД России, профилактика преступлений, международный терроризм, борьба с терроризмом, террористические угрозы, авиационный транспорт, правоохранительная сфера, законодательные основы, правоохранительная деятельность, законность.*

Для цитирования: Кобец П. Н. *Совершенствование деятельности по предупреждению актов международного террора в авиационной отрасли / П. Н. Кобец // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 131–137.*

Original paper

IMPROVING ACTIVITIES TO PREVENTE ACTS OF INTERNATIONAL TERROR IN THE AVIATION INDUSTRY

Kobets Peter Nikolaevich
All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the relevance of the problem under consideration is determined by the serious consequences that arise after a terrorist act at transport facilities. At the same time, anti-terrorist security of air transport continues to be an extremely pressing issue, since transport needs and passenger flows increase every year.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study was the general dialectical method, which involves the study of phenomena and processes in their development and interdependence. The problems raised in the work are quite voluminous for their detailed consideration, in connection with this, the author had to limit himself to covering its individual most important and key aspects.*

Results of the study: *at present, the situation in countering terrorism in the aviation sector has become even more complicated than it was in the twentieth century, since today it is necessary to comprehensively improve the security of not only aircraft, but also the entire air transport infrastructure. Now, measures related to ensuring anti-terrorist security in the aviation sector are actively being developed in order to prevent terrorist threats. At the same time, despite the fact that strict security measures work quite well, it is necessary to further improve security measures based on new instructions and recommendations in the field of combating aviation terrorism.*

Findings and conclusions: *it is necessary to improve the methods associated with assessing the behavioral characteristics of individuals in situations of inspections at airports. It is necessary to continue to closely interact with all aviation security services with law enforcement agencies, border and customs authorities, as well as other interested organizations. It is necessary to develop anti-terrorist security in the designated area by amending its regulatory framework, since combating transport terrorism will become effective only if it is carried out on a comprehensive basis. The findings can be used to improve the strategy of anti-terrorist security in transport.*

Keywords: *Ministry of Internal Affairs of Russia, crime prevention, international terrorism, fight against terrorism, terrorist threats, air transport, law enforcement, legislative framework, law enforcement activities, legality.*

For citation: Kobets P. N. *Improving activities to prevente acts of international terror in the aviation industry / Kobets P. N. // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 131–137.*

Проблематикой антитеррористической безопасности в авиации стали активно заниматься во второй половине прошлого столетия, после совершения разного рода угроз в анализируемой сфере [1, с. 145]. В Советском Союзе впервые воздушное судно было захвачено и угнано в 1970 г. В дальнейшем в СССР, а потом и в Российской Федерации происходили иные акты захвата и угона воздушных лайнеров, повлекшие необходимость изучения проблематики антитеррористической безопасности на воздушном транспорте, а также разработки и внедрения дополнительных мер антитеррористической безопасности. Как правило, они сводились лишь к разного рода проверкам авиалайнеров международных авиалиний, в том числе экипажей самолетов, либо к дополнительным проверочным мероприятиям пассажиров в посадочных зонах. В самом начале развития системы антитеррористической безопасности в авиации правоохранители стремились к обнаружению опасных предметов, огнестрельного оружия, взрывных и взрывчатых веществ. В дальнейшем стали активно разрабатываться и использоваться новые виды различных детекторов, в том числе рентгеновские аппараты, а также разного рода устройства для обнаружения взрывных устройств и компонентов взрывчатых веществ.

Однако совершенно очевидно, что мероприятия, связанные с обеспечением антитеррористической безопасности в авиационной сфере, разрабатываются исходя из того, чтобы никоим образом не допускать инцидентов негативного свойства. При этом, как правило, во всем мире очередное усиление рассматриваемых антитеррористических мер в области авиационной безопасности всегда вводилось после того, как происходили террористические атаки, посредством использования новых методов и подходов к террористической деятельности.

В начале нового тысячелетия ситуация по противодействию террору в авиационной сфере стала еще сложнее, чем это было в двадцатом столетии. Стало совершенно очевидно, что требуется незамедлительно совершенствовать обеспечение безопасности всего авиатранспорта, включая как сами самолеты, так и здания аэропортов. Также пришло понимание того, что помимо пассажиров и их багажа коммерческим авиалиниям могут угрожать иные источники и процессы, в том числе лица, задействованные на объектах, обеспечивающих работу авиационных терминалов. К таким источникам относятся

объекты питания, технического обслуживания, уборки, обработки багажа, розничной торговли, парковки автомобилей и др. С каждым годом в рассматриваемой сфере стали появляться все более новые угрозы, требующие от правоохранителей результативного реагирования и подготовки, а также мер по совершенствованию профилактической работы.

Как показывает мировая практика, воздушный транспорт подвергается самым разнообразным террористическим угрозам, предполагающим летальный исход. В настоящее время международные террористы совершенствуют не только собственные методы нападения, захвата и угона самолетов, но также среди наиболее опасных форм международного террора возникают угрозы использования захваченных воздушных судов в качестве средства поражения объектов критической инфраструктуры [2, с. 16].

Ранее проведенные исследования автора свидетельствуют о том, что в целях совершенствования методов по исполнению терактов международные террористы скорректировали преступную деятельность, направленную на подрыв национальной безопасности страны, начав использовать для совершения анализируемых угроз средства, которые сложно выявить при помощи традиционных подходов [3, с. 51]. В том числе всему миру стало очевидно, что террористическая активность в авиационной сфере может распространяться посредством использования авиационного транспорта одновременно в виде средств и способов совершения террористических атак.

Внедрение террористами разного рода способов для переноски взрывных устройств на борт самолета, например, в личных предметах, одежде, безалкогольных напитках, в какой-то момент очень быстро стало одним из распространенных методов с маскированием различных взрывных устройств, которые были использованы для совершения террористических атак. Сразу службами безопасности и правоохранителями по всему миру были предприняты меры безопасности, приняв во внимание эти новые угрозы, что привело к еще более строгим мерам и контролю в авиационной сфере. В частности, в большинстве государств мира были проведены радикальные изменения по более эффективному регулированию антитеррористической безопасности аэропортов.

После этого правоохранителям стало понятно, что строгие меры безопасности довольно неплохо работают, и во многих странах началось дальнейшее совершенствование мер безопасности, подготавливая новые инструкции и рекомендации в сфере борьбы с авиационным террором. Во многих международных аэропортах стали вводиться программы более строгих предварительных проверок. Имелись опасения, что взрывчатые вещества могут быть пронесены в зубной пасте на борт самолета и там использоваться для контрабанды взрывчатых веществ, из которых затем можно сделать бомбу во время полета. Немаловажно и то, что обеспокоенность использованием тюбиков с пастой привела к тому, что авиапассажирам было запрещено иметь при себе жидкости, которые включали пасты, кремы, гели и напитки в контейнерах, впоследствии были запрещены все жидкости, пасты и гели в ручном багаже во всех аэропортах [4, с. 72].

Как показывает проведенное исследование, в целях гарантирования безопасности и предоставления защиты в авиационной отрасли всеми заинтересованными в этом службами выполняется необходимый набор мероприятий, состоящий из обеспечения охраны авиалайнеров и иных летательных аппаратов, воздушных гаваней вместе со всеми объектами их инфраструктуры, досмотра экипажей и грузов, предотвращение захвата и угона самолетов [5, с. 35]. Одним словом, современная авиационная безопасность стремится идти в ногу с вновь возникающими угрозами, однако необходимо помнить, что международные террористы никогда не будут терять бдительности. Совершенно очевидно, что ими всегда будет корректироваться их преступная деятельность, чтобы пытаться опережать имеющие место меры антитеррористической безопасности, которые становятся с каждым годом все строже. При этом совершенно очевидно, что с каждым годом безопасность авиаперелетов становится все более и более сложным вопросом [6, с. 11].

Акты воздушного терроризма, происходящие в условиях нового тысячелетия, в полной мере продемонстрировали не только потребность, но также весомость и значимость осуществления мер антитеррористической защиты рассматриваемого транспорта [7, с. 41]. В то же время с каждым годом становится все более явным одно из важнейших обстоятельств, а именно то, что абсолютной и полной безопасности быть не может, модель послойной безопасности стала нормой. Поэтому в настоящее время за обеспечение безопасности на воздушном транспорте отвечают три основных элемента. Во-первых,

предупреждение через изображение. Обнаружение, отслеживание и изоляция потенциальных преступников прежде, чем они проведут террористическую атаку. Во-вторых, сдерживание террористов только посредством устрашения, конечно же, довольно эффективно, но, опять же, до определенного времени. Дело в том, что, как показывают ранее проведенные исследования, многие современные международные террористы мыслят суицидально, и поэтому единственное верное средство сдерживания их от совершения терактов – это возможность убедить их, что они не достигнут поставленных целей.

Учитывая большую уязвимость любых воздушных судов, сдерживание террористов посредством их устрашения довольно сложная задача, поскольку международные террористы очень заинтересованы в том, чтобы пронести взрывчатые вещества или другие опасные приметы в самолеты. Выявление опасных предметов и устройств представляет собой третий элемент, который сегодня является самым отработанным и широко внедряемым по всему миру в процессе проведения контроля авиапассажиров, направляющихся на посадку в воздушные суда. И для того, чтобы данный элемент мог оставаться еще многие годы в максимальной степени результативным, правоохранителям и службам безопасности важно быть по меньшей мере на полшага впереди международных террористов.

В связи с этим правоохранителями и службами безопасности должна проводиться полная оценка всех потенциальных террористических угроз в авиационной сфере через исследование последних информационных данных о планах и возможностях международных террористов [8, с. 283]. Также немаловажно посредством деятельности оперативных аппаратов совершенствовать процессы выявления и отслеживания террористических групп, которые могут изготовить взрывное устройство и пронести на борт воздушного судна в небольшом контейнере. Как правило, подобными возможностями обладают немногие террористические группы, поскольку очень непросто изготовить взрывные устройства, чтобы они были незамеченными в процессе контроля в аэропорту.

Также важно отметить, что особая роль в системе обеспечения безопасности должна отводиться как вспомогательному оборудованию, так и сотрудникам службы безопасности, осуществляющим досмотр пассажиров. Все новые образцы обозначенного оборудования становится также более совершенными. Сегодня аэропорты, как правило, работают в соответствии с различными экономическими обстоятельствами, что часто связано с пассажирским потоком. Между тем самые современные образцы специальной техники, позволяющей службам безопасности определять опасные предметы, нужно устанавливать не только в самых крупных и международных аэропортах, а повсеместно.

Сразу же возникает вопрос об особенностях зарубежных аэропортов [9, с. 15]. К примеру, отдельные зарубежные аэропорты могут быть нацелены на необходимость противодействия контрабанды наркотиков, другие на выявление незаконного оружия. Несбалансированное выявление террористических угроз в определенных зарубежных аэропортах может представлять существенную опасность для эффективной антитеррористической деятельности в авиапроме. Возможно предположить, что в ряде стран транзитные пассажиры, как и их ручная кладь и багаж, могут быть досмотрены не самым должным образом между рейсами. В связи с этим возможно, что пассажиры, проходившие слабый контроль в зарубежных аэропортах, могут представлять серьезную угрозу для отечественных аэропортов с более совершенными системами контроля и службами обеспечения безопасности. Поэтому процесс обеспечения антитеррористической безопасности не должен находиться в непосредственной зависимости от того, что может себе позволить руководство аэропортов.

Как правило, основными инструментами проверки пассажиров и грузов являются рентгеновские системы и приборы определения следов взрывчатых веществ. Рентгеновские проверки, выполняемые в пунктах контроля, могут указать на присутствие угроз совершения терактов, поскольку рентген легко обнаруживает аккумуляторы и провода в сборке детонатора [10]. В том числе микроскопические частицы, оставленные международными террористами на вещах и предметах во время сборки взрывного устройства, обнаруживают при помощи газоанализаторов. Также для обеспечения безопасности привлекаются служебные собаки, которых тренируют на выявление взрывчатых веществ и определение их местонахождения [11, с. 142].

Между тем, несмотря на заметное усовершенствование технического оборудования и иных средств, на сегодняшний день в

первую очередь выявление представляющих террористические угрозы предметов и веществ по-прежнему зависит от сотрудников служб безопасности авиационной сферы. И прежде всего тех, кто отслеживает рентгеновские изображения в местах проверки пассажиров, ручной клади и багажа. Сотрудники служб безопасности, осуществляющие досмотр, работающие на рентгеновском оборудовании, в основном распознают предметы и выполняют задачу визуального поиска. Распознавание предмета является ключевой функцией человеческого восприятия и когнитивной системы. В связи с этим так важно заниматься тщательной и всесторонней подготовкой сотрудников, осуществляющих досмотр, для того, чтобы они понимали, что им необходимо обнаружить, а также каков функционал предназначенных для этого предметов.

При данных обстоятельствах правоохранителям и службам безопасности следует отчетливо понимать, что в дальнейшей перспективе международными террористами будут по-прежнему совершенствоваться способы изготовления самодельных взрывных устройств для совершения резонансных террористических атак. Вполне возможно, что какая-то часть взрывчатых веществ террористами может быть спрятана не только в миниатюрных контейнерах, но и во многих других местах. Не следует исключать возможности проноса на борт воздушных судов террористами-смертниками взрывных устройств и предметов в полостях своего тела. Поэтому на сегодняшний день так важна разработка полного спектра технических средств и устройств, способных полностью гарантировать безопасность от террористических угроз в авиационной сфере.

В условиях потенциальных международных террористических угроз правоохранителям важно совершенствовать использование методов, связанных с оценками поведенческих особенностей лиц в ситуациях проведения досмотров в аэропортах с целью повышения мер обеспечения безопасности [12, с. 120]. Это позволит сотрудникам служб безопасности аэропортов совершенствовать приемы, сфокусированные на манере вести себя и ответах, последовавших на вопросы касательно целей поездки и др.

Для организации взаимодействия и повышения сотрудничества всех субъектов, осуществляющих антитеррористическую безопасность авиационной сферы, было бы необходимо законодательно закрепить «взаимное пред-ставление авиационными компаниями для согласования программы по обеспечению авиационной безопасности специально уполномоченному в области авиации органу государства» [13, с. 77]. Данная предупредительная мера транспортной безопасности позволила усилить защищенность рассматриваемых объектов гражданской авиации от актов незаконного вмешательства и в то же время могло бы содействовать предупреждению терроризма в авиационной инфраструктуре.

Как отмечают российские специалисты, «исследование проблематики авиационной безопасности свидетельствует о том, что ряд существующих правил и положений по ее обеспечению уже устарели, и поэтому внедрение новых норм позволит говорить об устранении имеющихся пробелов и противоречий» [14, с. 13]. Следует согласиться с позицией отечественных экспертов, отмечающих, что законодательные основы обеспечения безопасности в рассматриваемой сфере должны «учитывать международные стандарты и интересы различных субъектов в этой сфере, что в дальнейшем обеспечит создание единой правовой основы деятельности по обеспечению авиационной безопасности, а также следует принимать во внимание, что законодательство в области воздушной безопасности должно быть ориентировано на создание системы превентивных, профилактических мер, нацеленных на нейтрализацию устранение причин и условий возникновения и распространения преступной деятельности» [15, с. 275].

Кроме того, необходимо осознавать, что противодействие транспортному терроризму станет эффективным лишь в том случае, когда оно будет осуществляться на комплексной основе, а основным элементом комплексности будет выступать совершенная правовая основа. Поэтому совершенствовать антитеррористическую безопасность в обозначенной сфере в первую очередь необходимо посредством внесения изменений в ее нормативно-правовую основу. При этом важно указать на то, что уголовно-правовое противодействие терроризму на объектах транспорта не является достаточным вследствие пробелов в правовом регулировании. В целях модернизации действующих уголовно-правовых норм рекомендуется внести поправки в Уголовный кодекс РФ (ч. 3 ст. 205 УК РФ), которые сделают возможным считать квалифицирующими обстоятельствами осуществление террористических атак на объектах транспорта с использованием транспорта в качестве средств либо орудий при совершении преступлений.

В дальнейшем на всех объектах транспортной авиационной инфраструктуры необходимо продолжать проводить тесное взаимодействие всех служб авиационной безопасности с подразделениями ФСБ России, МВД России на транспорте, пограничными и таможенными органами, а также иными заинтересованными организациями. Возможно, что скоро активно внедряемые во все сферы жизнедеятельности, в том числе и в работу правоохранительных структур, технологии искусственного интеллекта также помогут усовершенствовать введение анализа поведенческого скрининга в аэропортах.

Также в сложившейся ситуации и при подобных условиях чрезвычайно важен полный баланс между выявлением поведенческих особенностей лиц с террористическими наклонностями и выявлением опасных видов оружия или взрывчатых веществ путем применения технологических средств. Многими современными психологами уже довольно хорошо и убедительно обосновано, что логика данного подхода заключается в том, что невербальное поведение пассажиров и вербальные ответы могут выявить обман и даже враждебные намерения. Например, у злоумышленников, являющихся международными террористами, могут проявиться черты некоторой нервозности, они могут быть крайне обеспокоены процедурой проверки на предмет обеспечения безопасности, что не похоже на обычное поведение пассажиров. Подобная реакция должна вызвать настороженность у сотрудников службы безопасности аэропортов.

Таким образом, минимизация рисков, связанных с возможностью совершения террористических актов на объектах авиационного транспорта, в настоящее время является главной задачей, имеющей первостепенное значение. Применение всех перечисленных мер, направленных на совершенствование методики предотвращения террористических угроз, которую следует применять на основе глубокого и всестороннего подхода, может представлять весьма результативное решение для предупреждения эволюционирующих угроз, исходящих со стороны международных террористов, осложняющих работу авиационного транспорта.

Список источников

1. Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации: обзор III Всероссийской научно-практ. конф. (19 апреля 2024 г.) / А.М. Воронов, С.И. Гирько, Д.В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. 2024. № 3(51).
2. Бартасюк А.А., Матвеев Н.Г. К вопросу о взаимодействии органов государственного управления в сфере обеспечения авиационной безопасности гражданской авиации от актов незаконного вмешательства // Государственное управление 3-го тысячелетия: проблемы и перспективы. Хабаровск, 2013.
3. Кобец П.Н. Оптимизация мер, направленных на антитеррористическую защищенность объектов с массовым пребыванием людей // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2024. № 2(70).
4. Гончаров В.Е. Контроль жидкостей, находящихся в закрытых емкостях // Защита информации. Инсайд. 2008. № 4(22).
5. Мешанков Д.В., Тихонов А.И. Проблемы обеспечения экономической безопасности на авиационном транспорте // Московский экономический журнал. 2019. № 1.
6. Кобец П.Н. Актуальные вопросы обеспечения комплексной безопасности и противодействия преступности террористического

References

1. Legal support of national security. Ten years of the Law on Strategic Planning in the Russian Federation: review of the III All-Russian scientific-practical. conf. (April 19, 2024) / A.M. Voronov, S.I. Girko, D.V. Iroshnikov [et al.] // Transport law and security. 2024. № 3(51).
2. Bartasyuk A.A., Matveyev N.G. On the interaction of government bodies in the field of ensuring aviation security of civil aviation from acts of unlawful interference // Public administration of the 3rd millennium: problems and prospects. Khabarovsk, 2013.
3. Kobets P.N. Optimization of measures aimed at anti-terrorist protection of facilities with a mass presence of people // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. № 2(70).
4. Goncharov V.E. Control of liquids in closed containers // Information protection. Inside. 2008. № 4(22).
5. Meshankov D.V., Tikhonov A.I. Problems of ensuring economic security in air transport // Moscow Economic Journal. 2019. № 1.
6. Kobets P.N. Actual issues of ensuring comprehensive security and counteracting terrorist crime at air transport facilities: problems and solutions // Security issues. 2017. № 3.
7. Kobets P.N. Improving anti-terrorist security measures at transport facilities // Scientific

характера на объектах воздушного транспорта: проблемы и пути решения // Вопросы безопасности. 2017. № 3.
7. Кобец П.Н. Совершенствование антитеррористических мер безопасности на объектах транспорта // Научный портал МВД России. 2020. № 1(49).
8. Пилипчук Т. Р. Воздушный терроризм // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2014. Т. 2.
9. Моховиков О.В., Комов А.А. Международный опыт обеспечения авиационной безопасности // Транспортное право. 2014. № 3.
10. Украинцев Ю. Транспортная безопасность и современные технологии досмотра пассажира // Мир и безопасность. 2007. № 6.
11. Зубков Б.В., Прозоров С.Е., Бочкарев А.Н. [и др.]. Разработка методов и средств защиты воздушного судна от угрозы взрыва во время полета // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2008. № 127.
12. Предупреждение преступности в России / Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Ю.Г. Касперович [и др.]; под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2014.
13. Кобец П.Н. О важности разработки комплексных мер наиболее эффективно противодействующих угрозам биотерроризма // Философия права. 2021. № 1(96).
14. Бирник И.М. Повышение профессионального потенциала спецназа и авиации МВД России // Профессионал. 2016. № 1.
15. Чолахаев Н.Ш., Алексеев С.Н. Проблемы противодействия террористическим угрозам в области авиационной безопасности // Российское законодательство в сфере борьбы с пожарами и другими стихийными бедствиями: история и современность: материалы Всероссийского круглого стола (31 октября 2017 г.). СПб., 2020.

portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1(49).
8. Pilipchuk T.R. Air terrorism // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2014. Vol. 2.
9. Mokhovikov O.V., Komov A.A. International experience in ensuring aviation security // Transport law. 2014. № 3.
10. Ukraintsev Yu. Transport security and modern passenger screening technologies // Peace and security. 2007. № 6.
11. Zubkov B.V., Prozorov S.E., Bochkarev A.N. [et al.]. Development of methods and means of protecting aircraft from the threat of explosion during flight // Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. 2008. № 127.
12. Crime prevention in Russia / Yu.M. Antonyan, M.M. Babaev, Yu.G. Kasperovich [et al.]; edited by Yu.M. Antonyan. Moscow, 2014.
13. Kobets P.N. On the Importance of Developing Comprehensive Measures to Most Effectively Counteract Bioterrorism Threats // Philosophy of Law. 2021. № 1(96).
14. Birnik I.M. Improving the Professional Potential of Special Forces and Aviation of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Professional. 2016. № 1.
15. Cholakhaev N.Sh., Alekseev S.N. Problems of Counteracting Terrorist Threats in the Field of Aviation Security // Russian Legislation in the Sphere of Combating Fires and Other Natural Disasters: History and Modernity: Materials of the All-Russian Round Table (October 31, 2017). St. Petersburg, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кобец Петр Николаевич, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности. Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России. 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1.*
ORCID: 0000-0001-6527-3788

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kobets Peter Nikolaevich, *Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Organizational Support of Scientific Activities. All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 25/1, Povarskaya St., Moscow 121069 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 138–145.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 138–145.

Научная статья
УДК 343.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФУНКЦИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРАВЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Кузнецов Алексей Александрович
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, omsklaw07@mail.ru

Введение: *в современной юридической науке достаточно активно обсуждаются вопросы, связанные с целями и задачами как самих правовых отраслей, так и их отдельных институтов. При этом проблема их функций уже достаточно давно перестала составлять предмет исследований не только в теории права, но и в предметных отраслях правовой науки. Между тем в современных условиях, когда происходит глобальная трансформация всего мирового порядка, а соответственно, и общественных отношений, игнорирование внимания фундаментальных вопросов права является недопустимым. Особенно это опасно с учетом происходящих изменений во всех аспектах жизнедеятельности человека, при одновременном использовании уже давно устаревшей информации относительно направлений развития права и применения законодательства в уголовно-правовой сфере.*

Материалы и методы: *для достижения целей исследования применялись различные научные методы: общенаучные методы познания (системно-структурный, анализ, синтез, индукция, дедукция), исторический метод в сочетании с герменевтическим, а также частнонаучные методы, такие как сравнительно-правовой, метод правового моделирования и экстраполяции.*

Результаты исследования: *наработки середины прошлого столетия относительно поднимаемой в статье проблематики в новых условиях уже давно требуют иного взгляда. С учетом того, что уголовно-правовые отношения не могут существовать в отрыве с отношениями, складывающимися в уголовно-исполнительном праве, предложенный в работе подход вполне может найти свою поддержку у государства как единый, комплексный и максимально эффективный. Изменение такого подхода было обусловлено в первую очередь искусственным разделением отраслей права на материальную и исполнительную, что привело к дроблению всего, что с этим связано, от, собственно, норм до тех знаний, которые получают будущие специалисты в ходе изучения соответствующего материала.*

Выводы и заключения: *автором в результате исследования сформирован вывод о трансформации функций ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве на современном этапе.*

Ключевые слова: *функции, задачи, цели, уголовно-правовое регулирование, охрана, государственное принуждение.*

Для цитирования: Кузнецов А. А. *Трансформация функций ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве на современном этапе / А. А. Кузнецов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 138–145.*

Original paper

TRANSFORMATION OF THE FUNCTIONS OF RESPONSIBILITY IN CRIMINAL AND CRIMINAL-EXECUTIVE LAW AT THE PRESENT STAGE

Kuznetsov Alexey Alexandrovich
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *in modern legal science, issues related to the goals and objectives of both the legal branches themselves and their individual institutions are quite actively discussed. At the same time, the problem of their functions has long ceased to be the subject of research not only in the*

theory of law, but also in the subject branches of legal science. Meanwhile, in modern conditions, when a global transformation of the entire world order is taking place, and, accordingly, social relations, ignoring the attention of fundamental issues of law is unacceptable. This is especially dangerous given the changes taking place in all aspects of human life, while simultaneously using long-outdated information regarding the directions of development of law and the application of legislation in the criminal law sphere.

Materials and methods: *to achieve the objectives of the study, various scientific methods were used: general scientific methods of cognition (systemic-structural, analysis, synthesis, induction, deduction), the historical method in combination with the hermeneutic, as well as specific scientific methods, such as comparative legal, the method of legal modeling and extrapolation.*

Results of the study: *the developments of the middle of the last century regarding the issues raised in the article, in the new conditions have long required a different view. Considering that criminal-legal relations cannot exist in isolation from the relations developing in the criminal-executive law, the approach proposed in the work may well find its support from the state as a single, comprehensive and maximally effective. The change in this approach was due primarily to the artificial division of the branches of law into substantive and executive, which led to the fragmentation of everything related to this, from the norms themselves to the knowledge that future specialists receive in the course of studying the relevant material.*

Findings and conclusions: *as a result of the study, the author has formed a conclusion about the transformation of the functions of responsibility in criminal and criminal-executive law at the present stage.*

Keywords: *functions, tasks, goals, criminal-legal regulation, protection, state coercion.*

For citation: Kuznetsov A. A. *Transformation of the functions of responsibility in criminal and criminal-executive law at the present stage / A. A. Kuznetsov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 138–145.*

Роль функций ответственности в состоянии высокой динамики развития общества не может быть постоянной. Именно поэтому в поступательном развитии общественных отношений можно проследить существенные изменения в соотношении значимости правовых функций для государства на определенный отрезок времени. От устрашения до контроля исторически ответственность проделала по-настоящему колоссальный путь. Это не просто смена различных идей по истечении определенных исторических отрезков, а соответственно и форм реализации принуждения, это эволюционная перестройка всех форм жизнедеятельности человека, подразумевающая глубокую трансформацию его сознания, отношения к преступлению, преступнику, государству и его праву на реализацию насилия, а также к таким ценностям, как свобода воли, права личности, духовно-нравственное состояние человека и его жизнь как его право [1, с. 30–31]. Это и многое другое, оказавшее необратимое влияние на основную форму выражения государства к подобным трансформациям.

Принуждение в уголовно-правовой сфере как явление исторически едино, а соответственно, и его функции, развиваясь вместе с принуждением, олицетворяя его, также охватывали все аспекты одного и того же направления, обеспечивающего противодействие преступности. Принуждение в рамках ретроспективного аспекта сложно себе представить исключительно как уголовно-правовую, уголовно-исполнительную либо уголовно-процессуальную деятельность. Все они так или иначе выражали волю государства и были едины в этом отношении, при различном наборе средств, вместе составляющих единый механизм воздействия на лицо, совершившее преступление. При этом интересно, что если проанализировать не только отечественное, но и зарубежное законодательство практически в любом из периодов их развития, то практически с полной уверенностью можно будет сделать вывод, согласно которому во всех ныне выделяемых трех отраслях права функции ответственности, функции самого законодательства были едины.

Конечно, во многом это связано с отсутствием четкого разделения сфер правового регулирования, что делало сам факт такого единства неизбежным. Однако при этом нельзя забывать и о том, что такое единство было обеспечено централизацией власти, а также отсутствием любых отклонений от ее волеизъявлений. Проистекающая от этого централизация законодательства, а соответственно и ответственность, были лишь трансляцией общего государственного подхода к преступности, преступлениям и личности преступника. Сообразно этому и функции ответственности были максимально унифицированы, а с учетом эпохи и ее эволюции практически безальтернативными.

Исторически таких идей было не так много. Так, функция устрашения, как известно, была характерна для периода доминирования наказания в виде смертной казни и других видов телесного воздействия на виновного. Функция исправления, а следовательно, и предупреждения, начиная с момента появления наказания в виде лишения свободы, ставшим отправной точкой для изменения подхода государства к исправлению виновного, сохранению человеческого капитала, а также реализации начал справедливости и гуманизма, оказала доминирующее влияние и на сами функции принуждения в уголовно-правовой сфере. У предупреждения, присутствующего всегда, лишь менялась степень значимости, в силу ее зависимости как от функций устрашения, возмездия или кары, так и от функции исправления. Их трансформация напрямую зависела от трансформации уголовной политики государства и подхода к принуждению в общем и целом. Это неразрывные процессы, которые исторически происходили всегда, так же как реализуются и сейчас, продолжая движение вслед за происходящими изменениями, в том числе и общесоциального характера, не говоря уже об изменениях политического, экономического и иного свойств.

Нельзя при этом, конечно же, забывать и о также всегда присутствующей функции компенсации, так или иначе оказывающей немалое влияние на решение конфликта в обществе, начиная еще со времен Русской Правды. Однако при этом недооценивать и того факта, что ее роль никогда не была доминирующей в уголовно-правовой сфере регулирования общественных отношений [2, с. 26–30]. Во многом это, кстати, обусловлено тем, что собственно, в уголовном праве регулирования не так много, а преобладание охраны всегда носило тотальный характер применительно ко всем отраслям данного направления деятельности государства[1].

Интересно также, что функция контроля, которая традиционно не рассматривается специалистами в области уголовного права, в качестве присущей данной отрасли, тем не менее в ней всегда присутствовала. Способы контроля всегда были различными, но попытки его осуществления были всегда, что находит свое отражение в идее стигматизации и ее реализации во все времена независимо от территории применения и исторического отрезка. В определенное время это клеймение преступников, в другие периоды – отметка в паспорте и теория судимости за определенные категории преступлений. Так или иначе попытки удержать контроль над преступностью и преступниками всегда были присущи всей уголовно-правовой сфере. А с учетом неотделимости уголовного права, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права крайне сложно вести речь о самой возможности разделения его функций в зависимости от стадий реализации. И здесь нельзя не согласиться с М.М. Бабаевым и Ю.Е. Пудовочкиным, которые отмечают, что наказание, а значит, и ответственность – квинтэссенция судебно-уголовной политики. Оно воплощает в себе все самое главное, что составляет ее сущность, ее потенциал, ее проблемы. При этом все основные функции такой политики – «…устрашающая, демонстративная, правовоспитательная и другие – не просто соотнесены с наказанием, но реализуются в той или иной степени успешно в зависимости от того, как успешно работает наказание» [3, с. 118].

Применительно к юридической ответственности А.Ф. Плахотный пишет, что она «…представляет собой конкретно-историческую и классово-определенную разновидность социальной ответственности, которая является необходимым средством согласования и упорядочивания действий социальных субъектов в соответствии с потребностями общества (господствующего класса) на всех этапах его развития» [4, с. 79]. Именно поэтому «…корни юридической ответственности следует искать не в законодательстве, а в сущности, содержании и структуре господствующих общественных отношений, что выходит за рамки непосредственного предмета правоведения» [5, с. 25].

Таким образом, говоря об ответственности, мы автоматически подразумеваем всю судебно-уголовную политику и те функции, которые как раз ответственностью и определяются, но никак не наоборот. Находя свое выражение в функциях ответственности, судебно-уголовная политика выстраивает-

[1] Нельзя при этом не отметить, что в отечественной доктрине, во-первых, на постоянной основе происходило смешение функций наказания, ответственности и уголовного права, с их целями. А во-вторых, никогда не было стабильного представления ни об их перечне, ни тем более, об их содержании. См. об этом: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. С. 56–54; Пионтковский А.А. Избранные труды. Т. 1. Казань, 2004. С. 25, 99; Шаргородский М.Д. Наказание, его цели и эффективность. СПб., 2003. С. 241–243; Жижиленко А.А. Очерки по общему учению о наказании. Петроград, 1923. С. 33–34. В современный период про это пишет, например, О.Н. Бибик. См. его: Культурное измерение уголовно-правовых отношений и криминологических исследований. М., 2007. С. 156, 158; Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие. М., 2012. С. 110–115.

ся сообразно тем возможностям, которые у ответственности имеются для достижения поставленных целей. С учетом того, что корни ответственности находятся далеко за пределами законодательства, а само ее обоснование изначально происходило в рамках социально-философских познаний, то и судебно-уголовная политика, так или иначе выстраивается исходя из тех функций, которые ответственностью в данный конкретный исторический отрезок могут быть реализованы. Например, в настоящий момент такое понимание происходит в том числе на основе возможностей ответственности с учетом технократического развития общества и доминирования технологических императивов на развитие общественных отношений в целом и на каждый индивидуум в частности. И здесь определяющими являются именно эти возможности, а соответственно, и реальные ожидания у формируемой на их основе судебно-уголовной политики.

К большому сожалению, многие авторы, анализируя современное законодательство, особенно в части трансформации ответственности в современных условиях, уходят на уровень банальной критики якобы политической подоплеки происходящих изменений, не замечая при этом ни реальных геополитических сдвигов, ни технократических доминант, ни других факторов, оказывающих тотальное влияние на развитие ответственности [6, с. 18–19]. Ее функции в масштабе происходящих событий в мировом пространстве в настоящем столетии априори не могут быть прежними или находиться в прежнем приоритете по отношению друг к другу, как это было еще 30–40 лет назад. И речь должна идти не о мнимом политикантском выборе, способном серьезно повлиять на такой процесс, как определение функций ответственности в уголовно-правовой сфере, а о реальных процессах, определяющих, каким должно быть направление репрессии. То же самое касается и любых других изменений в развитии общества, будь то технологические императивы или период проведения специальной военной операции (далее – СВО) (опять же ближе к геополитическим изменениям). В любом случае это всегда процессы, способные поменять не просто законодательство (оно всегда вторично) или практику его применения, а в целом взгляд, отношение к проблеме, а соответственно, и пути ее решения, которые необходимы именно сегодня.

Отсюда и функции права, как и функции в уголовно-правовой сфере, выступают в качестве основных показателей курса государства на противодействие преступности. Более того, необходимо говорить о том, что именно через анализ функций можно сделать определенный вывод относительно внешнеполитического курса в данной его части, а также об отношении власти к основополагающим ценностям, включая приверженность к той или иной модели развития общества в целом. В этом отношении функции представляют собой способ выражения воли государства, что и позволяет говорить не просто о ее прямой связи с судебно-уголовной политикой, а как о ее внешнем проявлении.

Яркий тому пример – трансформация позиции государства, а следовательно, и уголовной политики, не говоря уже о функциях ответственности и непосредственно законодательства, в ситуации специальной военной операции по отношению к лицам, осужденным (или ранее судимым) за совершенное преступление. Даже поверхностный анализ УК РФ впечатляет с позиции того, как и насколько быстро законодатель не просто отреагировал на происходящие события, а, по сути, кардинально поменял веками сложившийся подход к репрессии, включая и их функции. Его новые статьи, направленные на освобождение от уголовной ответственности и от наказания, снятия и погашения судимости и т. д., указывают на трансформацию не закона (он даже не вторичен), а функций ответственности, которые в одночасье стали иными, невзирая ни на доктрину, ни на историю, ни на какие-либо другие факторы. Ситуация с «вагнерами» сначала в прямом смысле этого слова потрясла всех, затем, и довольно быстро, стала нормой и тут же нашла свое отражение в уголовном законе[2]. Не менее быстро она распространилась на всех лиц, привлекаемых к уголовной ответственности или осужденных в период мобилизации, военного времени или военного положения.

Впрочем, сам факт привлечения к военной службе, тех кто находится в конфликте

[2] Интересно, что подобного рода ситуация, когда государство использует лиц, уже осужденных за совершенное преступление для защиты собственных же интересов, уже известна российскому законодателю. Одним из таких примеров в отечественной истории являются военные арестантские роты инженерного ведомства Российской империи, учрежденные как вид уголовного наказания в 1823 г. и участвующие в обороне Севастополя в 1854–1855 гг. См. об этом более подробно: Колонотаев К. Штрафники времен первой обороны Севастополя. URL: https:// warhistory.livejournal.com/2648479.html. Это, безусловно, и так называемые «штрафные батальоны», создаваемые в период Второй мировой войны, участие в которых лишь по ошибочному представлению было исключительно на принудительной основе.

с государством, уже говорит обо многом. И даже несмотря на богатую пищу для размышлений в части позитивной трансформации личности преступника в новых условиях, тем не менее мы уже не имеем права рассуждать об этом исключительно с позиции прежних функций ответственности и их приоритетности. Специалисты пишут, что «Можно говорить о трансформации интересов государства и его отношения к личности преступника не только как к объекту уголовной политики, но и как к важному средству обеспечения национальных интересов. Таким образом, это обоюдный процесс изменяющегося отношения друг к другу в зависимости от происходящих изменений и даже отдельно взятых явлений» [7, с. 344–345]. Безусловно, это так, но именно это и указывает на необходимость пересмотра подходов, а не просто корректировки текста закона, который на самом деле был просто вынужден реагировать сообразно тому, что происходит.

По большому счету, с учетом происходящих событий, их динамики, значимости, беспрецедентности мы наблюдаем опережающее развитие законодательного материала. Доктрина, методология или практика – никто не успевает за трансформацией общественных отношений. У законодателя нет выбора, он вынужден соответствовать любой динамике, он должен ее даже предвосхищать. И в такой ситуации он не скован догмами. Стереотипы и прежние конструкции, какое бы они теоретическое обоснование не получили ранее, уходят на второй план. Доктрина в этом отношении значительно более монолитна и неподвижна[3].

И сейчас, когда никто не вспоминает про функции ответственности в уголовно-правовой теории, законодатель (вне зависимости от отрасли правового регулирования) эти функции не просто корректирует, а, по сути, кардинально меняет, а порой и создает заново. С одной стороны, он делает это, как может, и зачастую за это критикуем, а с другой – его действия отвечают единственно верному критерию – своевременности. Отсюда и насыщение УК РФ, УИК РФ, УПК РФ, КоАП РФ, иного федерального законодательства (например, в сфере регулирования миграционных правоотношений, противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков) нормами, до сегодняшнего дня российскому правоприменителю, ученому, специалисту и просто гражданину своей страны неизвестными.

Меняются в этих условиях и функции ответственности, которые сегодня уже крайне далеки от тех, что были до 2022 г. (начало СВО). Соответственно, при сохранении традиционных охранительной и регулятивной функций в сложившихся условиях ответственность в уголовно-правовой сфере начинает приобретать новые, зачастую ранее не свойственные ей функции. Тот же контроль, о котором еще несколько лет толком ничего не говорилось ни в теории, ни тем более на законодательном уровне, стал все большее место занимать место в уголовно-правовом регулировании. Что интересно, именно контроль изначально никакого отношения к охранительному направлению государственного принуждения никогда не имел. Однако меняющиеся условия жизнедеятельности трансформируют и сам подход, отношение к роли уголовного права в деле противодействия преступности, и в особенности воздействия на личность преступника. Здесь и та трансформация общественных отношений, которая только нарастает, и те знания, объем которых в последние десятилетия у человека значительно увеличился, и многое другое. Все это так или иначе приводит не просто к появлению новых средств и методов воздействия, а к изменению функциональной принадлежности целых правовых отраслей, где ответственность занимает центральное место, начиная решать исторически несвойственные ей задачи.

Что характерно, на этот процесс оказывает влияние в целом работа законодателя, безотносительно от строго определенной сферы. Так, введение в административное законодательство в 2025 г. такой категории, как режим высылки[4], представляющий собой принципиально новое явление, одновременно оказал влияние на всю сферу правового регулирования. Сам факт появления одного института подобного рода способен оказать серьезное влияние именно на функции ответственности в праве. В данном случае речь идет об изоляции (исключении из об-

[3] Меняются не отдельно взятые детали, а сами подходы к такому институту, как ответственность. И если еще не так давно, например, работа О.Д. Ситковской «Психология уголовной ответственности» (М., 1998), представляла собой единственную и актуальную работу, посвященную столь сложной проблематике, то сегодня, продолжая оставаться фундаментальной, она стремительно потеряла именно в своей актуальности. Психология уголовной ответственности, начиная примерно с 2023 г., с учетом изменившегося подхода законодателя к ее реализации и в особенности к личности преступника (в равной степени, как в уголовно-правовом, так и в уголовно-исполнительном), стала иной, что требует и иного осмысления произошедшего.

[4] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2002 г. № 115-ФЗ (с изм., вступившими в силу с 08.08.2025 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

щества) лица, но при отсутствии признаков лишения его личной свободы. Между тем сам факт возможного появления в уголовном законе таких мер, как выдворение и депортация, о которых в отечественной доктрине уже поднимается вопрос, способен смешать всю устоявшуюся приоритетность функций по отношению друг к другу, которая выстраивалась последнее столетие.

Надо сказать, что таких примеров, когда меняются именно функции ответственности, немало. Причем это относится не только к современному периоду, но и касается исторического контекста также. В свое время один только Указ Елизаветы от 7 мая 1754 г. о неприменении наказания в виде смертной казни и замене ее на ссылку, кардинальным образом изменил всю сущность уголовного наказания, одним росчерком пера заменив устрашение на изоляцию и исправление [8, с. 94–97], не исключив, а поменяв приоритетность между все теми же функциями ответственности. По сути, это нормальный процесс, который сегодня вновь приобрел свою актуальность, добавив к нему лишь то, что помимо смены приоритетности к уголовно-правовой сфере также стали причислять иные ранее ей не свойственные функции. Впрочем, и для XVIII в. функция исправления была не свойственной и отчасти неожиданной, и тем не менее она достаточно быстро стала доминирующей. И это при том что ее осмысление пришло лишь со временем, тогда когда она полноценно была реализована на законодательном, а соответственно, и исполнительном уровнях.

Поэтому говорить о том, что сегодня мы находимся на этапе кардинальной смены функций ответственности в праве и этот процесс уникален, представляется неверным. Смена, безусловно, есть, но, во-первых, исторически это далеко не единственный случай, а во-вторых, настоящая ситуация усугубляется одновременно несколькими факторами, что, безусловно, ее осложняет. С одной стороны, это смена всего мирового порядка, а соответственно, происходящие на этой основе серьезные трансформации всех базовых, не только правовых, начал. В частности, низвержение превосходства международного права, гарантий прав и законных интересов человека и их приоритетности по отношению к другим ценностям, отход от идей кары и возмездия за совершенное преступление и многого другого. Надо при этом понимать, что процесс глубокой трансформации случился не вчера и даже не в настоящем столетии. Движение в сторону общества постмодерна началось задолго до того, как был поставлен вопрос о том, что функции права по-прежнему нацелены на обслуживание иных интересов, основанных на ранее сформированных ценностях. Отсюда и все рассуждения относительно спонтанности вопроса о функциях выглядят несостоятельными, скорее, наоборот, для этого существует хорошо подготовленная почва, нашедшая сейчас хотя и бессистемную, но тем не менее реализацию.

С другой стороны, накопленные человечеством знания в медицине и генетике стали позволять использовать средства ранее никогда ему недоступные. В свою очередь, это также оказало важное влияние именно на функции ответственности, диапазон которых только продолжает увеличиваться, а приоритетность меняется. В сочетании с активно продвигаемыми идеями постмодерна, а теперь уже и постчеловека, все это создало необходимые предпосылки для формирования иного отношения как к праву в целом, так и к ответственности в частности. Ее функции уже сегодня, очевидно, иные, точно так же, как и знания о них должны меняться сообразно трансформации указанных выше факторов.

Следовательно, мы находимся сегодня в состоянии, с исторической точки зрения во вполне объяснимом периоде трансформации общественных отношений, где функции ответственности также находятся в зависимом положении. Ее современное положение отличительно лишь своими особенностями, которые в действительности иные, чем мы можем встретить в истории. Они имеют свои отличительные черты, обусловленные временем, технологической революцией, вплоть до четвертой промышленной революции, как и в целом постоянной декларацией перехода к различным этапам развития общества и государства. В частности, того же постмодерна, метамодерна или совсем экзотического, но вполне жизнеспособного, а может быть, и наиболее реалистичного – некромодерна [9, с. 53–55]. Иные особенности влекут за собой и иные направления развития права, а соответственно, и его функций. Именно поэтому о нетипичном для уголовного права, но естественном для уголовно-исполнительного права контроле все больше сегодня говорится как о единой функции отрасли в целом [10, с. 133–135]. Появляются его новые формы и методы, основанные на новых технологических императивах в медицине, биоинженерии, генетике и т. д.

В конечном итоге в сочетании с также трансформирующейся, но сохранившейся до сегодняшнего дня карой на первых ро-

лях по-прежнему остаются регулятивная и охранительные функции. В то же время уголовное право в современных условиях все ближе становится к уголовно-исполнительным правоотношениям, где доминирующим является контроль, воспитание и предупреждение. Именно сближение двух, традиционно разделяемых в отечественной доктрине, а также на законодательном уровне правовых отраслей можно определить как основную тенденцию их развития на современном этапе.

Что характерно, именно функции уголовного права, особенно если брать исторический контекст, сегодня стремительно меняются. И при сохранении уровня своей репрессивности [11, с. 11–17] оно все больше уходит во все тот же контроль, изоляцию, безопасность, влекущие за собой дополнительные и ранее не свойственные ограничения прав. В целом во все то, что в масштабах истории ей было мало присуще, сейчас становится предметом не только теоретического осмысления, но и самой пристальной оценки со стороны законодателя. Несмотря на то, что изначально перечисленный функционал являлся прерогативой уголовно-исполнительных отношений (а в некоторых случаях даже административно-правовых), сейчас за счет вновь появляющихся в уголовном законе средств, как и в целом меняющегося отношения к государственному принуждению, происходит их частичное делегирование от одной отрасли к другой.

Так или иначе идет процесс достаточно энергичного сращивания двух сфер правового регулирования, искусственное разделение которых, хотя и имеющее некоторые исторические предпосылки, привело лишь к отсутствию единого механизма воздействия в отношении лиц, признанных виновными в совершении преступлений. И здесь именно функции, которыми законодатель начинает наделять ответственность с учетом современных реалий, оказываются в роли движущей силы для всего направления государственного принуждения безотносительно его разделения на уголовно-правовую и уголовно-исполнительную отрасли. Их объединяющая роль для обеих отраслей регулирования общественных отношений, как представляется, должна оказать соответствующее влияние на формирование единого подхода в определении их методологических категорий, таких как цели, задачи и принципы. Только в этом случае можно будет вести речь и о единстве направления принуждения в уголовно-правовой сфере, когда функции ответственности будут не только его олицетворять, но и обеспечивать.

Список источников

1. Бавсун М.В. Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений: сборник VII Международной научно-практ. конф. СПб., 2019.
2. Сорокин В.В. Цель и функции юридической ответственности // Правоприменение. 2018. № 1. Т. 2.
3. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Судебно-уголовная политика. М., 2022.
4. Плахотный А.Ф. Свобода и ответственность. Харьков, 1972.
5. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск, 1990.
6. Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Идеология и уголовная политика. М., 1992.
7. Бавсун М.В., Стебенева Е.В. Трансформация личности преступника в постиндустриальном обществе // Российский криминологический журнал. 2023. № 4.
8. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Российская уголовная политика XXI века. М., 2020.
9. Бавсун М.В., Попов Д.В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1.

References

1. Bavsun M.V. Subject and Method of Criminal Law in the Context of Transformation of Social Relations: Collection of the VII International Scientific and Practical. Conf. St. Petersburg, 2019.
2. Sorokin V.V. Purpose and Functions of Legal Responsibility // Law Enforcement. 2018. № 1. Vol. 2.
3. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Judicial and Criminal Policy. Moscow, 2022.
4. Plakhotny A.F. Freedom and Responsibility. Kharkov, 1972.
5. Pokhmelkin V.V. Social Justice and Criminal Liability. Krasnoyarsk, 1990.
6. Pokhmelkin A.V., Pokhmelkin V.V. Ideology and Criminal Policy. Moscow, 1992.
7. Bavsun M.V., Stebeneva E.V. Transformation of the personality of a criminal in a post-industrial society // Russian Criminological Journal. 2023. № 4.
8. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Russian criminal policy of the 21st century. Moscow, 2020.
9. Bavsun M.V., Popov D.V. Metamodernism in law: oscillation at the Canetti point. Article II. Law on the outskirts of spirituality // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1.

10. Карпов К.Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3.
11. Смоляров М.В. Идея реформирования пенитенциарной системы в проекте Уголовного уложения 1754 г. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 2.

10. Karpov K.N. Criminalization and decriminalization as instruments of social control over persons who have committed a crime // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3.
11. Smolyarov M.V. The idea of reforming the penitentiary system in the draft Criminal Code of 1754 // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2014. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Алексей Александрович, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса. Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, Соборный пер., 26/71.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kuznetsov Alexey Alexandrovich, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure. All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 26/71, Soborny Lane, Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 146–150.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 146–150.

Научная статья
УДК 343.98

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Максимов Михаил Иванович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, maksimoff-m@mail.ru

Введение: *состояние преступности в Российской Федерации, как показывают данные официальной статистики, характеризуется противоречивостью и неоднозначностью результатов деятельности правоохранительной системы в борьбе с преступностью. Это происходит из-за закономерных процессов цифровизации преступности. Указанная проблема обуславливает необходимость модернизации оперативно-розыскной теории и практики.*

Материалы и методы: *в ходе исследования использованы общенаучные методы познания, включая системно-структурный, формально-логический, сравнительно-правовой метод, а также когнитивные приемы – наблюдение, сравнение и обобщение.*

Результаты исследования: *в настоящем исследовании проведен анализ ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в результате которого предложены тезисы о его совершенствовании.*

Выводы и заключения: *автор приходит к следующим выводам о необходимости: совершенствования законодательства, регулирующего основы оперативно-розыскной деятельности; законодательного закрепления определений оперативно-розыскных мероприятий; выделения отличительных признаков отдельных оперативно-розыскных мероприятий с целью их верного использования в той или иной ситуации.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, совершенствование законодательства, совершенные виды преступлений, цифровизация общества.*

Для цитирования: Максимов М. И. *Особенности реализации отдельных оперативно-розыскных мероприятий в условиях цифровизации / М. И. Максимов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 146–150.*

Original paper

THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF CERTAIN OPERATIONAL INVESTIGATIVE MEASURES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Maximov Mikhail Ivanovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the state of crime in the Russian Federation, as shown by official statistics, is characterized by inconsistency and ambiguity of the results of the law enforcement system in the fight against crime. This is due to the natural processes of digitalization of crime. This problem necessitates the modernization of operational-search theory and practice.*

Materials and methods: *the study used general scientific methods of cognition, including system-structural, formal-logical, comparative-legal methods, as well as cognitive techniques – observation, comparison and generalization.*

Results of the study: *this study analyzed the Federal Law «On Operational-Investigative Activities», as a result of which theses were proposed for its improvement.*

Findings and conclusions: *the author comes to the following conclusions about the need: to improve the legislation regulating the foundations of operational-search activities; legislative consolidation of the definitions of operational-search activities; highlighting the distinctive features of individual operational-search activities for the purpose of their correct use in a given situation.*

Keywords: *operational investigative activities, operational investigative measures, improvement of legislation, types of crimes committed, digitalization of society.*

For citation: Maximov M. I. *The specifics of the implementation of certain operational investigative measures in the context of digitalization / M. I. Maximov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 146–150.*

Уровень развития цифровых технологий предоставляет множество неоспоримых преимуществ, обеспечивая комфортные условия для жизнедеятельности человека, однако таким же закономерным образом увеличивается и уровень угроз национальной безопасности, связанный с ростом современных видов преступлений. В настоящее время глобальная сеть Интернет стала «прототипом реальной жизни» [1], что повлекло за собой перенос преступной деятельности в онлайн-пространство и придание ей информационной формы. Интернет-преступность стала обладать новыми качественными характеристиками и масштабом: бесконтактное онлайн-мошенничество, фишинг, онлайн-наркоплощадки, не отслеживаемые цифровые платежные средства (криптовалюта как предмет взятки) и т. д. Это вынуждает совершенствовать методику раскрытия и расследования новых видов преступлений [2, с. 8].

На наш взгляд, одним из перспективно развивающихся векторов преобразования деятельности правоохранительных органов является совершенствование законодательства, регулирующего основы оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД). Особенно актуальным представляется решение вопроса о правовой определенности условий производства оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) в сети Интернет [3, с. 146–148].

ОРМ представляет собой органически присущий «экосистеме» ОРД элемент, при этом сам имеет системную структуру, включающую в себя взаимосвязанные и организационно координируемые действия, направленные на решение конкретной оперативно-розыскной тактической задачи и стратегических задач ОРД. Однако дефинитивный вакуум Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») в отношении исходных оперативно-розыскных институтов и категорий (ОРМ и ОРД) не создает должных методологических предпосылок для единообразия в вопросах его толкования и правоприменения. Как следствие – вынужденное ведомственное усмотрение в нормотворчестве на этом уровне по определению различных ОРМ с учетом процессуальной специфики и устоявшегося опыта и традиций их проведения.

Имеет смысл согласиться с мнением о том, что именно сфера ОРД должна не только взять на себя функцию фильтра, через который проходит вся информация в цифровой (виртуальной) среде, но и стать вспомогательным механизмом по отношению к ОРМ, напрямую не связанным с привлечением информационных технологий [4, с. 133]. Тем более в условиях, когда, по мнению правоприменителей, «объемы преступлений в сфере компьютерной информации многократно превысили общую совокупность всех иных преступлений» [5]. С учетом данного факта следует ожидать от оперативно-розыскного законодательства активной информационно-цифровой адаптации ОРМ при понимании того, что они имеют информационно-правовую сущность.

ФЗ «Об ОРД» предусматривает ряд ОРМ, имеющих информационно-цифровую природу либо связаных с ней отдельными признаками: получение компьютерной информации (далее – ПКИ), снятие информации с технических каналов связи (далее – СИТКС), контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений (далее – КПО). При изучении данных ОРМ закономерно встает вопрос об их дефинизации в рамках решения общей проблемы отсутствия понятия ОРМ как опорного и фундаментального, которое позволило бы четко их разграничивать, исключать ошибки оперативных сотрудников при их выборе для решения конкретной оперативно-розыскной задачи и при их проведении.

В частности, по поводу определения сущности ПКИ в ФЗ «Об ОРД» и в специализированной литературе по-прежнему нет единого мнения [6]. Компилирующий способ определения ПКИ позволяет предположить, что это комплекс дистанционных негласных организационно-технических мероприятий с применением специализированного оборудования и программного обеспечения по мониторингу, извлечению и фиксации информационного ресурса в текстовой, голосовой и иной звуковой форме, фото-, видеоизображений, из информационно-телекоммуникационных сетей, систем и баз данных. Сформулированное нами понятие

может рассматриваться как попытка решения одного из терминологических пробелов ФЗ «Об ОРД».

Определение сущности КПО и формулирование его законодательного определения также активно обсуждается в научном сообществе [7]. Основная проблема заключается в том, что КПО сводится к перечислению объектов оперативного интереса в сфере почтовой связи (в абсолютном смысле) и практически ее аналогов, а именно предложение о формулировании понятия сводится к переименованию КПО в «контроль почтовой и аналогичной ей связи», поскольку контролируется «жизненный цикл перемещения в пространстве и времени объекта оперативного интереса», т. е. транспортировка, прием-передача, доставка-вручение, обработка, переводы (денежные).

Сравнительно-правовой анализ указанных ОРМ показал их недостатки, за исключением уже традиционного отсутствия определения в законе. В частности, оперативно интересным предметом КПО выступает как традиционная, так и электронная (телеграфная и иная) корреспонденция. Вопрос о существенных различиях между КПО, ПКИ и СИТКС становится спорным. Проблема заключается в том, что в случае с электронной информацией (сообщениями) результативным ОРМ будет не только снятие уже существующей информации, но и контроль за ее жизненным циклом в режиме реального времени, по причине чего СИТКС, как название ОРМ, не соответствует поведенческому содержанию уполномоченных лиц.

В то же время КПО также может создавать препятствия (как результат онлайн-контроля) в передаче сообщений участниками диалога, представляющими оперативный интерес. К тому же в рамках СИТКС информация снимается и с факсовых сообщений, а электронная почта – это аналог если не по форме, то по смыслу традиционной почты, а значит, их правовое регулирование в условиях цифровизации правоохранительной деятельности должно быть универсальным.

Отсутствие определения понятия «снятие информации» закономерно ставит вопросы об условиях проведения такого ОРМ, как СИТКС. Полагаем, что это сканирование технического канала, радиоперехват, копирование и иные действия фиксирующего характера соответствующим способом, гарантирующим ее сохранность в неизменном виде (например, бумажные, электронные, магнитные, фото-, аудио- носители (скрины страниц).

В теории права относительно давно ставится вопрос о понятии «технический канал связи» в оперативно-розыскных интересах [8, с. 70]. Современный научно-технический прогресс в сфере средств и способов коммуникации заставляет принимать во внимание при определении технического канала связи не только собственно техническое устройство, но и способ передачи данных. А это означает допустимость отнесения к техническим каналам связи радио, факс, РРЛ (радиорелейные линии), спутниковую и сотовую связь, пейджинговую связь, сети LAN (сетевая совместная работа компьютера и иного периферийного устройства), включая глобальную интернет-связь.

Такой конкретизирующий подход к нормам ФЗ «Об ОРД» позволит иначе посмотреть на прослушивание телефонных переговоров, потому что стратегический интерес представляет сама информация, а тактически оперативные сотрудники ее получают, применяя СТИКС, если точно определить канал связи, что закономерно отразится на перечне ОРМ и на условиях. Данный тезис – это еще один повод задуматься об универсализации ОРМ, имеющих информационно-техническую природу.

Изучение оперативно-розыскной доктрины показало наличие острой дискуссии относительно актуальности трех названных ОРМ в том виде, в котором они существуют сейчас. В связи с этим имеет смысл изучить идею создания на их основе универсального ОРМ, направленного на контроль «жизненного цикла» и получение оперативно значимой информации вне зависимости от технических средств создания информации, ее формы, способов и технической среды обмена сообщениями (традиционная, компьютерная, почтовая, телеграфная и иная) [9, с. 150]. Создание и закрепление в законе единого ОРМ по родовому признаку средств электросвязи при этом не должно реагировать на увеличивающейся по экспоненте объем цифровых инноваций.

Принятие во внимание только технической составляющей ОРМ и без учета специфики услуг связи будет способствовать повышению уровня законности при проведении ОРМ информационно-цифровой группы. Такая реформа оперативно-розыскного законодательства в части цифровизации потребует информационно-технического и кадрового масштабирования деятельности оперативных органов, подразделений и должностных лиц при решении задач ОРД в информационной среде.

К тому же важно понимать, что информационная сфера (среда) лабильна и изменчива, информационные кластеры (массивы информации) уплотняются, накапливаются, наслаиваются друг на друга, а оперативно значимые объекты в информационной форме могут существовать незначительные промежутки времени, меняться до неузнаваемости. Думается, такой шаг будет способствовать развитию цифровой составляющей ФЗ «Об ОРД», а процесс ревизии устранит пробелы и противоречия, конкретизирует условия ОРМ, даст точное определение понятию «иные сообщения», а не просто перечислит способы их передачи. При этом важно понимать, что следует исключить отказ от фундаментальных характеристик названных ОРМ, с тем чтобы не смешивать их с «наблюдением», «обследованием помещений»: исключительно негласный характер, использование оперативно-технического ресурса, цифровой (компьютерный или сетевой) и сходный с ним характер оперативно значимой информации, исключительно судебное санкционирование.

Не вдаваясь в детальное изучение остальных ОРМ, по сути своей не предопределенных информационно-технической средой и средствами решения оперативно-розыскных задач, отметим лишь то, что и на них глобальная сеть Интернет оказывает значительное влияние, поскольку является виртуальной территорией активной социальной коммуникации и хранения массивов информации в личных социальных сетях человека или организации. Соответственно, привычные ОРМ (наблюдение, наведение справок, отождествление личности) технически упрощены при использовании ресурсов Интернета, хотя и требуют дополнительной проверки полученной информации [10, с. 154].

Итак, оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровизации должна основываться на постоянном анализе киберпространства, учитывать современные факторы и решать актуальные проблемы. Проведенное исследование позволило сформулировать ряд тезисов по совершенствованию оперативно-розыскного законодательства.

1. На наш взгляд, следует осуществить «информационно-цифровую адаптацию» ОРМ при полном принятии их информационно-правовой сущности вне зависимости от связи с информационными технологиями.

2. Необходимо определить сущность и информационно-цифровую природу отдельных оперативно-розыскных мероприятий, четко разграничить их признаки, что позволит решить проблему результативности ОРМ.

3. Считаем целесообразным создание универсального ОРМ, направленного на контроль и получение оперативно значимой информации вне зависимости от технических средств создания информации, ее формы, способов и технической среды обмена сообщениями.

Список источников

1. Канкулов А. Х. Особенности проведения ОРМ в сети Интернет // Право и управление. 2023. № 3.
2. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, их криминалистическое значение // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2(101).
3. Фурлет Я.П. Оперативно-розыскные мероприятия как средство контроля электронных сообщений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2023. № 2.
4. Семенчук В.В., Батоев В.Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-разыскной деятельности в цифровой сфере (ч. 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3(66).
5. Капинус О.С. Цифровизация преступности и уголовное право. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-prestupnosti-i-ugolovnoe-pravo/viewer (дата обращения: 22.04.2025).

References

1. Kankulov A.Kh. Features of conducting operational investigative activities on the Internet // Law and Management. 2023. № 3.
2. Vardanyan A.V. The problem of systematization of digital methods of operational-search activities used in the fight against remote theft, their forensic significance // Jurist-Pravoved. 2022. № 2(101).
3. Furlet Ya.P. Operational-search measures as a means of control over electronic messages // Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences. 2023. № 2.
4. Semenchuk V.V., Batoev V.B. Prerequisites for the formation of the concept of development of operational-search activities in the digital sphere (Part 1) // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3(66).
5. Kapinus O.S. Digitalization of crime and criminal law. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-prestupnosti-i-ugolovnoe-pravo/viewer (date of access: 22.04.2025).

6. Налбандян Р.Г. Получение компьютерной информации как новая категория оперативно-розыскного законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1.
7. Машков С.А. О несоответствии наименований оперативно-розыскных мероприятий их содержанию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 1.
8. Демидченко Ю.В. Снятие информации с технических каналов связи как один их способов получения сведений, используемых в процессе доказывания по уголовному делу // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2012. № 4.
9. Железняк И.Н. Точка бифуркации закона об оперативно-розыскной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2(105).
10. Канкулов А.Х. Особенности проведения ОРМ в сети Интернет // Право и управление. 2023. № 3.

6. Nalbandyan R.G. Obtaining computer information as a new category of operational-search legislation // Problems of Economics and Legal Practice. 2018. № 1.
7. Mashkov S.A. On the discrepancy between the names of operational-search measures and their content // Prologue: journal on law. 2018. № 1.
8. Demidchenko Yu.V. Removing information from technical communication channels as one of the methods of obtaining information used in the process of proving in a criminal case // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2012. № 4.
9. Zheleznyak I.N. Bifurcation point of the law on operational-search activities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 2(105).
10. Kankulov A.Kh. Features of conducting operational-search activities on the Internet // Law and Management. 2023. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ
Максимов Михаил Иванович, *кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Maksimov Mikhail Ivanovich, *PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Operative Investigative Activity. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 151–160.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 151–160.

Научная статья
УДК 343.14

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС: ФИЛОСОФИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ

Россинский Сергей Борисович
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
s.rossinskiy@gmail.com

Введение: *в статье обосновывается потребность в выявлении и уразумении наиболее приемлемого доктринального подхода к пониманию уголовно-процессуального доказывания, исходя из постулатов философии в целом и философии права в частности.*

Материалы и методы: *при подготовке статьи использовались научные публикации гносеологической направленности, в которых освещены методологические проблемы познания, в том числе восприятия людьми обстоятельств окружающей реальности. Кроме того, использовались научные монографии и статьи, посвященные проблематике уголовно-процессуального доказывания. Методологическая основа статьи сводится к общенаучным (диалектическому, системному, логическому и др.) и частнонаучным (формально-юридическому, прогностическому и др.) методам исследования.*

Результаты исследования: *обоснована приоритетность интегративного подхода к пониманию уголовно-процессуального доказывания, сводящегося к включению в его содержание как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций.*

Выводы и заключения: *определены направления и намечены пути для продолжения научных исследований, повещенных проблемам доказывания в уголовном судопроизводстве.*

Ключевые слова: *доказывание, логика доказывания, познание, предмет доказывания, способы доказывания, уголовно-процессуальное познание, философия доказывания, философия права.*

Для цитирования: Россинский С. Б. *Уголовный процесс: философия доказывания / С. Б. Россинский // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 151–160.*

Original paper

CRIMINAL PROCEDURE: PHILOSOPHY OF PROOF

Rossinsky Sergey Borisovich
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the article substantiates the need to identify and develop the most acceptable doctrinal approach to understanding criminal procedural proof, based on the postulates of philosophy in general and the philosophy of law in particular.*

Materials and methods: *when preparing the article, scientific publications of an epistemological focus were used, which cover the methodological problems of cognition, including people's perception of the circumstances of the surrounding reality. In addition, scientific monographs and articles devoted to the problems of criminal procedural proof were used. The methodological basis of the article is reduced to general scientific (dialectical, systemic, logical, etc.) and specific scientific (formal-legal, prognostic, etc.) research methods.*

Results of the study: *the priority of the integrative approach to understanding criminal procedural proof is substantiated, which is reduced to the inclusion in its content of both cognitive (cognitive-verifying) techniques and various argumentative-logical operations.*

Findings and conclusions: *directions have been defined and ways have been outlined for continuing scientific research devoted to the problems of proof in criminal proceedings.*

Keywords: *proof, logic of proof, cognition, subject of proof, methods of proof, criminal procedural cognition, philosophy of proof, philosophy of law.*

For citation: Rossinsky S. B. *Criminal procedure: philosophy of proof / S. B. Rossinskiy // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 151–160.*

Общеизвестно, что одно из множества бытующих пониманий философии неразрывно связано с совокупностью или даже системой методологических принципов и постулатов, обуславливающих сущность, смысл и содержание какой-либо науки, межотраслевой области знаний или сферы жизнедеятельности. В связи с этим существуют философия истории, философия политики, философия войны и мира, философия семейных отношений и т. д. Ученые-правоведы нередко сталкиваются с потребностью в обращении к философии права – наиболее общей и пространной области юридико-ориентированных знаний о закономерностях возникновения и развития различных государств с со свойственными им правовыми системами [1, с. 9]. Будучи воплощениями наиболее концептуальных мировозренческих идей в формальную материю, в юридические правила поведения и взаимодействия участников общественных отношений, каноны философии права нередко способствовали и продолжают способствовать выявлению существенных доктринальных, нормативных и прикладных проблем, присущих тем или иным сферам правового регулирования. Причем достаточно важное значение таких канонов для развития отраслевых юридических наук усматривается в гипотетических возможностях методологического осмысления и более или менее приемлемой формализации врожденных, полученных человечеством «свыше» и, следовательно, не вполне предрасположенных к нормативному «обузданию» умений и навыков.

В частности, на сегодняшний день ощущается потребность в надлежащем философско-правовом обеспечении теории и законодательного регулирования уголовно-процессуального доказывания – специальной прикладной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры, суда, других участников уголовного судопроизводства, направленной на установление имеющих значение для уголовных дел обстоятельств и обоснование соответствующих правоприменительных актов. И в этом нет ничего удивительного – ввиду понятных причин доказывание заметно отличается от иных объектов уголовно-процессуального регулирования; особыми видятся и подходы к разрешению соответствующих проблем.

Ведь, с одной стороны, доказывание предполагает очень широкую сферу применения, неразрывно связано с подавляющим большинством уголовно-процессуальных правоотношений, с реализацией их участниками предоставленных законом государственно-властных полномочий, использованием имеющихся прав, исполнением обязанностей, с проведением различных уголовно-процессуальных действий, принятием уголовно-процессуальных решений, осуществлением иных процессуально-поведенческих приемов – именно потребностью в доказывании обуславливается сложный, полистадийный, достаточно длительный, включающий множество субъектов и процедур порядок производства по любому, пусть даже самому «мелкому» и неприметному уголовному делу. В противном случае – ввиду отказа от удовлетворения данной потребности, вызванного, например, появлением у судей паранормальных способностей к изначальной осведомленности обо всех обстоятельствах и деталях случившегося, уголовный процесс свелся бы лишь к постановлению приговоров либо вынесению иных правоприменительных актов. Поэтому в научных публикациях неоднократно заявлялось о тесном переплетении положений доказательственного права с предназначением, задачами, принципами, иными базовыми постулатами уголовного судопроизводства, об их прямом или, по крайней мере, косвенном отражении в условиях и порядке проведения практически всех установленных уголовно-процессуальным законом приемов и процедур [2, с. 4; 3, с. 5]. А само доказывание нередко называлось «стержнем», «сердцевиной» всего производства по уголовному делу [4, с. 41; 5, с. 122] и даже более сентиментально – «душой» уголовного процесса [6, с. 12].

С другой стороны, механизмы доказывания изначально предопределены имеющими природное происхождение – теми самыми полученными человечеством «свыше» способностями к когниции и мыслительной деятельности, к восприятию и умственной генерации различных сведений. Они обусловлены естественно-научными закономерностями, постулатами гносеологии и формальной логики, определяющими сущность познания различных обстоятельств и обоснования соответствующих решений. Тем более что до настоящего времени ни философам, ни специалистам-«естественникам» (психологам, психофизиологам, нейропсихологам и др.) так и не удалось полностью разгадать основные загадки работы человеческого мозга, раскрыть все тайны, присущие приемам восприятия окружающей реальности и умственной обработки улавливаемых сведений – на сегодняшний день лежащие в их основе когнитивные и аналитические процессы остаются до конца

неизученными, непонятыми, вызывающими целый ряд безответных вопросов. В частности, ученым пока еще не посчастливилось выявить и четко распознать подлинную природу преобразования допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия, т. е. декодирования нервных импульсов, возникающих в ходе функционирования сенсорной системы (органов чувств) человека, а затем передаваемых в кору головного мозга и вызывающих формирование связи с этим вопросы можно лишь в форме гипотез, подразумевающих достаточно высокую степень вероятности [7, с. 40; 8, с. 431–434].

И таким образом, лежащие в основе уголовно-процессуального доказывания когнитивные и аналитические приемы вообще малопригодны к той самой, упомянутой выше юридической формализации, т. е. к некоему облачению в уголовно-процессуальную форму. Они явно не предрасположены к четкой правовой регламентации посредством «искусственных» (создаваемых самими людьми) положений уголовно-процессуального законодательства, нередко представляющих результаты политических, экономических, социальных компромиссов и разрабатываемых посредством сложных правотворческих процедур и технологий. Тем более что смысл уголовно-процессуальной формы состоит далеко не в юридической легализации указанных приемов как таковой. Формализация доказывания требуется для разумного ограничения достаточно широкого арсенала потенциально возможных средств и методов социальных взаимоотношений, в том числе приемов познания окружающей реальности, для своеобразной фильтрации допустимых к использованию способов поведения участников досудебного либо судебного производства, т. е. для помещения осуществляемой для нужд уголовной юстиции деятельности в «правильное» русло, отражающее условия развития соответствующего государства и ценностные ориентиры соответствующего общества.

В связи с этим научные, нормативные и даже практические подходы к механизмам уголовно-процессуального доказывания уже изначально обременены множеством лакун, противоречий и шероховатостей. А в современных условиях существования и развития российской государственности, предполагающих постоянный поиск особого, национального концепта уголовной юстиции, включая правотворческие метания и постоянные корректировки уголовно-процессуального закона, эти лакуны, противоречия, шероховатости становятся еще заметнее, приобретают гораздо бóльшую остроту и актуальность. Несмотря на пристальное внимание ученых, невзирая на множество исследований и предопределенных их результатами публикаций, практически ни один так или иначе связанный с феноменом уголовно-процессуального доказывания вопрос нельзя признать окончательно «закрытым», а обусловленные им дальнейшие научные поиски – бессмысленными. Подходы к разрешению подавляющего большинства существующих проблем по-прежнему не предполагают какого-либо единства и лишь приводят к новым и новым раундам дискуссий и полемических обсуждений.

На сегодняшний день даже не наблюдается более или менее единодушного доктринального подхода к самóй сущности уголовно-процессуального доказывания и его роли в решении стоящих перед уголовной юстицией задач. Вместо этого высказываются совершенно разные, в том числе прямо противоположные, как бы антитетичные по отношению друг к другу позиции. В частности, многие ученые придерживались и продолжают придерживаться так называемого когнитивного подхода – под доказыванием понималось и продолжает пониматься особая, подлежащая использованию для нужд уголовного судопроизводства разновидность когнитивной (вариативно – когнитивно-удостоверительной) деятельности должностных лиц органов предварительного расследования, прокуроров, судей, присяжных заседателей, реже – других участников уголовно-процессуальных правоотношений, то есть специфическая разновидность познания (познания-удостоверения) людьми определенных фрагментов окружающей реальности [9, с. 81; 10, с. 6; 11, с. 21]. Одновременно предлагались и продолжают предлагаться критерии для отграничения доказывания от научного познания, бытового познания, иных областей применения людьми своих когнитивных способностей.

В других публикациях можно встретить принципиально иной – так называемый «альтернативный» подход. Он состоит в олицетворении доказывания не столько с познанием (познанием-удостоверением), сколько с процессуальной формой обоснования позиций сторон. Другими словами, под доказыванием понимается деятельность государственных обвинителей, защитников, обвиняемых (подозреваемых), их законных представителей, потерпевших (частных обвинителей), гражданских истцов,

ответчиков, их представителей, сводящаяся к совокупности риторических приемов, к подбору и надлежащему доведению до субъектов принятия решений, в первую очередь до суда, веских логических доводов, направленных на аргументацию правильности собственных тезисов и ошибочности «контртезисов» процессуальных оппонентов. Подразумевается, что доказать какое-либо обстоятельство – значит убедить «сомневающегося» правоприменителя в его подлинности, заставить поверить в его существование, в неопровержимость подтверждающих его доводов и аргументов. И в связи с этим проводится четкое размежевание познания и доказывания в зависимости от функциональной принадлежности соответствующих участников уголовного судопроизводства, т. е. ввиду выполнения разных процессуальных функций: субъектами познания признаются суды (вариативно – должностные лица органов предварительного расследования), тогда как субъектами доказывания – различные участники со стороны обвинения и стороны защиты. В советский период развития теории доказывания и доказательственного права такие идеи обычно высказывались представителями гражданско-процессуальной науки [12, с. 40; 13, с. 43] либо учеными, проводившими межотраслевые исследования [14, с. 33–35]. Тогда как в части уголовного судопроизводства активность данных позиций резко возросла лишь после принятия в 2001 г. Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ, Кодекс), официально закрепившего пресловутую состязательность англосаксонского типа [15, с. 372; 16, с. 155]. Кроме того, в числе сторонников подобных взглядов волею судьбы оказались и бывшие советские ученые-процессуалисты, проживавшие в приближенных к европейской культуре союзных республиках, а после распада СССР продолжившие работать в «местных» академиях и университетах [17, с. 39].

И, наконец, существует еще один, как бы интегративный подход к пониманию уголовно-процессуального доказывания. В монографиях, статьях и прочих публикациях достаточно большой группы ученых доказывание рассматривается наиболее широко – как некий комплексный феномен. В содержание этой деятельности включались и продолжают включаться как познавательные (познавательно-удостоверительные), так и аргументационно-логические, в том числе риторические компоненты [18, с. 299; 19, с. 32–33; 20, с. 60].

Вследствие отсутствия общепризнанного доктринального подхода к сущности уголовно-процессуального доказывания, ввиду бытования нескольких базовых научных концептов и множества вариативных точек зрения о смысле, предназначении, субъектах и содержании этого «увлекательного» занятия проявляющие к нему интерес ученые закономерно сталкиваются (просто не могут не сталкиваться!) с вполне очевидными трудностями. Всякому желающему внести посильную лепту в разрешение ряда извечных проблем теории, нормативного регулирования и практики доказывания приходится уделять определенное внимание всем, по крайней мере наиболее авторитетным либо оригинальным научным взглядам, пытаться «улавливать их логику», т. е. распознавать используемые для их обоснования доводы и аргументы, сравнивать их между собой, оценивать их достоинства, недостатки и т. д. В итоге каждому «ввязавшемуся» в данную проблематику автору приходится убеждать потенциальных читателей в правильности какой-то одной из рассмотренных точек зрения и ошибочности других либо формулировать собственную (какую по счету?!) вариативную позицию о сущности уголовно-процессуального доказывания.

Правда многие из современных исследователей, в первую очередь аспирантов, адъюнктов и прочих научных дебютантов, в силу явной неготовности или, увы, банальной непригодности к изысканиям в столь сложных и глубоких пластах уголовно-процессуальной материи просто не замечают (стараются не замечать) подобного доктринального плюрализма, поэтому преднамеренно либо неумышленно, в том числе интуитивно, уклоняются от рассмотрения и анализа большинства существующих точек зрения [21, с. 32–33; 22, с. 31–57; 23, с. 44–46]. Обычно предпринимаемые ими научные усилия ограничиваются «дежурным» описанием двух-трех наиболее известных и «растиражированных» позиций, в связи с чем результаты проделанной работы вряд ли подлежат признанию опирающимися на должный теоретический фундамент, представляющими серьезную доктринальною ценность и заслуживающими внимания.

Другие авторы все же пытаются преодолевать возникающие трудности, «обуздывать» наблюдаемое изобилие воззрений о сущности доказывания, но лишь путем их сопоставления с нормами действующего законодательства, т. е. оценки по сугубо формальным основаниям, обычно посредством незамысловатой казуистики [20, с. 44–57]. Хотя порой провозглашаются и более громкие лозунги, например, о предопределенно-

сти инновационных подходов к познанию и доказыванию некими либерально-ориентированными положениями Конституции РФ [24, с. 279]. Итоги всех подобных изысканий тоже вряд ли можно признать отвечающими критерию научности и таким образом позволяющими распознать сакральный смысл и подлинное предназначение уголовно-процессуального доказывания, выявить круг его субъектов, уяснить его содержание и т. д. Ведь положения закона, в том числе Конституции РФ и УПК РФ – это всего лишь правовые нормы, всего лишь продукты позитивного правотворчества, «коллективного законодателя». Поэтому такие положения, в том числе правила доказывания, должны не столько предопределять результаты научных исследований уголовно-процессуальной (равно как и любой иной юридической) направленности, сколько, наоборот, сами предопределяться данными результатами.

К слову, «коллективному законодателю» (читай, авторам-разработчикам тех или иных положений Кодекса и перманентно вносимых в него поправок) было бы неплохо почаще обращаться к соответствующим научным публикациям – не к очередным практикоориентированным комментариям к УПК РФ, «шедеврам» процессуальной казуистики, образчикам банального переписывания текста закона, низкокачественным научно-квалификационным работам, выполненным лишь для получения заветной кандидатской или докторской «корочки», и тому подобным источникам, а именно к аутентичным научным трудам (!), освещающим подлинно доктринальные проблемы и возможные пути их разрешения.

Таким образом, остается единственный и, как представляется, наиболее верный путь – прибегнуть к содействию философии в целом и философии права в частности! Другими словами, исследователям надлежит разбираться с имеющимся многообразием базовых идей и вариативных точек зрения о сущности доказывания не иначе как исходя из его очевидной и непременной подчиненности возникшим и существующим вне зависимости от позитивного правотворчества законам и закономерностям психофизиологического взаимодействия людей с окружающей реальностью: восприятия и умственной трансформации полезных сведений, логического мышления и прочих «естественных» процессов, сопутствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию соответствующих правоприменительных решений. Именно эти законы и закономерности видятся единственно приемлемыми методологическими опорами для формирования новых и развития имеющихся постулатов теории уголовно-процессуального доказывания, совершенствования на их основе соответствующих положений законодательства и оптимизации прикладных рекомендаций. Причем данные законы и закономерности являются едиными для самых различных сфер человеческой жизнедеятельности. Представляется, что их работу можно наблюдать и в «макросреде» – в ходе изучения и уразумения «крупных» событий и явлений, например принципов существования природы, устройства социума, формирования общественного мнения, и в «микросреде» – при реконструкции единичных фрагментов окружающей реальности, в том числе различных юридических фактов криминального характера: места, времени, места, способа преступления, виновности лица в его совершении и пр.

И в связи с этим отождествление уголовно-процессуального доказывания исключительно с познавательной деятельностью, т. е. ограничение его содержания лишь совокупностью когнитивных приемов, сводящихся к восприятию, осмыслению и уразумению подлежащих накоплению полезных сведений, начитает представляться вовсе не бесспорным. Очевидные недостатки такого понимания доказывания становятся хорошо заметными на фоне субъективности когнитивной деятельности, в том числе неспособности людей к точному определению «коэффициента мыленного искажения» воспринимаемых ими сведений. К тому же уголовному судопроизводству вообще преимущественно свойственна опосредованность познания, обусловленная ретроспективностью (нахождением в прошлом) основного массива подлежащих установлению (доказыванию) обстоятельств, в первую очередь обстоятельств, входящих в содержание так называемого «главного факта» – события преступления, виновности лица и т. п. В силу вполне понятных причин время реального существования подавляющего большинства таких обстоятельств предшествует времени их установления судами, органами предварительного расследования, другими субъектами уголовно-процессуального доказывания, в связи с чем их непосредственное познание в ходе уголовного судопроизводства представляется возможным в лишь в достаточно редких случаях. Чаще всего подобные когнитивные задачи решаются посредством восприятия, осмысления,

уразумения и сопоставления с «известными величинами» либо между собой сохранившихся «следов преступления» (следов в широком смысле), т. е. материальных либо идеальных объектов ретроспективного познания.

Другими словами, субъектам уголовно-процессуального доказывания, как правило, свойственно не столько наблюдать подлежащие установлению (доказыванию) обстоятельства, не столько воспринимать их в «режиме реального времени»[1], сколько уразумевать их посредством мысленной реконструкции, воссоздания в своем воображении при помощи осуществления разнообразных аналитических операций и выведения соответствующих умозаключений. И таким образом, ни профессиональные судьи, ни присяжные заседатели, ни должностные лица органов предварительного расследования, ни прокуроры, ни адвокаты, ни прочие причастные к доказыванию лица просто не способны решать стоящие перед ними задачи, обходясь лишь «голыми» результатами опосредованного познания и не прибегая к помощи «инструментов» логического мышления, к умственной генерации накапливаемых сведений, к формулированию предопределенных ими (сведениями) выводов. Именно эти выводы, будучи «внутренними» источниками новых знаний о «главных фактах» и прочих подлежащих установлению обстоятельствах, сами по себе либо в совокупности с другими выводами уготованы к превращению в процессуальные позиции, позволяющие обосновывать правоприменительные решения либо пытаться оказывать посильное влияние на характер и содержание таких решений путем заявления ходатайств, подачи жалоб, внесения представлений, выступления в судебных заседаниях и т. п.

Вместе с тем для справедливости все же стоит заострить внимание на некоторых значимых для уголовной юстиции обстоятельствах, предрасположенных к непосредственной когниции, к «прямому» восприятию и, таким образом, не нуждающихся в логическом выведении посредством умственной генерации сведений о материальных либо идеальных следах-отображениях (следах в широком смысле). Но такая непосредственность вовсе не исключает надобности в дальнейших аргументационно-логических приемах и операциях, завершаемых соответствующими умозаключениями. Конечно, вследствие столь продуктивных возможностей восприятия значимых для уголовного дела обстоятельств в натуральном виде роль данных приемов, операций и умозаключений заметно снижена. По крайней мере никакие мыслительные реконструкции для установления подобных обстоятельств явно не требуются. Однако сама природа осуществляемой в отношении них познавательной деятельности остается неизменной, в том числе сохраняющей неопределенность «коэффициента мыленного искажения» воспринимаемых сведений, а ее результаты – предполагающими высокую степень субъективизма и, таким образом, несмотря ни на что требующими должного обдумывания и осмысления.

Ведь в итоге многолетних изысканий в области гносеологии, психологии, психофизиологии и даже нейропсихологии существовавшие ранее представления о человеческом познании как о чем-то сугубо объективном, как о точном отражении реальности удостоились весьма скептических оценок, оказались развенчанными, по крайней мере, подверженными большим сомнениям. В частности, постепенно стали пересматриваться некогда господствующие взгляды известных мыслителей Нового и Новейшего времени, в том числе крупных советских философов, аллергически сравнивающих возникающие в результате функционирования познавательных механизмов мыленные образы с точными копиями, зеркальными отражениями, «фотоснимками» перципируемых, т. е. воспринимаемых предметов, устной либо письменной речи и т. д. [25, с. 389; 26, с. 106].

Так, еще в начале прошлого века известный германский философ Э. Кассирер, согласившись с позицией другого немца – физиолога Г. Гельмгольца, полностью исключил саму возможность стопроцентной убежденности разумных людей в абсолютной идентичности каких-либо объектов познания с возникающими в их сознании мысленными образами [27, с. 394]. В дальнейшем схожих взглядов стали придерживаться У. Найссер, К. Поппер, П. Рикер, другие известные западные ученые [28, с. 47; 29, с. 68–70; 30, с. 177]; близкие позиции можно встретить и в отечественной философской литературе второй половины XX в., в том числе в книгах

[1] В связи с этим вспоминается уже ставшая притчей во языцех легенда, связанная с открытием Исааком Ньютоном закона всемирного тяготения. Считается, что ученый всерьез задумался об этом законе, когда ненароком обратил внимание на упавший с яблоневого дерева спелый плод. Не имея никаких намерений обесценивать научные заслуги великого физика, все же хотелось бы помнить об имевшейся возможности непосредственно воспринимать данное природное явление и об отсутствии надобности в его познании посредством следов-отображений. Таким образом, познавать «работу» закона всемирного тяготения в определенном смысле было гораздо легче, чем доказывать подлежащие установлению по уголовному делу обстоятельства.

А.П. Шептулина [31, с. 18] и Э.М. Чудинова [32, с. 18]. И в этой связи в публикациях автора настоящей статьи уже неоднократно говорилось о неприемлемости понимания когнитивных продуктов познавательной деятельности субъектов доказывания – тех самых мысленных образов – как абсолютно точных воплощений реальности. Их предлагалось считать лишь относительно адекватными отображениями объектов уголовно-процессуального познания, предполагающими потребность в дальнейшем осмыслении, в уразумении степени тождества с «первоисточниками», т. е. подлежащими последующей умственной обработке, сводящейся к очередным аргументационно-логическим приемам, операциям, выводам [33, с. 354–357].

Правда, в силу врожденных аналитических способностей и развитых мыслительных навыков любому нормальному человеку, в том числе субъекту доказывания, свойственно выполнять подобные приемы, операции и выводить соответствующие умозаключения практически молниеносно, за считанные доли секунды, особо не осознавая их бытия, характера и содержания. Вместе с тем не признавать их неоценимой роли в решении возникающих перед органами предварительного расследования, судами, иными субъектами уголовно-процессуального доказывания когнитивных задач – значит, попросту отрицать данное человечеству «свыше», т. е. спорить с самой природой.

Еще более несостоятельными видятся идеи о жестком разграничении познания и доказывания как принципиально разных видов процессуальной деятельности, отнесенных к сферам реализации различных уголовно-процессуальных функций в условиях состязательности: познания – к ве́дению суда, а доказывания – к полномочиям и правомочиям сторон. Из всех существующих подходов к пониманию и соотношению данных категорий такие позиции представляются наименее удачными. Ввиду явной чужеродности национальным традициям правосудия они плохо согласуются с еще сохраняющей приверженность континентальным (романо-германским) канонам общей парадигмой уголовного судопроизводства, во многом противоречат устоявшимся положениям уголовно-процессуального закона, а в особенности вытекающим из таких положений практическим алгоритмам и рекомендациям. По этим же причинам они не соответствуют «народным», т. е. исторически сложившимся у населения представлениям о роли и предназначении уголовной юстиции – плохо гармонизированы со все еще бытующим (так никуда и не девшимся) обывательским желанием видеть в судьях, прокурорах, следователях, дознавателях дотошных и кропотливых «устанавливателей» истины, сермяжной правды, т. е. «выяснителей» всех обстоятельств и деталей преступлений с одновременным возложением на них полноты ответственности за судьбы рядовых граждан, в своей массе не очень-то способных к самостоятельному участию в состязательных процессах, не располагающих средствами для приглашения компетентных и опытных юристов.

Как отмечалось выше, подобные взгляды имеют достаточно много точек соприкосновения с некогда нашумевшим англосаксонским подходом к пониманию состязательности уголовного судопроизводства, подразумевающим гораздо меньшую, по крайней мере по сравнению с российскими механизмами, активность «юстиции», в первую очередь судебной власти, в установлении значимых для уголовного дела обстоятельств с одновременным переложением соответствующей «нагрузки» на стороны. Кроме того, в указанных позициях хорошо просматриваются пресловутые каноны доказывания в гражданском судопроизводстве и арбитражном судопроизводстве, предполагающие потребность в бо́льшей наступательности сторон для обоснования либо опровержения исковых и тому подобных требований.

Но даже в части рассмотрения гражданских и арбитражных дел, равно как и в части практического воплощения англосаксонской уголовно-процессуальной доктрины, подобные суждения о доказывании и его соотношении с познанием все равно представляются достаточно спорными, не учитывающими ни ретроспективности большинства подлежащих установлению обстоятельств, ни судейских потребностей в надлежащем осмыслении их мысленных образов. А для публичного уголовного судопроизводства, где суд – нечто большее, чем просто суд, а «номинально» равноправные перед ним (судом) стороны в реальности располагают далеко не одинаковыми возможностями по собиранию и представлению доказательственного материала, говорить о справедливости и потенциальной жизнеспособности данных научных позиций вообще не приходится – они видятся абсолютно неприемлемыми, противоречащими самой природе современной уголовной юстиции.

Представляется, что доказывание нельзя сводить к одной лишь совокупности риторических приемов обвинителей, защитников,

обвиняемым (подсудимых) иных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения или стороны защиты, нельзя ограничивать одним лишь подбором и надлежащим доведением до правоприменителей веских доводов, аргументов, силлогистических посылок, способствующих формированию их усмотрений в условиях состязательности. И таким образом, доказывание неверно признавать исключительно формой убеждения в правильности одних позиций и ошибочности других, а его цель видеть не более чем в склонении суда к вынесению отвечающего интересам обвинения либо или защиты, а подчас – и просто выгодного кому-либо из участвующих лиц решения.

Несмотря на мнимую эстетику, на схожесть с сюжетами известных голливудских шедевров, продуктов современной отечественной киноиндустрии и тому подобных экранных сказок о красноречивых выступлениях адвокатов в судебных заседаниях, подобное понимание доказывания мало соответствует реальным потребностям правоприменительной практики. Ведь, не будучи предрасположенными к собственной когниции подлежащих установлению обстоятельств, государственные либо частные обвинители, защитники, обвиняемые, другие воплотители сторон обвинения и защиты попросту не имели бы возможности надлежаще подготовиться к участию в судебных диспутах, не располагали бы должными гносеологическими ресурсами ни для формирования требуемых аргументов, доводов, логических посылок, ни для определения тактики их использования. Уголовно-процессуальное доказывание в этом случае превратилось бы в бессмысленную череду никак не связанных со своим собственным предметом риторических маневров, а деятельность сторон – в пустое «сотрясание воздуха», в спор ради спора. Любые пригодные к использованию для нужд уголовного судопроизводства аргументы, доводы, силлогистические посылки не способны возникать из ниоткуда, появляться «из воздуха». Возникновение этих формально-логических ресурсов всегда надлежит связывать с результатами предшествующей познавательной деятельности их «создателей», сводящейся к собственному установлению данными лицами обстоятельств случившегося и направленной на «приватное» уразумение и «приватную» оценку произошедшего, а также на осознание перспектив и определение конкретных средств обоснования соответствующих правоприменительных актов.

Таким образом наиболее приемлемым для использования в доктрине, правотворчестве и правоприменительной практике представляется упомянутый выше интегративный подход, предполагающий комплексный характер, т. е. включение в содержание уголовно-процессуального доказывания как познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов, так и различных аргументационно-логических операций.

Правда, это всего лишь подход, т. е. некая совокупность, некое множество концептуально схожих, направленных в одну сторону, но все же отличающихся друг от друга вариативными точек зрения. Думается, что не углубившись в их особенности, не уяснив смысла связанных с ними дискуссий, вряд ли можно рассчитывать на достижение каких-либо серьезных успехов в данном научном направлении. Да и вообще представляется, что некоторые существующие в части уголовно-процессуального доказывания доктринальные проблемы вызваны изначальной неопределенностью и многозначностью (!) употребляемых терминов – подобные нюансы тоже не могут быть оставлены без должного внимания. А ввиду ограниченного объема настоящей статьи автор намерен еще неоднократно возвращаться к рассмотрению всех этих и многих других вопросов в последующих публикациях.

Список источников

1. Савенков А.Н. Философия права и становление российского государства-цивилизации. М., 2024.
2. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960.
3. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. М., 1973.
4. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1961.

References

1. Savenkov A.N. Philosophy of Law and the Formation of the Russian State-Civilization. Moscow, 2024.
2. Kaz Ts.M. Evidence in Soviet Criminal Procedure. Saratov, 1960.
3. Theory of Evidence in Soviet Criminal Procedure / edited by N.V. Zhogin. Moscow, 1973.
4. Rakhunov R.D. Participants in Criminal Procedure Activity. Moscow, 1961.

5. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 2010.
6. Шейфер С.А. Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. М., 2015.
7. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. М., 1967.
8. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2022.
9. Божьев В.П. Основные вопросы советского уголовного процесса. М., 1978.
10. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания. Краснодар, 1996.
11. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005.
12. Клейнман А.Ф. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе / отв. ред. М.А. Гурвич. М.; Ленинград, 1950.
13. Ванеева Л.А. Судебное познание в советском гражданском процессе. Владивосток, 1972.
14. Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
15. Боруленков Ю.П. Юридическое познание, доказательство и доказывание. М., 2016.
16. Машовец А.А. Доказывание уголовного иска в состязательном судопроизводстве // Общество и право. 2013. № 2(44).
17. Домбровский Р.Г. Основы судебного доказывания в уголовном процессе. Рига, 2011.
18. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1.
19. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009.
20. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. Екатеринбург, 2004.
21. Стельмах В.Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021.
22. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. Хабаровск, 2022.
23. Мельников М.В. Собирание доказательств при проверке сообщения о преступлении: дис. … канд. юрид. наук. М., 2023.
24. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004.
25. Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. М., 1954.

5. Lupinskaya P.A. Decisions in Criminal Proceedings. Moscow, 2010.
6. Sheifer S.A. Collection of Evidence in a Criminal Case: Problems of Legislation, Theory and Practice. Moscow, 2015.
7. Perception and Action / edited by A.V. Zaporozhets. Moscow, 1967.
8. Maklakov A.G. General Psychology. St. Petersburg, 2022.
9. Bozhev V.P. Basic Issues of Soviet Criminal Procedure. Moscow, 1978.
10. Khmyrov A.A. Problems of the Theory of Proof. Krasnodar, 1996.
11. Pobedkin A.V. Theory and Methodology of Using Verbal Information in Criminal Procedure Proof. Moscow, 2005.
12. Kleinman A.F. Basic Issues of the Theory of Evidence in Soviet Civil Procedure / ed. M.A. Gurvich. Moscow; Leningrad, 1950.
13. Vaneva L.A. Judicial Knowledge in Soviet Civil Procedure. Vladivostok, 1972.
14. Kurylev S.V. Basics of the Theory of Proof in Soviet Justice. Minsk, 1969.
15. Borulenkov Yu.P. Legal knowledge, proof and proving. Moscow, 2016.
16. Mashovets A.A. Proving a criminal claim in adversarial proceedings // Society and Law. 2013. № 2 (44).
17. Dombrovsky R.G. Fundamentals of judicial proof in criminal proceedings. Riga, 2011.
18. Strogovich M.S. Course of Soviet criminal procedure. Moscow, 1968. Vol. 1.
19. Orlov Yu.K. Problems of the theory of evidence in criminal proceedings. Moscow, 2009.
20. Balakshin V.S. Evidence in the theory and practice of criminal procedural proof. Ekaterinburg, 2004.
21. Stelmakh V.Yu. The system of evidence in the pre-trial stages of criminal proceedings: problems of theory, regulation and practice: dis. ... Grand PhD in Law. Ekaterinburg, 2021.
22. Cherkasov V.S. Legal regulation of the use of electronic means in evidence at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Khabarovsk, 2022.
23. Melnikov M.V. Collection of evidence when checking a crime report: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2023.
24. Voskobitova L.A. Mechanism for the implementation of judicial power through criminal proceedings: dis. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2004.
25. Dialectical materialism / edited by G.F. Alexandrov. Moscow, 1954.
26. Kopnin P.V. Gnoseological and logical foundations of science. Moscow, 1974.

26. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974.
27. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / пер. с нем. Б.Г. Столпнера и П.С. Юшкевича. СПб.,1912.
28. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В.В. Лучкова. М., 1981.
29. Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути; отв. ред. В.Н. Садовский. М., 2002.
30. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. М., 2008.
31. Шептулин А.П. Диалектический метод познания. М., 1983.
32. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М., 1977.
33. Россинский С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3.

27. Cassirer E. Cognition and reality. The concept of substance and the concept of function / translated from German by B.G. Stolpner and P.S. Yushkevich. St. Petersburg, 1912.
28. Neisser U. Cognition and reality. The meaning and principles of cognitive psychology / translated from English by V.V. Luchkov. Moscow, 1981.
29. Popper K.R. Objective knowledge. Evolutionary approach / translated from English by D.G. Lakhuti; ed. V.N. Sadovsky. Moscow, 2002.
30. Ricoeur P. Conflict of interpretations. Essays on hermeneutics / translated from French by I.S. Vdovina. Moscow, 2008.
31. Sheptulin A.P. Dialectical method of cognition. Moscow, 1983.
32. Chudinov E.M. The nature of scientific truth. Moscow, 1977.
33. Rossinsky S.B. On the development of the theory of evidence in criminal proceedings // Russian criminological view. 2013. № 3.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Россинский Сергей Борисович, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rossinsky Sergey Borisovich, *Grand PhD in Law, Professor, Chief Researcher of the Criminal Law Sector, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 10, Znamenka St., Moscow 119019 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 161–166.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 161–166.

Научная статья
УДК 343.985.7

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРЫСТНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ МИГРАНТАМИ

Тарасенко Екатерина Николаевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, zaharchik.1991@mail.ru

Введение: *в настоящее время актуальным в сфере правоохранительной и правоприменительной деятельности органов внутренних дел остается расследование преступлений, совершаемых мигрантами. Это связано с тем, что крупные города России привлекают для выполнения работ и оказания услуг низкоквалифицированные слои населения иностранных государств. В связи с этим востребованным в практической деятельности подразделений следствия и дознания является алгоритм производства процессуальных действий, который может быть применен в случае установления причастности иностранного гражданина к совершению преступления. На основании данной проблематики в статье анализируется криминогенная характеристика корыстно-насильственных преступлений, которые совершаются мигрантами на территории РФ, а также методика расследования данного вида преступлений.*

Материалы и методы: *методологической основой исследования в представленной работе является всеобщий метод познания, а также такие методы, как сравнительно-правовой, исторический, конкретно-социологический и статистического анализа. Рассматриваемой проблеме посвятили свои работы многие заслуженные теоретики, такие как А.И. Дворкин, Н.А. Селиванов, Р.С. Белкин и др. На основе их трудов построена теоретическая часть представленного исследования.*

Результаты исследования: *в ходе исследования проводилось анализирование материалов уголовных дел, рассмотренных судами первой инстанции на территории Южного федерального округа. Результатами данного анализа было установлено, что наиболее распространенными преступлениями, совершаемыми мигрантами, являются преступления, предусмотренные ст. 105, 161, 162 УК РФ.*

Выводы и заключения: *исследование тактических и методических аспектов расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами на территории Российской Федерации, безусловно, с учетом криминалистической характеристики этих преступлений позволяет построить частную криминалистическую методику расследования. Впоследствии применение на практике следователем ряда рекомендаций, изложенных в частной криминалистической методике, приведет к более успешному раскрытию и расследованию корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами.*

Ключевые слова: *методика, миграция, раскрытие и расследование преступлений, следственные действия, тактические особенности, криминогенные факторы.*

Для цитирования: Тарасенко Е. Н. *Актуальные аспекты расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами / Е. Н. Тарасенко // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 161–166.*

Original paper

ACTUAL ASPECTS OF THE INVESTIGATION OF MERCENARY VIOLENT CRIMES COMMITTED BY MIGRANTS

Tarasenko Ekaterina Nikolaevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *Currently, the investigation of crimes committed by migrants remains relevant in the field of law enforcement and law enforcement activities of internal affairs agencies. This is due to the fact that large cities of Russia attract low-skilled sections of the population of foreign countries to perform work and provide services. In this regard, the algorithm of production of procedural actions, which can be applied in case of establishing the involvement of a foreign citizen in the commission of a crime, is in demand in the practical activities of investigation and inquiry units. Based on this problem, the article analyzes the criminogenic characteristics of mercenary-violent crimes committed by migrants on the territory of the Russian Federation, as well as the methodology for investigating this type of crime.*

Materials and methods: *the methodological basis of the research in the presented work is the general method of cognition, as well as such methods as comparative legal, historical, specific sociological and statistical analysis. Many honored theorists, such as A.I. Dvorkin, N.A. Selivanov, R.S. Belkin et al. The theoretical part of the presented study is based on their works.*

Results of the study: *the study analyzed the materials of criminal cases considered by the courts of first instance in the Southern Federal District. The results of this analysis showed that the most common crimes committed by migrants are crimes under Articles 105, 161, 162 of the Criminal Code of the Russian Federation.*

Findings and conclusions: *the study of tactical and methodological aspects of the investigation of mercenary-violent crimes committed by migrants in the territory of the Russian Federation, of course, taking into account the forensic characteristics of these crimes, allows us to build a private forensic investigation methodology. Subsequently, the practical application by the investigator of a number of recommendations set out in the private forensic methodology will lead to a more successful disclosure and investigation of mercenary-violent crimes committed by migrants.*

Keywords: *methodology, migration, disclosure and investigation of crimes, investigative actions, tactical features, criminogenic factors.*

For citation: Tarasenko E. N. *Actual aspects of the investigation of mercenary violent crimes committed by migrants / E. N. Tarasenko // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 161–166.*

Миграция – это некий процесс перемещения людей из одной географической точки в другую. Целью перемещения людей является изменение постоянного места жительства или работы.

Международная практика демонстрирует, что управляемые потоки миграции содействует экономическому и социальному развитию государства, восполняя пустоты и пробелы внутренней экономики страны, компенсируя существующие потери в демографической сфере. Однако их наличие имеет и обратную сторону медали, выраженную, в частности, в росте преступности принимающего государства [1]. Следует признать, что законодательство и политическая практика в России совершенствуются.

Однако законодательство по-прежнему развивается по принципу «где есть проблема, там должен быть закон». В последнее время миграционные процессы стали одним из главных факторов социальной и экономической динамики стран.

Криминальный аспект миграции – это одна из наиболее сложных проблем, включающая в себя как преступления, совершаемые самими мигрантами, так и преступления, направленные против мигрантов [2].

Так, согласно Аналитической справке о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь–декабрь 2024 г., количество преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, сократилось на 0,9 %, в том числе гражданами государств-участников СНГ – 32,7 тыс. преступлений (+0,6%), их удельный вес составил 84,8 %, также число иностранных граждан, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, снизилось на 3,8 %. Доля преступлений, совершенных иностранными гражданами, от общего массива предварительно расследованных преступлений составила 4,3 %.

Проанализировав материалы уголовных дел за 2020–2024 гг., отметим, что в основном преступления совершаются мигрантами, незаконно находящимися на территории Российской Федерации, не имеющими постоянного места жительства и заработка. Наиболее криминально-активными являются представители мужского пола (около 85 %), в возрасте 31–40 лет, совершающие преступления (50 %), имеющие неполное среднее образование (47 %). Также одним из главных аспектов является то, что преступления совершают как холостые, так и семейные люди, у которых есть дети.

В ходе исследования был проведен анализ материалов уголовных дел Южного федераль-

ного округа, возбужденных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства (с учетом граждан государств-участников СНГ), которые были рассмотрены судами первой инстанции за период с января 2020 г. по декабрь 2024 г.(изучено 56 уголовных дел). По результатам анализа было установлено, что подавляющее число преступлений с участием мигрантов относится к категории корыстно-насильственных преступлений. В частности, наибольшую долю преступлений корыстно-насильственной направленности, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства (с учетом граждан государств-участников СНГ), составляют преступления, предусмотренные ст. 105, 161, 162 УК РФ.

В свою очередь, К.И. Богомолов приходит к выводу, что наиболее распространенный мотив совершения преступлений иностранцами – корыстный, поскольку, по его мнению, одной из главных причин является недостаточный материальный уровень жизни большинства иностранцев, прибывающих в Россию с целью заработка [2, с. 51]. Однако, согласно проведенному исследованию, можно сделать вывод о том, что в большинстве случаев корыстную цель преступных деяний мигрантов сопровождает насильственный способ их совершения. В связи с этим целесообразно рассматривать наиболее часто совершаемые преступления мигрантов на территории Российской Федерации в обобщенной группе – преступления корыстно-насильственного характера.

Сведения о преступности мигрантов за анализируемый период свидетельствуют о том, что преступления, совершаемые данной социальной группой на протяжении пятилетнего периода, остаются серьезной угрозой для российского общества. Ввиду этого востребованным в практической деятельности подразделений следствия и дознания является алгоритм производства процессуальных действий, который может быть применен в случае установления причастности иностранного гражданина к совершению преступления.

Под методикой в ее обыденном представлении понимается «совокупность методов обучения чему-нибудь, практического выполнения чего-нибудь» [4]. Понятие методики применительно к расследованию преступлений сводится к констатации ее сущности как системы приемов, рекомендаций, обобщенной модели, программы действий, состоящей из последовательных практических и мыслительных операций, направленных на решение определенных следственных задач [5].

В связи с этим очевидно, что при разработке методик расследования отдельных видов преступлений необходимо учитывать соответствующие положения не только всех наук уголовно-правового цикла и гражданского законодательства, о чем говорилось выше, но и науки управления, научной организации труда, психологии межличностных и коллективных отношений. Во всяком случае разработка такой методики (программы или алгоритма действий) с позиции только криминалистики просто невозможна.

Уже этим предопределяются особенности методики организации раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами, служащие вполне убедительным основанием для утверждений, что традиционные методические рекомендации, разработанные в свое время в криминалистике применительно к раскрытию и расследованию общеуголовных преступлений, в данном случае не срабатывают.

И тем не менее к настоящему времени сформировалось достаточно обоснованное мнение о структуре криминалистической методики и организации расследования экономических преступлений, состоящей из следующих элементов:

– выявление криминальной ситуации, ее первоначальная уголовно-правовая квалификация;

– анализ исходной информации об обстоятельствах совершенного деяния, принятие решения о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела;

– разработка версии и планирование расследования;

– первоначальные следственные действия;

– последующие следственные действия;

– заключительные следственные действия.

Нетрудно заметить, что названные элементы методики расследования экономических преступлений характеризуют не только ее содержание, но и последовательность выполнения определенных действий, с четко определенной целью.

Итак, рассмотрим приведенные элементы криминалистической методики на примере наиболее часто совершаемых мигрантами корыстно-насильственных преступлений – грабеж и разбой.

По существу, методика расследования рассматриваемых видов преступлений представляет собой универсальный алгоритм действий, основанный не только на положе-

ниях предыдущих разделов криминалистики (основы теории, криминалистическая техника, криминалистическая тактика), но и иных областей научного знания. Иначе говоря, методика расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами, выступает как междисциплинарная, межнаучная категория.

При получении первоначальной информации о преступлении необходимо установление первичных признаков состава преступления, которые будут проверены и вероятно изменены на кардинально противоположные, т. е. данный элемент связан с анализом имеющейся информации о совершенном преступлении с целью его квалификации. Грабеж и разбой являются смежными по своему составу преступлениями, в связи с чем их разграничение на основе первичной информации является затруднительным. Так, важно установить факт причинения насилия, а именно его степень опасности для жизни человека. Не всегда возможно определить тяжесть причиненного вреда здоровью без проведения медицинского освидетельствования жертвы преступления, однако при наличии явных признаков тяжкого вреда здоровью квалификация преступного деяния по ст. 162 УК РФ осуществляется на основе первичных данных о происшествии. Дальнейшие особенности методики расследования данных преступлений зависит от того, задержано ли на месте совершения преступления лицо, его совершившее, если нет, то имеется ли информация о его личности, возможно ли установление очевидцев или находились ли на месте преступления камеры наружного наблюдения, а также может ли потерпевший описать напавшее на него лицо. Данные сведения преимущественно становятся известными в результате проведения первоначальных следственных действий, проведение которых возможно до возбуждения уголовного дела [6].

Следующий элемент криминалистической методики расследования таких корыстно-насильственных преступлений, как грабеж и разбой, характеризуется сбором сведений об обстоятельствах совершенного преступного деяния, о лице, его совершившем, размере имущественного вреда, а также удостоверяется характер вреда здоровью, причиненного потерпевшему. На этапе сбора и анализа информации о совершенном деянии в случае если криминальная ситуация является благоприятной, т. е. лицо, совершившее преступное деяние, задержано или в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) были получены сведения о его личности, то на основе имеющихся данных субъект расследования делает вывод о том, что лицо является представителем иностранного государства. Здесь же необходимо получить сведения о том, находится ли данное лицо на территории Российской Федерации на законных основаниях [3]. По истечении сроков рассмотрения сообщения о преступлении субъект расследования в порядке ст. 145 УПК РФ принимает одно из трех решений:

1. об отказе в возбуждении уголовного дела;
2. передаче сообщения о преступлении по подследственности;
3. о возбуждении уголовного дела, в случае если имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления.

Также необходимо отметить, что важными элементами для успешного раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами, является планирование и выдвижение следственных версий. Планирование расследования напрямую зависит от рассматриваемой версии совершения преступления. Так, при анализировании исходной информации об обстоятельствах совершенного деяния лицо, осуществляющее предварительное расследование, выдвигает предположение о детерминантах, объективной и субъективной сторонах расследуемого уголовного дела. Это и будет являться версией, на основании которой следователь составляет план работы, направленной на сбор информации, имеющей значение для предварительного расследования. В плане предварительного расследования субъект расследования указывает круг следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий и иных процессуальных действий, которые необходимо произвести для полноценного сбора и анализа информации об обстоятельствах преступления. Процесс планирования может охватывать не только весь этап предварительного расследования, но и проведение отдельного следственного действия, оперативного мероприятия или иного процессуального действия.

Криминалистическая характеристика корыстно-насильственных преступлений, совершенных мигрантами, по ее общим признакам и по существу типичная, а по частным – настолько разнообразна, динамична, субъективно обусловлена, что представить ее в виде обобщенных сведений или некой матрицы, пригодной для разработки версий и планирования расследования этой категории преступлений, весьма проблематично.

На последующем этапе весь комплекс следственных действий и ОРМ нацелен на установление в деталях и доказывание обстоятельств преступной деятельности, ее результатов; функциональной роли лиц, причастных к ее совершению. Для этого осуществляются такие следственные действия, как очная ставка, следственный эксперимент, предъявление для опознания, назначение судебных экспертиз и др. Не исключается производство некоторых следственных действий повторно.

Заключительный этап предполагает подготовку обвинительного заключения и, соответственно, оценку каждого положенного в его основу доказательства, а также всей системы доказательств, с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности.

При разработке мер, направленных на совершенствование методики раскрытия и расследования преступлений, сотрудникам правоохранительных органов необходимо учитывать полученную на основе опыта раскрытия и расследования корыстно-насильственных преступлений систему задач и процессуальных действий, направленных на их решение в работе по уголовному делу, объединив их в следующие группы:

1) выявление, анализ и оценка уголовно-правовых признаков состава преступления, раскрытие его бланкетной диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы на основе положений гражданского и специального законодательства;

2) выявление криминалистически значимых особенностей механизма преступления, способа его подготовки, совершения и сокрытия, обуславливающего отображение материальных и идеальных следов;

3) формирование системы сведений, необходимых для квалификации преступления и его вычленения из законной экономической деятельности;

4) систематизация фактов и обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании преступления;

5) разработка проблемно-ориентированных следственных версий, планирование следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий по их проверке;

6) производство следственных действий и ОРМ;

7) анализ и оценка сведений, полученных с помощью специалистов, назначение судебных экспертиз;

8) проверка и оценка всех собранных по делу доказательств по критериям относимости, допустимости и достоверности, выявление противоречий в их системе, разработка и реализация мер по их устранению;

9) оценка доказательств по критерию достаточности, проведение дополнительных следственных действий, формирование обвинительного заключения [1].

Эти задачи, естественно, в разных пределах и с определенными особенностями характерны для всех вышеобозначенных этапов расследования экономических преступлений (первоначального, последующего и заключительного). Их особенности обуславливаются тактически определяемыми целями. Так, на первоначальном этапе в качестве такой цели выступает выявление преступления; установление лиц, его совершивших, уголовно-правовая квалификация их действий и т. д. С этой целью осуществляются: выемка соответствующих документов, их осмотр, анализ содержащейся в них информации, допрос свидетелей, подозреваемых, контроль и запись переговоров и др.

В заключение акцентируем внимание на том, что рассмотренные элементы криминалистической методики расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами, должны реализовываться с соблюдением следующих специфических аспектов организации расследования преступлений, совершенных иностранными гражданами. К таковым относятся:

– обязательное уведомление посольства (консульства) страны лица, задержанного по подозрению в совершении преступления;

– обеспечение явки защитника и переводчика;

– при задержании лица по подозрению в совершении преступления и последующем предъявлении ему обвинения – обязательное решение вопроса о возможности применения к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу;

– обязательное направление запроса о международной правовой помощи в страну гражданства иностранного лица о сборе доказательств об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого;

– обязательное установление факта законности нахождения на территории России;

– обязательное установление источников доходов лица на территории России и места проживания;

– при фиктивности регистрации по месту жительства (пребывания) – обязательное выделение материалов для организации проверки по данному факту;

– своевременная организация перевода процессуальных документов, подлежащих

вручению иностранному гражданину, на язык, которым он владеет [1].

Таким образом, методика расследования корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами, является узконаправленным и многокомпонентным алгоритмом производства необходимых следственных, процессуальных и непроцессуальных действий, выработанным на основе теоретических знаний и практического следственного опыта. Наряду с привычными компонентами методики расследования корыстно-насильственных преступлений от следователя/дознавателя требуется соблюдение специфики взаимодействия с представителями иностранных государств, что является усложняющим фактором для процесса расследования. В связи с этим совершенствование методики расследования данной группы преступлений должно формироваться на основе современных тенденций преступности мигрантов, а также в тесном взаимодействии с улучшением миграционной политики государства, направленном на усиление контроля за миграционными процессами.

Список источников

1. Криминалистика: учеб. для студентов вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
2. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 г. и ожидаемые тенденции ее развития: аналитический обзор / М.В. Гончарова, М.М. Бабаев, С.А. Невский [и др.]. М., 2025.
3. Волчецкая Т.С., Рябенькая Н.Л. Особенности криминалистической характеристики корыстно-насильственных преступлений, совершаемых мигрантами. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminalisticheskoy-harakteristiki-korystno-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-migrantami (дата обращения: 05.04.2025).
4. Попова В.А. Теоретические основы и причины преступности мигрантов. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-i-prichiny-prestupnosti-migrantov (дата обращения: 05.04.2025).
5. Султангалеева А.Б. Детерминация преступности мигрантов-иностранцев. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinatsiya-prestupnosti-migrantov-inostrantsev (дата обращения: 06.04.2025).
6. Сердюков К.Н. Преступность иностранных мигрантов в России: факты и домыслы. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-inostrannyh-migrantov-v-rossii-fakty-i-domysly (дата обращения: 06.04.2025).

References

1. Forensic Science: a textbook for university students / T.V. Averianova, R.S. Belkin, Yu.G. Korukhov [et al.]. 4th ed., revised and enlarged. Moscow, 2013.
2. Comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation based on the results of 2024 and expected trends in its development: an analytical review / M.V. Goncharova, M.M. Babaev, S.A. Nevsky [et al.]. Moscow, 2025.
3. Volchetskaya T.S., Ryabenkaya N.L. Features of the forensic characteristics of mercenary-violent crimes committed by migrants. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kriminalisticheskoy-harakteristiki-korystno-nasilstvennyh-prestupleniy-sovershaemyh-migrantami (date of access: 05.04.2025).
4. Popova V.A. Theoretical foundations and causes of migrant crime. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-i-prichiny-prestupnosti-migrantov (date of access: 05.04.2025).
5. Sultangaleeva A.B. Determining the crime of foreign migrants. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/determinatsiya-prestupnosti-migrantov-inostrantsev (date of access: 06.04.2025).
6. Serdyukov K.N. Crime of foreign migrants in Russia: facts and speculations. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prestupnost-inostrannyh-migrantov-v-rossii-fakty-i-domysly (date of access: 06.04.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасенко Екатерина Николаевна, *адъюнкт адъюнктуры. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tarasenko Ekaterina Nikolaevna, *adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 167–172.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 167–172.

Научная статья
УДК 343.985.7: 343.347

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Тюнь Анастасия Андреевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Anastasia.tyun@mail.ru

Введение: *об уровне развитости страны свидетельствует состояние системы здравоохранения, преступления в медицинской сфере подрывают уровень доверия граждан к медицинским работникам и медицинским учреждениям. Изучение личности преступника, совершающего ятрогенные преступления, способствует пониманию, что провоцирует совершение преступлений данной категории и выявить характерные личностные особенности медицинских работников. Анализ психоэмоциональных и иных факторов позволит разработать эффективные методы снижения и предотвращения преступлений изучаемой категории.*

Материалы и методы: *теоретической основой исследования является анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение. Эмпирической основой исследования – анализ нормативных правовых актов, специальной литературы.*

Результаты исследования: *автором проанализированы основные криминалистически значимые характерные черты личности ятрогенного преступника. Выделен список лиц, относящихся к медицинским работникам. В ходе исследования были изучены влияние профессии на личность преступника, психическая деятельность, особенности психологии преступников рассматриваемой категории, составлен психологический портрет и выделены основные типы ятрогенных преступников.*

Выводы и заключения: *преступником в рассматриваемой категории преступлений всегда выступает специальный субъект – медицинский работник. Особенности психологии ятрогенных преступников обусловлены профессией и выражаются в наличии таких негативных качеств, как равнодушие, пассивность, хладнокровие, безразличие и отсутствие эмпатии. Причиной возникновения перечисленных качеств является профессиональная деформация и выгорание. Высокий уровень латентности обусловлен характерной для медицинской деятельности черты – корпоративная этика. Анализ психической деятельности позволил выявить модели поведения медицинских работников. Также анализ психологического портрета позволил выделить несколько типов ятрогенных преступников: преступник-нигилист, самонадеянный, непрофессиональный.*

Ключевые слова: *ятрогенные преступления, ятрогенный преступник, личность ятрогенного преступника, медицинский работник, психологический портрет, тип преступника, модель поведения, психическая деятельность.*

Для цитирования: Тюнь А. А. *Особенности криминалистической характеристики личности преступника при расследовании ятрогенных преступлений / Тюнь А. А. // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 167–172.*

Original paper

FEATURES OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF THE CRIMINAL'S PERSONALITY IN THE INVESTIGATION OF IATROGENIC CRIMES

Tyun Anastasia Andreevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the level of development of the country is evidenced by the state of the health care system, crimes in the medical field undermine the level of trust of citizens in medical workers and medical institutions. The study of the personality of the criminal committing iatrogenic crimes*

helps to understand what provokes the commission of crimes of this category and to identify the characteristic personality traits of medical workers. Analysis of psycho-emotional and other factors will allow developing effective methods for reducing and preventing crimes of the studied category.

Materials and methods: *the theoretical basis of the study is analysis and synthesis, induction and deduction, generalization. The empirical basis of the study is the analysis of regulatory legal acts, specialized literature.*

Results of the study: *the author analyzed the main forensically significant characteristic features of the personality of the iatrogenic criminal. A list of persons related to medical workers is highlighted. In the course of the study, the influence of the profession on the personality of the criminal, mental activity, psychological features of criminals of the category in question were studied, a psychological portrait was compiled and the main types of iatrogenic criminals were identified.*

Findings and conclusions: *the criminal in the category of crimes under consideration is always a special subject – a medical worker. The peculiarities of the psychology of iatrogenic criminals are determined by their profession and are expressed in the presence of such negative qualities as indifference, passivity, cold-bloodedness, apathy and lack of empathy. The reason for the emergence of these qualities is professional deformation and burnout. The high level of latency is due to a feature characteristic of medical activity – corporate ethics. The analysis of mental activity made it possible to identify patterns of behavior of medical workers. Also, the analysis of the psychological portrait made it possible to identify several types of iatrogenic criminals: a nihilistic criminal, arrogant, unprofessional.*

Keywords: *iatrogenic crimes, iatrogenic criminal, personality of an iatrogenic criminal, medical worker, psychological portrait, type of criminal, behavior pattern, mental activity.*

For citation: Tyun A. A. *Features of the criminalistic characteristics of the Criminal's personality in the investigation of iatrogenic crimes / Tyun A. A. // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 167–172.*

Полноценное и всестороннее расследование преступлений, выдвижение следственных версий, выявление причин и условий совершения преступления, планирование расследования и выбор тактики производства следственных действий невозможно без изучения личности преступника.

Личность преступника представляет собой совокупность социальных, биологических и психологических качеств, исследование которых позволяет выделять ятрогенные преступления от других категорий преступлений. Справедливо отмечает А.В. Варданян, что криминалистическое изучение личности преступника должно осуществляться с целью организации раскрытия и расследования преступлений, разработки криминалистических версий, планирования и проведения отдельных следственных версий [1]. Следовательно, изучение личности преступника позволит проанализировать преступление и составить криминалистическую характеристику, т. к. между личностью преступника и такими элементами криминалистической характеристики, как мотив, вид и способ совершения преступления, существует прямая взаимосвязь.

Ятрогенные преступления являются специфической категорией преступлений, поскольку имеется сложность в расследовании, вызванная рядом причин, к которым относятся: долгосрочность последствий, которые в дальнейшем трудно связать с деятельностью конкретного лица; корпоративная этика, в связи с которой многие действия врача, повлекшие негативные последствия, скрываются, и преступления данной категории приобретают статус латентных; отсутствие отдельного состава в уголовном законодательстве, что затрудняет изучение рассматриваемой категории преступлений.

Особый интерес вызывает личность преступника, обусловленная особым статусом медицинских работников. Ненадлежащее поведение и несоблюдение статуса медицинского работника может привести к причинению вреда различной тяжести как отдельному человеку, обществу, так и государству в целом.

Ятрогенные преступления – это общественно опасные, виновно совершенные деяния, совершенные медицинскими работниками при осуществлении медицинских услуг или оказании медицинской помощи. В соответствии с приказом Министерства здравоохранения РФ от 20.12.2012 № 1183н «Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников» к медицинским работникам относятся следующие категории лиц: руководители (главный врач, заместитель руководителя, заведующий структур-

ным подразделением и др.); специалисты с высшим медицинским образованием (врачи различных направлений (врач-акушер, врач-терапевт и др.); специалисты с высшим профессиональным немедицинским образованием (биолог, энтомолог и др.); специалисты со средним профессиональным медицинским образованием (средний медицинский персонал (акушер, зубной врач и др.); иные должности медицинских работников (младший медицинский персонал (санитар, медицинская сестра по уходу за больными и др.) [2]. Исходя из перечисленного, делаем вывод, что структура медицинских работников представлена следующим образом: руководители, врачи, специалисты в сфере медицины с немедицинским образованием, средний медицинский персонал, младший медицинский персонал.

Проанализировав некоторые понятия, представленные в Федеральном законе от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», приходим к выводу, что основная деятельность медицинских работников сводится к следующим действиям: поддержание, восстановление здоровья; профилактика, диагностика, лечение заболеваний; сохранение и укрепление здоровья; предупреждение возникновения и распространения заболеваний; выявление причин и условий возникновения заболеваний; распознавание состояний или установление факта отсутствия или наличия заболевания; сбор и анализ жалоб пациента и т. д.

Результат осуществления любого вида медицинской деятельности должен иметь благоприятных исход – улучшение состояния, выздоровление пациента. В противном случае при ухудшении состояния пациента либо летальном исходе и ином негативном результате необходимо установить причину этого. Говоря о причинах, предлагаем разделить их на два вида: первый – последствия, наступившие из-за ненадлежащего оказания медицинской помощи; второй – последствия, наступившие по причинам, не связанным с оказанием медицинской помощи. Второй вид включает в себя причины, имеющие анатомический характер и не связанные с деятельностью медицинских работников, поэтому для нас они не представляют никакого интереса.

Рассмотрим подробнее первую группу причин, которые можно отнести к ненадлежащему оказанию медицинской помощи, т. к. именно они образуют причинно-следственную связь в виде действия медицинского работника и наступившими отрицательными последствиями. Необходимо обратить внимание на мотив – медицинские работники могут совершать ятрогенные преступления как умышленно, осознанно нарушая правила и пренебрегая стандартами оказания медицинской помощи, так и по неосторожности. Изучение личности преступника в рассматриваемой категории ятрогенных преступлений является неотъемлемой частью расследования по причине того, что ятрогенные преступления малоисследованы и необходимо устанавливать субъект преступления, чтобы ограничить количество привлекаемых к ответственности лиц и сделать вывод, является ли деяние ятрогенией.

Особое влияние на поведение преступника оказывает сама профессия. Профессиональная деформация – это процесс, при котором личность медицинского работника, в силу долгосрочной и интенсивной профессиональной деятельности, теряет способность воспринимать пациента как уникальную личность с его индивидуальными потребностями. Это может привести к снижению уровня ответственности, формированию безразличия к последствиям своих действий, а также к игнорированию медицинских стандартов. В таких случаях мотивы преступления могут быть связаны не с личной выгодой, а с профессиональной привычкой или системным игнорированием норм и стандартов медицинской практики.

Важно отметить, что в сфере медицины существует так называемая корпоративная этика, которая нередко способствует сокрытию ошибок и нарушений. В медицинской среде часто присутствует склонность к «соглашательству» или «замалчиванию» инцидентов, особенно если речь идет о высокопрофессиональных кадрах. Этот фактор создает определенные сложности в расследовании, т. к. действия, являющиеся ятрогенными преступлениями, могут быть скрыты под слоем институциональных оправданий и корпоративных стандартов.

Таким образом, важно исследовать влияние этих факторов на личность преступника, чтобы понять, как структурные и организационные элементы системы здравоохранения могут способствовать совершению преступлений или, наоборот, влиять на скрытие таких деяний.

Для изучения личности преступника необходимо проанализировать его психическую деятельность как в момент совершения преступления, так и после. Психическая деятельность – это процесс, посредством ко-

торого человек воспринимает окружающий мир, оценивает его, принимает решения, строит отношения с людьми и реагирует на происходящие события. Молодым медицинским работникам в силу неопытности характерно недооценивать последствия принятых решений, в особенности это характерно для работников, которые халатно относятся к выполнению своих обязанностей. Для медицинских работников с опытом могут быть характерны такие черты, как игнорирование медицинской этики и моральных норм, в некоторых случаях это вызвано профессиональным выгоранием. Профессиональное выгорание, появляющееся в результате высокой психологической нагрузки, стрессовой обстановки, высокой степени ответственности, способствует развитию у медицинских работников таких пагубных качеств, как жестокость, равнодушие и пассивность.

Нельзя не согласиться с мнением М.В. Тузлуковой, обращающей внимание на то, что психическая деятельность субъекта может быть правильно понята лишь во взаимосвязи с физической деятельностью, что позволит правильно судить о подлинных целях, мотивах содеянного и форме вины [3, с. 39].

Действия медицинского работника после совершения преступления могут варьироваться в зависимости от времени наступления последствий. В ситуации, при которой наступление ятрогенного исхода потребовало времени, появляется больше шансов для маскировки преступной деятельности медицинским работником. После совершения преступления восприятие негативного исхода осуществляется тремя моделями поведения. Первая позиция – осознание своей вины и желание исправить последствия; вторая – осознание вины и применение средств и методов по сокрытию следов преступления; третья позиция – мнимое отрицание вины, но при этом сокрытие следов преступления. Модель поведения медицинского работника несмотря на различия в отношении к негативному исходу схожа в одном – это попытки смягчения последствий либо сокрытия с целью снижения влияния на профессиональную деятельность и карьеру.

Изучение психологического портрета медицинского работника, совершившего ятрогенное преступление, является необходимым этапом расследования. Важно понимать, что такие преступления могут быть как умышленными, так и результатом халатности или ошибки. Например, в случае с умышленными преступлениями, когда медицинский работник сознательно нарушает стандарты, мотив может быть связан с личной выгодой, желанием избежать ответственности или с внутренним убеждением, что такой подход является допустимым в его практике.

С другой стороны, многие ятрогенные преступления являются результатом халатности, недостатка внимания к пациенту или недостаточного контроля. В таких случаях преступник может не осознавать тяжести своих действий или считать, что его поступок не приведет к последствиям. Психологическая характеристика таких преступников часто включает в себя низкий уровень самоконтроля, дефицит эмпатии и профессиональную усталость, что способствует снижению внимательности и внимательного отношения к пациентам.

Как отмечает Е.С. Мазур, для изучаемых преступников характерны следующие черты: потребность в признании профессионализма, лидерства, стремление выделяться среди других работников [4, с. 222]. Наличие перечисленных качеств может привести к неправильной постановке диагноза, которая является следствием чрезмерной уверенности в своем профессионализме.

Р.С. Белкин считает, что типичная информация о личности преступника имеет важное криминалистическое значение [5, с. 178]. На основе изученной информации о личности преступника выделим несколько типов преступников, совершающих ятрогенные преступления:

1. Преступник-нигилист. Медицинский работник, для которого характерным является нарушение ценностных ориентаций, моральных норм и норм врачебной этики. Характерной чертой в поведении таких преступников является халатность. Примером такого поведения может являться следующая ситуация: врач ультразвуковой диагностики ГБУЗ «Серафимовичская ЦРБ», исполняя свои профессиональные обязанности, «провела ультразвуковое исследование ненадлежащим образом, проигнорировала установленные стандарты по заполнению формы протокола исследования», это привело к неправильным действиям врача – акушера-гинеколога, что спровоцировало тяжелое состояние пациентки и последующее наступление смерти [6]. Из этого следует, что действия врача ультразвуковой диагностики, выражающиеся в игнорировании норм составления протокола, привели к летальному исходу пациентки.

2. Самонадеянный тип преступников. Для таких преступников характерно нали-

чие большого профессионального опыта и самоуверенности, в силу которых преступник принимает поспешные и зачастую неправильные решения о постановке диагноза и назначения лечения. Примером является поведение лечащего врача общей хирургии (дорожной клинической больницы), который «необоснованно поспешно принял решение о выписке» с неверно выставленным диагнозом, что стало причиной смерти пациентки [7].

3. Непрофессиональный тип преступников. Для данного типа преступников характерен низкий профессиональный опыт и малый уровень профессионализма, в связи с чем они совершают преступления по неосторожности из-за низкого качества выполнения обязанностей. К такому типу преступников можно отнести, например, врача-невролога неврологического отделения, действия которой по причине «малого опыта выполнения блокад» и неправильно выполненной эпидуральной блокады лидокаином повлекли смерть пациентки [8].

В расследовании ятрогенных преступлений большую роль играет судебно-медицинская экспертиза. Специалисты, осуществляющие экспертизу, должны тщательно анализировать не только медицинские действия, но и условия их совершения, а также оценивать последствия для пациента. Эффективная экспертиза позволяет не только установить наличие преступления, но и определить его характер – умышленный или неосторожный.

Особое внимание стоит уделить так называемым «латентным» ятрогенным преступлениям, когда последствия не сразу проявляются или их трудно связать с конкретным действием врача. В таких случаях крайне важным является проведение долгосрочных исследований и наблюдений, а также анализ совокупности фактов, включая историю болезни пациента, принятые методы лечения и взаимодействие с другими медицинскими специалистами.

Для предотвращения ятрогенных преступлений важным аспектом является повышение квалификации и обучение медицинских работников. Недооценка ответственности и важности соблюдения медицинских стандартов, а также недостаточная подготовленность к экстренным ситуациям или к проведению специфических медицинских процедур могут стать причиной ятрогенных преступлений. В связи с этим необходима регулярная профессиональная переподготовка, усиление контроля за соблюдением стандартов оказания медицинской помощи и повышение этической ответственности медицинских работников.

Наконец, расследование ятрогенных преступлений требует учета специфики правовой оценки действия медицинского работника. В российском уголовном праве не существует отдельной нормы, которая бы напрямую квалифицировала действия медицинского работника как преступление, связанное с ненадлежащим оказанием медицинской помощи. Вследствие этого расследование таких преступлений зачастую сталкивается с правовой неопределенностью, что может привести к затруднениям в квалификации деяний и выбору правильной юридической категории.

Для более эффективного расследования и правовой оценки важно использовать комплексный подход, который включает в себя как криминалистическое изучение личности преступника, так и глубокое понимание медицинских процедур и стандартов, в рамках которых он действовал.

Таким образом, криминалистическое изучение личности преступника в контексте расследования ятрогенных преступлений требует учета множества факторов, включая профессиональную деформацию, корпоративную культуру, психологические особенности медицинских работников и правовые нюансы, связанные с оценкой их действий. Сложность таких преступлений заключается в их латентности, долгосрочности последствий и специфичности мотивации преступника. Только всесторонний подход, включающий детальный анализ личности и обстоятельств преступления, может привести к эффективному расследованию и наказанию виновных.

Список источников

1. Варданян А.В. Субъект преступления и личность преступника как междисциплинарные категории уголовно-правовых наук: вопросы соотношения и интеграции. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26604298 (дата обращения: 05.02.2025).

References

1. Vardanyan A.V. Subject of a crime and personality of a criminal as interdisciplinary categories of criminal law sciences: issues of correlation and integration. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26604298 (date of access: 05.02.2025).

2. Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 декабря 2012 г. № 1183н. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70244038/ (дата обращения: 05.02.2025).
3. Тузлукова М.В. Использование специальных знаний при расследовании ятрогенных преступлений: дис. … канд. юрид. наук. М., 2017.
4. Мазур Е.С. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений / Е.С. Мазур, Р.Л. Ахмедшин, Я.Д. Александрова // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451.
5. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы и тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988.
6. Судебный приговор № 1-127/2023 от 20 ноября 2023 г. URL: //sudact.ru/regular/doc/unUuxhPgVaNq/ (дата обращения: 12.02.2025).
7. Судебный приговор № 1-19/2019 от 25 июня 2019 г. URL: //sudact.ru/regular/doc/Uqov0DD2vdbC/ (дата обращения: 12.02.2025).
8. Судебный приговор № 1-206/2016 от 22 марта 2017 г. URL: //sudact.ru/regular/doc/AIg9urS1LgJC/ (дата обращения: 12.02.2025).

2. On approval of the Nomenclature of positions of medical workers and pharmaceutical workers: order of the Ministry of Health of the Russian Federation of December 20, 2012 № 1183n. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70244038/ (date of access: 05.02.2025).
3. Tuzlukova M.V. Use of special knowledge in the investigation of iatrogenic crimes: dis. ... PhD in Law. Moscow, 2017.
4. Mazur E.S. Forensic characteristics of iatrogenic crimes / E.S. Mazur, R.L. Akhmedshin, Ya.D. Aleksandrova // Bulletin of Tomsk State University. 2020. № 451.
5. Belkin R.S. Forensic science: problems and trends, prospects. From theory to practice. Moscow, 1988.
6. Court verdict № 1-127/2023 of November 20, 2023. URL: //sudact.ru/regular/doc/unUuxhPgVaNq/ (date of access: 12.02.2025).
7. Court verdict № 1-19/2019 of June 25, 2019. URL: //sudact.ru/regular/doc/Uqov0DD2vdbC/ (date of access: 12.02.2025).
8. Court verdict № 1-206/2016 of March 22, 2017. URL: //sudact.ru/regular/doc/AIg9urS1LgJC/ (date of access: 12.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тюнь Анастасия Андреевна, *адъюнкт. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tyun Anastasia Andreevna, *adjunct. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 173–179.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 173–179.

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ САМОУПРАВСТВА

Хагур Юрий Аскерович
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Российская Федерация,
hagur.ura@mail.ru

Введение: *статья посвящена вопросам предупреждения и профилактики уголовно наказуемого самоуправства. Ключевым моментом является установление связи самоуправства с разрешением гражданско-правовых конфликтов, что делает раннее урегулирование подобных ситуаций фундаментальным направлением профилактики.*

Материалы и методы: *методологическую основу исследования составляют методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой, формально-юридический методы и др. В качестве материалов исследования выступает отечественное уголовное законодательство об ответственности за самоуправство, нормы гражданско-процессуального законодательства о внесудебных способах урегулирования споров.*

Результаты исследования: *особое внимание уделяется потенциалу судебной власти в предупреждении самоуправства через использование института примирения, частных определений суда, реагирующих на нарушения законности. Подчеркивается важность совершенствования порядка рассмотрения обращений граждан в органах государственной власти.*

Выводы и заключения: *предлагается оптимизация уголовного законодательства об ответственности за самоуправство путем введения административной преюдиции, ужесточения санкций. Обоснована целесообразность корректировки и соответствующих положений норм административного законодательства об ответственности за совершение самоуправства.*

Ключевые слова: *криминология, преступность, уголовный закон, самоуправство, предупреждение, профилактика.*

Для цитирования: Хагур Ю. А. *Особенности профилактики самоуправства / Ю. А. Хагур // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 173–179.*

Original paper

FEATURES OF PREVENTION OF ARBITRARINESS

Khagur Yuri Askerovich
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the issues of prevention and prophylaxis of criminally punishable arbitrariness. The key point is to establish the connection between arbitrariness and the resolution of civil conflicts, which makes early settlement of such situations a fundamental direction of prevention.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study is formed by the methods of analysis and synthesis, comparative legal, formal legal methods, etc. The research materials are domestic criminal legislation on liability for arbitrariness, the norms of civil procedural legislation on extra-judicial methods of dispute resolution.*

Results of the study: *special attention is paid to the potential of the judiciary in preventing arbitrariness through the use of the institution of reconciliation, private court rulings responding to violations of the law. The importance of improving the procedure for considering citizens' appeals in government bodies is emphasized.*

Findings and conclusions: *it is proposed to optimize the criminal legislation on liability for arbitrariness by introducing administrative prejudice and tightening sanctions. The expediency of adjusting the relevant provisions of the administrative legislation on liability for committing arbitrariness is substantiated.*

Keywords: *criminology, crime, criminal law, arbitrariness, warning, prevention.*

For citation: Khagur Yu. A. *Features of prevention of arbitrariness / Yu. A. Khagur // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 173–179.*

Криминология нацелена на разработку профилактических мер, основанных на изучении преступности, ее причин и особенностей, а также личности преступника. Эти меры могут быть общими, направленными на явление преступности в целом, либо специализированными, предназначенными для борьбы с конкретными видами преступлений. Традиционно криминологические меры делятся на общие и специальные: общие направлены на улучшение социально-экономической и политической обстановки, способствующей преступности, а специальные нацелены на конкретные виды преступлений или их типы [1, с. 264–275].

Современные юридические исследования подчеркивают значимость специальных мер предупреждения преступности. Их актуальность обусловлена высоким потенциалом воздействия на частоту и распространенность определенных видов и типов преступлений. Такие меры позволяют целенаправленно влиять на криминогенные факторы, характерные для конкретных преступных проявлений, что делает их более эффективными в сравнении с общими профилактическими подходами [2, с. 6–8].

В сфере преступлений против государственной власти самоуправство выделяется как значимое нарушение порядка управления. Уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за самоуправство, характеризуется широким применением, поскольку охватывает незаконные действия в разнообразных областях общественной жизни.

Ключевым признаком криминального самоуправства выступает ситуация, когда лицо реализует свое спорное право, разрешая гражданско-правовой конфликт посредством незаконных действий. В контексте предотвращения криминального самоуправства роль судебной власти заключается в обеспечении доступного и качественного правосудия. Дополнительное законодательное регулирование в этой сфере не требуется, т. к. эти принципы уже являются базовыми. Необходимо лишь усилить акцент на минимизацию конфликтных ситуаций в рамках повышения квалификации судей и сотрудников суда.

Эффективное функционирование судебной системы оказывает сдерживающее воздействие на потенциальных субъектов криминального самоуправства. Когда граждане и организации уверены в справедливом и своевременном разрешении споров в судебном порядке, они менее склонны прибегать к незаконным методам защиты своих прав и интересов. Более того, прозрачность и предсказуемость судебных решений способствуют формированию правовой культуры, основанной на уважении к закону и неприятии насилия.

Оперативность рассмотрения дел также имеет прямое отношение к предупреждению криминального самоуправства. Затягивание судебных процессов может привести к тому, что стороны спора, утратив надежду на справедливое и быстрое решение, начнут искать альтернативные, часто незаконные, способы урегулирования конфликта. В связи с этим необходимо постоянно совершенствовать процессуальные нормы и организационные механизмы, направленные на ускорение судопроизводства.

Наконец, следует отметить роль судебной практики в формировании единого понимания норм права и единообразного их применения. Правильная и последовательная судебная практика, основанная на принципах законности, справедливости и разумности, позволяет гражданам и организациям предвидеть результаты судебного разбирательства и принимать обоснованные решения, избегая тем самым криминального самоуправства.

Кроме того, представители судебной власти должны максимально использовать существующие механизмы примирительных процедур. Действующим гражданско-процессуальным законодательством предписано судам принимать меры для примирения сторон. На сегодняшний день ст. 153.3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ, Кодекс) регламентировано, что споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону.

В современном правовом поле альтернативные способы разрешения споров занимают все более важное место, предоставляя сторонам возможность урегулировать конфликты вне рамок традиционного судебного разбирательства. Это позволяет не только снизить нагрузку на судебную систему, но и обеспечить более гибкий и оперативный подход к достижению взаимоприемлемого решения, учитывающего специфику конкретного спора и интересы всех вовлеченных сторон.

Переговоры, как наиболее распространенный и доступный способ разрешения споров, представляют собой прямой диалог

между сторонами, направленный на поиск компромисса и взаимовыгодного соглашения. Успешность переговоров во многом зависит от готовности сторон к сотрудничеству, их умения слышать и понимать аргументы друг друга, а также от наличия общей цели – урегулирования конфликта.

Посредничество, включая медиацию и судебное примирение, предполагает участие нейтрального и независимого третьего лица, которое оказывает содействие сторонам в достижении соглашения. Посредник не имеет полномочий выносить обязательные для сторон решения, а лишь помогает им выявить общие интересы, прояснить позиции и найти варианты урегулирования спора. Медиация, как форма посредничества, характеризуется большей гибкостью и конфиденциальностью, позволяя сторонам свободно обсуждать любые вопросы и предлагать любые решения.

Судебное примирение, в свою очередь, осуществляется при содействии судебного примирителя, назначенного судом. Это обеспечивает дополнительную гарантию беспристрастности и законности процедуры примирения, а достигнутое соглашение может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения, имеющего силу судебного решения.

Применение альтернативных способов разрешения споров является добровольным и требует согласия обеих сторон спора. Использование примирительных процедур способствует развитию культуры конструктивного диалога и сотрудничества, что в конечном итоге способствует укреплению правопорядка и стабильности в обществе.

В контексте вопросов предупреждения самоуправства необходимо обратить внимание и на такой инструмент, как третейские суды. Согласно положениям действующего гражданско-процессуального законодательства, по соглашению сторон спор, возникший из гражданско-правовых отношений, а также индивидуальные трудовые споры спортсменов, тренеров в профессиональном спорте и спорте высших достижений до принятия судом первой инстанции судебного постановления, которым заканчивается рассмотрение гражданского дела по существу, могут быть переданы сторонами на рассмотрение третейского суда, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом и федеральным законом (ч. 3 ст. 3 ГПК РФ).

Однако на практике данный инструмент разрешения гражданско-правовых споров развит крайне слабо, а ведь он обладает способностью заместить функции суда по многим делам – это могли бы быть не только споры экономической направленности, но и споры о разделе совместно нажитого имущества супругов и иные гражданско-правовые разбирательства[1]. Совершенно очевидно, что данный институт обладает способностью более оперативного разрешения гражданских дел.

Таким образом, следует сделать вывод о необходимости и целесообразности расширения практики разрешения гражданско-правовых споров третейскими судами. При этом оптимальным путем для реализации данного предложения могло бы служить законодательное закрепление обязанности суда предлагать сторонам не только разрешить дело миром, но и воспользоваться возможностями третейских судов.

Когда граждане сталкиваются со спорными ситуациями и не могут их разрешить самостоятельно, они обращаются с жалобами в управленческие органы. Эти обращения должны тщательно анализироваться на предмет риска самоуправства. Государственные структуры обязаны реагировать на такие обращения оперативно и по существу, без задержек. Компетентные должностные лица должны помогать в разрешении конфликтов, объяснять возможные пути их урегулирования и предупреждать граждан о недопустимости самоуправных действий.

Игнорирование жалоб и заявлений, а также формальный подход к их рассмотрению могут привести к эскалации конфликта и, как следствие, к совершению гражданами самоуправных действий. Важно понимать, что за каждым обращением стоит конкретная проблема, требующая внимания и разрешения. Своевременное и компетентное вмешательство позволяет не только предотвратить правонарушения, но и укрепить доверие граждан к государственным институтам.

Одним из ключевых аспектов в работе с обращениями является правильная квалификация ситуации. Необходимо тщательно изучить все обстоятельства дела, выслушать обе стороны конфликта и оценить имеющиеся доказательства. Только на основе объективного анализа можно принять взвешенное решение и предложить оптимальный вариант разрешения спора. В ряде случаев достаточно простого разъяснения правовых норм, в других – требуется более активное участие в переговорах и поиске компромиссных решений.

[1] Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.

Особое внимание следует уделять обращениям, содержащим признаки возможного самоуправства. К таким признакам могут относиться угрозы применения насилия, самовольное занятие чужой территории, повреждение имущества и другие действия, нарушающие права и законные интересы граждан. При выявлении подобных признаков необходимо незамедлительно принимать меры по пресечению противоправных действий и привлечению виновных к ответственности.

В целях профилактики самоуправства целесообразно проводить разъяснительную работу среди населения, информируя граждан о правовых последствиях самовольных действий и предлагая альтернативные способы разрешения споров. Важно подчеркивать, что законные способы защиты своих прав всегда предпочтительнее самосуда. Создание эффективной системы обратной связи между гражданами и государственными органами, а также оперативное реагирование на поступающие жалобы и заявления являются важными факторами в предотвращении самоуправства и поддержании правопорядка.

В качестве самостоятельного направления предупреждения самоуправства может быть выделена профилактика соответствующей виктимности. Важным аспектом профилактики виктимности является создание эффективной системы обратной связи между населением и органами власти. Граждане должны иметь возможность оперативно сообщать о фактах самоуправства, получать квалифицированную юридическую помощь и рассчитывать на объективное рассмотрение их жалоб. Необходимо совершенствовать работу правоохранительных органов, обеспечивая их независимость, профессионализм и беспристрастность при расследовании подобных преступлений.

Помимо этого, профилактика виктимности невозможна без формирования в обществе атмосферы нетерпимости к любым проявлениям самоуправства. Средства массовой информации должны активно освещать подобные случаи, привлекать внимание общественности к проблеме, стимулировать дискуссию и формировать общественное мнение, осуждающее любые формы произвола и злоупотреблений.

Определенные специфические возможности для предупреждения криминального самоуправства предопределяются социально-юридической природой такого преступления. В свете присущей этапности в развитии криминального самоуправства стоит учитывать, что ранние стадии такого противоправного поведения в отдельных ситуациях могут образовывать признаки административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Своевременное привлечение лица, виновного в совершении соответствующего правонарушения, к установленной законом административной ответственности во многих случаях может выступать эффективным механизмом недопущения развития конфликтной ситуации до стадия криминального самоуправства.

В то же время эффективность привлечения лица к административной ответственности за самоуправство в качестве меры предупреждения уголовно наказуемого самоуправства может быть поставлена под сомнение. Дело в том, что существующий в настоящее время размер административного штрафа за такое правонарушение абсолютно неадекватен уровню его вредоносности – для граждан в размере от 100 до 300 руб.; на должностных лиц – от 300 до 500 руб.

Совершенно очевидно, что вопрос наказуемости административного правонарушения в виде самоуправства остался вне поля современной государственной политики, когда даже незначительные правонарушения, например, в сфере дорожного движения, влекут административный штраф в размере 750 руб. Самоуправство, как видим, отличается уровнем вредоносности на порядок.

В этих условиях представляется закономерным существенное повышение уровня санкций за совершение административно наказуемого самоуправства, в том числе в целях профилактики преступного самоуправства. Действительно, в современной правовой действительности наблюдается тенденция к ужесточению административной ответственности за правонарушения, посягающие на установленный порядок управления. Это связано с осознанием того факта, что административные правонарушения, в том числе и самоуправство, могут быть предвестниками более серьезных преступлений. Эффективная профилактика преступности требует комплексного подхода, включающего в себя как меры уголовного преследования, так и административного воздействия.

Усиление административных санкций за самоуправство может сыграть роль сдерживающего фактора, особенно для лиц, склонных к игнорированию законных требований и самовольному решению спорных вопросов. Возрастание финансовых потерь или

применение иных видов административного наказания может заставить потенциальных нарушителей задуматься о последствиях своих действий и воздержаться от совершения противоправных деяний.

Вместе с тем повышение уровня санкций должно быть обоснованным и соразмерным общественной опасности деяния. Необходимо учитывать обстоятельства совершения правонарушения, личность нарушителя и другие факторы, имеющие значение для определения справедливого наказания. Необоснованно суровые санкции могут привести к обратному эффекту, вызывая неприятие правовой системы и подрывая доверие к органам власти.

Таким образом, имеется целесообразность существенного повышения уровня санкций за совершение административно наказуемого самоуправства. Реализация данной меры благоприятно скажется в контексте предупреждения криминальных самоуправств.

В этом контексте следует затронуть и вопрос о возможном совершенствовании существующих уголовно-правовых средств противодействия самоуправству на уровне законодательства [3, с. 58–60; 4, с. 40–44]. В частности, речь идет о механизме административной преюдиции в уголовном праве [5, с. 39–49].

По утверждению С.В. Артюшкиной, повышению эффективности уголовно-правового противодействия самоуправству может способствовать установление в примечании к ст. 330 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) нормы следующего содержания: «Лицо освобождается от уголовной ответственности за самоуправство, если оно не причинило вред здоровью человека и устранило последствия нарушенного права» [6, с. 9–10].

Однако наш анализ показывает, что указанная законодательная мера не обладает весомым предупредительным потенциалом. Кроме того, такая мера может быть не всегда логичной, поскольку виновный в самоуправстве может реализовывать в том числе свое действительное право, хоть и незаконным методом. Весьма сомнительной представляется картина устранения последствий нарушенного права в таком случае.

В юридической литературе высказывается мнение об ужесточении санкции за совершение самоуправства в качестве меры повышения эффективности уголовно-правового запрета, сформулированного в ст. 330 УК РФ [7, с. 19–20]. Данная позиция, на наш взгляд, заслуживает поддержки и одобрения. При этом только в части ненасильственного самоуправства, предусмотренного ч. 1 ст. 330 УК РФ. Санкция ч. 2 ст. 330 УК РФ достаточно строга, поскольку устанавливает максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет.

Вместе с тем основной состав самоуправства отличает чрезмерно мягким наказанием – это штраф в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательные работы на срок до 480 часов, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо арест на срок до шести месяцев.

Вполне очевидно, что размер штрафа в твердой сумме оптимально приравнять к штрафу, исчисляемому в размере заработной платы или иного дохода за период до шести месяцев, исчисляемого из размера 50 тыс. руб. В итоге сумма должна составлять не менее 300 тыс. руб.

Весьма интересное значение в контексте проведенного нами исследования обнаружилось за сферой страхования, в частности страхования гражданской ответственности. К примеру, положительное профилактирующее воздействие на факты самоуправства оказывает обязательное страхование автогражданской ответственности. По сути, таким образом минимизируется конфликтность ситуации причинения ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия. Этот эффект наблюдается, хотя основное предназначение данного вида страхования все же связано с экономическими вопросами, с возмещением ущерба. В связи с этим можно заключить, что расширение практики страхования гражданской ответственности в различных сферах и отраслях обладает потенциальным профилактическим эффектом в отношении случаев совершения самоуправства.

Еще одной уникальной особенностью в разрезе исследования специально-криминологических мер предупреждения самоуправства выступает влияние института банкротства граждан на совершение данных преступлений. В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2021 г. отмечается, что «завершение расчетов с кредиторами в процедурах судебного банкротства или завершение процедуры внесудебного банкротства гражданина влекут освобождение гражданина-банкрота от дальнейшего исполнения требований кредиторов («списание долгов») и, как следствие, от их последующих правопритязаний (п. 3 ст. 213.28, п. 1 ст. 223.6 Закона о банкротстве).

Однако институт банкротства – это экстраординарный способ освобождения от долгов, поскольку в результате его приме-

нения могут в значительной степени ущемляться права кредиторов, рассчитывавших на получение причитающегося им. Процедура банкротства не предназначена для необоснованного ухода от ответственности и прекращения долговых обязательств, а судебный контроль над этой процедурой, помимо прочего, не позволяет ее использовать с противоправными целями и защищает кредиторов от фиктивных банкротств.

Законодательство о банкротстве устанавливает стандарт добросовестности, позволяя освободиться от долгов только честному гражданину-должнику, неумышленно попавшему в затруднительное финансово-экономическое положение, открытому для сотрудничества с финансовым управляющим, судом и кредиторами и оказывавшему им активное содействие в проверке его имущественной состоятельности и соразмерном удовлетворении требований кредиторов»[2].

Исходя из изложенного, институт банкротства физических лиц можно рассматривать в качестве юридического инструмента разрешения гражданско-правового конфликта, вызванного неспособностью должника выполнить законные требования кредитора. При введении такой процедуры спорная ситуация разрешается строго в рамках правового поля с соблюдением интересов всех сторон этих правоотношений. Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, процедура банкротства граждан зачастую позволяет снизить конфликтность ситуации и, как следствие, исключить факт совершения криминального самоуправства. При таких обстоятельствах процедура банкротства физических лиц может оцениваться в качестве меры предупреждения преступного самоуправства.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие основные выводы:

1) представители судебной власти должны максимально использовать существующие механизмы примирительных процедур, в числе которых проведение переговоров, посредничество, в том числе медиация, судебное примирение, или использование других примирительных процедур;

2) необходимо расширить практику разрешения гражданско-правовых споров третейскими судами;

3) целесообразно использование судами такого инструмента, как частные определения суда в связи с выявленными случаями нарушения законности, т. к. в контексте предупреждения самоуправства это весьма действенный механизм реагирования на конфликтные ситуации и способ привлечения компетентных субъектов профилактики к участию в разрешении конкретных случаев;

4) необходимо повышение размеров санкций за совершение административно наказуемого самоуправства, что благоприятно может сказаться на предупреждении криминальных самоуправств;

5) с позиции института уголовной ответственности за самоуправство, ее возникновения и реализации необходимо предусмотреть административную преюдицию в уголовном праве, т. к. такие механизмы обладают значительным предупредительным ресурсом;

6) институт банкротства физических лиц следует рассматривать в качестве юридического инструмента разрешения гражданско-правового конфликта, вызванного неспособностью должника выполнить законные требования кредитора, т. к. при таких обстоятельствах процедура банкротства физических лиц может оцениваться в качестве меры предупреждения преступного самоуправства.

Список источников

1. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
2. Тищенко Ю.Ю. Некоторые вопросы совершенствования научного и практического обеспечения предупреждения преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 3.
3. Дугенец А.С., Тищенко Ю.Ю. К вопросу о возможностях уголовно-правового воздей-

References

1. Criminology: textbook / edited by V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminov. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow, 2007.
2. Tishchenko Yu.Yu. Some issues of improving scientific and practical support for crime prevention // Criminal-executive system: law, economics, management. 2022. № 3.
3. Dugenets A.S., Tishchenko Yu.Yu. On the issue of the possibilities of criminal-law influence on crime prevention // Russian investigator. 2022. № 4.

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 за 2021 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.11.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 1. № 2.

ствия на предупреждение преступлений // Российский следователь. 2022. № 4.
4. Денисова А.В. Уровни и стадии предупреждения преступлений // Российский следователь. 2020. № 6.
5. Маслов В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права // Российская юстиция. 2024. № 7.
6. Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
7. Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты). Саратов, 2006.

4. Denisova A.V. Levels and stages of crime prevention // Russian investigator. 2020. № 6.
5. Maslov V.A. Admissibility of administrative prejudice in the context of the commonality of branches of criminal and administrative law // Russian justice. 2024. № 7.
6. Artyushkina S.V. Arbitrariness: theoretical and law enforcement aspects: author's abstract. dis. candidate of legal sciences. Saratov, 2012.
7. Surkov I.K. Arbitrariness (criminal-legal and criminological aspects). Saratov, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хагур Юрий Аскерович, *адъюнкт. Краснодарский университет МВД России. 350005, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khagur Yuri Askerovich, *adjunct. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 128, Yaroslavskaya St., Krasnodar 350005 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 180–187.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 180–187.

Научная статья
УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ЭКСПЛУАТАЦИИ СРЕДСТВ ХРАНЕНИЯ, ОБРАБОТКИ ИЛИ ПЕРЕДАЧИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Харисова Зарина Ирековна
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Российская Федерация,
zarinaid@mail.ru

Введение: *в статье на основе проведенных исследований раскрыто содержание элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей, с учетом современного развития информационных технологий, показана необходимость решения проблем научной и информационной обеспеченности методов предупреждения, раскрытия и расследования рассматриваемых преступлений.*

Материалы и методы: *основными методами исследования являлась совокупность общих методов научного познания (описание, обобщение и сравнение), общенаучных (анализ, синтез, моделирование и классификация), а также частнонаучных методов (статистический, кибернетический).*

Результаты исследования: *выявленные элементы криминалистической характеристики рассматриваемых преступных деяний послужат основой формирования информационной модели преступления в виде его цифровой копии, позволяющей оптимизировать эффективность расследования.*

Выводы и заключения: *при надлежащем формировании системы исходных данных для криминалистической характеристики рассматриваемого преступления можно существенно продвинуться в понимании механизма совершения преступных деяний, создания алгоритмов первоначального и последующего этапов их расследования, описания особенностей тактики наиболее характерных для этих преступлений следственных действий.*

Ключевые слова: *цифровая модель преступления, цифровые двойники, криминалистическая характеристика преступления, алгоритмы расследования, цифровые доказательства, технико-криминалистическое средство, компьютерная криминалистика, искусственный интеллект.*

Для цитирования: Харисова З. И. *Криминалистическая модель нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей / З. И. Харисова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 180–187.*

Original paper

CRIMINALISTIC MODEL OF VIOLATIONS OF THE RULES FOR THE OPERATION OF STORAGE, PROCESSING, OR TRANSMISSION OF COMPUTER INFORMATION AND INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Kharisova Zarina Irekovna
Ufa Law Institute of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russian Federation

Introduction: *the article, based on the conducted research, discloses the content of the elements of the forensic characteristics of crimes related to the violation of the rules for the operation of means of storing, processing or transmitting computer information and information and telecommunication networks, taking into account the modern development of information technology, shows the need*

to solve the problems of scientific and information support for methods of preventing, solving and investigating the crimes in question.

Materials and methods: *the main research methods were a set of general methods of scientific knowledge (description, generalization and comparison), general scientific (analysis, synthesis, modeling and classification), as well as specific scientific methods (statistical, cybernetic).*

Results of the study: *the identified elements of the forensic characteristics of the criminal acts in question will serve as the basis for the formation of an information model of the crime in the form of its digital copy, which allows optimizing the effectiveness of the investigation.*

Findings and conclusions: *with the proper formation of the initial data system for the forensic characteristics of the crime in question, it is possible to make significant progress in understanding the mechanism of committing criminal acts, creating algorithms for the initial and subsequent stages of their investigation, describing the features of the tactics of the investigative actions most typical for these crimes.*

Keywords: *digital model of crime, digital twins, forensic characteristics of crime, investigation algorithms, digital evidence, technical and forensic tool, computer forensics, artificial intelligence.*

For citation: Kharisova Z. I. *Criminalistic Model of Violations of the Rules for the Operation of Storage, Processing, or Transmission of Computer Information and Information and Telecommunication Networks / Z. I. Kharisova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 180–187.*

В связи с нарастающей необходимостью обработки и анализа значительного количества цифровых данных повсеместно вводятся в эксплуатацию различные технические средства и информационно-телекоммуникационные сети (далее – ИТС), которые существенным образом влияют на общественные отношения и функционирование ключевых сфер жизнедеятельности человека – экономики, здравоохранения, образования, информационной безопасности и пр. Нарушение эксплуатации технических средств или ИТС может повлечь за собой негативные последствия не только технического, но и правового, финансового, а также социального характера, приводя к сбоям в работе информационной инфраструктуры. По этой причине ст. 274 УК РФ законодательно установлена уголовная ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС.

Особенности цифровой среды исключают применение традиционных криминалистических средств расследования рассматриваемых преступлений, поскольку электронные следы не имеют физических характеристик в классическом понимании, являются легко изменяемыми и уничтожаемыми, кроме того, массивы цифровой информации зачастую размещены в различных средах и (или) хранилищах, что исключает их ручной анализ. В отличие от традиционных вещественных доказательств цифровые доказательства требуют специфических подходов к собиранию, хранению и анализу. Автоматизацию исследования цифровой информации, точность и воспроизводимость результатов ее анализа, обеспечение своевременного собирания и использования криминалистически значимой информации в электронной форме позволяют обеспечить программные технико-криминалистические средства. Анализ следственной и судебной практики в целом показывает наличие серьезных проблем в научной обеспеченности цифровых методов предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, причем для криминалистики оцифровка объективной действительности требует не только сегментирования объекта научного познания, но и изучения новых закономерностей и их цифровых составляющих [1, с. 9].

Целью проводимого исследования является выявление элементов криминалистической характеристики указанных преступных деяний с учетом современного развития информационных технологий и тенденций эксплуатации технических средств и ИТС, что послужит основой для формирования информационной модели (цифрового двойника) преступления в виде его цифровой копии [2, с. 10], позволяющей оптимизировать эффективность расследования. В качестве исходных дополнительных данных для построения такого рода информационно-компьютерной модели могут быть отобраны данные и условные признаки, которые в наибольшей степени влияют на прогноз раскрываемости преступлений, и, по сути своей, выступают значимыми элементами криминалистической характеристики преступления.

Наиболее полно рассмотреть указанные элементы возможно посредством анализа действующего уголовного законодательства, сложившейся судебно-следственной практики [3, с. 11], а также вспомогательных сведе-

ний в области информационных технологий. По этой причине необходимо проведение анализа элементов криминалистической характеристики рассматриваемого преступления. Прикладным значением такого рода модели является возможность структурировать знания о типичных способах совершения преступлений, выявлять взаимосвязи между элементами преступления, прогнозировать действия злоумышленника, выдвигать следственные версии, а также подбирать соответствующие им тактики расследования. Научная значимость исследования заключается в формировании гипотезы о возможности реализации программного технико-криминалистического средства в виде интеллектуальной системы поддержки принятия решений, для которой обучающими данными выступят выявленные элементы криминалистической характеристики.

Рассматривая содержание ст. 274 УК РФ стоит отметить, что под ИТС понимаются технологические системы, осуществляющие передачу информации по линиям связи с использованием различных средств вычислительной техники. Под правилами эксплуатации технических средств и ИТС предполагаются нормативные акты, регламентирующие работу соответствующей сети, например, Приказ ФСТЭК России от 11.02.2013 № 17 «Об утверждении требований о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах», Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» и иные документы, регламентирующие порядок создания и подключения к сети Интернет, локальные инструкции и рекомендации по работе, разработанные предприятиями-изготовителями технических средств и пр.

Нарушение правил эксплуатации может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Лицо может предвидеть уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации в результате нарушения им правил эксплуатации, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывать на предотвращение последствий, либо не предполагать о них, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть. Субъектом данного преступления является лицо, которое в силу должностных обязанностей имеет доступ к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации либо ИТС и оконечному оборудованию и обязано соблюдать установленные для них правила эксплуатации [4, с. 17]. Под оконечным оборудованием понимаются технические средства для передачи и (или) приема сигналов электросвязи по линиям связи, подключенные к абонентским линиям и находящиеся в пользовании абонентов или предназначенные для таких целей [5].

Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС необходимо отличать от преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ. Так, при неправомерном доступе к охраняемой законом компьютерной информации виновный действует несанкционированно. Ответственность по ст. 274 УК РФ наступает только в том случае, если в результате этих действий причиняется крупный ущерб. Для привлечения к ответственности по ст. 272 УК РФ причинение такового не требуется, достаточно установить сам факт уничтожения, блокирования, модификации либо копирования компьютерной информации.

К действиям по рассматриваемому виду преступления можно отнести: предоставление посторонним лицам прав доступа к средствам хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации и ИТС; разглашение учетных данных (логина и пароля для доступа к информационным системам или ИТС); нарушение запрета на подключение оконечного оборудования к сети Интернет; использование нелицензионного программного обеспечения; несанкционированную модификацию программ, настроек оборудования или ИТС; отключение средств защиты информации и пр. Учитывая многообразие способов совершения рассматриваемого преступления можно отметить наиболее распространенные из них:

– нарушение правил, направленных на обеспечение конфиденциальности информации (несанкционированный доступ к средствам хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС (например, преодолением средств защиты информации с целью получения доступа к конфиденциальной информации без надлежащих прав, который может осуществляться с использованием методов социальной инженерии, эксплуатации уязвимостей и пр.), перехват обрабатываемой в них информации (например, перехват сетевого трафика или доступ к каналу связи), разглашение конфиденциальной информации и т. п.);

– нарушение правил, направленных на обеспечение целостности информации (вне-

сение изменений в охраняемую законом информацию (искажение, блокирование или удаление информации, хранящейся или обрабатываемой в ИТС) или деструктивное воздействие на информационные системы и технические средства (вывод из строя информационной инфраструктуры); нарушение правил, направленных на обеспечение доступности информации (совершение атак, приводящих к парализации работы средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС (DoS/DDoS-атаки на информационные ресурсы); нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС в целом (внесение изменений в состав, конструкцию, конфигурацию и условия размещения основных технических средств и информационных систем, проведение изменений, которые могут снизить уровень защищенности информации, подключение нештатных блоков и устройств; неправомерное изменение настроек оборудования (маршрутизаторов, коммутаторов, функционирующих на объектах программного обеспечения), неправильная эксплуатация информационных систем (использование нелицензионного программного обеспечения, отказ от обновлений, ошибки в настройке средств защиты информации; несанкционированное тестирование безопасности и воздействие вредоносного программного обеспечения; компрометация систем безопасности; нарушение политики контроля доступа; (использование сканеров уязвимостей без разрешения владельца системы); игнорирование признаков сетевых атак); использование вычислительных мощностей ИТС в целях криптоджекинга и пр.

Процессы, возникшие в ходе случайных действий либо стечения обстоятельств, относят к непреднамеренным. Непреднамеренность может выражаться бездействием в отношении проверок используемых средств хранения или передачи информации на наличие вредоносного программного обеспечения, игнорирование требований по использованию средств защиты при обработке информации; невыполнение обязательных процедур по резервному копированию данных, передача прав пользования информационными системами, а также отклонение от регламента обработки или передачи информации в ИТС сотрудником организации ввиду его некомпетентности или халатности.

В целом средствами совершения рассматриваемого преступления являются средства хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации и ИТС, компьютерное оборудование и эксплуатируемые с ним и без них материальные носители: жесткие диски, USB-накопители, карты памяти и пр.

Анализ уголовных дел позволил также выявить такие наиболее распространенные средства, как сетевое (маршрутизаторы, коммутаторы, концентраторы) и серверное оборудование, мобильные устройства и средства доступа в информационные системы (средства вычислительной техники, средства защиты информации, электронные ключи пр.), виртуальные машины, облачные сервисы, а также различное программное обеспечение (например, для клонирования данных, блокирования или модификации), в том числе вредоносное (троянские программы, программы-шифровальщики, сниффферы, сканеры уязвимостей, фишинговые наборы и пр.), средства защиты информации (антивирусное программное обеспечение, брандмауэры, системы обнаружения вторжений, системы аутентификации) для подключения к корпоративной сети в обход систем защиты, персональные средства аутентификации (электронные цифровые подписи, учетные записи, API-ключи), а также аппаратные инструменты (оборудование для перехвата информации (аппаратные сниффферы для захвата сетевого трафика и закладки для удаленного контроля и пр.), создания помех в работе систем (генераторы электромагнитных импульсов), съемные носители информации в виде USB-накопителей, внешних жестких дисков и иные физические устройства, например, Wi-Fi-адаптеры, одноплатные микрокомпьютеры и пр.).

При нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС преимущественно используются следующие методы сокрытия следов: маскировка следов в файловой системе и на носителях информации; фальсификация временных меток в журналах событий; использование методов анонимизации с целью сокрытия IP-адреса или MAC-идентификатора средства совершения преступления; неправомерное использование чужой учетной записи в целях недопущения компрометации данных, внедрения шифровального программного обеспечения в информационные системы; деактивация средств защиты информации и прочих защитных механизмов ИТС или информационных систем; обход систем контроля доступа и пр.

Типичными следами нарушений правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и

ИТС в общем случае являются: следы установленного программного обеспечения, в том числе с признаками вредоносного функционала; изменения в конфигурации операционной системы устройства, сведения в журналах подключений к компьютерному оборудованию или информационным системам и в реестрах событий, протоколирующих входы в систему и изменения привилегий доступа к информационным системам или ИТС, а также действия в межсетевых экранах информационных систем; перечни удаленных, модифицированных или блокированных данных и т. п.; материальные следы на компьютерной периферии. К следам нарушений правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС можно отнести, например, IP-адреса и доменные имена серверов; параметры задействованных виртуальных машин и обращений к серверам; временные файлы данных, содержащие информацию о запуске программного обеспечения или информационных систем; сведения в журналах системных событий; следы использования программного обеспечения в файловой системе и в оперативной памяти (временные данные о процессах, активных соединениях и исполняемых файлах), сетевом трафике.

Таким образом, основными следообразующими и следовоспринимающими объектами по рассматриваемым преступлениям могут выступать: системное и прикладное программное обеспечение; поименованные области записей на носителях информации; электронные файлы; базы данных, информационных систем; идентификаторы передачи данных в ИТС (IP-адрес устройства или MAC-адрес его сетевой карты), DNS-адреса; реестры операционных систем; сетевой трафик и т. п. Вероятными местами расположения типичных следов нарушений правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС в цифровом виде являются носители информации различных устройств, облачные хранилища данных, в том числе файлы и каталоги хранения данных, файлы конфигурации программ удаленного доступа и пр.

Распространенность преступления выражается в установлении факта схожести преступного деяния, например, на основе сведений, полученных Государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации (далее – ГосСОПКА) Национального координационного центра по компьютерным инцидентам (осуществляет координацию деятельности сил субъектов ГосСОПКА по вопросам реагирования на компьютерные инциденты, а также международный обмен информацией о них) об использовании в преступной схеме конкретного способа совершения преступления. Стоит отметить положительную тенденцию, выражающуюся в возможности подключения к вышеуказанной системе организаций, не являющихся субъектами критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. Однако на сегодняшний день подразделения МВД России и Следственного комитета РФ не имеют прямого доступа к системам ГосСОПКА, Центра взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности Банка России (ФинЦЕРТ) и иным сервисам Национального координационного центра по компьютерным инцидентам [6, с. 112], по этой причине не всегда владеют оперативной информацией по совершаемым инцидентам.

Идентифицирующими признаками схожести по рассматриваемым деяниям также способны выступить отдельные техники и тактики, которые могут быть обнаружены на основе наборов матриц, представляющих собой основанные на реально существующих наблюдениях баз данных инцидентов безопасности, а также реквизитов в виде MAC-идентификаторов или IP-адресов устройств, электронных адресов и т. п.

С учетом развития технологий возможно нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС с возможностью автоматической адаптации к системам защиты, использования методов машинного обучения для поиска уязвимостей в легальном программном обеспечении [7, с. 740], генерации кода для обхода антивирусных сигнатур и пр. Использование генеративного искусственного интеллекта способствует персонализации фишинговых атак под конкретного сотрудника, в частности, возможна генерация поддельных биометрических данных [8, с. 2], используемых для авторизации в информационных системах или подложных документов и электронных ключей доступа.

Преступления, связанные с нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС, как правило, совершаются в условиях анонимности, с применением эффективных методов сокрытия цифровых следов неправомерных воздействий. Обста-

новка совершения рассматриваемого преступления предполагает как непосредственный доступ к объекту посягательства (преимущественно в момент отсутствия свидетелей или сотрудников), так и удаленный (при наличии подключения к сети Интернет или к локальной сети объекта) и предполагает использование программно-аппаратных средств.

Местом совершения указанного преступления являются конкретные компьютеры, сервера или информационные системы и локальные территории, учреждения и организации, в которых эксплуатируется объект воздействия. Довольно часто местом совершения преступления является локация, где физически располагается средство совершения преступления (компьютерное и серверное оборудование, в том числе арендованные), облачные хранилища, а также веб-сайты. В подавляющем большинстве случаев местом (средой) нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС является киберпространство или локальная сеть организации.

Таким образом, местом совершения рассматриваемого вида преступления является, как правило, место реализации преступного умысла по месту расположения средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или ИТС или локация, где фактически располагалось оборудование, посредством которого реализован преступный план.

Временем совершения преступления признается время окончания преступного деяния вне зависимости от момента наступления последствий. Время факта нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС устанавливается достаточно точно, поскольку их совершение часто связано с задействованием различного компьютерного оборудования, программ, входящих в информационные системы, функционирование которых протоколируется реестрами событий. Однако работа указанных средств и информационных систем связана со временем, установленным в их системе, которое в ряде случаев может быть изменено преступником в целях искажения следов.

Как правило, лицо, совершающее рассматриваемое преступление, является сотрудником организации, в которой выявлено нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или ИТС, имеющим высшее или среднее инженерно-техническое или профильное, соответствующее деятельности организации, образование, обладающим знаниями в области информационных технологий, обеспечения информационной безопасности и функционирования информационных систем.

Часто правоохранительные органы имеют дело с повторяющимися, детально подготовленными преступлениями со сложным и многоступенчатым механизмом, что может осуществляться только организованными преступными группами, включающими: организатора преступной группы; специалистов в области информационных технологий и программирования; лиц, обладающих компетенциями в области компьютерных технологий, эксплуатации компьютеров и иных технических средств, а также электронных кошельков с целью последующего перевода на них денежных средств; лиц, осуществляющих снятие наличных денежных средств со счетов или в банкоматах [9, с. 85]. Анализ уголовных дел показывает, что преступники часто являются действующими или бывшими сотрудниками компаний, обладающими инсайдерской информацией, тщательно готовятся к атаке конкретного лица или объекта. Основными мотивами нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС выступают вандализм (разрушение информационных систем, атаки на технические средства, стремление манипулировать системами и пр.), шпионаж (например, получение сведений экономической направленности), реже – корыстные побуждения [10, с. 186].

Предметом рассматриваемого преступления может выступать непосредственно охраняемая компьютерная информация, обрабатываемая с использованием средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС в соответствии с неким регламентом, либо сами средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации, ИТС и оконечное оборудование [11, с. 491]. Самой распространенной в России ИТС является сеть Интернет, помимо которой, например, также имеются Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России, Единая сеть электросвязи РФ, мультисервисная транспортная сеть связи Министерства обороны РФ и т. п.

Потерпевшими являются юридические лица или государственные структуры, которым причинен вред в результате рассматриваемого преступного деяния. Часто по-

терпевшими оказываются коммерческие компании, производственные предприятия, образовательные и научные учреждения, средства массовой информации. Также потерпевшими признаются государственные органы власти, силовые структуры, нередко – медицинские учреждения. По рассматриваемой категории дел в обязательном порядке подлежит установлению локальный нормативный акт в организации, регулирующий вопросы работы со средствами хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, ИТС (правила доступа к компьютерной информации, инструкции по работы пользователей в информационных системах, регламенты по защите информации).

Проведенный с точки зрения системно-структурного, а также кибернетического подходов анализ элементов криминалистической характеристики преступления, связанного с нарушением правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и ИТС позволяет сформировать инструмент имитационного анализа в виде информационной модели [12, с. 19] преступления. Предлагаемая модель обеспечит не только структурирование знаний о совершении преступного деяния, но и выявление взаимосвязей между составляющими ее элементами, прогнозирование действий злоумышленника [13, с. 105], оперативное построение и тестирование версий и алгоритмов расследования и в конечном счете создание программного технико-криминалистического средства в виде интеллектуальной системы поддержки принятия решений, для которой обучающими данными выступят выявленные элементы криминалистической характеристики. Алгоритмизация в целом позволяет повысить профессиональную компетентность субъектов раскрытия и расследования преступлений, повысить показатели антикриминальной деятельности в российском государстве, а также дополнить и внести вклад во все фундаментальные направления криминалистической науки [14, с. 640].

Таким образом, построение информационных моделей преступления и их реализация в виде цифровых двойников позволяет интегрировать традиционные методы криминалистики с алгоритмами искусственного интеллекта, аналитикой больших данных и цифровым моделированием, формируя при этом научную основу для автоматизации, алгоритмизации и стандартизации расследований преступлений в сфере компьютерной информации в целом.

Список источников

1. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2(101).
2. Ali S., Arcaini P., Arrieta A. Foundation models for the digital twins creation of cyber-physical systems // Leveraging applications of formal methods, verification and validation. Springer. 2025. № 15223.
3. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
4. Аристархов А.Л., Камчатов К.В. Прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования при выявлении и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. М., 2023.
5. Глоссарий Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования на базе Федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр». URL: https://grfc.ru/grfc/zayav/glossary (дата обращения: 22.03.2025).

References

1. Vardanyan A.V. The problem of systematization of digital methods of operational-search activities used in the fight against remote theft, and their forensic significance // Jurist-Pravoved. 2022. № 2(101).
2. Ali S., Arcaini P., Arrieta A. Foundation models for the digital twins creation of cyber-physical systems // Leveraging applications of formal methods, verification and validation. Springer. 2025. № 15223.
3. Bessonov A.A. Private theory of forensic characteristics of crimes: author's abstract. diss. ... Grand PhD in Law. Moscow, 2017.
4. Aristarkhov A.L., Kamchatov K.V. Prosecutor's supervision over the implementation of laws by preliminary investigation bodies in the detection and investigation of crimes committed using information and telecommunication technologies. Moscow, 2023.
5. Glossary of the Center for Monitoring and Control of the Public Communication Network based on the Federal State Unitary Enterprise «Main Radio Frequency Center». URL: https://grfc.ru/grfc/zayav/glossary (date of access: 22.03.2025).

6. Михайлова И.А., Лимарь А.С., Гилаев Р.И. О деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям, совершаемым в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2024. № 2.
7. Arevalo-Herrera J., Camargo J., Martinez J. Assessing SDN controller vulnerabilities: a survey on attack typologies, detection mechanisms, controller selection, and dataset application in machine learning // Wireless personal communications. 2025. № 140.
8. Jenkins J., Roy K. Exploring deep convolutional generative adversarial networks in biometric systems: a survey study // Discover artificial intelligence. 2024. № 4(42).
9. Антонян Е.А., Россинская Е.Р., Клещина Е.Н. [и др.]. Обзор правоприменительной практики по противодействию киберпреступлений. М., 2024.
10. Макаренко И.А. Тактические особенности получения информации о личности преступника при производстве осмотра места происшествия // Актуальные проблемы криминалистической тактики: материалы Международной научно-практ. конф. М., 2014.
11. Стяжкина С.А. Уголовно-правовые особенности квалификации нарушения правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ) // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2021. № 31(3).
12. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. М.; Калининград, 1997.
13. Закатов А.А, Замылин Е.И. Методологические основы розыскной деятельности: прогнозирование и моделирование // Философия права. 2025. № 1(112).
14. Варданян А.В. Дискредитация субъектов раскрытия и расследования преступлений и криминалистические методы ее нейтрализации // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 16(5).

6. Mikhailova I.A., Limar A.S., Gilaev R.I. On the activities of law enforcement agencies to counteract crimes committed in the field of information and telecommunication technologies // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2024. № 2.
7. Arevalo-Herrera J., Camargo J., Martinez J. Assessing SDN controller vulnerabilities: a survey on attack typologies, detection mechanisms, controller selection, and dataset application in machine learning // Wireless personal communications. 2025. № 140.
8. Jenkins J., Roy K. Exploring deep convolutional generative adversarial networks in biometric systems: a survey study // Discover artificial intelligence. 2024. № 4(42).
9. Antonyan E.A., Rossinskaya E.R., Kleshchina E.N. [et al.]. Review of law enforcement practice in combating cybercrime. Moscow, 2024.
10. Makarenko I.A. Tactical features of obtaining information about the identity of a criminal during an inspection of a crime scene // Actual problems of forensic tactics: materials of the International scientific and practical. conf. Moscow, 2014.
11. Styazhkina S.A. Criminal-legal features of qualification of violation of the rules for the operation of means of storage, processing or transmission of computer information and information and telecommunication networks (Article 274 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law. 2021. № 31(3).
12. Volchetskaya TS Forensic situationology. Moscow; Kaliningrad, 1997.
13. Zakatov AA, Zamylin EI Methodological foundations of investigative activities: forecasting and modeling // Philosophy of Law. 2025. № 1(112).
14. Vardanyan AV Discrediting subjects of crime detection and investigation and forensic methods of its neutralization // All-Russian Criminological Journal. 2022. № 16(5).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харисова Зарина Ирековна, *кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики. Уфимский юридический институт МВД России. 450103, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.*
ORCID: 0000-0002-3902-3459

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kharisova Zarina Irekovna, *PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminalistics. Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2, Muksinova St., Ufa 450103 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 188–193.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 188–193.

Научная статья
УДК 343.98

РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕЙ ПРОФЕССОРА ВЕНИАМИНА КОНСТАНТИНОВИЧА ГАВЛО И ПРОФЕССОРА ИГОРЯ МИХАЙЛОВИЧА КОМАРОВА В РОДОВОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Чиненов Евгений Владимирович
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Российская Федерация, Chinenovevg@yandex.ru

Введение: *имена В.К. Гавло и И.М. Комарова хорошо известны в отечественной криминалистической науке. Их методологические подходы обоснованы и оригинальны. Продуктивно используются в научных изысканиях как начинающими, так и уже состоявшимися учеными, занимающимися проблемами теории криминалистики, криминалистической тактики и криминалистической методики. В статье описываются полученные ее автором в ходе проведенного исследования результаты, основывающиеся на научных открытиях профессора В.К. Гавло и профессора И.М. Комарова, как следствие преемственности их научной школы.*

Материалы и методы: *теоретической базой исследования являются ранее проведенные исследования В.К. Гавло и И.М. Комарова; методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания социальных явлений, а также ряд специальных частнонаучных методов: обобщение, анализ, синтез, индукция и дедукция, с учетом рассматриваемой проблематики.*

Результаты исследования: *в работе показаны идеи профессора В.К. Гавло и профессора И.М. Комарова, их влияние на построение родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте.*

Выводы и заключения: *автор считает научные идеи В.К. Гавло и И.М. Комарова макрометодологической основой построения родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. Исследованием доказано, что их концепции наиболее приемлемы к использованию при построении частных криминалистических методик расследования, формируемых по принципу следующих двух основных элементов криминалистической характеристики преступлений: 1) сложных по способу (механизму) совершения; 2) совершаемых в условиях специфической обстановки.*

Ключевые слова: *Вениамин Константинович Гавло, Игорь Михайлович Комаров, криминалистическая методика, теоретические положения родовой криминалистической методики, расследование преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте.*

Для цитирования: Чиненов Е. В. *Реализация идей профессора Вениамина Константиновича Гавло и профессора Игоря Михайловича Комарова в родовой криминалистической методике расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте / Е. В. Чиненов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 188–193.*

Original paper

IMPLEMENTATION OF THE IDEAS OF PROFESSOR VENIAMIN KONSTANTINOVICH GAVLO AND PROFESSOR IGOR MIKHAILOVICH KOMAROV IN THE GENERIC CRIMINALISTIC METHODOLOGY FOR INVESTIGATING ECONOMIC CRIMES COMMITTED IN RAILWAY TRANSPORT

Chinenov Evgeny Vladimirovich
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russian Federation, Chinenovevg@yandex.ru

Introduction: *the names of V.K. Gavlo and I.M. Komarov are well known in Russian forensic science. Their methodological approaches are substantiated and original. They are productively used in scientific research by both novice and established scientists studying the problems of forensic theory, forensic tactics and forensic methodology. The article describes the results obtained by the author in the course of the study, based on the scientific discoveries of Professor V.K. Gavlo and Professor I.M. Komarov, as a consequence of the continuity of their scientific school.*

Materials and methods: *the theoretical basis of the study is the previously conducted studies of V.K. Gavlo and I.M. Komarov; the methodological basis of the study is the dialectical method of cognition of social phenomena, as well as a number of special private scientific methods: generalization, analysis, synthesis, induction and deduction, taking into account the problems under consideration.*

Results of the study: *the work shows the ideas of Professor V.K. Gavlo and Professor I.M. Komarov, their influence on the construction of a generic forensic methodology for investigating crimes in the economic sphere committed in railway transport.*

Findings and conclusions: *the author believes that the scientific ideas of V.K. Gavlo and I.M. Komarov are the macromethodological basis for constructing a generic forensic methodology for investigating crimes in the economic sphere committed in railway transport. The study has proven that their concepts are most suitable for use in constructing specific forensic investigation methods formed according to the principle of the following two main elements of forensic characteristics of crimes: 1) complex in the method (mechanism) of commission; 2) committed in a specific environment.*

Keywords: *Veniamin Konstantinovich Gavlo, Igor Mikhailovich Komarov, forensic methodology, theoretical provisions of a generic forensic methodology, investigation of crimes in the economic sphere committed in railway transport.*

For citation: Chinenov E. V. *Implementation of the Ideas of Professor Veniamin Konstantinovich Gavlo and Professor Igor Mikhailovich Komarov in the Generic Criminalistic Methodology for Investigating Economic Crimes Committed in Railway Transport / E. V. Chinenov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 188–193.*

Научный поиск априори невозможен без «…теоретического осмысления истории науки, движения научного знания, « … » связи старого и нового» [1, с. 3]. Познание, принятие результатов состоявшихся фундаментальных исследований их продолжение, адаптация к стоящим целям и задачам, преемственность заложенным традициям обеспечивают лучшие проявления процесса научного поиска, и как следствие, способствуют более обоснованному приобретению новых сведений (о процессах и явлениях действительности, существовании объектов или их свойств).

Преемственные процессы в науке – ее основополагающий принцип, двигатель развития научной мысли. Они находятся в системе познавательной деятельности и подчинены выработке объективных, системно-организованных и обоснованных знаний в структуре его теоретического уровня, обеспечивающего уровень эмпирический. Включают в себя освоение и использование научных ценностей, воплощенных в трудах ученых, их знаниях, опыте, умениях [2, с. 70–74; 3, с. 48–52], а потому закономерно используются в различных ее (науки) областях.

Наука криминалистика не исключение. Основоположники криминалистики, теоретики и методологи, результаты их деятельности, практические, научные достижения попадают в поле зрения многих современных исследователей, занимающихся проблематикой расследования преступлений. Большинство проводимых криминалистических исследований, как правило, опираются на труды (знания, воплощенные в научных произведениях) ученых-криминалистов, стоявших у истоков криминалистической науки (общей теории криминалистики, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики), внесших значительный вклад в развитие науки их учеников, продолжателей, последователей. Подтверждением тому анализ значительного ряда монографических работ, мнение авторитетных ученых [4][1]. Они позволяют сформировать базу исследования, аргументировать разработанность проблематики, определить цели и задачи, вести процесс получения новых знаний, развивать и усовершенствовать уже имеющиеся теории.

В ряду таких произведений особо выделяются своим содержанием научные труды **Вениамина Константиновича Гавло** и **Игоря Михайловича Комарова**. Знания, приобретенные криминалистикой за более

[1] Бастрыкин А.И. Пионеры криминалистики: словарь-справочник. URL: https://proza.ru/2023/01/01/860?ysclid=mae09nciwx731148903 (дата обращения: 02.02.2025).

чем полувековую их профессиональную деятельность, прочно вошли в систему криминалистических концепций. Работы этих авторов широко используются в научно-исследовательской деятельности, в практике расследования преступлений[2].

Вениамин Константинович Гавло
(27 августа 1936 г. – 2 июня 2016 г.)

профессор, доктор юридических наук,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета

Игорь Михайлович Комаров
(31 марта 1956 г.)

профессор, доктор юридических наук,
заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научные публикации, предложения Вениамина Константиновича и Игоря Михайловича, основывающиеся на их многогранном жизненном, профессиональном, научно-педагогическом опыте, привлекают внимание многих исследователей, занимающихся современными проблемами уголовного судопроизводства и криминалистики. Автор данного научного эссе в их ряду. Проведенное им исследование вопросов расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, явилось следствием развития и реализации идей указанных ученых в качестве основоопределяющих, обеспечив формирование родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте.

Расследование преступлений, совершаемых в сфере экономики, всегда вызывало и обоснованно вызывает сегодня определенные сложности (организационного, методического, тактического характера). Особо характерно это для отдельных ее отраслей, к числу которых относится такая важная для государства, как железнодорожный транспорт, – одна из наиболее экономически эффективных отраслей, динамично развивающихся, активно инвертирующихся и оттого находящаяся в зоне обширных криминальных интересов.

Наличие проблем в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, и существование запросов практики в совокупности, отсутствие актуальных методических

[2] Например, по данным национальной библиографической базы данных научного цитирования по состоянию на 12 мая 2025 г. к трудам профессора В.К. Гавло имеется 3 594 обращения, к трудам профессора И.М. Комарова – 1 582.

рекомендаций побудили нас к проведению комплексного теоретического исследования, изучения сложившейся криминалистической практики [5, с. 222–228], обобщения результатов в монографическом виде [6] и его позиционирования:

– во-первых, как теоретической основы системы криминалистических методических рекомендаций для расследования отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере экономики на железнодорожном транспорте;

– во-вторых, как возможной методологической базы для разработки востребованных отдельных частных криминалистических методик. В их перечне, например, совершаемые на железнодорожном транспорте отдельные виды преступлений: хищения путем присвоения или растраты; коммерческий подкуп; незаконное предпринимательство; изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг и др.).

Постановка и проверка научной гипотезы позволили сформировать ряд теоретических концептуальных основ родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте, тем самым подтвердив обоснованные запросы практики и наши предположения о необходимости наличия у заинтересованных пользователей актуального криминалистического инструментария, призванного способствовать развитию криминалистики, с одной стороны, и научно-практическому обеспечению следственной деятельности – с другой.

Базовые задачи исследования нами определялись с учетом научных позиций В.К. Гавло (относительно разработанной им системы полноструктурной криминалистической методики расследования, для описания на ее основе методик расследования отдельных родов, групп, видов преступлений) и И.М. Комарова (в части применения положений авторской частной теории криминалистических операций досудебного производства как инструмента, отражающего закономерности построения криминалистических методик расследования преступлений. Они явились его макрометодологической основой.

Под влиянием мнений этих ученых мы выстроили концепцию методики, ее систему и структуру. Разработки В.К. Гавло и И.М. Комарова [7; 8] послужили отправной точкой разрабатываемых положений родовой методики расследования, ее трансформирования в современный интегративный элемент системы криминалистики наряду с заслуживающими в контексте исследования внимания взглядами других известных ученых[1].

Руководствуясь их идеями, была определена цель – разработать систему научно обоснованных положений и рекомендаций в виде родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, основным назначением которой является: а) обоснование теоретической основы для ее использования в разработке частных групповых и видовых, криминалистических методик, методических криминалистических рекомендаций и методов расследования; б) использование следователем рекомендаций разработанной в диссертации методики как основы для расследования преступлений в сфере экономики.

В результате научного анализа работ В.К. Гавло и И.М. Комарова проекции его выводов на специфику расследования преступлений выделенной группы преступлений было определена оптимальная структура криминалистической методики (если ее рассматривать как систему информационно-познавательной и организационно-управленческой деятельности) мы видим, руководствуясь замыслом В.К. Гавло, в качестве двухэлементной системы – криминалистической характеристики преступлений и криминалистической характеристики расследования (подчеркнуто нами. – Прим. авт.) [11]. В соответствии с обоснованной криминалистической классификацией преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, и изучения содержания и возможностей актуальных структур криминалистических методик расследования мы пришли к мнению, что структура методики, предложенная В.К. Гавло [12], для нашего исследования является более выгодной.

Основой для всестороннего, полного, объективного раскрытия, расследования и профилактики преступлений является кримина-

[1] Наряду с научными идеями В.К. Гавло и И.М. Комарова в концепции криминалистической методики были также заложены труды профессора П.К. Анохина о теории функциональных систем и ее использовании для изучения преступной деятельности как криминалистической категории и профессора Р.С. Белкина о существовании комплексов методических криминалистических рекомендаций бóльшей степени общности, охватывающих несколько видов и родов преступных посягательств, совершаемых в специальных условиях места, времени; или же лицом, характеризуемым общими для них отличительными признаками (См.: Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М., 1971; Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1979. Т. 3. С. 212).

листическая характеристика преступлений. Криминалистическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере экономики на железнодорожном транспорте и объектах его инфраструктуры, раскрывается выделением системообразующих элементов (обстановка преступления) и доказыванием корреляционных связей между всеми элементами. В своей совокупности элементы криминалистической характеристики объединяет обстановка преступления (железнодорожный транспорт), рассматриваемая по В.К. Гавло, как центральное звено «интегральной системы различных условий и обстоятельств…» [13, с. 49], индивидуализирующей механизм данных преступлений.

Криминалистическую характеристику расследования данной группы преступлений как системы обобщенных сведений, раскрывающих основные закономерные черты механизма расследования преступлений в складывающихся следственных ситуациях, мы видим, по И.М. Комарову (через призму информационной структуры следственной ситуации) [14, с. 111–117], криминалистический анализ которой обеспечивает эффективное расследование. Примечательно, что И.М. Комаровым он (криминалистический анализ) понимается как «…логический прием исследования исходной и дополнительной информации о конкретном преступлении с последующим сопоставлением результатов анализа с содержанием структурных элементов типовой и типичной криминалистической характеристики преступления данного вида (группы)» [15, с. 14].

Теоретические воззрения И.М. Комарова [16] положительно сказались и на целостности авторского видения системы особенностей процесса расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на объектах железнодорожного транспорта. В результате они позволили получить оригинальные идеи и подходы к решению существующих криминалистических проблем, апробированы на примере авторской частной криминалистической методики расследования хищений грузов, совершаемых на железнодорожном транспорте путем кражи [17].

Как представляется, труды В.К Гавло и И.М. Комарова оказали прямое влияние на научную обоснованность и степень достоверности полученных результатов проведенного исследования – родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте. А именно – они позволили сформулировать ядро его теоретических и прикладных положений.

Список источников

1. Пичугина Т.Б. Формы и факторы преемственности в науке: автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 1998.
2. Рубанов В.Г. Философское осмысление научной преемственности // Известия Томского политехнического университета. 2009. № 6.
3. Корабейников И.Н., Ермакова Ж.А., Синюков А.А. Исследование проблемы производства новых знаний // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 5(124).
4. Яблоков Н.П. Криминалистика: в 5 т. История криминалистики: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / под общ. ред. И.В. Александрова. М., 2020. Т. 1.
5. Чиненов Е.В. Преступления в сфере экономики, совершаемые на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, как объект криминалистического исследования: сборник научных трудов Всероссийской науч.-практ. конф. (28 апреля 2023 г.). Белгород, 2023.
6. Чиненов Е.В. Расследование преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры: учебно-практ. пособие. Белгород, 2023; Чиненов

References

1. Pichugina T.B. Forms and factors of continuity in science: author's abstract. diss. ... candidate of philosophical sciences. Moscow, 1998.
2. Rubanov V.G. Philosophical understanding of scientific continuity // Bulletin of Tomsk Polytechnic University. 2009. № 6.
3. Korabeynikov I.N., Ermakova Zh.A., Sinyukov A.A. Study of the problem of production of new knowledge // Bulletin of Orenburg State University. 2011. № 5(124).
4. Yablokov N.P. Forensic science: in 5 volumes. History of forensic science: textbook for bachelor's, specialist and master's degrees / under the general editorship of I.V. Alexandrov. Moscow, 2020. Vol. 1.
5. Chinenov E.V. Economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities as an object of forensic research: collection of scientific papers of the All-Russian scientific-practical. conf. (April 28, 2023). Belgorod, 2023.
6. Chinenov E.V. Investigation of economic crimes committed on railway transport and transport infrastructure facilities: training and practical. manual. Belgorod, 2023; Chinenov E.V. Private forensic methodology for investigating

Е.В. Частная криминалистическая методика расследования хищений грузов, совершаемых на железнодорожном транспорте путем кражи. Белгород, 2024.
7. Гавло В.К. Избранные труды / сост. В.В. Сорокин, Н.А. Дудко. Барнаул, 2011.
8. Комаров И.М. Криминалистические операции досудебного производства в системе методики расследования преступлений. М., 2012.
9. Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. М., 1971.
10. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., 1979. Т. 3.
11. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985.
12. Гавло В.К. Теоретические и методологические основы и функции системы криминалистической методики расследования преступлений // Избранные труды: сборник статей. Барнаул, 2011.
13. Гавло В.К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений: сборник науч. трудов. Иркутск, 1980.
14. Комаров И.М. Информационная структура следственной ситуации и ее отношение к системе криминалистической характеристики расследования // Белгородские криминалистические чтения: сборник науч. трудов. Белгород, 2018. Вып. 4
15. Комаров И.М. Проблемы повышения эффективности розыскной деятельности по делам об уклонениях от несения обязательной военной службы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Алматы, 1995.
16. Комаров И.М., Антонов А.Е. Расследование преступлений на объектах железнодорожного транспорта. М., 2019.
17. Чиненов Е.В. Частная криминалистическая методика расследования хищений грузов, совершаемых на железнодорожном транспорте путем кражи. Белгород, 2024.

thefts of goods committed on railway transport by means of theft. Belgorod, 2024.
7. Gavlo V.K. Selected works / compiled by V.V. Sorokin, N.A. Dudko. Barnaul, 2011.
8. Komarov I.M. Forensic operations of pre-trial proceedings in the system of crime investigation methods. Moscow, 2012.
9. Anokhin P.K. Fundamental issues of the general theory of functional systems. Moscow, 1971.
10. Belkin R.S. Course of criminalistics. Moscow, 1979. Vol. 3.
11. Gavlo V.K. Theoretical problems and practice of application of the methodology of investigation of individual types of crimes. Tomsk, 1985.
12. Gavlo V.K. Theoretical and methodological foundations and functions of the system of forensic methodology of crime investigation // Selected works: collection of articles. Barnaul, 2011.
13. Gavlo V.K. Crime situation as a structural component of the forensic characteristics of the crime // Problems of improving the tactics and methods of crime investigation: collection of scientific works. Irkutsk, 1980.
14. Komarov I.M. Information structure of the investigative situation and its relation to the system of forensic characteristics of the investigation // Belgorod forensic readings: collection of scientific papers. Belgorod, 2018. Issue 4.
15. Komarov I.M. Problems of increasing the efficiency of investigative activities in cases of evasion of compulsory military service: author's abstract. diss. PhD in Law. Almaty, 1995.
16. Komarov I.M., Antonov A.E. Investigation of crimes at railway facilities. Moscow, 2019.
17. Chinenov E.V. Private forensic methodology for investigating thefts of goods committed on railway transport by means of theft. Belgorod, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чиненов Евгений Владимирович, *кандидат экономических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики. Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Горького, 71.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chinenov Evgeny Vladimirovich, *PhD in Economics, Associate Professor, Head of the Criminology Department. Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin. 71, Gorky St., Belgorod 308024 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 194–201.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 194–201.

Научная статья
УДК 323.174(075.8)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЗАПАДНЫХ САНКЦИЙ

Скороходова Валентина Павловна
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
vaskoro@sfedu.ru

Введение: *статья посвящена изучению состояния и особенностям поддержания политической стабильности РФ в условиях западных санкций.*

Материалы и методы: *теоретическую базу представляют современные исследования по санкционнной проблематике и политической стабильности. Эмпирическую базу составляют данные официальной статистики, количественные характеристики применения санкций, находящиеся в свободном доступе, нормативные правовые источники. В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза, индукции, дедукции, метод сравнительного анализа, системный и структурно-функциональный подходы.*

Результаты исследования: *проведен анализ ключевых факторов, способствующих сохранению политической стабильности с учетом роли западных санкций.*

Выводы и заключения: *устойчивость политической стабильности РФ и минимизация рисков по ее дестабилизации состоит в слаженной работе механизмов адаптации к деструктивным внешним воздействиям.*

Ключевые слова: *политическая стабильность, санкции, дестабилизация, торговые войны, международные организации, политический процесс, антисанкционная политика.*

Для цитирования: Скороходова В. П. *Политическая стабильность Российской Федерации в условиях западных санкций / В. П. Скороходова // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 194–201.*

Original paper

POLITICAL STABILITY OF THE RUSSIAN FEDERATION UNDER WESTERN SANCTIONS

Skorokhodova Valentina Pavlovna
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to the study of the state and features of maintaining political stability in the Russian Federation under Western sanctions.*

Materials and methods: *the theoretical basis is represented by modern studies on sanctions issues and political stability. The empirical base is made up of official statistics, quantitative characteristics of the application of sanctions that are freely available, and regulatory legal sources. The work uses general scientific methods of analysis, synthesis, induction, deduction, the method of comparative analysis, systemic and structural-functional approaches.*

Results of the study: *an analysis of key factors contributing to the preservation of political stability is carried out, taking into account the role of Western sanctions.*

Findings and conclusions: *the sustainability of political stability in the Russian Federation and the minimization of the risks of its destabilization consist in the coordinated work of adaptation mechanisms to destructive external influences.*

Keywords: *political stability, sanctions, destabilization, trade wars, international organizations, political process, anti-sanctions policy.*

For citation: Skorokhodova V. P. *Political Stability of the Russian Federation under Western Sanctions / V. P. Skorokhodova // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 194–201.*

В настоящее время на фоне политики мирового масштаба подавляющее число государств оказывается вовлеченным в систему мировых хозяйственных связей и взаимоотношений, которые играют не последнюю роль в формировании политических и экономических связей между ними. Примером здесь выступают торговля, международные инвестиции, экологическая устойчивость, права человека. Взаимодействия между государствами могут быть как конкурентными, так и строиться на сотрудничестве, что влияет на расстановку сил на международной арене. Деятельность современных международных организаций (ООН, ВТО, МВФ) направлена на установление норм и правил, регулирующих эти связи, а также на обеспечение платформы для диалога и переговоров международных акторов. При этом решения, принятые на международном уровне, способны оказывать влияние на внутреннюю политику стран, в частности, иметь последствия для законодательства, экономики и социальной сферы, при определенных обстоятельствах вызывать напряженность и конфликты, особенно если интересы стран расходятся. В этом сложном и многослойном процессе нельзя не учитывать те аспекты, которые в обстановке геополитической турбулентности оказывают серьезное воздействие на политическую стабильность.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании состояния и механизмов обеспечения устойчивости политической стабильности в РФ с учетом роли западных санкций как стратегического инструмента давления на целевые страны. Гипотеза исследования состоит в том, что данные принудительные меры могут оказывать воздействие на политическую стабильность в России, в том числе посредством внешнего нажима на различные сферы жизни российского общества, однако определенные внутренние факторы могут ослаблять или даже компенсировать это воздействие, позволяя действующей власти сохранять контроль и поддерживать стабильность.

Возможно ли в условиях ряда вызовов современной действительности сохранить политическую стабильность в России? Очевидно, что для вовлеченных государств и регионов санкции создают большие малопрогнозируемые риски, от крайне негативных до позитивных. В связи с этими обстоятельствами проблема изучения политической стабильности как противоположного сценария дестабилизации в условиях вводимых ограничений становится особенно актуальной, представляет собой непростую задачу и требует более глубокого осмысления. Санкции являются тем современным вызовом, который может серьезно влиять на устойчивость политической стабильности как на уровне стран, так и на глобальном уровне. Поэтому целесообразным представляется начать с рассмотрения этого явления в научных исследованиях, что поможет лучше понять его природу как сложного механизма в достижении определенных целей.

Исторически сложилось так, что санкционная проблематика наиболее полно представлена в работах зарубежных ученых. Так, Г. Хафбауэр, Д. Шотт, К. Элиот, Б. Оег являются авторами ключевой работы «Новый анализ экономических санкций», издаваемой в 1985, 1990 и 2009 гг. и цитируемой во многих источниках по данной теме [1]. Они рассматривали санкции как инструмент экономического давления на внешнюю политику целевых стран, провели их классификацию по типу политических целей стран-инициаторов. Между тем текущая ситуация в современном мире демонстрирует растущую тенденцию системного применения разного рода рестрикций по отношению к России. Такая закономерность диктует необходимость более углубленного изучения принудительных мер, что в последние годы ведет к росту интереса со стороны отечественных исследователей.

В работах Д.Г. Балуева [2], С.Ю. Глазьева [3], В.Е. Королькова [4], С.Н. Ларина [5], А.Г. Туралиной [6] и ряда других авторов рассматривается преимущественно влияние санкций на экономическую сферу. В трудах отечественных ученых С.А. Афонцева [7], Н.И. Дмитриевой [8], Е.А. Кустарникова [9] И.Н. Тимофеева [10] и др. акцент в первую очередь делается на политических аспектах. На наш взгляд, сама тема политической стабильности в контексте перманентного потока санкций исследована весьма фрагментарно, затронута лишь отдельными исследователями, в частности, С.И. Араевым [11] и А.Н. Сулиминым [12]. Большинство ученых нацелено на решение комплексных задач, связанных с влиянием санкций на экономику, международные и политические отношения. При этом оценка доступной литературы показывает существование пробела по данной проблематике. Так, явно недостаточно уделено внимания анализу значимых факторов, влияющих на политическую стабильность в условиях западных санкций. Настоящее исследование представляет собой попытку расширить существующие знания о свойствах и характеристиках объекта исследова-

ния, раскрыть ряд моментов не затронутых в других работах.

Международные соглашения направлены на достижение различных целей и способны определять линию поведения суверенных государств, действующих, однако, в первую очередь в своих собственных интересах. Это ведет к ситуации, когда часть условий договоренностей игнорируются или пересматриваются, а отдельные международные субъекты, в т. ч. США, ЕС и ряд других, начинают считать возможным применение санкций. В этом случае просматривается ассиметрия системы международных отношений и заложенное в нее неравенство. Такого рода деятельность зачастую обусловлена их стратегическими интересами и выступает источником дестабилизации различных аспектов функционирования государств-мишеней. Данные меры небезосновательно рассматриваются ими как угроза своей национальной безопасности.

В апреле 2025 г. мир столкнулся с началом новой торговой войны США, более агрессивной по своему охвату. По информации из открытых источников, в «тарифном списке» оказались 185 стран, в отношении продукции которых были введены таможенные пошлины с базовой минимальной ставкой 10 %, впоследствии откалиброванной для каждого государства. Персонально для Китая ставка повысилась до беспрецедентных 145 %, с угрозой поднятия до 245 %, что явилось следствием текущего торгового противостояния с американской стороной. Запретительные тарифы не были введены против российских товаров, но вопросы, как такая политика отразится на российской экономике в связи с риском снижения мировых цен на сырую нефть, главного товара российского экспорта, и будут ли в перспективе социально чувствительные последствия, через время могут стать предметом дальнейших исследований.

Подчеркнем, что продолжает осуществляться продление последующих пакетов антироссийских санкций ввиду несогласия с внешнеполитическими действиями Правительства РФ. В феврале 2025 г. Совет Евросоюза утвердил 16-й пакет санкций с прицелом на системно важные сектора российской экономики. В рамках современного общественно-политологического дискурса попытаемся в концептуальном плане разграничить внешнеполитические инструменты экономического принуждения [13].

Так, торговые войны – более широкое понятие, включающее взаимные меры протекционизма между странами, такие как введение тарифов, экспортных или импортных квот, всевозможных нетарифных ограничений. Главный их маркер – максимизация экономической выгоды посредством защиты внутреннего рынка, борьбы с конкуренцией, с конечной целью повышения прибыли национального бизнеса. Они могут включать ответные шаги и иметь серьезные последствия для глобальной экономики.

Санкции имеют ключевую черту, а именно конкретную политическую цель, используются сильными державами и коалициями в качестве воздействия на внутреннюю политику и политическую стабильность стран-мишеней, зачастую менее развитых в экономическом и технологическом плане. Классификация по объекту воздействия наиболее широко востребована на сегодняшний день. Объектом давления *прямых санкций* выступает правительство целевого государства. Нередко картина такова, что государству-адресату могут создаваться такие условия, что оно вынуждено пойти на определенные уступки в соответствии с требованиями государства-инициатора, иначе последствия применения мер принуждения для него будут крайне негативны. Такие действия побуждают такую страну пересмотреть свои политические решения, сменить политический курс или адаптироваться к новым условиям.

Использование *непрямых санкций* страной-инициатором складывается в тех случаях, когда имеет место установка вызвать массовые недовольства среди рядовых граждан, эскалацию протестных настроений с целью смены политической власти. К примеру, факт применения американских санкций против Ирана из-за его ядерной программы вызвало значительные ухудшения социально-экономической ситуации в стране, недовольство действиями властей и послужило причиной оппозиционных выступлений в 2018–2019 гг. Похожая ситуация наблюдалась в Венесуэле с применением санкций против правительства Н. Мадуро в 2017–2019 гг. Стимулом послужили обвинения в нарушении прав человека, нечестных механизмах проведения выборов. Принудительные меры касались отдельных лиц, распространились на ключевые сектора экономики, включая нефтяной, тем самым ухудшили условия жизни населения, привели к протестам против политики режима.

Россия, как и многие другие страны, стремится к отмене санкций по причине ряда серьезных негативных последствий от их

использования. Однако данные вмешательства могут признаваться легитимными, если подкреплены решением Совета Безопасности ООН, в противном случае имеют место так называемые односторонние принудительные меры в обход решений, принимаемых Советом Безопасности на основании ст. 41 ООН. Присоединение Крыма в марте 2014 г., события февраля 2022 г. привели к еще большему всплеску санкционного давления коллективного Запада по отношению к России. Такой метод «наказания» – ответная реакция на позицию по отношению к началу конфликта на востоке Украины, что сделало ее страной-лидером по числу введенных против нее ограничений, обогнав Иран и Сирию. В марте 2022 г. под санкциями находились 7 116 российских физических и юридических лиц [14].

Со стороны РФ такие рестриктивные меры признаны нелегитимными, т. к. приняты без одобрения Совета Безопасности ООН. Следовательно, санкции, как правило, имеют более узкую цель и конкретное обоснование. Они направлены на изменение поведения конкретного государства в ответ на определенные действия. Торговые войны сосредоточены на более широких экономических интересах и конфликтах между торговыми партнерами. Различие между ними важно для понимания динамики международных отношений, разработки стратегий реагирования на внешние угрозы. В текущих условиях продолжает иметь место агрессивное внешнее давление на РФ в виде целого арсенала – экономического, военного, политического, информационного. Санкционное давление, являясь многогранным инструментом, используется для достижения различных целей, включая изменение внешней политики и внутреннего устройства страны.

В современной политической теории отсутствует единое унифицированное понятие «политическая стабильность», т. к. его формулировка находится в зависимости от контекста, направлений исследований и подходов различных исследователей. Данное словосочетание состоит из двух частей: «политическая» (от греч. politike – политика) и «стабильность» (от лат. stabilis – устойчивый, постоянный). В отечественной политологии актуализация проблемы политической стабильности происходит с 90-х гг. преимущественно как реакция на демонтаж социалистической системы, когда многие страны постсоветского пространства, Восточной Европы и других регионов переживали переходные процессы. При этом исследовательская среда не испытывает недостатка работ, посвященных теме стабильности.

Довольно часто российские ученые в своих исследованиях опираются на теорию сложных систем, с опорой на системный подход, в частности М.Г. Анохин [15] и Х.А. Гаджиев [16]. При этом анализ научных источников показывает, что большая часть авторов фактически отождествляет стабильность с устойчивостью, а отдельные исследователи видят необходимость разграничения данных понятий. Так, по мысли О.Ф Шаброва, способность системы самостоятельно поддерживать гомеостазис можно называть ее устойчивостью, а состояние, при котором система устойчива, – ее стабильным состоянием [17, с. 58]. Под гомеостазисом понимается совокупность реакций политической системы, позволяющих ей сохранять свои базовые свойства. Им отмечается свойство системы приспосабливаться к внешнему воздействию, преодолевать деструктивные сигналы, нацеленные на ее разрушение и кардинальное изменение.

России за многие столетия своей истории ей пришлось пережить немало попыток государственных переворотов, к счастью, большинство действий по свержению власти оказались неудачными. В современный период идентичная ситуация наблюдается и в других странах. Речь идет о неудачных попытках государственных переворотов в Венесуэле (2002 г.), в Бурунди (2015 г.), в Турции (2016 г.) и т. д., свидетельствующих об изначальном нестабильном состоянии политической системы, которая оказалась достаточно устойчивой, что позволило сохранить установленный политический режим. Политолог Х.А. Гаджиев отмечает, что «с определенными оговорками можно констатировать, что устойчивость даже более значима для политической системы, чем стабильность» [16, с. 24].

В широком смысле понятие «политическая стабильность» означает устойчивое состояние политической системы, при котором отсутствуют резкие изменения, беспорядки или кризисы, а существующие институты и механизмы управления эффективно функционируют. Сегодня это сложное многоуровневое явление продолжает изменяться и развиваться под влиянием мировых политических процессов, социальных трансформаций и других аспектов.

Очевидно, что в условиях текущих санкций политический процесс в России подвергается трансформации. Долгосрочные последствия этих изменений могут быть

разнообразными и зависят от множества факторов, включая внутренние и международные обстоятельства. В связи с этим политической стабильности отводится особая роль, т. к. она отражает уровень устойчивости и предсказуемости общественно-политической системы, степень доверия граждан к государственным институтам, выступает ключевым фактором для экономического развития и социальной гармонии в государстве. В силу внешнего давления возникает необходимость адаптации к новым условиям. Российская власть занимается поиском новых путей для обеспечения политической стабильности с целью минимизации рисков по ее дестабилизации. Приведем примеры работы отдельных механизмов, в наибольшей степени демонстрирующие эффективность отечественной политики в этом направлении. Вот некоторые из них.

Результаты президентских выборов. Рост поддержки главы государства является неотъемлемым условием сохранения политической стабильности. По данным ВЦИОМ, в середине апреля 2025 г. В.В. Путину доверяли около 79,4 %, а показатель одобрения деятельности – 76,2 % [18]. При этом, опираясь на сведения ЦИК, стоит отметить тенденцию к росту процента голосов избирателей фактически на всех президентских выборах с его участием. В марте 2000 г. явка избирателей составила 68,7 %, а процент голосов – 52,9 %. С этой даты был заложен вектор дальнейшего развития страны по укреплению федеральной власти, изнуренной политическими и экономическими преобразованиями, сложной военной обстановкой. В марте 2004 г. поддержка электората достигла 71,31 % (при явке 64,3 %). Источник роста – новые подходы к развитию государства, консолидация общества и власти, поиск возможностей по решению крупных общенациональных задач.

К третьему президентскому сроку произошла мобилизация протестного электората в регионах по причине сомнений в прозрачности проведенных ранее выборов в Госдуму. Это стало мотивом проведения масштабной реформы политической системы с прицелом на основательную модернизацию избирательной системы, что отвечало запросам общества. На этих выборах в 2012 г. были получены 63,60 % голосов избирателей (при явке 65,3 %). На этот раз голосовали меньше по объективным причинам. К четвертому президентскому сроку (2018 г.) отмечалось усиление процесса санкционного противостояния. Итоги избирательной кампании зафиксировали высокую активность на выборах – 76,69 % голосов избирателей, явку – 67,54 %. Достигнутый уровень внутриполитической стабильности и устойчивости стал надежным вкладом в закреплении этого эффекта в будущем. К пятой избирательной кампании (2024 г.) российское государство столкнулось с затяжными кризисными явлениями в экономике, беспрецедентным санкционным давлением. По итогам выборов получены рекордные 87,28 % голосов избирателей, при явке по стране – 77,49%, что превысило считавшийся непревзойденным процент явки 74,7 % на первых всенародных выборах главы государства 12 июня 1991 г. [19].

По нашему мнению, тенденция успешности ряда президентских выборов может быть объяснима спецификой отечественной политической культуры, патерналистскими отношениями, укорененными в российском обществе, и основательной поддержкой главой государства традиционных российских ценностей. Электоральные успехи выступают фактором, отражающим высокий уровень доверия населения, устойчивость выстроенной политической системы, что в перспективе будет способствовать развитию и сохранению внутренней политической стабильности в контексте усугубления внешних угроз.

Внешняя политика. Активизация политического сотрудничества, направленная на укрепление союзов и экономических отношений с другими государствами, способна компенсировать последствия санкций и укрепить внутреннюю стабильность. Международные институты региональной интеграции становятся важным элементом построения многополярного мира. С 2022 г. начал активно использоваться термин «Мировое большинство». Он выступает антонимом понятию «коллективный Запад». Он обозначает группу стран, разделяющих принципы и ценности многополярного мироустройства, политический курс которых не предполагает всецелой поддержки внешнеполитических подходов Запада [20]. В начале XXI в. произошло образование нового межгосударственного объединения с аббревиатурой БРИКС, с альтернативными способами функционирования, к примеру, платежными системами, интеграционными механизмами сотрудничества, что способствует большему взаимодействию на основе взаимных интересов. Немаловажен факт того, что его участники относят санкции к незаконным мерам России (одна из стран-участниц) как способ развития диалога с другими государствами, возможность

находить новые пути экономического и политического взаимодействия на международной арене. Очевидно, данные объединения являются позитивным фактором в деле укрепления внутриполитической стабильности его участников с целью недопущения деструктивного внешнего вмешательства.

Политика антисанкционного урегулирования. Антисанкционная политика включает ряд действий, направленных на минимизацию рисков в отношении России. Изначально законодательную основу российских санкций и контрсанкций представлял Федеральный закон от 30.12.2006 г. № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах». Он давал российской власти возможность введения ответных ограничительных мер на поток секторальных и персональных санкций против РФ в 2014 г. Федеральный закон от 28.12.2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» относит к деятельности по обеспечению безопасности «применение специальных экономических мер» (ст. 3), а направления государственной политики в этой области определяет Президент РФ (ст. 4). В июне 2018 г. подписан Федеральный закон от 04.06.2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств». Полномочия главы государства выражены в возможности выбора тех или иных мер в условиях внешних вызовов.

В последние годы в России продолжается разработка и адаптация законодательных механизмов. Успешность имплементации антисанкционного законодательства зависит от множества факторов, в том числе находится в определенной зависимости от приоритетов и реализации ответной стратегии по смягчению последствий санкций. На наш взгляд, ее приоритеты должны основываться на построении суверенной экономики и импортозамещении, совершенствовании автономной инфраструктуры, всесторонней поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства, а также на повышении уровня и улучшении качества жизни населения, продвижения их гражданских инициатив [21]. Планомерная политика противодействия западным санкциям является значимым фактором укрепления политической стабильности.

Таким образом, поток санкций в отношении России создает определенные проблемы, но одновременно открывает и новые возможности. Обеспечение политической стабильности на должном уровне выступает непростой задачей, требующей учета многообразия факторов, включая внутренние и международные обстоятельства. Успехи в минимизации рисков, связанных с политической нестабильностью, обусловлены обладанием российской властью достаточными ресурсами и своевременностью усилий, направленных на слаженную работу механизмов адаптации к внешним воздействиям. Эти меры помогают создать своего рода «щит» от агрессивного санкционного давления.

В перспективе активно противостоять деструктивным явлениям в национальных интересах смогут субъекты политики, которые будут опираться на волю и интересы своих граждан. Комплексный подход и согласованные действия по выстраиванию внутренней консолидации российского общества, реагирование на острые запросы населения, укрепление доверия к государственным институтам будут способствовать смягчению возможных негативных последствий санкций, играть значимую роль в укреплении и поддержании такого сложного явления, как политическая стабильность.

Список источников

1. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009.
2. Балуев Д.Г. Эволюция экономических санкций как инструмента внешней политики: от Второй мировой войны до санкций против России // Международные процессы. 2014. № 3. Т. 12.
3. Глазьев С.Ю. Санкции США и Банка России – двойной удар на национальной экономике // Металлургия машиностроения. 2015. № 1.
4. Корольков В.Е. Политика санкций как инструмент современных международных от-

References

1. Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009.
2. Baluev D.G. Evolution of Economic Sanctions as a Foreign Policy Instrument: from World War II to Sanctions against Russia // International Processes. 2014. № 3. Vol. 12.
3. Glazyev S.Yu. US and Bank of Russia Sanctions: a Double Blow to the National Economy // Metallurgy of Mechanical Engineering. 2015. № 1.
4. Korolkov V.E. Sanctions Policy as an Instrument of Modern International Relations / V.E. Korolkov, I.A. Smirnova, T.A. Erofeeva. Moscow, 2022.

ношений / В.Е. Корольков, И.А. Смирнова, Т.А. Ерофеева. М., 2022.
5. Ларин С.Н. Санкционные ограничения Запада против России и российские контрсанкции: сопоставление убытков // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 4. Т. 2.
6. Туралина А.Г. Влияние западных санкций на экономику России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2024. № 3. Т. 10(76).
7. Афонцев С.А. Политические парадоксы экономических санкций // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3(55).
8. Дмитриева Н.И. Экономические санкции как инструмент политического давления // Государственное управление. 2015. № 52.
9. Кустарников Е.А. Экономические санкции как политический инструмент давления на Российскую Федерацию // Вестник Евразийской науки. 2022. № 6. Т. 14.
10. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59).
11. Араев С.И. Функционирование политической системы Российской Федерации в условиях антироссийских санкций 2022 г. // Теории и проблемы политических исследований. 2022. № 4. Т. 11.
12. Сулимин А.Н. Актуальные проблемы социально-политической стабильности современного российского общества // Вестник Бурятского государственного университета. 2023. Вып. 2.
13. Мухамадеев Д.В., Шевченко Я.Н. Войны торгово-экономические и санкционные: попытка теоретического размежевания в свете науки о международных отношениях // Мировая политика. 2020. № 1.
14. Чирков М.А., Шаповалова А.В., Чистяков М.С. О влиянии западных санкций на экономику России в условиях специальной военной операции // Свободная мысль. 2022. № 4.
15. Анохин М.Г. Политическая система: переходные процессы. М., 1996.
16. Гаджиев Х.А. Политическая стабильность: теоретико-методологические проблемы исследования // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2019. № 2(73).
17. Шабров О.Ф. Политическое управление: проблема стабильности и развития. М., 1997.
18. Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-1804202 (дата обращения: 19.04.2025).
5. Larin S.N. Western sanctions restrictions against Russia and Russian counter-sanctions: a comparison of losses // Economy and Business: Theory and Practice. 2019. № 4. Vol. 2.
6. Turalina A.G. The impact of Western sanctions on the Russian economy // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Economics and management. 2024. № 3. Vol. 10(76).
7. Afontsev S.A. Political paradoxes of economic sanctions // Journal of the New Economic Association. 2022. № 3(55).
8. Dmitrieva N.I. Economic sanctions as an instrument of political pressure // Public administration. 2015. № 52.
9. Kustarnikov E.A. Economic sanctions as a political instrument of pressure on the Russian Federation // Bulletin of Eurasian Science. 2022. № 6. Vol. 14.
10. Timofeev I.N. Economic sanctions as a political concept // Bulletin of MGIMO-University. 2018. № 2 (59).
11. Araev S.I. Functioning of the political system of the Russian Federation in the context of anti-Russian sanctions of 2022 // Theories and problems of political research. 2022. № 4. Vol. 11.
12. Sulimin A.N. Actual problems of socio-political stability of modern Russian society // Bulletin of the Buryat State University. 2023. Issue 2.
13. Mukhamadeev D.V., Shevchenko Ya.N. Trade, economic and sanctions wars: an attempt at theoretical demarcation in light of the science of international relations // World politics. 2020. № 1.
14. Chirkov M.A., Shapovalova A.V., Chistyakov M.S. On the Impact of Western Sanctions on the Russian Economy in the Context of a Special Military Operation // Free Thought. 2022. № 4.
15. Anokhin M.G. Political System: Transition Processes. Moscow, 1996.
16. Gadzhiev H.A. Political Stability: Theoretical and Methodological Problems of Research // Search: Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture. 2019. № 2(73).
17. Shabrov O.F. Political Management: Problem of Stability and Development. Moscow, 1997.
18. Trust Ratings for Politicians, Assessments of the Work of the President and the Government, Support for Political Parties. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-1804202 (date of access: 19.04.2025).
19. Skorokhodova V.P., Aslanov Ya.A. Presidential elections as an indicator of domestic political stability in the Russian Federation: federal and regional aspects // State and municipal administration. Scientific notes. 2024. № 2.

19. Скороходова В.П., Асланов Я.А. Президентские выборы как показатель внутриполитической стабильности в РФ: федеральные и региональные аспекты // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2.
20. Хоперская Л.Л. Новая интеграция в многополярном мире // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 1.
21. Скороходова В.П. Влияние западных санкций на социально-экономическое положение России и ее отдельных регионов // Гуманитарий Юга России. 2023. № 4(62). Т. 12.
20. Khoperskaya L.L. New integration in a multipolar world // Society: politics, economics, law. 2025. № 1.
21. Skorokhodova V.P. The impact of Western sanctions on the socio-economic situation of Russia and its individual regions // Humanitarian of the South of Russia. 2023. № 4(62). Vol. 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скороходова Валентина Павловна, *кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности. Южный федеральный университет. 344022, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skorokhodova Valentina Pavlovna, *PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Conflictology and National Security. Southern Federal University. 160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344022 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 202–205.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 202–205.

Научная статья
УДК 34.012

«ФОРМУЛА РАДБРУХА», ИЛИ О КОНФЛИКТЕ МЕЖДУ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ И ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ

Акиева Петимат Хасолтовна
Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Российская Федерация, petim@yandex.ru

Введение: *в статье проводится анализ «формулы Г. Радбруха», ставшей основой для отмены злонамеренного законодательства (послевоенной денацификации). Данное концептуальное положение указывало, что преступления, посягающие на права и свободы человека, не могут быть оправданы ссылкой на исполнение национального законодательства. Автор анализирует достоинства и недостатки концепции Г. Радбруха о проблеме идеи права, выделяет содержание методологической справедливости во взглядах немецкого философа как критерия различения правовой категории от неправовой.*

Материалы и методы: *работа основана прежде всего на текстуальном анализе произведений Г. Радбруха. В качестве методологических оснований использовались сравнительный анализ, принцип исторической интерпретации, историко-философский и культурно-исторический подходы.*

Результаты исследования: *в работе иллюстрируется определенная недосказанность во взглядах Г. Радбруха, сложившаяся во многом вследствие пережитых немецким мыслителем военных событий середины XX в. Концепция Радбруха раскрывает механизмы взаимодействия позитивного и естественного права.*

Выводы и заключения: *отталкиваясь от неокантианства, исходящего от категориального различения должного и сущего, немецкий философ предлагает рассматривать природу права через триаду справедливости, целесообразности и правовой стабильности. Данная концепция была сформулирована и востребована в процессе послевоенной денацификации и продолжает быть актуальной в настоящее время. Признавая неравноценность трех составляющих идеи права, философ отдает приоритет справедливости, в случаях, когда стабильность теряет свой минимум справедливости. Этическо-правовая норма Радбруха исключает возможность создания «аморальных законов».*

Ключевые слова: *«формула Радбруха», неокантианство, справедливость, целесообразность, стабильность, неправовой закон, ценность в праве, идея права.*

Для цитирования: Акиева П. Х. *«Формула Радбруха», или О конфликте между справедливостью и правовой определенностью / П. Х. Акиева // Философия права: науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 202–205.*

Original paper

«THE RADBRUCH FORMULA» OR THE CONFLICT BETWEEN JUSTICE AND LEGAL CERTAINTY

Akieva Petimat Khasoltovna
Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the article analyzes the «G. Radbruch formula», which became the basis for the abolition of malicious legislation (post-war denazification). This conceptual position indicated that crimes that infringe on human rights and freedoms cannot be justified by reference to the implementation of national legislation. The author analyzes the advantages and disadvantages of G. Radbruch's conception of the problem of the idea of law, highlights the content of methodological justice in the views of the German philosopher as a criterion for distinguishing a legal category from a non-legal one.*

Materials and methods: *the work is based primarily on the textual analysis of G. Radbruch's works. Comparative analysis, the principle of historical interpretation, historical-philosophical and cultural-historical approaches were used as methodological bases.*

Results of the study: *the work illustrates a certain understatement in G. Radbruch's views, which developed largely as a result of the military events of the mid-20th century experienced by the German thinker. Radbruch's conception reveals the mechanisms of interaction between positive and natural law.*

Findings and conclusions: *Based on neo-Kantianism, which is based on the categorical distinction between what should be and what is, the German philosopher proposes to consider the nature of law through the triad of justice, expediency and legal stability. This concept was formulated and in demand during the post-war denazification process and continues to be relevant today. Recognizing the unequal value of the three components of the idea of law, the philosopher gives priority to justice in cases where stability loses its minimum of justice. Radbruch's ethical and legal norm excludes the possibility of creating «immoral laws».*

Keywords: *«Radbruch's formula», neo-Kantianism, justice, expediency, stability, non-legal law, value in law, idea of law.*

For citation: Akieva P. Kh. *«The Radbruch formula» or the conflict between justice and legal certainty / P. Kh. Akieva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 202–205.*

Вторая мировая война, являясь самым кровопролитным и разрушительным военным конфликтом XX в., оказала колоссальное воздействие не только на мировую геополитику и экономику, но и на философско-правовую мысль, выдвинув на первый план идею прав человека, справедливости, моральных основ правовой нормативности. Она стала катализатором пересмотра и обновления парадигм естественного и позитивного права, в рамках которых значимость вновь приобрела проблема противоречия между духом и буквой закона.

Наиболее рельефно эта борьба теоретических подходов представлена в деятельности немецкого философа Густава Радбруха (1878–1949). Актуальность работы связана не только с продолжающейся дискуссией о том, был ли Радбрух до 1933 г. позитивистом и поменялись ли его взгляды после установления фашистской диктатуры, но и тем существенным влиянием, которое оказала его концепция на философию права Западной Европы и Англии. В методологическом плане наследие Радбруха привлекает попыткой ревизии содержательного начала права через категорию справедливости, выступающей главным критерием ранжирования «правового» закона от «неправового». В мировой практике проблема использования законных средств для реализации заведомо несправедливых целей и обязательного приоритета определенного минимума морального содержания в праве над формальными принципами не теряет своей актуальности и сегодня. Так, известные примеры отмены злонамеренного законодательства – это послевоенная германская и австрийская денацификация, а сегодня и денацификация освобожденных от киевского режима территорий.

Г. Радбрух, автор известной работы «Философия права», выступал с критикой современных ему позитивистских концепций права, против идей, рассматривающих в качестве источников нормативности в праве только фактическое существование законов, обычаев и отношений в обществе [2]. Будучи человеческим образованием, право не может существовать без ценностной коннотации. Именно субъективное оценивание определяет действительное существование ценностей. Философ утверждал, что право, развиваясь, неизбежно отражает изменение социальных условий, вследствие чего оно не может быть абсолютным. Однако неизменными должны оставаться определенные безусловные этические ценности – априорная идея права, которой нужно руководствоваться в процессе формирования и интерпретации правовой нормы. Как писал философ, смысл действительности состоит в служении «правовой ценности, т. е. идее права» [2, с. 41].

Почерпнутая у неокантианцев априорная идея права, согласно философу, состоит из трех главных ценностей: справедливости, целесообразности и правовой стабильности (безопасности) [2, с. 86–87]. Немецкий мыслитель доказывал несводимость этих ценностей друг другу, противоречивость которых и определяет целое, как некий формальный абсолют с изменчивым содержанием [2, с. 91]. Отметим, что существует определенная недосказанность в вопросе трех аспектов идеи права, в частности, как может быть разрешен конфликт между ними. Как указывал сам автор, при недоказанности приоритета принципа стабильности, реализуемого позитивным правом, над другими ценностями идеи права, «случае конфликта между ними однозначное решение невозможно» [2, с. 99–101]. Только справедливость и правовая стабильность являются общеобязательными и общепризнанными, «релятивистским же элементом является не только целесообразность, но и отношения

субординации этих трех элементов между собой» [2, с. 87–88]. В противовес ранним своим работам, где первенство отдавалось «правовой стабильности, свидетельством коренной эволюции взглядов философа стало утверждение что «закон как “неправильное право” должен уступить место справедливости» [2, с. 228–238]. После разгрома фашистской Германии и окончания Второй мировой войны Г. Рабрух формулирует положение, согласно которому судьи могут отказаться от выполнения «аморальных законов», в которых сознательно отрицается равенство и действующий закон становится «вопиюще несовместимым со справедливостью» [2, с. 228–238].

Немецкий правовед пытался определить право через соотнесение его со справедливостью. Философия права Г. Радбруха не о праве как таковом (законе), а о более высоком (естественном, божественном или надзаконном) праве. Именно оно позволяет увидеть в праве «неправо», поскольку надзаконное право и есть олицетворение справедливости. Поэтому право должно рассматриваться как действительность, стремящаяся к справедливости. При этом в учении конкурируют справедливость нравственная и правовая вследствие методологической разницы «между дедуктивным выведением права из общих принципов и индуктивным познанием права из “природы вещей”» [3, с. 50].

Помимо справедливости, Радбрух считал элементом идеи права целесообразность, имеющую трехсоставную структуру (индивидуалистический, надындивидуалистический и трансперсонализм). «В сфере эмпирического познания мира существует лишь три вида предметов, которые могут быть опосредованы абсолютной ценностью. Это отдельные человеческие личности, человеческие личности в целом и результаты человеческого труда. Приняв основу этих благ за ценностный критерий, мы можем выделить три различных вида ценностей: индивидуальные ценности, коллективные ценности и творческие ценности… Резюме конечных целей одним словом: для индивидуалистической точки зрения – свобода; для надиндивидуалистической – нация; для трансперсональной – культура». Типичные образы названных целей: договор, организм и здание [2, с. 65–69].

Третьим элементом идеи права Радбрух называл правовую стабильность, построенную на справедливости в законах, а «если невозможно установить, что справедливо, то необходимо постановить, что должно быть справедливо» [2, с. 87]. При этом правовая обеспеченность обладает трехвекторной коннотацией – правовая безопасность, правовая осведомленность и правовая неизменность. «Справедливость указывает нам, – пишет Радбрух, – что равное следует регулировать одинаково, а неравное – неодинаково, но она ничего не говорит о критериях, в соответствии с которыми то или иное следует характеризовать как равное или неравное. Наконец, она определяет лишь отношения, но не вид регулирования. На оба эти вопроса можно ответить, исходя лишь из цели права…. Право, как регулятор общественной жизни… должно быть единым порядком над всеми» [2, с. 86].

Радбрух утверждал, что истинное право не может быть отделено от морали, а его главной задачей должно быть обеспечение справедливости. Он также отмечал, что при любом противоречии между законом и справедливостью последняя должна иметь преимущество. В одной из своих наиболее известных работ Радбрух утверждал, что справедливость – цель общего блага, правовая уверенность, вот те требования, которым должно соответствовать содержание и применение права [2, с. 228–238].

Г. Рабдрух строит теорию права в духе неокантианства, рассматривая приоритетность сферы сознания в деле формирования пространства опыта, отрицая тем самым тезис определения сознания непредметным миром «вещей в себе». В результате деятельная активность человека в мире, его отношение к действительности определяется целевыми установками. В сфере культуры целевая установка направлена на достижение ценности, в широком контексте – системы ценностей. Такая позиция позволяет выводить право «из более высоких и, наконец, наивысших и последних ценностей» [2, с. 43].

Ученый делает важное заключение: «Мы учимся от Канта, что нельзя из того, что существует, определить, что является ценным, истинным или должным. Ничто не может быть истинным лишь потому, что оно существует, существовало или будет существовать» [2, с. 43]. Из этого утверждения следует отказ от позитивизма, который опирается на существующее, отказ от историзма, который опирается на прошлое, и даже отказ от эволюционизма, который рассматривает все как процесс развития.

Даже знание не позволяет нам судить о правильности развития в данном направлении. Поэтому неизбежное необязательно является тем, к чему нужно стремиться, а невозможное не всегда является неправильным. Само стремление к невозможному, даже в случае если оно исходит из общих положений о должном (а не реальном сущем), когда оценка действительности происходит согласно ценностным идеалам, есть движение к общему благу. Суть этой концепции заключается в том, что ценности и реальность существуют независимо друг от друга в своих собственных изолированных сферах (методологический дуализм) [4].

Тем не менее даже такая справедливость не удовлетворяет автора, поскольку

она остается чисто формальной идеей. Она предполагает равное обращение с равными и неравное с неравными, но не предоставляет конкретного масштаба для этого равенства и неравенства. Этот масштаб должен быть определен другими способами, т. к. справедливость сама по себе не предоставляет ответа на вопрос о том, что следует рассматривать как равное и что как неравное. Например, если рассматривать применение справедливости к ситуации с двумя преступниками, совершившими одинаковое преступление, она не может определить, должны ли они получить одинаковое наказание или разное. Это зависит от различных факторов, таких как их прежние судимости, сроки наказания и степень угрозы, которую они представляют для общества. Следовательно, «справедливость» Радбруха представляет собой формальную концепцию. Она требует равного обращения в том смысле, что не допускается исключений из уже существующих законов, отказывается от юридического произвола и признает законность только в указанном контексте.

Таким образом, исходя из этих идей о справедливости права, Радбрух разработал свой тезис о «несправедливом законе». Он утверждал, что закон, который грубо нарушает основные этические принципы, не может считаться законом. Эта идея стала основой для его критики нацистского законодательства и впоследствии была принята в поствоенном немецком и международном праве. «Формула Радбруха» предполагает, что, когда противоречие между законом и справедливостью становится невыносимым, закон теряет свою юридическую силу. Собственно, формулировка данного тезиса стала реакцией Г. Радбруха на время становления нацистского режима, когда оказалось возможным свести понимание природы права только к его форме (т. е. к формальному пониманию справедливости). Так, примерами крайней несправедливости Г. Радбрух называет законы, лишавшие людей всех человеческих прав (десубъективизация), а также поощряющие на убийство своих противников, при этом наказывая за аналогичные преступления против своих сторонников (отрицание методологического равенства) [1, с. 75]. Отметим, что в «формуле Радбруха» выделяют два отчасти совпадающих критерия, при которых закон не должен считаться правом: критерий «невыносимой несправедливости закона» (невыносимости) и критерий «отрицания законом справедливости» (отрицания).

В целом ключевая неопределенность в теоретическом подходе Г. Радбруха состоит в том, что в одном случае философ определяет ценностную равнозначность справедливости, стабильности и целесообразности, а в другом – представляет их соподчиненность, иерархическая вершина которой замыкается на справедливости. При этом каждая из трех составных аспектов идеи права не должна отрицать остальные. Очевидно, что жизненный путь мыслителя во многом предопределил эту противоречивость, заставив признать необходимость морального минимума в праве, который должен быть в приоритете над формальными принципами.

Список источников

1. Гришин К.С. Довоенная и послевоенная концепции права в философии Густава Радбруха // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2024. № 2. Т. 65.
2. Радбрух Г. Философия права / пер. с нем. Ю.М. Юмашева. М., 2004.
3. Фролова Е.А. Понятие права в философии Г. Радбруха // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5(137).
4. Раянов Ф.М. Проблемы теории и практики правового государства. Уфа, 2013.

References

1. Grishin K.S. Pre-war and post-war concepts of law in the philosophy of Gustav Radbruch // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2024. № 2. Vol. 65.
2. Radbruch G. Philosophy of Law / trans. from Germ. Yu.M. Yumasheva. Moscow, 2004.
3. Frolova E.A. The concept of law in the philosophy of G. Radbruch // Law and state: theory and practice. 2016. № 5 (137).
4. Rayanov F.M. Problems of the theory and practice of the rule of law. Ufa, 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Акиева Петимат Хасолтовна, *доктор исторических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права. Российская государственная академия интеллектуальной собственности. 117279, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 55а.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akieva Petimat Khasoltovna, *Grand PhD in Historical Sciences, Professor of the Department of Civil and Entrepreneurial Law. Russian State Academy of Intellectual Property. 55a, Miklukho-Maklaya St., Moscow 117279 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 206–213.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 206–213.

Научная статья
УДК 323(470)

МИССИЯ РОССИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ПРОЦЕССАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Беспалова Татьяна Викторовна
Государственный исторический музей, Москва, Российская Федерация,
tatianavereshag@yandex.ru

Собакарева Екатерина Валерьевна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
sobakarev70@mail.ru

Введение: *в статье рассматривается концептуальное переосмысление истории российского казачества с целью определения его миссии в условиях современных политических угроз, а также анализ отношения казаков к революции 1917 г. и специфики памяти казачества о Гражданской войне, его бескорыстном подвиге и служению России в самых экстремальных условиях.*

Материалы и методы: *ключевую роль в достижении цели исследования играют междисциплинарный подход (философия, политология, история, право), а также ряд общенаучных и специальных научных методов, таких как диалектический, исторический, сравнительно-правовой и прогностический, позволивших решить исследовательские задачи в полном объеме.*

Результаты исследования: *определяется миссия российского казачества в контексте исторической трансформации памяти казачества о Гражданской войне и служения России, выстраивается перечень рисков, возникших после начала специальной военной операции, и обозначается необходимость их минимизации или устранения в рамках обеспечения национальной безопасности России.*

Выводы и заключения: *миссия современного казачества кардинально отличается от прежних эпох, поскольку изменилась роль российского казачества в процессах служения Отчизне и рефлексии в отношении новой роли казачества в XXI в., что может реально повлиять на современные политические процессы. Предложена концептуализация сложных для осмысления периодов истории российского/советского/русского казачества.*

Ключевые слова: *миссия, казачество, герои, национальная безопасность, Россия.*

Для цитирования: Беспалова Т. В., Собакарева Е. В. *Миссия российского казачества в процессах обеспечения национальной безопасности России / Т. В. Беспалова, Е. В. Собакарева // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 206–213.*

Original paper

MISSION OF THE RUSSIAN COSSACKS IN THE PROCESSES OF ENSURING NATIONAL SECURITY OF RUSSIA

Bespalova Tatiana Viktorovna
State Historical Museum, Moscow, Russian Federation

Sobakareva Ekaterina Valeryevna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article examines the conceptual rethinking of the history of the Russian Cossacks in order to determine their mission in the context of modern political threats, as well as an analysis of the attitude of the Cossacks to the 1917 revolution and the specifics of the Cossacks' memory of the Civil War, their selfless feat and service to Russia in the most extreme conditions.*

Materials and methods: *the key role in achieving the goal of the study is played by an interdisciplinary approach (philosophy, political science, history, law), as well as a number of*

general scientific and special scientific methods, such as dialectical, historical, comparative legal and prognostic, which made it possible to solve the research problems in full.

Results of the study: *the mission of the Russian Cossacks is determined in the context of the historical transformation of the Cossacks' memory of the Civil War and service to Russia, a list of risks that arose after the start of the special military operation is compiled, and the need to minimize or eliminate them in the framework of ensuring Russia's national security is outlined.*

Findings and conclusions: *the mission of the modern Cossacks is fundamentally different from previous eras, since the role of the Russian Cossacks in the processes of serving the Fatherland and reflection on the new role of the Cossacks in the 21st century has changed, which can really affect modern political processes. A conceptualization of difficult to understand periods of the history of the Russian/Soviet/Russian Cossacks is proposed.*

Keywords: *mission, Cossacks, heroes, national security, Russia.*

For citation: Bespalova T. V., Sobakareva E. V. *Mission of the Russian Cossacks in the processes of ensuring national security of Russia / T. V. Bespalova, E. V. Sobakareva // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 206–213.*

Казак, помни – ты лицо России!

Современные типы войн изменили не только сущность войны и мира, но и всю систему ценностей человека XXI в., мотивацию ведения войны, ее сущность и форму [1]. Новый тип войны как средство манипуляции народом и технология свержения правительств в разных странах недооценивается основными акторами политических процессов, а преобладающее внимание ученых чаще уделяется аналитике военно-политических процессов иногда в ущерб поискам перспектив миротворчества. Прогностические сценарии [2] в отношении будущего человечества заставляют политиков иначе взглянуть на привычные социокультурные процессы, выстраивать стратегию действий в русле обеспечения не только национальной, но и глобальной безопасности.

Отношение казачества к революции 1917 г. стало основой последующего политического выбора – за советскую власть или против советской власти. Революция 1917 г. – великая русская революция или национальная трагедия? Историческая закономерность или случайность? [3] Ответ на этот вопрос дается различный представителями «красного» (великая русская революция) и «белого» казачества (национальная трагедия), и в научной литературе встречается подбор исторических фактов, связанный с субъективностью авторов, их мировоззренческими и политическими убеждениями.

Вопрос будущего российского казачества и его миссии в XXI в. обусловлен трансформацией социального статуса казачества, способностью казаков стремительно реагировать на изменения политической реальности и опережать время, предлагая парадоксальные варианты решения сложных вопросов. Сможет ли казачество, обладая особой системой ценностей, воспользоваться своими историческими возможностями (историческая память, специфика в восприятии Родины, «воля вольная», честь, достоинство, вера, служение и справедливость) или шанс повлиять на современные политические процессы будет упущен?

Миссию можно осмысливать в двух измерениях: как «поручение», «послание» – «оттенок библейских легенд» и как «стратегию». Миссия современного казачества кардинально отличается от прежних эпох, поскольку, на наш взгляд, изменилась роль российского казачества в процессах служения Отчизне и рефлексии в отношении новой роли казачества в XXI в. (при условии появления политического лидера) может реально повлиять на современные политические процессы. Предлагаем концептуализацию сложных для осмысления периодов истории российского/советского/русского казачества.

Гражданская война

Обозначение большевиками после Октябрьской революции принципов общественно-политического устройства означало утрату казаками особого правового статуса, что встретило неприятие со стороны части российского казачества, привело к расколу и гражданскому противостоянию казаков. Главной причиной начала Гражданской войны подавляющее большинство исследователей считает непризнание казачьими атаманами и войсковыми правительствами Советского правительства.

Проблема отношения казачества к Октябрьской революции, к военно-политическому противостоянию между противниками и сторонниками советской власти в казачьих обществах получила различные интерпретации в советской и эмигрантской

историографии. Однако независимо от выбора мировоззренческой позиции в обозначенном противостоянии ее сущность в социально-культурном контексте – трагедия любого народа (социума), когда происходит уничтожение генофонда единого народа, а насилие становится ведущим принципом функционирования власти и универсальным методом решения проблем. Метафорично трагизм междоусобной войны можно выразить одной строчкой: «А я стою один меж ними и всеми силами своими молюсь за тех, и за других...». Историю Гражданской войны не понять, не признав «две правды».

Гражданские войны кардинально меняют судьбы государств и цивилизаций. Братоубийственный характер и трагизм войны затрудняют оформление коллективных воспоминаний о противостоянии Красного и Белого движения (в семейных воспоминаниях часто присутствуют представители и тех, и других). Несмотря на то, что в гражданских войнах не бывает победителей («две правды», «брат на брата»), организация исторической памяти требует фиксации на концептуальном уровне политической силы, которая утвердила новую власть и создала наиболее выигрышный и патриотичный облик Отчизны. Особенно ярко это подтверждается анализом плакатного искусства – «красные» предлагают решение множественных проблем народа (Хлеб нам даст только Красная Армия, Знание разорвет цепи рабства) с акцентом на внешней угрозе (Враг у ворот! Он несет рабство, голод, смерть!) и взаимосвязи части белых с иностранной интервенцией (Деникинская банда). Утверждение власти большевиков в результате завершения гражданского противоборства «красные–белые» обусловило оформление организованной исторической памяти на основе советской идеологии.

На народном уровне раскол казачества в период Гражданской войны фиксируется как мировоззренческий, связанный со служением разным политическим ликам России (условно «белый лик патриотизма», «красный лик патриотизма», «русский лик патриотизма»), а на государственно-политическом уровне происходит формирование советского государства и советской идеологии, на основе которой выстраиваются взаимоотношения власти с казачеством. Наиболее ярко раскол российского казачества в период Гражданской войны описан в романе «Тихий Дон».

Романтизация Белого движения после 90-х гг. XX в. в современной культуре привела к частичной подмене смыслов, за кадром часто оставались факты сотрудничества белых с иностранной интервенцией, хотя подобные сюжеты можно выстроить и в отношении противоположной стороны, обозначая заинтересованные в революции 1917 г. политические силы. Однако есть четкие критерии подлинного патриотизма и служения Отчизне, не допускающие совершения политического действия на стороне противника, в случае Белого движения отдельные факты служения Вермахту, милитаристской Японии в известной степени привели к предательству национальных интересов нового советского государства.

Советский период

Неравномерность исследования советского периода истории казачества объяснима не только «переживаниями» по поводу утраты казаками традиционного образа жизни, но и дискуссионностью в научном пространстве по вопросам взаимоотношений власти и казачества, политических конфронтаций внутри казачьего сообщества, а также различных стратегий («холодных», «горячих», «теплых») оформления коллективных воспоминаний о травматическом прошлом. Именно «сложные» страницы истории используются различными политическими субъектами для вмешательства во внутренние дела российского государства, поэтому помимо исторической объективности приходится учитывать и существующий политический запрос. Речь не идет о ретушировании трагических событий в истории казачества, скорее возникает поиск гармонии между научной истиной и «здравым смыслом», не позволяющим довести до абсурда исторические смыслы через возможности очернения и критики собственной истории. История всегда формировала патриотические ценности, в том числе история казачества советского периода.

Часть казачества так и не признала советское государство, хотя оно было заинтересовано в диалоге с казачеством (особенно с гениями из казачьей среды), например, были попытки вернуть в СССР некоторых из них. По инициативе Н.С. Хрущева предлагалось возвращение из США С.Г. Королькова, известного русского скульптора и художника, перешедшего на сторону немцев в годы Великой Отечественной войны. Однако непримиримость С.Г. Королькова к советской власти, несмотря на участие в инициативе М.А. Шолохова (С. Корольков иллюстрировал роман «Тихий Дон»), не позволила ему вернуться.

Создание советского государства связано с формированием социалистического обще-

ства, советского патриотизма, созданием нового типа человека (человек труда), возникновением особого типа советской культуры, где стержнем стало стремление к истине, справедливости и воля человека к реальной власти. «Идейный» человек характеризует и русскую, и советскую традицию, но такой тип человека практически исчез из современности по причине доминирования потребительских ценностей.

В советский период созданы новые культурные архетипы: «мы наш, мы новый мир построим...», «скажут нам, что мы боги...» – для русского православного человека последние строчки могут показаться богохульством, тогда как для советского человека это безграничная вера в человека-героя, способного покорять любые горизонты [4]. В казачьих станицах наравне с русскими народными песнями часто исполнялись советские песни, например, «Казачья песня о Сталине» 1937 г. [5], и это не противоречило сложившимся ценностям. Факт принятия И. Сталина в казаки (инициатива донского казачества) говорит о многом. Попытка в 90-е гг. уравнять «сталинский» и «гитлеровский» режимы привела к девальвации советской истории, в том числе в восприятии части казачества, что неприемлемо в рамках великой истории России (дореволюционной – советской – постсоветской).

Трансформация социального статуса казачества в советский период обусловлена идеей построения «светлого будущего», идеологией социализма, в определенной степени совмещением православной веры («Казак без веры не казак») с идеей социальной справедливости и почитанием политических деятелей эпохи (совмещение в быту казаков православных икон с портретами советских вождей). Казачья культура гармонично вписалась в советскую культуру, именно в эту эпоху возникают великие литературные произведения («Тихий Дон» М. Шолохова), создаются известные кинофильмы («Кубанские казаки»), возрождаются профессиональные певческие коллективы (Кубанский казачий хор), казачьи ансамбли песни и пляски. «Первый космонавт среди казаков и первый казак среди космонавтов» – известная шутка В.В. Горбатко, генерал-майора авиации, советского космонавта, совершившего свой первый космический полет в октябре 1969 г. Эти и многие другие величайшие достижения российского казачества с гордостью вписаны в историю советского народа.

Влияние советской идеологии на развитие культуры привело к трансформации ментальных ценностей казачества и новому витку развития казачьей культуры, к сохранению его идентичности в рамках существующих экономических и политических условий, к подлинному служению Советскому государству.

Возрождение казачества

Возрождение казачества в 90-х гг. часто связывают со становлением «новой» России, хотя точнее вести речь о глобальной трансформации российской государственности – идеологической, культурной, экономической, политической. Масштабный запрос советского народа на ценность «свободы» оказался связан с проведением либеральных реформ в России, формированием «конструктивной» оппозиции, возникновением «русского вопроса», обострением проблем социальной справедливости и социальной защищенности общества, экономической стабильности, ностальгии по дружбе народов. Казачество активно включается в политические процессы, обозначая возможность своего возрождения как достижение наступившей эпохи «воли вольной».

Революция 1917 г., Гражданская война и другие события не позволили сформироваться казачеству в качестве этнической группы, социальная дифференциация казаков привела к их территориальному рассеиванию и утрате этнического признака, сословного и правового статуса.

Осмысление проблемы возрождения казачества возможно в двух различных измерениях. В 90-е гг. у казаков появилась реальная возможность инициировать процесс юридического признания казачества. В апреле 1991 г. принимается Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» (далее – Закон РСФСР № 1107-1). В его второй статье закреплено, что «репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество)». Казачество, недовольное политикой Советского государства, является «жертвой» политического режима (коллективизация, политика «расказачивания», репрессии), поэтому выстраивает собственное возрождение на основе «белой идеи» и творчества талантливой казачьей эмиграции.

Героическая история казачества непрерывна, вписана в историю русского, советского, российского народа, и независимо от исторической событийности казачество сохраняет свои главные сущностные черты – служение России верой и правдой. Признание им со-

ветских политических практик позволило достичь небывалых высот в науке, культуре, образовании, космосе, медицине и других сферах.

В случае первой интерпретации акцентировка на политике расказачивания, коллективизации и репрессиях в отношении казачества в советский период («казачество уходит из большой истории») приводит к возрождению казачества в 90-е гг., его реабилитации как жертвы политического режима. Это «работает» на идею о том, что казачество отдельный народ («реабилитация репрессированных народов»), независимо от того, что в Законе РСФСР № 1107-1 сказано, что «репрессированными признаются народы, нации, народности или этнические группы и иные *исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей*, например, *казачество*».

В случае второй интерпретации внимание концентрируется на трансформации ценностей казачества в советский период, когда православная вера совмещается с идеологией социализма и идеей построения «светлого будущего», с признанием политического режима и трепетным отношением к политическим деятелям советской эпохи. Это дает возможность, не отрицая трагедию политики расказачивания, выстроить его континуальную героическую историю и совместить некоторые элементы двух несовместимых подходов к истории возрождения российского казачества.

Особый интерес с точки зрения переосмысления прошлого представляет Декларация казачества России, принятая 29 ноября – 1 декабря 1990 г. Советом атаманов Союза казаков, где решено *считать Гражданскую войну законченной* и не делить казаков на «красных» и «белых». Несмотря на это снять противоречия в казачьей среде пока не удалось, что открывает границы новых горизонтов для лидеров казачьего движения и объединения казачества в новых политических конфликтах XXI в.

Возрождение казачества сопровождается изменением его социокультурной системы, пересмотром культурно-исторического прошлого, его величия и противоречивости в рамках новой политической реальности. В различные периоды истории казачества можно вести речь об изменении форм взаимодействия власти и казачества (политика «лицом к казачеству», «за советское казачество»), например, в советский период инициатором возвращения казачества в социально-политическую систему была власть, а в постсоветский период само российское казачество.

Политика советского государства была частично направлена на превращение казаков в часть крестьянства, что обусловлено советской идеологией, поэтому в постсоветский период помимо культурного возрождения на основе православной веры и русской культуры происходит возвращение казачества к традиционному хозяйственному укладу. Несмотря на утрату казачеством статуса военно-служилого сословия, военно-культурная традиция казачества оставалась востребованной, что способствовало сохранению культурной преемственности и социального статуса.

Культурные традиции представляют собой особый социокультурный ресурс процесса возрождения казачества, а восстановление казачьей культуры связано с развитием казачества и формированием лояльности власти. Одной из проблем процесса возрождения казачества становится мифологизация исторического дискурса, этническая идея и другие мифы, затрудняющие понимание подлинной сущности и миссии казачества, исторически связанной с бескорыстным служением Родине, несводимым к лояльности власти. Иногда возрождение казачьих традиций путают с устаревшими нормами жизни казаков, тогда как, напротив, актуализация казачьей культуры и традиций основана на ценностях служения, подлинной красоте казачьего быта, мудрости, вере, справедливости и чести.

Возрождение казачества обусловлено масштабным импульсом истории, вернувшей ему утраченный социальный статус, при этом подлинной ценой обретенной свободы не только для казачества, а для всех народов постсоветского пространства явилась утрата Родины, советской родины, СССР. Осмысление современным казачеством факта подписания Беловежских соглашений является критерием сохранения культурной преемственности и отстаивания духовной правды и исторической справедливости в XXI в. в рамках иной событийности.

Казачество в СВО

Против российской цивилизации (Россия, Украина, Белоруссия) и постсоветского пространства идет ментальная война, которая находится на втором месте после ядерной по опасности. Это не столько захват территорий или экономик, сколько захват картины мира, когда целые народы, цивилизации погружаются в искусственно созданную реальность, разрушается национальное самосознание и общая историческая память.

После разрушения СССР на границах бывших советских республик возникают воору-

женные конфликты (Приднестровье, Южная Осетия, Донбасс), образуются государства де-факто, так называемый «параллельный мир непризнанных территорий». Многие территории с исконно русским населением оказались вне пределов Российской Федерации, огромную роль в защите интересов русского и русскоязычного населения этих территорий и России сыграло казачество.

Управляемая Западом гражданская война на Украине (начиналась как ценностный конфликт – самый глубинный из всех видов конфликтов) переросла в глобальное межцивилизационное противостояние. В условиях ядерной эры любое прямое столкновение между ядерными державами при декларативном использовании новых типов оружия (тактическое ядерное оружие) приведет к уничтожению человечества. Объявление Россией специальной военной операции (далее – СВО) в феврале 2022 г. стало неожиданностью не только для мирового сообщества, но и для российских граждан.

В научном, экспертном и политическом сообществе возникло несколько взаимоисключающих подходов к осмыслению СВО, без обозначения которых преодоление возникших политических рисков не представляется возможным:

1. СВО – серьезное стратегическое решение российской власти, связанное с реализацией масштабного политического проекта, «собиранием» земель и нейтрализацией современных политических угроз.
2. СВО – способ возрождения русской идентичности и запуска нового политического проекта (евразийский, монархический, консервативный, экологический, неосоветский и др.).
3. СВО – «ловушка» для России, была объявлена на основе ложных разведданных в ситуации практически полного мира в регионе (учебные тревоги, минирование объектов, отдельные нарушения Минских соглашений были не критичны).
4. СВО – технология выявления «слабых мест» внутренней и внешней политики России с целью трансформации политического дискурса и смены власти.
5. СВО как фон избирательных кампаний в ряде государств и др.

Решение об СВО принималось в рамках дефицита политического времени и, как в любой военной операции, предполагало наличие реальных и декларативных целей. По причине незавершенности военно-политических процессов часть информации закрыта, выстраивание целостной исторической картины о событийности СВО пока невозможно.

Независимо от существующего многообразия подходов к целям и задачам СВО служение России остается главной ценностью русского, российского воинства и, конечно, казачества, которое поддержало СВО в рамках деятельности добровольческих казачьих батальонов. Неоспоримым фактом является героизм российских казаков (*10 Героев России*).

Изменение духовного смысла войн и вооруженных конфликтов в XXI в., взаимосвязь СВО с событиями в Крыму и на Донбассе в 2014 г., осмысление СВО в русле ядерной угрозы, войны в «серой зоне», возникновение феномена «военкоров» в СВО (ведение «цифровой войны») и многие другие вопросы обязывают казачество не только выполнять приказ, но и учитывать трансформацию современной войны. Особая миссия принадлежит военной разведке и контрразведке, «открытая» война между спецслужбами разных стран потребовала от казачества особой подготовки, психологической выносливости и мужества.

Новые типы войн, захлестнувшие мир с 2020 г. (гибридные, ментальные, информационно-психологические, когнитивные, войны в «серой» зоне, управляемые гражданские войны в интересах Запада), требуют от российского казачества не только служения России, но и учета сущности современных войн, формирования философии войны и мира, интегративной идеологии, осознания миссии России в XXI в. и образа будущего Союзного государства. Это предполагает принципиально новую роль казачества в современных политических процессах объединения постсоветского пространства.

События на Донбассе кардинально изменили расстановку политических сил в мире, привели к ухудшению международной ситуации, к изоляции России, к разрушению культурных, образовательных, научных, экономических связей со многими странами.

Инструментальное использование патриотизма в политике (и на Украине, и в России создана мощная патриотичная пропаганда борьбы за интересы Родины, подкрепленная соответствующими нормативно-правовыми документами об измене Родине – максимальный срок за измену России до 20 лет, за измену Украине до 15 лет) приводит к столкновению братских народов в чуждых политических интересах.

Оформление памяти о ближайшем прошлом в культурном и образовательном пространстве, в том числе памяти о роли казачества в СВО, создает комплекс рисков, требующих их минимизации или устранения:

– незавершенность военно-политического процесса;

– ведение «новых» типов войн требует использования нового научного и политического языка для объяснения современной политической реальности;

– противоречие между содержанием «организованной» исторической памяти и «живой» народной памятью;

– отсутствие научной истории СВО;

– активность памяти очевидцев современных событий (миллионы людей владеют информацией и знанием, кардинально отличающимся от содержания конструируемой версии исторической памяти);

– наличие у казачества памяти о трагизме братоубийственной гражданской войны в сочетании с миссией служения России (Союзному государству);

– отсутствие документальной истории за частью экспонатов (музейные практики) отражает сущность современной войны;

– проведение «грубых» аналогий между современными политическими событиями и событиями Великой Отечественной войны.

Интеграция новых регионов в состав России (ДНР, ЛНР, Херсон, Запорожье) де-юре состоялась, де-факто территории российскими пока не являются. Наличие реальных и декларативных целей СВО затрудняет интерпретацию политических событий, особенно в интеллектуальной среде, что тоже можно отнести к комплексу рисков.

Ведение информационно-психологической, ментальной, когнитивной войны приводит к формированию ненависти между братскими народами и закреплению конфликта в памяти поколений уже не на десятилетия, а на столетия, а возможно, и навсегда, поэтому фиксация исторической памяти в культурном и образовательном пространстве о происходящих событиях требует особой деликатности, осторожности, научной дипломатии и своевременности.

Воинская культура казаков совмещается с православной мудростью, с высокой ответственностью за судьбу Отчизны и за будущее русского, российского народа и интересы российской цивилизации. Управляемая гражданская война в интересах Запада мотивирует казачество на выстраивание сложного восприятия происходящего с целью обеспечения национальной безопасности России. Обладая особой памятью о Гражданской войне, элементы которой присутствуют в противостоянии на Украине (признание этого факта Президентом России уже состоялось в интервью Такеру Карлсону) и в более ранних текстах [6], казачество способно предложить новый политический дискурс с целью обеспечения национальной безопасности России.

Список источников

1. Беспалова Т.В. Проблема миротворчества и научная дипломатия в современных военно-политических конфликтах. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/08/11/problema_mirotvorchestva_i_nauchnaya_diplomatiya_v_sovremennyh_voennopoliticheskih_konfliktah?ysclid=m3eft8eafz632310563 (дата обращения: 20.03.2025).

2. Беспалова Т.В. Знание-власть в контексте идеологического обоснования управленческих процессов и будущего России/Союзного государства. URL: https://ruskline.ru/analitika/2024/07/03/znanievlast_v_kontekste_ideologicheskogo_obosnovaniya_upravlencheskih_processov_i_buduwego_rossii__soyuznogo_gosudarstva (дата обращения: 20.03.2025).

3. Полканов В.Д. Великая Октябрьская социалистическая революция: закономерность или случайность? URL: https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-oktyabrskaya-sotsialisticheskaya-revolyutsiya-zakonomernost-ili-sluchaynost/viewer (дата обращения: 20.03.2025).

References

1. Bespalova T.V. The problem of peacekeeping and scientific diplomacy in modern military-political conflicts. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/08/11/problema_mirotvorchestva_i_nauchnaya_diplomatiya_v_sovremennyh_voennopoliticheskih_konfliktah?ysclid=m3eft8eafz632310563 (date of access: 20.03.2025).

2. Bespalova T.V. Knowledge-power in the contextofideologicaljustificationofmanagement processes and the future of Russia/Union State. URL: https://ruskline.ru/analitika/2024/07/03/znanievlast_v_kontekste_ideologicheskogo_obosnovaniya_upravlencheskih_processov_i_buduwego_rossii__soyuznogo_gosudarstva (date of access: 20.03.2025).

3. Polkanov V.D. The Great October Socialist Revolution: Regularity or Accident? URL: https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-oktyabrskaya-sotsialisticheskaya-revolyutsiya-zakonomernost-ili-sluchaynost/viewer (date of access: 20.03.2025).

4. Bespalova T.V. «Russian as Soviet and Soviet as Russian» in the processes of revival of the Union State in a new ideological dimension. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/05/02/

4. Беспалова Т.В. «Русское как советское и советское как русское» в процессах возрождения Союзного государства в новом идеологическом измерении. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/05/02/russkoe_kak_sovetskoe_i_sovetskoe_kak_russkoe (дата обращения: 20.03.2025).
5. Казачья песня о Сталине 1937 г. URL: Казачья песня о Сталине (вариант 2) (дата обращения: 20.03.2025).
6. Путин В.В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181 (дата обращения: 20.03.2025).

russkoe_kak_sovetskoe_i_sovetskoe_kak_russkoe (date of access: 20.03.2025).
5. Cossack song about Stalin, 1937. URL: Cossack song about Stalin (variant 2) (date of access: 20.03.2025).
6. Putin V.V. On the historical unity of Russians and Ukrainians. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/66181 (date of access: 20.03.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беспалова Татьяна Викторовна, *доктор философских наук, кандидат политических наук, профессор, хранитель музейных предметов I категории. Государственный исторический музей. 109012, Российская Федерация, г. Москва, Красная площадь, 1.*

Собакарева Екатерина Валерьевна, *научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bespalova Tatiana Viktorovna, *Grand PhD in Philosophy, PhD in Political Sciences, Professor, curator of museum objects of the first category. State Historical Museum. 1, Red Square, Moscow 109012 Russian Federation.*

Sobakareva Ekaterina Valeryevna, *Researcher at the Department of Organization of Scientific Research Work of the Scientific Research and Editorial Publishing Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 214–220.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 214–220.

Научная статья
УДК 128

КОДЕКС ПОЛИЦЕЙСКОЙ ЭТИКИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО ДОЛЖЕНСТВОВАНИЯ

Контарев Анатолий Александрович
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, anatolykontarew@rambler.ru

Введение: *статья посвящена выяснению общесоциального и корпоративно-профессионального значения кодексов полицейской этики, их роли в обеспечении эффективного решения задач полицейской деятельности. Автор рассматривает деонтологический аспект работы полиции, видя в нем социально значимую основу деятельности государственного служащего. В связи с этим в статье предлагается рассматривать кодексы полицейской этики в контексте социального долженствования, объясняющего их необходимость в качестве неюридического источника правил поведения.*

Материалы и методы: *в контексте изучения кодекса полицейской этики в связи с социальным долженствованием используются системный, дискрептивный, компаративный, исторический подходы; автор обращается к использованию элементов историографического метода, метода контент-анализа.*

Результаты исследования: *установлена связь явления кодекса полицейской этики и социального смысла полицейской работы, определены грани социального долженствования свода этических правил «Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», охарактеризовано аксиологическое содержание полицейской работы как служения обществу.*

Выводы и заключение: *Кодексы полицейской этики представляют собой свод правил поведения, выражающих нравственно-этическую основу полицейской службы, источником которых является культивируемый обществом смысл деятельности полиции, приобретающей социальное содержание и юридическое значение в контексте конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина. В этом смысле кодексы полицейской этики следует рассматривать в качестве формы социального долженствования, деонтологическое содержание которых не исчерпывается исполнением юридических обязанностей должностных лиц, но включает и нравственную основу в виде морального фактора, состоящего в системе нравственных ценностей, определяющих содержание служения обществу.*

Ключевые слова: *юридическая деонтология, социальное долженствование, полицейская этика, государственная служба, служение обществу.*

Для цитирования: Контарев А. А. *Кодекс полицейской этики в контексте социального долженствования / А. А. Конта*рев // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. *214–220.*

Original paper

THE CODE OF POLICE ETHICS IN THE CONTEXT OF SOCIAL DUTY

Kontarev Anatoly Alexandrovich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the article is devoted to clarifying the general social and corporate-professional significance of police ethics codes, their role in ensuring the effective solution of police tasks. The author examines the deontological aspect of police work, seeing in it a socially significant basis for the activities of a civil servant. In this regard, the article proposes to consider police ethics codes in the context of social obligation, explaining their necessity as a non-legal source of rules of conduct.*

Materials and methods: *in the context of studying the police ethics code in connection with social obligation, the systemic, discrepancy, comparative, historical approaches are used; the author turns to the use of elements of the historiographic method, the method of content analysis.*

Results of the study: *the connection between the phenomenon of the police code of ethics and the social meaning of police work has been established, the facets of social obligation of the set of ethical rules of the «Code of Ethics and Official Conduct of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation» have been determined, and the axiological content of police work as service to society has been characterized.*

Findings and conclusion: *Codes of police ethics are a set of rules of conduct expressing the moral and ethical basis of the police service, the source of which is the meaning of police activity cultivated by society, acquiring social content and legal significance in the context of constitutional guarantees of human and civil rights and freedoms. In this sense, codes of police ethics should be considered as a form of social obligation, the deontological content of which is not limited to the performance of legal duties of officials, but also includes a moral basis in the form of a moral factor consisting in a system of moral values that determine the content of service to society.*

Keywords: *legal deontology, social obligation, police ethics, public service, service to society.*

For citation: Kontarev A. A. *The code of police ethics in the context of social duty / A. A. Kontarev // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 214–220.*

Трудно найти сферу, более регламентированную законом, чем деятельность государственного служащего. Это объясняется статусом данной социальной категории граждан, определяемым их государственными функциями в системе госуправления. Поскольку госслужащий есть облеченный государственными полномочиями субъект, природа его деятельности имеет характер правоотношения, возникающего между государством, представленным государственным служащим и обществом, представленным гражданином, группой граждан и пр. Содержание статуса каждого из субъектов данного отношения есть совокупность определенных законом прав и обязанностей.

Сотрудник правоохранительных органов также является государственным служащим, но особенность его правового статуса состоит в предоставляемом законом праве принуждения, ограничения конституционных прав и свобод, что не характерно для других категорий государственных чиновников. Так, например, учитывая, что деятельность субъектов уголовно-процессуальной деятельности связана с ограничением конституционных прав и свобод, являющихся одной из базовых ценностей российского общества, ее регламентация приобретает детализированный характер, охватывая все ее стороны. Сказанное свойственно именно правоохранительной деятельности, поскольку государство, возлагая на себя ответственность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина (ст. 2 Конституции РФ), должно создать специальные (юридические) условия, гарантирующие их реализацию, когда ограничение (обоснованное и временное) приобретает форму строго регламентированной процедуры, осуществляемой специально уполномоченными субъектами, перечень которых установлен законом.

В связи с нормативным характером деятельности государственного служащего вообще и деятельности полицейского в частности возникает вполне резонный вопрос о смысле, значении кодексов государственных служащих и, соответственно, полицейских: «Зачем необходимо принятие подобного кодекса, который не имеет значения источника права, нарушение норм которого не влечет юридической ответственности, если деятельность госслужащего и так предельно регламентирована законом?».

Очевидно, этот вопрос адресован не только к нашей стране, но и ко многим другим странам мира, где принятие кодекса госслужащего, кодекса полицейского является давней традицией. Тем более что подобные кодексы приняты на глобальном и региональном уровнях, соответственно, ООН («Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка» от 17 декабря 1979 г.), Европейским Союзом («Европейский кодекс полицейской этики» от 19 сентября 2001 г.), что имеет значение рекомендации по принятию подобных кодексов странами-членами этих международных организаций.

В США известен Кодекс этики государственной службы США (Code of Ethics for Government Service), впервые принятый Конгрессом США 11 июня 1958 г., устанавливающий стандарты поведения госслужащих [1]. Этические основы службы становятся объектом пристального внимания в 1989 г., когда Конгрессом был принят закон «О реформе Закона об этике». Закон распро-

странил нормы этики на все ветви власти – законодательную, исполнительную и судебную. Через год после принятия этого закона был издан президентский приказ № 12731 «Принципы этики поведения должностных лиц и служащих государственного аппарата» [2, с. 60–71], распространяющий указанные нормы этики на всех госслужащих, включая должностных лиц самого низкого уровня. Таким образом, этические основы государственной службы в этой стране прошли путь от свода норм рекомендательного характера до обязательных норм, предусматривающих юридическую ответственность.

Значительную роль в регулировании государственной службы играют этические нормы в Китайской Народной Республике. В 2010 г. ЦК Коммунистической партии Китая был утвержден перечень этических правил поведения в отношении руководящих работников, состоящий из 52 пунктов. Данный кодекс имел статус закона, а нарушение его норм влекло административную либо уголовную ответственность. Си Цзиньпин, став в 2013 г. председателем КНР и главой государства, ввел более лаконичный кодекс для чиновников, состоящий всего из восьми пунктов. Кодексы госслужащих Китая можно назвать кодексами честности, т. к. главной их задачей является борьба с коррупцией и чванством чиновников.

Очевидно, в большинстве стран содержанием кодекса полицейских является перечень этических принципов и правил, регулирующих вопросы чести, защиты прав и свобод граждан, дисциплины. Однако не везде подобные кодексы предполагают правовые последствия несоблюдения их норм. Из приведенных примеров мы видим, что в США подобный перечень правил первоначально не включал юридические санкции, имел рекомендательное значение неюридического источника правил поведения. В дальнейшем же он приобрел статус закона. Что касается Китая, равно как и ряда других стран, то закрепляемые подобными документами правила поведения изначально имели юридический характер, предполагая санкции административного и уголовно-правового характера. В то же время примеры Нидерландов, Франции, ФРГ иллюстрируют традицию не юридического статуса предписаний подобных кодексов [3; 4, с. 88; 5].

Так или иначе предметом регулирования кодексов этики является поведение госслужащих как при осуществлении их профессиональной деятельности, так и во внеслужебное время. Это указывает на специфический характер норм данных документов, ориентированных не столько на реализацию профессиональных функций, сколько на социально приемлемую форму, отвечающую ожиданиям общества. Так, например, полицейский при осуществлении таких процессуальных действий, как досмотр или обыск, обязан руководствоваться порядком, закрепленным уголовно-процессуальным законодательством. Но при этом данные действия он должен осуществлять в пределах правил уважения, вежливости, не подвергая сомнению достоинства лиц, в отношении которых проводится мероприятие.

Речь идет не столько о соблюдении правил этикета общения, сколько о понимании нравственного значения деятельности полиции в целом, обусловленной конституционным положением о высшей ценности человека, его прав и свобод. Поэтому кодексы полицейской этики необходимы в качестве официально принятых предписаний, прежде всего не юридического, а нравственного характера, отражающих моральный облик сотрудника правопорядка, в качестве важнейшего условия осуществления его профессиональной деятельности. То есть значение совокупности профессиональных компетенций сотрудника полиции, включающей знания, умения и навыки, необходимые для осуществления профессиональной деятельности, стремится к нулю, если не базируется на морально-этическом фундаменте – совокупности нравственных ценностей, диктующих этические принципы поведения сотруднику органов внутренних дел. В этом смысле кодексы полицейской этики формулируют нравственный идеал, диктуемый полицейскому обществом, имеющий статус предписаний, нарушение которых влечет ответственность перед коллективом, где он служит, обществом, которому он служит, и перед собственной совестью. Служба в полиции предъявляет высокие морально-нравственные требования к сотруднику, позволяющие ему надлежащим образом выполнять возложенные на него обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, соблюдению Конституции, обеспечению общественной безопасности, законности и правопорядка.

Очевидно, что морально-нравственная основа службы в полиции формируется на основе понимания тех ожиданий, которые существуют в обществе в отношении служителей правопорядка – того, что должен и может полицейский в своих действиях, поступках, отвечая на вопрос о социаль-

но приемлемых рамках его поведения. Кодексы полицейской этики, таким образом, если они наделены функцией оптимизации отношений государства (в лице полиции) и общества, выступают в качестве формы социального долженствования, а их появление и функционирование столь же закономерно, сколь закономерно появление закона, определяющего правовой статус полицейского. В контексте социального долженствования кодекс полицейской этики является проявлением социальной закономерности функционирования полиции в правоохранительной системе общества, состоящей в устойчивой смысловой связи полицейской службы со служением обществу, являющейся квинтэссенцией государственной службы. Как подчеркивал такой выдающийся государственный чиновник, как К.П. Победоносцев, обер-прокурор Священного Синода, «дело власти есть дело непрерывного служения и потому, в сущности – дело самопожертвования» [6, с. 301].

Российский кодекс полицейской этики официально именуется как «Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» [7]. Его спецификой является то, что в качестве источника документа, согласно положению самого кодекса, выступает Конституция РФ и Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации». Это объясняет характерное сочетание нравственных и правовых требований, встречающееся в нем. Кодекс разъясняет, что закрепляемые им этические нормы, правила и требования не определяют государственно-правовой статус сотрудника, а их невыполнение не влечет юридической ответственности, но приводит сотрудника «…к утере им доброго имени и чести, лишению морального права на уважение, поддержку и доверие со стороны его коллег, руководителей (начальников) и других граждан» [7]. Важно отметить, что источником содержания документа является не только Конституция РФ и указанный федеральный закон о службе в органах внутренних дел, но и принятые в российском обществе нравственные принципы и ценности, а также лучшие профессиональные традиции органов внутренних дел нашей страны. Так, устанавливается контекст социального долженствования, состоящего в сведении смыслового значения нормативного массива к принятым в российском обществе и органах внутренних дел традиционным образцам поведения.

Примечательно, что большое внимание этической основе деятельности сотрудника органов внутренних дел уделялось еще в советской милиции. Речь идет о вежливом обращении с гражданами, получившим форму перечня принципов вежливости в приказе МВД СССР от 3.06.1969 № 235 «О вежливом и внимательном отношении работников милиции к гражданам» [8]. Так, в качестве главной нравственной обязанности милиционера документ провозгласил верную и добросовестную службу народу. Но морально-этическая основа полицейской службы стала рассматриваться в качестве базового условия функционирования полиции гораздо раньше. Так, подписанный 8 апреля 1782 г. Екатериной II «Устав благочиния или полицейский» помимо правового статуса полиции, ее системы и функций содержал нормы-принципы полицейской этики, составляющие обязательные этические требования, предъявляемые ко всем полицейским. Первое из этих норм-принципов, по форме очень напоминающих заповеди, гласило, что полицейский должен доводить дело до конца, быть преданным государю, закону, присяге [9].

Очевидно, что вопросы полицейской этики были актуальны во все периоды истории российской полиции, о чем свидетельствует множество нормативных документов морально-этического содержания, регламентирующих работу полицейских, вплоть до 1917 г. Что касается советской милиции, то актуализация этой проблематики относится к 1960-м гг. прошлого века, что обусловлено трансформациями советского политического режима того времени, утратившего жесткие формы авторитаризма.

Принятие первого кодекса полицейской этики в современной России состоялось в 2008 г., когда приказом МВД России от 24.12.2008 № 1138 «Об утверждении Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» он был утвержден. Время появления Кодекса не случайно совпадает с принятием Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», т. к. нравственный облик сотрудника правопорядка в контексте борьбы с коррупцией играет особую роль. Важно отметить, что в качестве источников содержания документ указывает не только на Конституцию РФ и законодательство, но и на «Общие принципы служебного поведения государственных служащих» [10], «Кодекс поведения должностных

лиц по поддержанию правопорядка» (принят Резолюцией 34/169 на 106-м на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН 17 декабря 1979 г.), «Европейский кодекс полицейской этики» (Принят Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2001 г.). В целом данный Кодекс характеризуется инкорпорацией принципиального содержания указанных международных документов, что может свидетельствовать о стремлении его авторов продемонстрировать включенность Российской Федерации в контекст международного порядка.

Говоря о современном «Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», следует отметить, что его отличие состоит, прежде всего, в позиционировании источников содержания как Конституции РФ и Закона о службе в органах внутренних дел Российской Федерации. В качестве такового указываются и традиции органов внутренних дел. Кроме того, последний кодекс выглядит более компактным, включает новую совокупность требований к сотруднику, касающихся обращения с личной и служебной информацией. В нем также не выделены нормы антикоррупционного поведения в отдельный раздел, как это было в предыдущем аналогичном документе.

Пожалуй, одной из основных особенностей российского Кодекса является акцент на нравственное долженствование, выступающего одной из форм социального долженствования. Требования, обращенные к сотруднику органов внутренних дел, сформулированы как совокупность принципов, предъявляемых обществом, а служебная деятельность рассматривается в контексте социально значимых целей, как социальное благо, что и сообщает ей нравственное содержание. В связи с этим поведение сотрудника органов внутренних дел имеет значение для служебной деятельности, т. к. оно должно соответствовать социальным ожиданиям. Учитывая, что профессиональная служебная деятельность сотрудника имеет деонтологическую основу, нарушение этических норм имеет значение дисциплинарного проступка, а последствия для совершившего подобный поступок могут иметь не только значение морального осуждения собранием коллектива, принятия во внимание аттестационными комиссиями, действующими в подразделениях, они могут иметь и прямые юридические последствия, вплоть до увольнения из органов внутренних дел.

Так, хотя нормы кодекса не имеют юридического содержания, некоторые из них пересекаются с указанными выше юридическими источниками. Сказанное, в частности, относится к положению об утрате сотрудником доброго имени и чести. Напомним, что согласно п. 5 Кодекса, невыполнение его норм ведет не только к утрате сотрудником чести и достоинства, но и к утрате уважения со стороны коллектива, его доверия, а также доверия руководителя. Анализ судебной практики позволяет утверждать, что по мотивам утраты чести и достоинства из органов внутренних дел уволено немало сотрудников. Юридическое основание увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы дают нормы, сформулированные в п. 1 ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», статьи 20–34 Закона РФ «О полиции» и ст. 81–98 Трудового кодекса РФ. Так, согласно п. 1 ч. 2 ст. 13 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», сотрудник «при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти» [11].

В то же время судебная практика учитывает этическую основу службы в органах внутренних дел, сформулированную в «Кодексе этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел», совокупность этических требований, предъявляемых к поведению сотрудника. Так, согласно позиции Конституционного Суда РФ, совершение сотрудником органов внутренних дел поступка, порочащего его честь и достоинство, является необходимым и достаточным основанием для его увольнения из органов внутренних дел. Это обусловлено тем, что сотрудником органов внутренних дел может быть лишь гражданин с высокими моральными качествами [12].

То есть, несмотря на то, что нормы Кодекса не имеют механизма юридической ответственности, их нарушение часто влечет такую ответственность, вплоть до увольнения со службы, благодаря их пересечению с нормами законодательства. Так, обобщение судебной практики позволяет утверждать, что понятие нарушения чести и достоинства со-

трудника органов внутренних дел включает следующий перечень значений: управление автотранспортом в нетрезвом виде, отказ от медицинского освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, скрытие факта выезда за пределы Российской Федерации, любого рода коррупционные деяния, искажение в отпускном удостоверении информации о месте проведения отпуска, вынос неоплаченного товара за пределы контрольной зоны магазина.

Возвращаясь к сформулированному в начале статьи вопросу о необходимости кодексов полицейской этики в условия жесткой и всесторонней регламентации служебной деятельности сотрудника полиции, необходимо отметить, что она обусловлена значением ее морально-этической составляющей, особой ролью, которую играют госслужащие вообще и полицейские в частности в жизни общества. По этой причине в органах внутренних дел должны служить и работать граждане, соответствующие высоким моральным стандартам, понимающие, что смысл их деятельности сводится к служению обществу. Как отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин, «если есть внутренняя потребность помогать людям и стране, тогда нужно идти и заниматься этим делом… Смысл, миссия государственной службы – в служении» [13].

В заключение необходимо подчеркнуть, что кодексы полицейской этики представляют собой свод правил поведения, выражающих нравственно-этическую основу полицейской службы, источником которых является культивируемый обществом смысл деятельности полиции, приобретающей социальное содержание и юридическое значение в контексте конституционных гарантий прав и свобод человека и гражданина. В этом смысле кодексы полицейской этики следует рассматривать в качестве формы социального долженствования, деонтологическое содержание которых не исчерпывается исполнением юридических обязанностей должностных лиц, но включает и нравственную основу в виде морального фактора, состоящего в системе нравственных ценностей, определяющих содержание служения обществу.

Список источников

1. House Document 103, 86th Congress, 1st Session – Passed by the Congress of the United States on July 11, 1958. URL: https://nlpc.org/code-ethics-government-service/ (дата обращения: 21.04.2025).
2. Митин А.Н., Кузнецов П.У. Международная практика борьбы с коррупцией // Право и управление. XXI век. 2019. № 2(51).
3. Policing in the Netherland. Den Haag, 2004; Подробно о «гражданских комиссиях», их роли, функциях, составе и деятельности // Организация деятельности органов внутренних дел зарубежных стран: сборник. М., 1991. Вып. 2–3.
4. Франке З. Профессиональная этика полицейского: пер. с нем. // Справочно-информационный фонд Академии МВД РФ. № 2262.
5. Code annoté de déontologie policière. Paris, 1991.
6. Новгородцев К.П. Власть и начальство // Московский сборник, 1901.
7. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26.06. 2020 № 460 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения со-трудников органов внутренних дел Российской Федерации». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. House Document 103, 86th Congress, 1st Session – Passed by the Congress of the United States on July 11, 1958. URL: https://nlpc.org/code-ethics-government-service/ (date of access: 21.04.2025).
2. Mitin A.N., Kuznetsov P.U. International practice of combating corruption // Law and Management. XXI century. 2019. № 2(51).
3. Policing in the Netherland. Den Haag, 2004; Details on «civil commissions», their role, functions, composition and activities // Organization of the activities of the internal affairs bodies of foreign countries: collection. Moscow, 1991. Issues 2–3.
4. Franke Z. Professional ethics of a police officer: trans. from it. // Reference and information fund of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. № 2262.
5. Code annoté de déontologie policière. Paris, 1991.
6. Novgorodtsev K.P. Authority and superiors // Moscow collection, 1901.
7. Code of ethics and official conduct of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 06.26. 2020 № 460 «On approval of the Code of ethics and official conduct of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation». Access from the legal system «ConsultantPlus».

8. Приказ МВД СССР «О вежливом и внимательном отношении работников милиции к гражданам» от 3 июня 1969 года № 235. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Пылев С.С. Духовно-нравственные и культурные основы деятельности полиции и милиции России (история и современность). М., 2003.
10. Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих: указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 // Собр. законодательства РФ. 2002. № 33. Ст. 3196; 2007. № 13. Ст. 1531.
11. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации: федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Демина Павла Александровича на нарушение его конституционных прав п. 9 ч. 3 ст. 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17.02.2015 № 278-О. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. URL: http://duma.gov.ru/news/47509/ (дата обращения: 07.02.2025).

8. Order of the Ministry of Internal Affairs of the USSR «On the polite and attentive attitude of police officers to citizens» dated June 3, 1969 № 235. Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. Pylev S.S. Spiritual, moral and cultural foundations of the activities of the police and militia of Russia (history and modernity). Moscow, 2003.
10. On approval of the general principles of official conduct of civil servants: decree of the President of the Russian Federation of 12.08.2002 № 885 // Coll. legislation of the Russian Federation. 2002. № 33. Art. 3196; 2007. № 13. Art. 1531.
11. On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation: federal law of 30.11.2011 № 342-FL. Access from the legal system «ConsultantPlus».
12. On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Pavel Aleksandrovich Demin on the violation of his constitutional rights, clause 9, part 3, art. 82 of the Federal Law «On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation»: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 17.02.2015 № 278-O. Access from the legal system «ConsultantPlus».
13. Putin V.V. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated January 15, 2020. URL: http://duma.gov.ru/news/47509/ (date of access: 07.02.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Контарев Анатолий Александрович, *доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83. ORCID: 0009-0008-7493-9922*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kontarev Anatoly Alexandrovich, *Grand PhD in Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 221–228.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 221–228.

Научная статья
УДК 323

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Крицкая Анна Александровна
Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, enigmaann@bk.ru

Шумилина Анастасия Борисовна
Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Nashum82@mail.ru

Малявина Анна Борисовна
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vicktoria22@mail.ru

Введение: *в настоящее время вопросы обеспечения национальной безопасности являются наиболее актуальными, что детерминировано нарастанием внешних вызовов и угроз, связанных с изменениями в сфере международных отношений, и требуют нормативно-правового регулирования. Сложность регулирования внешних и внутренних угроз и их регулирования усложняется современным состоянием геополитической и геоэкономической обстановкой в мире. В статье проводится анализ концептуальных основ государственно-правового регулирования национальной безопасности России, выделяются проблемные аспекты обеспечения государственной безопасности РФ в условиях современных вызовов и угроз.*

Материалы и методы: *данное исследование опирается на методологический инструментарий политико-правового анализа, применяемый при изучении современных политических процессов и технологий в целях теоретико-методологического исследования реализуемой в современной государственной политики в контексте обеспечения национальной безопасности. Авторы применяют методы общенаучного характера – анализ и синтез, индукция и дедукция. Исследование опирается на принцип всесторонности рассмотрения, диалектику абстрактного и конкретного, методологические подходы.*

Результаты исследования: *теоретическая и практическая значимость статьи проявляется в возможности углубленного изучения государственно-правовых аспектов обеспечения национальной безопасности в контексте трансформации внутренней и внешней политики и появления новых угроз национальной безопасности, требующих нормативно-правового регулирования.*

Выводы и заключения: *проведен анализ основных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения национальной безопасности современной России. На основании данного анализа сформулированы некоторые предложения по дальнейшему совершенствованию государственно-правовых аспектов реализации государственной политики по обеспечению национальной безопасности РФ с учетом международной обстановки и изменений в политико-правовом регулировании данного вопроса.*

Ключевые слова: *национальная безопасность, государственно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности, государственная безопасность, политико-правовые аспекты национальной безопасности, угрозы национальной безопасности, национальные интересы, стратегия национальной безопасности РФ.*

Для цитирования: Крицкая А. А., Шумилина А. Б., Малявина А. Б. *Государственно-правовые аспекты национальной безопасности Российской Федерации в условиях современности / А. А. Крицкая, А. Б. Шумилина, А. Б. Малявина // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 221–228.*

Original paper

STATE-LEGAL ASPECTS OF NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN MODERN CONDITIONS

Kritskaya Anna Alexandrovna
South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Shumilina Anastasia Borisovna
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Malyavina Anna Borisovna
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *at present, issues of ensuring national security are the most urgent, which is determined by the increase in external challenges and threats associated with changes in the sphere of international relations, and require legal regulation. The complexity of regulating external and internal threats and their regulation is complicated by the current state of the geopolitical and geo-economic situation in the world. The article analyzes the conceptual foundations of state and legal regulation of national security of Russia, highlights problematic aspects of ensuring state security of the Russian Federation in the context of modern challenges and threats.*

Materials and methods: *this study is based on the methodological tools of political and legal analysis used in the study of modern political processes and technologies for the purpose of theoretical and methodological research of the state policy implemented in the context of national security. The authors use general scientific methods - analysis and synthesis, induction and deduction. The study is based on the principle of comprehensive consideration, the dialectic of the abstract and the concrete, methodological approaches.*

Results of the study: *the theoretical and practical significance of the article is manifested in the possibility of an in-depth study of the state and legal aspects of ensuring national security in the context of the transformation of domestic and foreign policy and the emergence of new threats to national security that require legal regulation.*

Findings and conclusions: *an analysis of the main regulatory legal acts governing issues of ensuring national security in modern Russia was carried out. Based on this analysis, some proposals were formulated for further improvement of the state and legal aspects of the implementation of state policy to ensure national security of the Russian Federation, taking into account the international situation and changes in the political and legal regulation of this issue.*

Keywords: *national security, state and legal mechanisms for ensuring national security, state security, political and legal aspects of national security, threats to national security, national interests, national security strategy of the Russian Federation.*

For citation: Kritskaya A. A., Shumilina A. B., Malyavina A. B. *State-legal aspects of national security of the Russian Federation in modern conditions / A. A. Kritskaya, A. B. Shumilina, A. B. Malyavina Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 221–228.*

Изучение правовых основ национальной безопасности России на сегодняшний день выступает одним из главных пунктов на пути к обеспечению социальной безопасности российского общества. Теоретическими и практическими вопросами обеспечения национальной безопасности государств занимались ученые и специалисты разных отраслей – от юристов и политологов до работников силовых ведомств.

Наука и жизнь не стоят на месте, поэтому теоретические основы безопасности национальных государств ввиду постоянной актуальности достаточно подробно разработаны – в теоретико-практическое наследие входят различные концепции, доктрины, терминологическое обоснование, государственно-правовые нормы национального и международного уровня. Изменение исторических условий, прогресс научно-технической и гуманитарной мысли, развитие системы права и другие факторы повлияли на современное состояние теории национальной безопасности.

В юридической науке вопрос теоретического осмысления национальной безопасности государства разработан достаточно

хорошо, т. к. уже существуют правовые концепции обеспечения безопасности общества, личности и государства, обоснованы институты реализации данной функции государства, теория имеет обширную терминологию, а также осуществляется дальнейшее развитие. Любая правовая теория должна постоянно актуализироваться, иначе она потеряет свою юридическую значимость и прекратит работать на практике.

В теории национальной безопасности остается достаточно тем, требующих применения современных методов анализа, соотношения результатов исследований с новыми характеристиками общественной эволюции, изменением политико-правовых детерминант.

Но исторически в социальной действительности функция государства по обеспечению безопасности управляемого им общества как таковая не рассматривалась. Философы теоретически обосновывали безопасность общества и государства как создание благополучных, безопасных условий жизни людей.

Доктор юридических наук, профессор С. А. Воронцов, проанализировав в исторической ретроспективе процесс изменения и совершенствования методов обеспечения безопасности институтов общества и государства, выделил закономерности функционирования данного процесса, в которые входят следующие положения:

– понятийно функция обеспечения безопасности государства появилась вместе с его зарождением и последующим становлением, но на первых этапах рассматривалась как общая охранительная, в рамках многообразных правовых институтов государства, обособленно органы безопасности не выделялись;

– современная история показывает, что высокий уровень социального развития общества не исключает угроз безопасности;

– расслоение общества, усложнение его социальной структуры увеличивает и спектр угроз безопасности, которые модифицируются в соответствии с развитием сфер жизни социума;

– безопасность общества снижается при росте уровня угроз безопасности во всех сферах жизни государства;

– с эволюцией государства по мере усложнения системы государственного управления происходит и специализация общей функции государства по обеспечению безопасности;

– из общей функции выделяются политико-полицейская и обще-полицейская;

– деятельность органов, обеспечивающих внутреннюю и внешнюю безопасность государства, исторически традиционно контролировалась главой государства;

– служба безопасности является наиболее сильным инструментом в руках власти при оперативном разрешении острых политических конфликтов, выполнении задачи нейтрализации радикальных противников существующего строя, но малоэффективна при необходимости принятия стратегических, кардинальных, политических решений в кризисные моменты.

Современный мир изобилует вызовами и угрозами, что обусловлено рядом факторов, к числу которых относят эскалацию международных конфликтов, информационные и гибридные войны, регионализацию мировой политики, санкционное давление западных стран. США активно продвигает военную инфраструктуру НАТО на восток, приближаясь к границам России, наращивая внешнеполитическое влияние, невзирая на попытки РФ урегулировать конфликт интересов путем мирного и конструктивного диалога. В этих условиях актуальность приобретает проблема обеспечения национальной безопасности. Особенно важной данная проблематика является для такого независимого, мощного, богатого ресурсами государства, как Российская Федерация.

Государственная политика в сфере обеспечения национальной безопасности должна быть направлена в первую очередь на целостность, политическую стабильность страны, способность противостоять деструктивному влиянию внутренних и внешних факторов. Реализация данного курса напрямую зависит от государственно-правовых механизмов, степени их эффективности и учета комплексности и системности рассматриваемого явления. Государство и его институты выступают единственным средством, способным в условиях постоянно изменяющейся окружающей среды выработать устойчивую, действенную систему мер и инструментов. В связи с этим в данной статье мы рассмотрим политико-правовой и государственно-правовой аспекты нацио-

нальной безопасности как фундаментальные и приоритетные.

Рассматривая терминологию феномена безопасности и в частности национальной безопасности, стоит отметить, что научным сообществом не принято единого определения, в связи с чем существует множество разнообразных концепций и взглядов исследователей. В политологии возникновение необходимости дифференциации государственной безопасности и ее трактовки возникло после Второй мировой войны. США стала первой страной, закрепившей данный термин на государственном уровне с принятием закона «О национальной безопасности», заложив таким образом тенденцию к теоретическому и практическому исследованию по всему миру. Тем не менее выделение рассматриваемого вида безопасности как самостоятельной части государственной политики в России произошло только после распада СССР [1].

Социальная природа государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности обусловлена необходимостью защиты интересов общества и государства от внешних и внутренних угроз. Этот механизм формируется в контексте правовых норм, которые регулируют взаимодействие между государственными институтами и гражданами, создавая правовую основу для обеспечения стабильности и порядка. Важным аспектом является учет социальных потребностей и интересов различных групп населения, что способствует справедливости и легитимности действий государства. Таким образом, социальная природа данного механизма отражает динамичное взаимодействие между правом, государственными структурами и гражданским обществом, направленное на поддержание безопасности и устойчивого развития.

Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности представляет собой систему государственных институтов последовательно организованных, действующих поэтапно и на основе официальных нормативных установок осуществляющих деятельность по поддержанию правовых и институциональных механизмов, ресурсных возможностей государства и общества на уровне, отвечающем национальным интересам [2].

Функции государственно-правового механизма обеспечения национальной безопасности осуществляются посредством взаимодействующих между собой государственных организационных институтов [3]. Концептуальную и правовую основу современной российской системы национальной безопасности составляют Конституция РФ, федеральные законы от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» и от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» другие федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ.

Первым правовым актом, заложившим основу теоретической и практической деятельности в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, является утвержденный Указом Президента России от 5.03.1992 Закон «О безопасности» [4]. Этот закон вывел понятие безопасности за рамки государственно-властных структур и закрепил принципиально новый для нашей страны концептуальный подход к проблеме безопасности, что проявилось в прекращении полного игнорирования интересов личности и общества, по крайней мере на нормативном уровне [5, с. 90–99].

Прогрессивность данного нормативного правового акта также обусловлена его системным подходом к национальной безопасности, раскрытию многоаспектности данного явления [6]. Понимание безопасности вышло за рамки триады «личность, общество, государство» и стало рассматриваться с точки зрения внутренних и внешних угроз, классификации по сферам жизнедеятельности общества.

Различиями рассматриваемых нормативных правовых актов также стало отсутствие в новом федеральном законе описания системы безопасности и ее элементов. Следовательно, мы можем говорить о смещении акцента с общества, личной ответственности граждан в сторону комплексной системы, основанной на государственно-правовых механизмах регулирования. Принципиально важным становится аспект приоритетности предупредительных мер по выявлению и противодействию внутренним и внешним угрозам безопасности, отсутствовавший ранее.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, принятая Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (далее – Стратегия) [7], представляет собой ком-

плексный документ, который определяет основные приоритеты и направления государственной политики в области обеспечения государственной безопасности. В условиях динамично изменяющегося мирового порядка и нарастающих угроз, связанных с глобализацией, технологическими изменениями и геополитическими конфликтами, Стратегия акцентирует внимание на необходимости формирования устойчивой системы национальной безопасности, способной эффективно реагировать на вызовы как внутреннего, так и внешнего характера.

Важнейшим аспектом Стратегии является признание многофакторного характера угроз, охватывающего не только военные и политические аспекты, но и экономические, социальные, информационные и экологические компоненты. Это подчеркивает необходимость интеграции различных областей государственной деятельности для достижения синергетического эффекта в обеспечении безопасности. Стратегия также акцентирует внимание на роли гражданского общества и частного сектора в формировании безопасной среды, что предполагает активное взаимодействие между государственными органами и обществом.

Рассматриваемый документ подчеркивает важность научно-технического прогресса как ключевого фактора в укреплении национальной безопасности. Развитие инновационных технологий, кибербезопасности и информационных систем рассматривается как стратегически важное направление, способствующее повышению конкурентоспособности России на международной арене и обеспечению защиты от новых видов угроз.

Кроме того, Стратегия акцентирует внимание на необходимости укрепления международного сотрудничества в области безопасности, что подразумевает активное участие России в многосторонних форумах и организациях. Взаимодействие с другими государствами и международными структурами рассматривается как важный инструмент для противодействия транснациональным вызовам, таким как терроризм, организованная преступность и экологические катастрофы.

Политико-правовые аспекты обеспечения национальной безопасности России представляют собой интегративный подход, который сочетает в себе элементы государственной политики и правового регулирования, направленные на создание устойчивой системы защиты интересов государства и общества.

В контексте политической сферы обеспечение национальной безопасности включает в себя формирование и реализацию государственной политики, которая основывается на принципах суверенитета, территориальной целостности и защиты прав граждан.

Кроме того, политико-правовые аспекты включают в себя международные обязательства России в области безопасности, что предполагает активное участие страны в многосторонних договорах и соглашениях. Это взаимодействие не только укрепляет двусторонние и многосторонние отношения, но и способствует формированию общего правового поля для борьбы с транснациональными угрозами.

Так, с точки зрения обеспечения национальных интересов и безопасности России от внешних угроз особое значение имеет Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 [8].

В настоящее время одной из важных задач, стоящих перед государством, в рамках обеспечения национальной безопасности является сохранение российской нации – это демографический вопрос, духовно-нравственное и физическое здоровье народа, образование и патриотическое воспитание, возрождение национальной культуры, что также становится актуальным вопросом государственно-правового регулирования.

Важным направлением обеспечения национальной безопасности является учет обширности территории российского государства и вытекающая отсюда взвешенная региональная политика, учитывающая баланс интересов центра и периферии, всех субъектов Российской Федерации, находящихся в разных климатических условиях, обладающих разным социально-экономическим и человеческим потенциалом, что становится предметом политико-правового регулирования в том числе на региональном уровне.

Нормативно-регулятивный компонент обеспечивает нормативно-правовую базу для деятельности институтов, обеспечивающих национальную безопасность. Особенностью нашего законодательства является его рамочность, которая позволяет институтам безопасности использовать политические, экономические и силовые инструмен-

ты в своих целях, что в конечном итоге также приводит к разрыву реально существующей и нормативно прописанной модели обеспечения национальной безопасности.

Определены приоритетные направления внешней политики Российской Федерации (формирование справедливого и устойчивого мироустройства, верховенство права в международных отношениях, укрепление международного мира и безопасности, охрана окружающей среды и глобальное здравоохранение и др.), национальные интересы страны в указанной сфере и региональные направления внешней политики. Недостатки в политико-правовых аспектах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на современном этапе проявляются в нескольких ключевых направлениях, затрагивающих как теоретические, так и практические аспекты.

Во-первых, существует определенная дисгармония между стратегическими целями национальной безопасности и реальными механизмами их реализации. Несмотря на наличие формализованных документов, таких как концепции и стратегии, их практическое применение зачастую оказывается недостаточно эффективным. Это связано с отсутствием четких критериев оценки эффективности проводимых мероприятий, что затрудняет адаптацию политики к изменяющимся условиям внутренней и международной обстановки [9].

Во-вторых, правовая база, регулирующая вопросы безопасности, иногда оказывается неактуальной или избыточно громоздкой. Нормативные акты могут не учитывать быстро меняющиеся реалии, такие как новые формы угроз, включая киберугрозы и информационные войны. Это создает правовой вакуум, который может быть использован недоброжелателями, а также затрудняет работу правоохранительных органов и специальных служб.

В-третьих, недостаточное взаимодействие между различными государственными структурами и органами власти также является значительной проблемой. Отсутствие координации может приводить к дублированию функций и неэффективному распределению ресурсов. Это особенно актуально в условиях комплексных угроз, требующих межведомственного подхода и интеграции усилий различных служб.

Кроме того, следует отметить существенную проблему приведения в соответствие политико-правовых механизмов обеспечения безопасности на новых территориях Российской Федерации. Требуется проведение работы по разработке законодательства субъектов РФ, соответствующих нормам и принципам федерального законодательства и Конституции РФ. Особо стоит отметить, что существует кадровая проблема, заключающаяся в недостаточности специалистов, в том числе в области российского законодательства. В то же время обеспечение национальной безопасности на приграничных территориях в условиях проведения специальной военной операции имеет исключительное значение.

Таким образом, на современном этапе обеспечения национальной безопасности государственно-правовые и политико-правовые аспекты становятся ключевыми элементами в формировании эффективной системы защиты интересов государства и общества. Государственно-правовые аспекты включают в себя правовые нормы и механизмы, которые регулируют деятельность государственных органов, направленную на предотвращение угроз национальной безопасности. Эти нормы создают правовую основу для взаимодействия между различными институтами власти, обеспечивая координацию их действий и определяя полномочия, ответственность и процедуры.

С другой стороны, политико-правовые аспекты акцентируют внимание на взаимодействии политических сил и общественных институтов в контексте обеспечения безопасности. Они предполагают учет мнений и интересов гражданского общества, что способствует легитимизации принимаемых решений и действиям государственных органов.

Стратегической целью в вопросах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации является достижение такого уровня развития во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, который соответствовал бы статусу России как ведущей мировой державы. Занятие передовых позиций в мировом сообществе может надежно обеспечить национальную безопасность России как по внутренним, так и по внешним направлениям.

Таким образом, основными объектами процессов обеспечения национальной безопасности России являются защита национального суверенитета и территориальной

целостности государства. Российская политическая и правовая системы нуждаются в модернизации, а ее самая активная в последние годы составляющая часть – система обеспечения национальной безопасности должна быть переведена в соответствии с принципом кибернетики из состояния А (позитивное, то, что мы имеем) в состояние Б (нормативное, образцовое). При этом справедливым является утверждение об обратной связи – активная геополитическая деятельность, развитие правоохранительных органов и акцент на национальной безопасности, безусловно, влияет на трансформацию российской политической системы.

Современная российская политика не должна характеризоваться лишь состоянием защищенности государства. Национальная безопасность предполагает в первую очередь личностное начало. Акцент на личности в реальном положении дел позволит создать в действительности эффективное гражданское общество, которое станет катализатором качественной трансформации российской политической системы.

С изменением внешних и внутренних угроз необходимо динамичное изменение государственно-правовых норм и политико-правовых подходов к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, а также стоит отметить пересмотр некоторых нормативных правовых актов международного характера, используемых для повышения эффективности противодействия глобальных проблем.

Список источников

1. Основы национальной безопасности Российской Федерации / А.В. Понеделков, Т.П. Черкасова, О.А. Артюхин [и др.]. Ростов н/Д, 2020.
2. Удычак Ф.Н. Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2011.
3. Чеботарева И.Ю. Государственно-правовое обеспечение национальной безопасности в Российской Федерации. Майкоп, 2023.
4. О безопасности: закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Крицкая А.А. Политико-правовая характеристика национальной безопасности: история и современность // Духовно-нравственные основания национального единения и согласия в праве: сб. научных статей IV Всероссийской научно-практ. конф. (1 ноября 2024 г.). Ростов н/Д, 2025.
6. О безопасности: федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (посл. ред.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Майстренко Г.А. Обеспечение национальной безопасности: политико-правовые аспекты. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-politiko-pravovye-aspekty (дата обращения: 21.03.2025).
10. Воронцов С. Спецслужбы России. Ростов н/Д, 2006.

Reference

1. Fundamentals of National Security of the Russian Federation / A.V. Ponedelkov, T.P. Cherkasova, O.A. Artyukhin [et al.]. Rostov n / D, 2020.
2. Udychak F.N. State and legal mechanism for ensuring national security (theoretical and legal aspect): dis. ... PhD in Law. Krasnodar. 2011.
3. Chebotareva I.Yu. State and legal support for national security in the Russian Federation. Maykop, 2023.
4. On security: Law of the Russian Federation of 05.03.1992 № 2446-1. Access from the legal system «ConsultantPlus».
5. Kritskaya A.A. Political and legal characteristics of national security: history and modernity // Spiritual and moral foundations of national unity and harmony in law: collection. scientific articles of the IV All-Russian scientific-practical. conf. (November 1, 2024). Rostov-on-Don, 2025.
6. On security: federal law of 28.12.2010 № 390-FL (last ed.). Access from the legal system «ConsultantPlus».
7. On the National Security Strategy of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400. Access from the legal system «ConsultantPlus».
8. On approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of 31.03.2023 № 229. Access from the legal system «ConsultantPlus».
9. Maistrenko G.A. Ensuring national security: political and legal aspects. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-natsionalnoy-bezopasnosti-politiko-pravovye-aspekty (date of access: 21.03.2025).
10. Vorontsov S. Special services of Russia. Rostov-on-Don, 2006.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Крицкая Анна Александровна, *кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики. Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.*

Шумилина Анастасия Борисовна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права. Донской государственный технический университет. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.*

Малявина Анна Борисовна, *кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kritskaya Anna Alexandrovna, *PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics. South Russian Institute of Management – a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.*

Shumilina Anastasia Borisovna, *PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Commercial and Business Law. Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.*

Malyavina Anna Borisovna, *PhD in Political Sciences, Researcher at the Research and Editorial Department. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 229–234.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 229–234.

Научная статья
УДК 122, 130.3

СВОЕВРЕМЕННОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К ИДЕЕ СЛУЖЕНИЯ ОТЕЧЕСТВУ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Плотников Валерий Валерьевич
Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, Краснодар, Российская Федерация, antidoxiya84@mail.ru

Тумин Александр Юрьевич
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация, tumin-msk@mail.ru

Введение: *в статье рассматривается идея служения Отечеству в качестве ключевого социально-философского феномена, обретающего особую актуальность в современных условиях России. Мы рассматриваем два уровня проявления идеи служения Отечеству: во-первых, в системе национального самосознания, во-вторых, в социально-философском дискурсе. Философское осмысление служения Отечеству способно опережать и предвосхищать перемены на уровне общественного сознания, а также выступать фактором ускорения его развития. Обращение к идее служения Отечеству позволяет лучше понять современные социально-политические процессы в историческом контексте.*

Материалы и методы: *методологической базой исследования является историко-философский анализ и аксиологический подход, что позволило выявить сущностные характеристики служения Отечеству и его роль в консолидации общества. Авторы основываются на комплексном понимании истории России, согласно которому исторический процесс необходимым образом включает в себя еще и историю развития национального самосознания, формирование духовности.*

Результаты исследования: *показана историко-философская эволюция данного понятия в отечественной традиции – от имперских концепций долга перед государством до осмысления патриотизма мыслителями XIX–XX вв. и его трансформации в советский период. Уделено внимание онтологическим основаниям служения (взаимоотношению личности и государства, сакральному статусу Родины) и ценностному измерению патриотизма (долг, честь, самоотверженность, национальное самосознание). В результате обсуждения обоснована своевременность обращения к данной идее в условиях духовно-нравственных вызовов и необходимости укрепления российской государственности.*

Выводы и заключения: *в статье делается вывод о своевременности и актуальности обращения к патриотическому духовному наследию в отечественной философии. Исследование вносит вклад в философское обоснование возрождения патриотической идеи служения Родине, укорененной в национально-государственных ценностях.*

Ключевые слова: *долг, служение Отечеству, Родина, патриотизм, национальное самосознание, ценности, честь.*

Для цитирования: Плотников В. В., Тумин А. Ю. *Своевременность обращения к идее служения Отечеству в философском дискурсе / В. В. Плотников, А. Ю. Тумин // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 229–234.*

Original paper

TIMELINESS OF APPEALING TO THE IDEA OF SERVICE TO THE FATHERLAND IN PHILOSOPHICAL DISCOURSE

Plotnikov Valery Valerievich
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Tumin Alexander Yuryevich
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Moscow, Russian Federation

Introduction: *the article examines the idea of serving the Fatherland as a key socio-philosophical phenomenon that is becoming especially relevant in the modern conditions of Russia. We consider two levels of manifestation of the idea of serving the Fatherland: firstly, in the system of national self-awareness, and secondly, in socio-philosophical discourse. Philosophical understanding of serving the Fatherland is able to outpace and anticipate changes at the level of public consciousness, as well as act as a factor in accelerating its development. An appeal to the idea of serving the Fatherland allows us to better understand modern socio-political processes in a historical context.*

Materials and methods: *the methodological basis of the study is historical and philosophical analysis and an axiological approach, which made it possible to identify the essential characteristics of serving the Fatherland and its role in the consolidation of society. The authors rely on a comprehensive understanding of the history of Russia, according to which the historical process necessarily includes the history of the development of national self-awareness, the formation of spirituality.*

Results of the study: *the historical and philosophical evolution of this concept in the domestic tradition is shown – from the imperial concepts of duty to the state to the understanding of patriotism by thinkers of the 19th-20th centuries and its transformation in the Soviet period. Attention is paid to the ontological foundations of service (the relationship between the individual and the state, the sacred status of the Motherland) and the value dimension of patriotism (duty, honor, selflessness, national identity). As a result of the discussion, the timeliness of turning to this idea in the context of spiritual and moral challenges and the need to strengthen Russian statehood is substantiated.*

Findings and conclusions: *the article concludes that it is timely and relevant to turn to the patriotic spiritual heritage in domestic philosophy. The study contributes to the philosophical justification for the revival of the patriotic idea of serving the Motherland, rooted in national and state values.*

Keywords: *duty, service to the Fatherland, Homeland, patriotism, national identity, values, honor.*

For citation: Plotnikov V. V., Tumin A. Y. *Timeliness of appealing to the idea of service to the fatherland in philosophical discourse / V. V. Plotnikov, A. Y. Tumin // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 229–234.*

Служение Отечеству и патриотизм традиционно выступают в роли важнейших оснований жизни народа и государства, обеспечивая их историческую стойкость и безопасность [1]. На рубеже XX–XXI вв. значимость этих ценностей для России возросла в связи с социально-идеологическими потрясениями. Турбулентность лихих 90-х гг. сопровождалась утратой прежних духовно-нравственных ориентиров: в системе ценностей молодежи резко упал престиж понятий «честь», «долг», «служение Отечеству», «самоотверженность», «патриотизм», которые вытеснялись культом материального успеха любой ценой [1]. Данное обесценивание привело к кризису гражданской идентичности и падению престижа служебной и военной деятельности. Лишь в последующее десятилетие пришло понимание, что возрождение России невозможно без восстановления патриотических чувств народа и готовности к самоотверженному служению Родине. В современных условиях задача целенаправленного государственно-патриотического воспитания, особенно молодежи, обрела статус одной из приоритетных для укрепления общества и государства.

Историко-философский контекст показывает, что идея служения Отечеству на протяжении веков неоднократно выходила на первый план в переломные эпохи. Данная тема осмыслялась по-разному в разные периоды истории, о чем мы уже говорили ранее [2, с. 155–163], однако во времена государственных кризисов, войн и смен цивилизационных парадигм обращение к идеалам патриотизма и долга выступало важнейшим фактором выживания и сплочения нации. Следовательно, обращение к идее служения Родине не является конъюнктурой момента, а опирается на глубокую традицию, каждый раз актуализируясь перед лицом исторических вызовов [2, с. 155].

Вместе с тем современная социально-философская ситуация требует нового теоретического осмысления данной идеи. Необходимо проанализировать, какое бытийное место занимает служение Отечеству в системе отношений личности, общества и государства и какие ключевые ценности (долг, честь, верность, солидарность и др.) оно вбирает в себя. Настоящее исследование нацелено на историко-философский анализ генезиса и эволюции идеи служения Родине в отечественной мысли, а также на выявление ее онтологических оснований и аксиологических смыслов. Целью работы является философское обоснование своевременности воз-

врата к идеалу служения своему Отечеству в условиях современной России.

Методологическая база работы опирается на принцип историзма и комплексный историко-философский метод. Понятие служения Отечеству рассматривается в генетическом ключе: путем реконструкции его смысловых трансформаций в различные эпохи российской истории. Для этого мы применяем герменевтический анализ произведений отечественных мыслителей и идеологов, в которых отражены представления о патриотизме и долге. Применяется системный подход, учитывающий взаимосвязь идеи служения с социально-политическим контекстом (государственное устройство, войны, кризисы и т. д.), а также компаративный анализ – сопоставление различных исторических интерпретаций патриотизма. При таком подходе патриотизм обнаруживает себя в качестве системообразующего принципа социальной реальности, выступая не только в качестве основы государственности, но и в качестве одного из оснований правосознания в гражданской среде [3, с. 127–131].

Важное методологическое значение имеет обращение к онтологическому и аксиологическому аспекту патриотизма. Идея служения Родине исследуется с точки зрения ее укорененности в бытии общества и человека, ее места в структуре социального целого (отношения «личность – общество – государство»). Ценностный анализ позволяет выявить ядро нравственных ценностей, связанных со служением Отечеству (понятия долга, чести, верности, жертвенности). Также сущностное исследование феномена патриотизма предполагает задействование теоретико-методологических принципов концептуального анализа, с целью прояснения общего смысла понятия «патриотизм» в меняющемся социокультурном контексте [4, с. 40–53]. Такой междисциплинарный и многоуровневый подход обеспечил целостное философское постижение феномена патриотического служения, объединяя инструменты социальной философии, истории философии, этики и теории ценностей.

Идеал служения своему Отечеству оформлялся постепенно на протяжении истории России, отражая специфику каждой эпохи. В допетровский период служение носило преимущественно характер верности монарху и православию в рамках сословно-государственной системы, не будучи осмыслено как самостоятельная философская категория. Коренной сдвиг произошел в Петровскую эпоху и вскоре после нее.

После превращения России в империю понятие «Отечество» вышло на первый план и обрело статус базовой духовно-политической ценности, отличной от узко династических или этнических привязанностей [5]. Одновременно рационалистическая западноевропейская теория общего блага была творчески переработана: при Петре I она трансформировалась в идею «пользы Отечества», став светской общенациональной идеологемой раннемодерной России. Государственная служба превратилась в главный канал самореализации дворянства, узаконив представление о том, что личное благородство определяется верностью государю и Родине.

В XIX в. идея патриотического служения получила дальнейшее развитие как на уровне официальной идеологии, так и в рамках интеллектуальных течений. Официальный лозунг «Православие, Самодержавие, Народность» провозглашал верность Отечеству (в лице монарха и традиций) основой государственной жизни. Русские мыслители искали философское наполнение национальной идеи: славянофилы подчеркивали духовное единство народа, веру и соборность как фундамент служения Родине, тогда как западники (например, П.Я. Чаадаев) призывали критически переосмыслить исторический путь России во имя ее же блага, что порождало острые споры о сущности патриотизма. Тем не менее и консервативные государственники, и критически настроенные интеллектуалы сходились в признании высокой нравственной ценности бескорыстного служения своему народу [6].

Начало XX в. – эпоха войн и революций – еще более обострило патриотическую проблематику. На фоне потрясений ряд религиозных философов стремился отделить истинный патриотизм от шовинистического национализма. Так, Н.А. Бердяев указывал на «ошибочность отождествления национализма с патриотизмом» [7, с. 234], подчеркивая, что слепое превознесение собственного народа и ненависть к чужому не имеют ничего общего с подлинной любовью к Родине. Патриотизм понимался им именно как духовно-нравственная категория, совместимая с христианской добродетелью, а не как политический культ силы.

После катастрофы 1917 г. тема служения Отечеству приобрела трагический оттенок: гражданская война расколола понятие патриотического долга. Одни связывали его с защитой «старой» России, другие – с революционным переустройством. Значительная часть русского зарубежья (И.А. Ильин, В.В. Розанов, П.Б. Струве и др.) обратилась к поиску «русской идеи», пытаясь осмыслить, на каких ценностях может основываться любовь к Родине в условиях крушения прежнего государственного строя. Ильин особо подчеркивал, что патриотизм имеет глубокое духовное измерение и не терпит подмены идеологией: он резко критиковал так называемый советский патриотизм, считая, что тот превращен в лояльность к государственной форме вместо любви к живому Отечеству [8].

В Советском Союзе идеология первоначально отвергала прежнюю патриотическую традицию как «буржуазную», делая акцент на интернационализме и классовой солидарности. Однако уже в 1930–1940-е гг., особенно с начала Великой Отечественной войны, риторика служения Родине вернулась в официальный дискурс. Патриотизм советского образца заключался в преданности социалистическому Отечеству, хотя фактически часто отождествлялся с преданностью партии и государственному руководству. Со временем понятие «служение Отечеству» вновь обрело позитивное звучание, связанное с доблестью фронтовиков и трудовыми подвигами граждан во имя страны. Однако духовно-философское содержание оставалось размытым: любовь к Родине подчинялась идеологическим догмам. Тем не менее историческая память о самоотверженном служении народа в годы тяжких испытаний сохранялась как важнейший ресурс национального самосознания.

Распад СССР вновь поставил вопрос о нравственных основах общества. На исходе XX в. выяснилось, что без объединяющей национальной идеи – ядром которой выступает патриотизм – устойчивое развитие страны затруднительно. Ценностный вакуум 1990-х гг. постепенно сменился возрождением государственного дискурса о патриотизме. В российской политике и общественной жизни начала XXI в. наблюдается синтез исторических форм патриотической идеологии: апелляция к наследию Победы в Великой Отечественной войне, восстановление уважения к дореволюционным патриотическим традициям, акцент на особой роли государства как выразителя народных интересов. Осознание того, что готовность граждан к служению Отечеству является условием консолидации общества и укрепления государственности, зафиксировано в официальных документах и программах воспитания [1]. Тем самым идея служения Родине вновь заняла центральное место в системе ценностей российского общества, выступая связующим звеном между прошлым и будущим страны.

Философский анализ выявляет, что служение Отечеству в отечественной традиции мыслится не просто как утилитарное исполнение гражданских обязанностей, но как экзистенциальный выбор человека. Онтологически это выражается в особом типе отношения личности и целого: индивид воспринимает себя неотъемлемой частью народа, страны, государства и обретает полноту бытия через сопричастность судьбе Родины. В русской мысли укоренено представление о духовном единстве народа (идея соборности), в рамках которого личность преодолевает эгоистическое обособление и раскрывает себя в служении общему благу. Служение понимается как соединение личной свободы с высшим смыслом – служением истине, Богу, исторической миссии, воплощенной в Родине. Недаром в дореволюционной России говорили о священном долге перед царем и Отечеством, а советская формула «За Родину!» апеллировала к почти религиозному чувству святости родной земли.

Ценностно-нравственное содержание патриотического служения включает в себя комплекс добродетелей. Прежде всего, это долг – сознательное признание личной ответственности перед Отечеством, готовность поставить общее благо выше личных интересов. Рядом стоят ценности чести, верности, мужественности. История выработала множество образцов, когда эти идеалы становились реальностью: от подвигов солдат, отдававших жизнь «за други своя», до самоотверженного труда в тылу или бескорыстного служения науке и просвещению во имя процветания Родины [8]. Таким образом, служение Отечеству выступает моральным императивом, требующим от человека духовного усилия – преодоления эгоизма, материализма, партикуляризма – ради высших ценностей.

Отечественные мыслители подчеркивали, что любовь к Родине не должна перерождаться во вражду к «чужим». Истинный патриотизм носит творческий, жизнеутверждающий характер. И.А. Ильин прямо указывал: тот, кто не знает, что такое дух, «не имеет и патриотизма» [9], а настоящий патриот не способен ненавидеть другие народы, ибо он видит их духовную силу и достижения. Патриотическая любовь, по Ильину, имеет сверхнациональную природу – она открыта к универсальным ценностям и поэтому не вступает в противоречие с уважением к человечеству. Данный вывод созвучен позиции Бердяева, который, как отмечалось, четко разграничивал патриотизм и агрессивный национализм. В русской философии укоренилось убеждение, что истинное служение своему народу не предполагает отрицания ценности других народов, а требует прежде всего глубоко пережитой любви к своей Родине и труда во благо ее прогресса. Патриот отдает Отечеству свою «страстную и священную» любовь, но не закрывается от духовного общения с остальным миром [9].

Высокий онтологический статус Отечества в сознании придает служению характер высшего смысложизненного ориентира. Служение воспринимается не как внешняя повинность, навязанная человеку, а как свободный и осмысленный выбор, через который личность реализует свое предназначение. Такое понимание превращает патриотизм в подлинно духовную ценность. В этом смысле патриотизм выполняет интегративную функцию: он служит формированию национальной идентичности и укреплению государственности, сплачивая общество

на основе разделяемых всеми высших целей. Патриотическое служение оказывается связующим звеном между индивидуальной моралью и общенациональным бытием, выводя человека за пределы частных интересов к действительно общему делу.

Таким образом, в социально-философском плане идея служения Отечеству обладает онтологическим статусом объединяющего начала общества и богатым аксиологическим содержанием, включающим нормы долга, чести, солидарности и любви к Родине. Этот идеал, закрепленный исторической традицией, сегодня вновь востребован как духовная опора развития российского общества.

Проведенный анализ подтверждает, что обращение к идее служения Отечеству в современной России является своевременным и концептуально обоснованным шагом. После десятилетий идеологических метаний и ценностного вакуума для возрождения патриотического идеала необходимы глубокие историко-философские основания. Политический дискурс в современной России ставит во главу угла укрепление суверенитета, единство и преемственность традиционных ценностей и находит поддержку в многовековой традиции, где служение Родине выступает нравственным императивом и условием существования народа. Таким образом, между актуальной государственной повесткой и онтологическими основаниями национальной культуры прослеживается глубокая преемственность.

Важно отметить, что возвращение к идеалам служения не означает этатизм и реставрацию устаревших догм. Напротив, речь идет о восстановлении ценностного стержня, без которого общество утрачивает внутреннюю солидарность и цель развития. Современные вызовы – от глобальной культурной унификации до сложной геополитической обстановки – предъявляют повышенные требования к гражданской сплоченности и духовной устойчивости нации. В этих условиях обращение к испытанным временем категориям долга, чести, верности Отечеству позволяет сформировать смысловые ориентиры, понятные и близкие широким массам. Патриотизм в его подлинном, философском понимании предлагает положительную программу созидательного единства – не против кого-то, а во имя общего блага и справедливости.

Социально-философский подход выявил, что идея служения Отечеству обладает универсальностью и гибкостью, позволяющей ей быть созвучной духу времени. Она способна интегрировать новые реалии (например, научно-технологический прогресс, информационное общество) на основе все тех же базовых принципов самоотдачи и солидарности. Однако для этого важно наполнить государственно-патриотический дискурс подлинным содержанием, избежать превращения его в формальную риторику. Особую актуальность в данном случае приобретает актуализация патриотизма и идеи служения Отечеству в образовательной среде, с привлечением глубокого философского контекста [10, с. 58–66].

Именно философское осмысление (онтологическое и аксиологическое) призвано предотвратить профанацию идеала. Если служение Родине понимается лишь как требование со стороны государства, не подкрепленное личностным смыслом и ощущением справедливости, оно рискует остаться внешним лозунгом. Напротив, осознание онтологических основ (неразрывной связи «я» и Родины) и глубинных ценностей патриотизма (любви, жертвенности, стремления к правде и благу) способно вдохнуть в этот идеал реальную жизнь.

Для современной России идея служения Отечеству выступает своеобразным духовным каркасом, который может соединить разные слои общества, разные поколения и мировоззрения. В ней сходятся интересы государства (обеспечение безопасности, суверенитета) и устремления личности (поиск смысла, желание быть частью чего-то большего). Через служение реализуется диалектическое единство личного и общего: человек находит в служении Родине свое высшее предназначение, а нация через объединенные усилия индивидов достигает процветания. Такой социальный идеал особенно актуален сейчас, когда требуется консолидация перед лицом сложных внешних и внутренних вызовов.

Подводя итог, можно констатировать: обращение к идее служения Отечеству отвечает насущным потребностям современной России. Оно восполняет духовно-нравственный вакуум, укрепляет ценностное единство общества и придает государственному курсу глубинную мировоззренческую опору. Как показало историко-философское рассмотрение, данный идеал укоренен во внутренней традиции и способен эволюционировать, избегая крайностей шовинизма или превращения в пустой лозунг. В философском и практическом измерении возрождение смысла служения Родине означает движение к целостному обществу, опирающемуся на лучшие образцы своей истории и открыто устремленному в будущее.

Список источников

1. Калмыков В.В. Служение Отечеству и патриотизм в системе ценностей допризывной молодежи современной России: дис. … канд. филос. наук. Краснодар, 2009.
2. Тумин А.Ю. Концептуализация идеи служения Отечеству в философии античности // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2025. № 1. Т. 50.
3. Плотников В.В. Категория времени в онтологии права // Общество и право. 2022. № 4(82).
4. Плотников В.В. Концептуальный анализ как методологическое основание «философии процесса» // Философия и наука в условиях глобальных изменений: сб. научных статей / под общ. ред. М.И. Даниловой. Краснодар, 2018.
5. Перевезенцев С.В. [и др.]. Отечество: от прозаического смысла до главнейшей духовно-политической ценности российской цивилизации // Всемирный Русский Народный Собор, 2021. URL: https://vrns.ru/news/otechestvo-nakhoditsya-ne-v-geografii-/ (дата обращения: 22.04.2025).
6. Лосский Н.О. История русской философии. М., 1991.
7. Бердяев Н.А. О современном национализме // Русские записки. Общественно-политический и литературный журнал. 1938. № 3.
8. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999.
9. Ильин И.А. Теория права и государства. Глава X. О патриотизме. URL: https://studfile.net/preview/21449699/page:47/B (дата обращения: 10.05.2025).
10. Исакова Н.В. Отношение к информации в образовательной деятельности как социокультурная проблема: исторические аспекты и современные особенности / Н.В. Исакова, Н.В. Плотников, Е.В. Яковлева // Наследие веков. 2023. № 1(33).

References

1. Kalmykov V.V. Service to the Fatherland and Patriotism in the Value System of Pre-Conscription Youth in Modern Russia: Diss. … PhD in Philosophy. Krasnodar, 2009.
2. Tumin A.Yu. Conceptualization of the Idea of Service to the Fatherland in the Philosophy of Antiquity // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2025. № 1. Vol. 50.
3. Plotnikov V.V. The Category of Time in the Ontology of Law // Society and Law. 2022. № 4(82).
4. Plotnikov V.V. Conceptual Analysis as a Methodological Basis for the «Philosophy of the Process» // Philosophy and Science in the Context of Global Change: Collection of Scientific Articles / edited by M.I. Danilova. Krasnodar, 2018.
5. Perevezentsev S.V. [and others]. Fatherland: from prosaic meaning to the main spiritual and political value of Russian civilization // World Russian People's Council, 2021. URL: https://vrns.ru/news/otechestvo-nakhoditsya-ne-v-geografii-/ (date of access: 22.04.2025).
6. Lossky N.O. History of Russian philosophy. Moscow, 1991.
7. Berdyaev N.A. On modern nationalism // Russkie zapiski. Socio-political and literary journal. 1938. № 3.
8. Panarin A.S. Russia in the cycles of world history. Moscow, 1999.
9. Ilyin I.A. Theory of law and state. Chapter X. On patriotism. URL: https://studfile.net/preview/21449699/page:47/B (date of access: 10.05.2025).
10. Isakova N.V. Attitude to information in educational activities as a socio-cultural problem: historical aspects and modern features / N.V. Isakova, N.V. Plotnikov, E.V. Yakovleva // Heritage of the centuries. 2023. № 1 (33).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотников Валерий Валерьевич, *кандидат философских наук, доцент кафедры философии. Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.*

Тумин Александр Юрьевич, *кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры философии. Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. 117997, Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Plotnikov Valery Valerievich, *PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy. Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinin St., Krasnodar 350044 Russian Federation.*

Tumin Alexander Yuryevich, *PhD in Law, Deputy Head of the Philosophy Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. 12, Akademika Volgina St., Moscow 117997 Russian Federation.*

Философия права. 2025. № 2 (113). – С. 235–239.
Philosophiya prava. 2025. № 2 (113). – Pp. 235–239.

Научная статья
УДК 340.12:141.319.8

ОБРАЗ ПОЛИЦЕЙСКОГО В КОНТЕКСТЕ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Исмаилов Анвар Юрьевич
Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, auisma@gmail.com

Введение: *исследуется профессиональная идентичность полицейских через философско-антропологический подход в контексте принципа добросовестности.*

Материалы и методы: *применены историко-философский и герменевтический анализ, концепции социальной идентичности.*

Результаты исследования: *выявлены противоречия между личной идентичностью и этическими требованиями профессии, определена роль добросовестности как нормативной основы.*

Выводы и заключения: *профессиональная идентичность формируется на пересечении личных ценностей, организационной культуры и общественных ожиданий, с добросовестностью как ключевым этическим элементом.*

Ключевые слова: *профессиональная идентичность, добросовестность, этика правоохранительной деятельности, нарративная идентичность, деонтологические принципы, правоохранительная деятельность.*

Для цитирования: Исмаилов А. Ю. *Образ полицейского в контексте добросовестности: философско-антропологический анализ профессиональной идентичности / А. Ю. Исмаилов // Философия права : науч.-теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2025. № 2 (113). – С. 235–239.*

Original paper

THE IMAGE OF A POLICE OFFICER IN THE CONTEXT OF GOOD FAITH: A PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF PROFESSIONAL IDENTITY

Ismailov Anvar Yurievich
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: *the professional identity of police officers is examined through a philosophical and anthropological approach in the context of the principle of integrity.*

Materials and methods: *historical, philosophical and hermeneutic analysis, concepts of social identity are used.*

Results of the study: *contradictions between personal identity and the ethical requirements of the profession are revealed, the role of integrity as a normative basis is determined.*

Findings and conclusions: *professional identity is formed at the intersection of personal values, organizational culture and public expectations, with integrity as a key ethical element.*

Keywords: *professional identity, integrity, ethics of law enforcement, narrative identity, deontological principles, law enforcement.*

For citation: Ismailov A. Yu. *The image of a police officer in the context of good faith: a philosophical-anthropological analysis of professional identity / A. Yu. Ismailov // Philosophiya Prava : scientific-theoretical journal. Rostov-on-Don. 2025. № 2 (113). – Pp. 235–239.*

Философско-антропологический подход к исследованию профессиональной идентичности сотрудников правоохранительных органов приобретает особую актуальность в современных условиях трансформации общественных отношений, пересмотра роли государственных институтов и возрастающих требований к этическим стандартам представителей власти. Диалектическое взаимодействие между личной идентичностью и этикой представляет собой фундаментальную область философского исследования, приобретающую значимость в контексте идентичности сотрудника правоохранительных органов. Концепция добросовестности играет ключевую роль в данном анализе, выступая одновременно нормативным фундаментом этического поведения и правовой гарантией для сотрудников, действующих в пределах своих профессиональных полномочий. Продолжающаяся дискуссия о добросовестности в деятельности полиции выявляет фундаментальные противоречия, особенно в условиях поляризации общественных представлений о морали и справедливости, когда действия полиции интерпретируются через бинарную оппозицию добра и зла.

Исследование идентичности сотрудников полиции подразумевает историко-философский контекст, подчеркивающий эволюцию методов правоохранительной деятельности и их влияние на современную работу полиции. Такая герменевтическая установка включает в себя критическую рефлексию культурных детерминант, обусловивших эволюцию правоохранительной деятельности [5, с. 91]. В историческом контексте подготовка сотрудников осуществлялась в парадигме «милитаризованного мышления», символизирующего их функцию защитников общественного порядка. Отметим, что деятельность полиции претерпела существенную трансформацию на протяжении столетий под влиянием многообразных культурных, социальных и политических факторов. В ранних общественных формациях правоохранительная функция реализовывалась преимущественно неформально, опираясь на коллективное участие членов сообщества в поддержании социального порядка. По мере усложнения социальной архитектоники и расширения антропогенного пространства возникла объективная необходимость в структурировании полицейской деятельности, что привело к институционализации формальных правоохранительных органов [8].

На рефлексивную практику деятельности полиции оказали существенное влияние различные теоретико-методологические концепции, среди которых можно отметить типологию правоохранительного поведения Джеймса К. Уилсона, классифицирующего стили работы полиции на основании социального контекста и организационных приоритетов; девять принципов правоохранительной деятельности Р. Пиля, признанных в англо-саксонской правовой традиции концептуальным основанием современной работы полицейского. Уилсон, например, предложил три принципиально различные модели полицейской деятельности, а именно: легалистскую модель, ориентированную на строгое правоприменение в районах с высоким уровнем криминогенности; сторожевую модель, направленную на поддержание порядка в относительно благополучных районах; и сервисную модель, преимущественно реализуемую в пригородных территориях. Что же касается практической реализации принципов Р. Пиля, то указанный праксис обнаруживает значительные дивергенции, особенно в американском контексте XIX века, где контроль над преступностью носил дискриминационный характер по отношению к этническим меньшинствам [9]. Указанная проблема (различные аспекты негативного отношения к полиции) также характерна для российской действительности [6, с. 117]. В современных условиях наблюдается парадигмальный сдвиг в направлении более партисипативного подхода, способствующий преодолению авторитарных установок в правоохранительной деятельности [13].

Таким образом, историческая эволюция полицейской деятельности представляет собой не только феноменологическое описание изменения правоохранительных практик, но и рефлексию более глубинных социальных противоречий, продолжающих оказывать влияние на профессиональную идентичность сотрудников полиции в современных условиях. Понимание этой исторической диалектики имеет принципиальное значение для формирования деонтологических оснований полицейской этики, утверждающей приоритет служения обществу и партисипативного взаимодействия с различными социальными группами.

Концепции социальной идентичности и самокатегоризации предполагают, что у сотрудников полиции формируется глубинная идентификация с их профессиональными ролями, оказывающая существенное влияние на самовосприятие и поведенческие паттерны [1, с. 26]. Профессиональная идентичность сотрудников правоохранительных органов в современном социокультурном дискурсе все чаще становится объектом критической рефлексии в контексте актуальных общественных дилемм, особенно в отношении фундаментальных аксиологических категорий добра и зла. «Профессиональная идентичность, будучи важным компонентом в структуре социальной идентичности, формируется в ходе личностного и профессионального становления и оказывает влияние на многие аспекты жизни человека, обладая

тем самым интегративным потенциалом» [3, с. 75]. Продолжающиеся общественные дебаты относительно правоохранительной деятельности нередко артикулируются в таких проблемных полях, как политическая поляризация, институциональная подотчетность и этические императивы профессионального поведения.

При рассмотрении теоретико-методологического фундамента осмысления идентичности необходимо обратиться к различным эпистемологическим подходам. Один из таких подходов исходит из признания того, что наши интуитивные представления о личностной идентичности характеризуются внутренней противоречивостью, разрешение которой требует не простого согласования конфликтующих интуиций, но их критического переосмысления. Данный методологический принцип признает имманентную сложность дискурса о личностной идентичности и его этических импликациях, что обусловливает необходимость разработки фундаментальной теоретической структуры, способной интегрировать этические аспекты профессиональных ролей [10].

Согласно концепции ДеГразии (DeGrazia), опирающегося на труды П. Рикёра, нарративная идентичность фундирована сохранением нумерической идентичности во временной перспективе, что конституирует основание для практических философских проблем, таких как рациональное ожидание и забота о себе. Следовательно, постижение диалектики взаимодействия этих модусов идентичности имеет принципиальное значение для анализа деонтологических обязательств сотрудников полиции, от которых ожидается поддержание моральной целостности и ответственности на протяжении всей профессиональной траектории [11]. Кроме того, принципиальное значение имеет экспликация того, как эти философские рефлексии пересекаются с праксеологическими реалиями правоохранительной деятельности. Этические следствия теорий личностной идентичности могут трансформировать восприятие ответственности в правоохранительной сфере, особенно в отношении принципов добросовестности, справедливости и моральной ответственности, конституирующих профессиональную идентичность сотрудника полиции. Осмысление личностной идентичности через эту философскую призму позволяет получить более глубокое понимание того, как этические рамки формируют поведенческие паттерны и деонтологические обязанности сотрудников полиции в социуме.

Антропологический подход обеспечивает нюансированное понимание личностной идентичности, акцентируя социальные измерения человеческого бытия. Данная концепция исходит из того, что человек не представляет собой изолированную монаду, но конституируется его социокультурным окружением, интерсубъективными отношениями и общественными экспектациями. Этот теоретический ракурс подчеркивает значимость контекстуальных детерминант, в которых реализуется деятельность сотрудников правоохранительных органов, демонстрируя, как их профессиональные идентичности конструируются посредством социальных интеракций, институциональных структур и культурных норм [11]. Философско-антропологический анализ позволяет выявить глубинные основания профессиональной идентичности и определить пути ее гармонизации с меняющимися общественными запросами [2].

Профессиональная идентичность сотрудников полиции сталкивается с многочисленными этическими вызовами, связанными с необходимостью соблюдения принципов справедливости и добросовестности в условиях общественного давления и политической поляризации. Эти вызовы усиливаются в контексте современных социальных трансформаций, где ожидания общества относительно поведения правоохранительных органов становятся все более сложными и противоречивыми. Добросовестность, как ключевой элемент профессиональной идентичности, требует от сотрудников полиции не только строгого соблюдения нормативных требований, но и способности к моральной рефлексии, направленной на осознание последствий своих действий для общества.

В философско-антропологическом плане принцип добросовестности выступает как экзистенциальная характеристика профессиональной идентичности полицейского, определяющая его отношение к собственной деятельности и к обществу. Это не просто нормативное требование, но и способ бытия, который интегрирует профессиональные обязанности в структуру личности, превращая их из внешних предписаний во внутренние мотивации. Такая интеграция является ключевым условием формирования аутентичной профессиональной идентичности, которая не противоречит личностным ценностям и убеждениям сотрудника. Особую значимость принцип добросовестности приобретает в ситуациях морального выбора, когда полицейский сталкивается с конфликтом между различными ценностями или обязанностями. В таких ситуациях добросовестность выступает как внутренний ориентир, позволяющий сделать выбор, соответствующий не только букве закона, но и его духу, а также общим принципам справедливости и уважения к человеческому достоинству.

Понятие добросовестности в правоохранительной деятельности связано с представлениями о справедливости, моральной ответственности и профессиональном дол-

ге. В философской антропологии добросовестность рассматривается как сущностная характеристика человеческого бытия, проявляющаяся в способности следовать нравственным принципам независимо от внешних обстоятельств и личной выгоды. Применительно к профессиональной идентичности полицейского добросовестность становится тем нормативным основанием, которое определяет границы допустимого в реализации властных полномочий и формирует этос служения обществу [4, с. 94].

В современном социально-философском дискурсе категории добра и зла перестают быть исключительно теоретическими абстракциями, трансформируясь в конкретные нормативные рамки, посредством которых осуществляется оценка правоохранительной практики и институциональной политики. Политическая поляризация общества становится детерминирующим фактором, при котором различные социальные группы интерпретируют свои позиции в отношении правоохранительной деятельности как морально обоснованные, в то время как альтернативные точки зрения категоризируются как фундаментально противоречащие моральным принципам. Подобная дихотомическая эпистемология существенно затрудняет формирование конструктивного диалога и потенциально способствует эскалации социальной напряженности между правоохранительными институтами и сообществами, в интересах которых они функционируют. Поэтому добросовестность представляет собой фундаментальный деонтологический принцип в сфере правоохранительной деятельности, выступающий в качестве нормативного ориентира для сотрудников полиции в процессе выполнения их повседневных служебных обязанностей. Данная концепция укоренена в таких аксиологических категориях, как честность, ответственность, искреннее стремление к общественному служению и защите социума.

В контексте правоохранительной деятельности принцип добросовестности предполагает, что сотрудники действуют, руководствуясь честными намерениями и стремясь проявлять равное уважение и внимание ко всем гражданам, вне зависимости от их расовой принадлежности, гендерной идентичности или социального статуса. Этот принцип не только способствует реализации идеи справедливости, но и конституирует чувство моральной ответственности среди сотрудников полиции, ориентируя их на принятие этически обоснованных решений, отражающих приоритет общественных интересов [12].

Однако имплементация данного принципа предполагает достижение тонкого баланса: с одной стороны, он обеспечивает определенную дискреционную свободу в процессе принятия решений, с другой – требует высокой степени ответственности для предотвращения потенциальных злоупотреблений властью или преднамеренных правонарушений [7]. Принцип добросовестности является не только этическим ориентиром для сотрудников полиции, но и важным элементом легитимности их деятельности в глазах общества. В условиях кризиса доверия к государственным институтам добросовестность становится тем связующим звеном, которое помогает восстановить баланс между общественными ожиданиями и реальными действиями правоохранительных органов. Этот принцип требует от сотрудников полиции проявления честности, ответственности и уважения к правам граждан.

Таким образом, на процесс формирования профессиональной идентичности сотрудника полиции значительное влияние оказывают институциональная политика и организационная культура, в контексте которых реализуется его деятельность. Интегративный подход к организационной политике является необходимым условием для поддержки сотрудников в процессе конструирования их профессиональной идентичности. Философско-антропологический анализ идентичности полицейского в контексте добросовестности акцентирует насущную потребность в этических рамках, направляющих правоохранительную деятельность при преодолении экзистенциальных противоречий профессиональной роли. Он призывает к рефлексивному анализу ценностных оснований полицейской деятельности, необходимости диалогического взаимодействия с обществом и значимости нравственной ответственности в решении современных социальных вызовов. Профессиональная идентичность полицейского формируется на пересечении личностных ценностей, организационной культуры и общественных ожиданий. Принцип добросовестности выступает ключевым элементом этой идентичности, обеспечивая легитимность полицейской деятельности и определяя этические параметры профессионального образа.

Список источников

1. Канунников Р.И. Развитие профессиональной идентичности сотрудников органов внутренних дел с различным локусом контроля // Психолог. 2023. № 3.

References

1. Kanunnikov R.I. Development of professional identity of employees of internal affairs bodies with different locus of control // Psychologist. 2023. № 3.

2. Козлова Т.А. Тандем философской антропологии и философии образования как почва формирования профессиональной идентичности // Вестник Мининского университета. 2023. № 2(43). Т. 11.
3. Нор-Аревян О.А. Профессиональная идентичность как предмет научно-исследовательских практик // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 11.
4. Овсянникова Т.А. Проблема репрезентативного восприятия образа сотрудника полиции в современном обществе // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 12-3(102).
5. Резчикова В.В. Проблема идентичности: философско-антропологический анализ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. Т. 2.
6. Тюнь А.П. Проблема преодоления негативных форм отношения к полиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2022. № 3(304).
7. Gierszewski J., Sokołowski M., Gudzbeler G. The Professional Identity of Police Officers. URL: https://clck.ru/3JLfjA (дата обращения: 06.02.2025).
8. Jones N. L. Police Identity and The Role of Media in a Contemporary Society: a Look at the Personal and and Professional Effect on Law Enforcement. URL: https://clck.ru/3JLmmp (дата обращения: 09.03.2025).
9. Ojeagbase O. Strengthening Public Trust in Law Enforcement: the Role of Ethical Leadership and Accountability. URL: https://clck.ru/3JLypZ (дата обращения: 12.02.2025).
10. Paxton M., Strauss R. Cultural Diversity and Cultural Competency for Law Enforcement. URL: https://clck.ru/3JM68X (дата обращения: 06.02.2025).
11. Personal Identity and Ethics. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://clck.ru/3JLWaP (дата обращения: 06.03.2025).
12. Police Culture: Understanding, Challenges & Reform. URL: https://clck.ru/3JLZfw (дата обращения: 07.03.2025).
13. Preddy J. Police Professional Responsibility as an Organizational Practice. URL: https://clck.ru/3JM44L (дата обращения: 12.02.2025).

2. Kozlova T.A. Tandem of philosophical anthropology and philosophy of education as the basis for the formation of professional identity // Bulletin of Minin University. 2023. № 2(43). Vol. 11.
3. Nor-Arevyan O.A. Professional identity as a subject of scientific research practices // Social and humanitarian knowledge. 2016. № 11.
4. Ovsyannikova T.A. The problem of representative perception of the image of a police officer in modern society // International Research Journal. 2020. № 12-3(102).
5. Rezchikova V.V. The problem of identity: philosophical and anthropological analysis // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2015. № 3. V. 2.
6. Tyun' A.P. The Problem of Overcoming Negative Forms of Attitude to the Police // Bulletin of Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies. 2022. № 3(304).
7. Gierszewski J., Sokołowski M., Gudzbeler G. The Professional Identity of Police Officers. URL: https://clck.ru/3JLfjA (date of access: 06.02.2025).
8. Jones N. L. Police Identity and The Role of Media in a Contemporary Society: a Look at the Personal and and Professional Effect on Law Enforcement. URL: https://clck.ru/3JLmmp (date of access: 09.03.2025).
9. Ojeagbase O. Strengthening Public Trust in Law Enforcement: the Role of Ethical Leadership and Accountability. URL: https://clck.ru/3JLypZ (date of access: 12.02.2025).
10. Paxton M., Strauss R. Cultural Diversity and Cultural Competency for Law Enforcement. URL: https://clck.ru/3JM68X (date of access: 06.02.2025).
11. Personal Identity and Ethics. Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: https://clck.ru/3JLWaP (date of access: 06.03.2025).
12. Police Culture: Understanding, Challenges & Reform. URL: https://clck.ru/3JLZfw (date of access: 07.03.2025).
13. Preddy J. Police Professional Responsibility as an Organizational Practice. URL: https://clck.ru/3JM44L (date of access: 12.02.2025)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Исмаилов Анвар Юрьевич, *кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.*

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ismailov Anvar Yuryevich, *PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.*

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронному адресу: vkovalchuk8@mvd.ru (тел.: (863) 207-86-34). Автором (авторами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического журнала «Философия права».

1.1. На бумажном носителе (на листах формата А4 с одной стороны). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть обязательно подписана автором (-ами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполняются в текстовом редакторе Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см). Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилию, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученую степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором (-ами) можно связаться) и ORCID id автора (при наличии).

3.4. Аннотацию (рекомендуемый средний объем аннотации – 500 печатных знаков, которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в п.п. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами).

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (в том числе переведенные на английский язык) (ГОСТ 7.32–2001, ГОСТ Р 7.07–2021). Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – *jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

Список источников, который размещается в конце статьи, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 и ГОСТ Р 7.0.108-2022. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНиПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий статья опубликована не будет!